

ЧАСТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

16+
ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ

ОМСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ
**НАУКА О ЧЕЛОВЕКЕ:
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Научный журнал
Издаётся с декабря 2007 года
Выходит четыре раза в год

№ 2 (36)
29 июня 2019 г.
DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36

Учредитель: Омская гуманитарная академия

Главный редактор – *А. Э. Еремеев*, доктор филологических наук, профессор,
ректор ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия»

Редакционная коллегия:

Е. А. Акелькина – доктор филологических наук, профессор;
Л. О. Бутакова – доктор филологических наук, профессор;
В. А. Евдокимов – доктор политических наук, профессор;
Г. В. Косяков – доктор филологических наук, профессор;
Е. В. Лопанова – доктор педагогических наук, профессор;
О. Ю. Патласов – доктор экономических наук, профессор;
И. В. Роберт – академик РАО, доктор педагогических наук, профессор;
С. Н. Рягин – доктор педагогических наук, профессор.

Выпускающий редактор *О. В. Попова*, кандидат филологических наук, доцент
Редактор, ответственный секретарь *Д. К. Саитматова*
Корректоры *Л. В. Калугина, Д. А. Юдина*
Компьютерная верстка *Д. К. Саитматовой*

В оформлении обложки использована фотография скульптуры Огюстена Пажу «Каллиопа» (ок. 1763 г.).

Рукописи подвергаются редакционной обработке. Точки зрения авторов и редакционной коллегии могут не совпадать.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ55-00557 от 03.04.2017 выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Омской области.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 43161.

Журнал «Наука о человеке: гуманитарные исследования» включён в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Ссылки на журнал при цитировании обязательны.

Цена свободная.

ISSN 1998-5320

DOI 10.17238/issn1998-5320

© Омская гуманитарная академия, 2019

Адрес редакции и издателя: 644105, Омская область, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Тел./факс 28 47 37. E-mail: nou_ogu@mail.ru, <http://journal.omg.a.su>

Подписано в печать 24.06.2019. Формат 60×84/8. Уч.-изд. л. 19. Печ. л. 28.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100). Заказ 42.

Полиграфический центр издательства ОмГА.
644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а.

Издание включено в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук

Издание включено в Базу данных ВИНТИ РАН, ежегодно подающую сведения в мировую справочную систему по периодическим изданиям «Ulrich's Periodicals Directory» о реферировании журнала в Реферативном журнале ВИНТИ РАН

PRIVATE ESTABLISHMENT
AN EDUCATIONAL

INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION

OMSK HUMANITARIAN ACADEMY

THE SCIENCE OF PERSON: HUMANITARIAN RESEARCHES

Scientific journal
Published since December 2007
Issued four times a year

No. 2 (36)
29 June 2019
DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36

Chief Editor – *A. E. Eremeev*, Doctor of Philology, Professor

Editorial staff:

E. A. Akelkina – Doctor of Philology, Professor;
L. O. Butakova – Doctor of Philology, Professor;
V. A. Evdokimov – Doctor of Political Science, Professor;
G. V. Kosyakov – Doctor of Philology, Professor;
E. V. Lopanova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;
O. Yu. Patlasov – Doctor of Economy Sciences, Professor;
I. V. Robert – Academician of the Russian Academy of Education,
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor;
S. N. Ryagin – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Managing editor *O. V. Popova*, Candidate of Philology, Associate Professor
Editor, executive secretary *D. K. Saitmametova*
Proof-reader *L. V. Kalugina, D. A. Yudina*
Computer-aided makeup *D. K. Saitmametova*

Manuscripts are subjected to the editorial processing.
The viewpoints of the authors and the editorial board may not coincide.
The registration certificate PI No. TU55-00557 dated 03/04/2017 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media in Omsk Region.
Subscription index in the catalog "Russian Press" 43161.
The journal "The science of person: humanitarianresearches" is included in the system of Russian science citation index (RINTS).
References to the journal citation are required.
Free price.

ISSN 1998-5320

DOI 10.17238/issn1998-5320

© OMSK HUMANITARIAN ACADEMY, 2019

The periodical is included in the List of Russian reviewed scientific journals publishing basic scientific results of dissertations for scientific degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The journal is included in VINITI database, which annually provides information on the abstracting of the journal in VINITI's Abstracts Journal to the global reference system "Ulrich's Periodicals Directory"

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Катаев Владимир Борисович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, председатель Чеховской комиссии Совета по истории мировой культуры РАН (с 1996 г.).

Лебедева Ольга Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Томского государственного университета, лауреат Государственной премии РФ, почётный работник высшего профессионального образования.

Лозовский Борис Николаевич, доктор филологических наук, профессор, директор департамента «Факультет журналистики» Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина.

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, декан факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Викторович Владимир Александрович, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Государственного социально-гуманитарного университета (г. Коломна Московской области). Вице-президент Российского общества Достоевского, председатель правления НП «Заповедное Даровое», член редколлегии словаря «Русские писатели. 1800 – 1917».

Ван Лие, Dr. Habil. Philol., профессор Пекинского университета иностранных языков, Института русского языка (Китай), член правления Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, член Международного сообщества писателей (СПб.), член редакционного совета Тайваньского научного журнала «Вопросы изучения русского языка, истории и культуры России», член редакционной коллегии международного научного журнала “Cross Cultural Studies. Education and Science”, Член Тургеневского общества (Москва) и член диссовета Восточного факультета СПбГУ.

Стефано Алое, Dr. Habil. Philol., профессор Университета Вероны, заместитель председателя международного общества Ф. М. Достоевского.

Сюзанна Франк, Dr. Habil. Philol., заведующая кафедрой русского языка и литературы Берлинского Гумбольдт-университета.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бережнова Елена Викторовна, доктор педагогических наук, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Далингер Виктор Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и методики обучения математике Омского государственного педагогического университета. Награждён знаком «Заслуженный работник высшей школы РФ».

Донских Олег Альбертович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и гуманитарных наук Новосибирского государственного университета экономики и управления.

Досанова Сая Сабировна, доктор педагогических наук, профессор, первый вице-президент Кокшетауского университета им. Абая Мырзахметова (г. Кокшетау, Республика Казахстан), заслуженный деятель Республики Казахстан, почётный работник образования Республики Казахстан, обладатель нагрудного знака «Ы. Алтынсарин», член Международной академии информатизации.

Загвязинский Владимир Ильич, действительный член РАО, доктор педагогических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий академической кафедрой методологии и теории социально-педагогических исследований Тюменского государственного университета, член научно-редакционного совета и редколлегии «Большой Тюменской энциклопедии».

Звонников Виктор Иванович, доктор педагогических наук, профессор, генеральный директор Ассоциации организаций по развитию управленческого образования, член Совета Минобрнауки России по программе МРА, член Комитета Торгово-промышленной палаты РФ по содействию профессиональному и бизнес-образованию.

Лапчик Михаил Павлович, действительный член (академик) РАО, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой информатики и методики обучения информатике Омского государственного педагогического университета.

Ромм Татьяна Александровна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии Института истории, гуманитарного, социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

Рыжаков Михаил Викторович, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, директор Института содержания и методов обучения РАО, академик-секретарь Отделения общего среднего образования, председатель Совета по защите докторских и кандидатских диссертаций по специальностям: 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования; 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания.

Смолин Олег Николаевич, академик РАО, доктор философских наук, председатель Общероссийского общественного движения «Образование – для всех», заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, первый заместитель председателя Комитета по образованию ГД РФ. Награждён медалью им. К. Д. Ушинского.

Чечель Ирина Дмитриевна, доктор педагогических наук, профессор, Институт управления образованием РАО, лауреат Премии Президента РФ в области образования. Награждена медалью им. К. Д. Ушинского. Почётный работник высшего профессионального образования.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Апенько Светлана Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой инновационного и проектного управления Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Апсалямов Надирбек Апсалямович, доктор экономических наук, профессор, президент Казахстанского инновационного университета (г. Семей), Академик академии педагогических наук Республики Казахстан, Академик академии естественных наук Республики Казахстан, почётный работник образования РК. Отмечен знаками «Отличник образования Казахской ССР», «Отличник образования СССР», удостоен медали INSAM «За безупречную деловую репутацию», международных наград – имени Сократа и «Европейское качество».

Атышов Кобоген Атышович, доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе и государственному языку Кыргызского экономического университета имени Мусы Рыскулбекова (г. Бишкек, Республика Кыргызстан). Имеет почётную грамоту Кыргызской Республики, наградной знак ЕврАзЭС. Отличник образования Кыргызской Республики. Отличник Финансово-экономической службы КР. Отличник Профсоюза образования и науки. Имеет юбилейную медаль «90-летия Министерства финансов КР». Получил премию «Идейный прорыв» (2013).

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета, почётный работник высшего профессионального образования.

Зайцева Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой финансов и аудита Сибирского университета потребительской кооперации, член двух диссертационных советов, член-корреспондент САН ВШ.

Кисель Роман, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой хозяйственной и региональной политики Варминско-Мазурского университета в г. Ольштыне (Польша).

Ушаков Денис Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Университет Суан Суанхда Раджабхат, (г. Бангкок, Таиланд).

Ромат Евгений Викторович, доктор наук государственного управления, профессор Киевского национального торгово-экономического университета (Украина), академик Академии экономических наук Украины, председатель Союза рекламистов Украины.

Чимпоеш Драгош, доктор экономических наук, профессор Государственного аграрного университета (г. Кишинёв, Республика Молдова), заместитель министра Молдовы.

Шумакова Оксана Викторовна, доктор экономических наук, доцент, ректор Омского государственного аграрного университета им. П. А. Столыпина.

EDITORIAL BOARD

PHILOLOGICAL SCIENCE

Kataev Vladimir Borisovich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Literature History at the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University of the Russian Federation, Chairman of The Chekhov Commission under the Council on the History of World Culture of the Russian Academy of Sciences (since 1996).

Lebedeva Olga Borisovna, Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature of the National Research Tomsk State University, laureate of the State Prize of the Russian Federation, honorary worker of Higher Professional Education.

Lozovsky Boris Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor, Director of the Department of “Faculty of Journalism” of the Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Issers Oksana Sergeevna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dean of the Faculty of Philology and Media Communications of Dostoevsky Omsk State University.

Viktorovich Vladimir Aleksandrovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature at the State University for Social Sciences and Humanities (Kolomna, Moscow Region). Vice-President of the Russian Dostoevsky Society, Chairman of the “Zapovednoye Darovoye” non-commercial partnership, member of the editorial board of the “Russian Writers. 1800 – 1917 dictionary”.

Van Lie, Dr. Habil. Philol., Professor of Beijing University of Foreign Languages and of Russian Language Institute (China), member of the board of China Association on the research of the Russian literature, member of the International community of writers (St. Petersburg), member of the editorial board of the Taiwan scientific journal “The studies of Russian language, history and culture of Russia”, Member of the editorial board of international scientific journal “Cross Cultural Studies. Education and Science”, Member of the Turgenev Society (Moscow) and a member of the dissertational board of the Eastern Faculty of St. Petersburg State University.

Stefano Aloe, Dr. Habil. Philol., Professor at the University of Verona, Vice-President of International Dostoevsky Society.

Susanne Frank, Dr. Habil. Philol., Head of the Department of Russian Language and Literature, Berlin Humboldt University.

PEDAGOGICAL SCIENCE

Berezhnova Elena Viktorovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Dalinger Victor Alekseevich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Teaching Mathematics of Omsk State Pedagogical University, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation.

Donskih Oleg Albertovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Novosibirsk State University of Economics and Management.

Dosanova Saya Sabirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, First Vice-President of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Republic of Kazakhstan), Honored Worker of the Republic of Kazakhstan, Honorary Worker of Education of the Republic of Kazakhstan, holder of the breastplate “Y. Altynsarin”, a member of the International Informatization Academy.

Zagvyazinskiy Vladimir Ilyich, Full Member of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, Head of the Academic Department of Methodology and Theory of Socio-Pedagogical Research of Tyumen State University, member of the Scientific Editorial Board and the Editorial Board of the “Great Tyumen Encyclopedia”.

Zvonnikov Viktor Ivanovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, General Director of the Association of Management Education Development, member of the Board Ministry of Education and Science in the MPA program, member of Committee of Commerce and Industry Chamber of the Russian Federation for Promotion of Professional and Business Education.

Lapchick Mikhail Pavlovich, Full Member (Academician) of Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Informatics and Methodology of Teaching Computer Science of Omsk State Pedagogical University, Director of the Omsk Scientific Center of RAE.

Romm Tatyana Aleksandrovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University.

Ryzhakov Mikhail Viktorovich, Academician of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Institute of Content and Methods of Teaching of the Russian Academy of Education, Academician-Secretary of the Department of General Secondary Education, Chairman of the Doctoral and Candidate Dissertation Council: 13.00.01 – General Pedagogics, History of Pedagogics and Education; 13.00.02 – Theory and Methodology of Education and Upbringing.

Smolin Oleg Nikolaevich, Corresponding Member of Russian Academy of Education, Doctor of Philosophical Sciences, Head of All-Russia Public Movement “Education for all”, honored worker of Higher School of the Russian Federation, First Deputy Chairman of the Education Committee of the State Duma of the Russian Federation, awarded the Ushinsky medal.

Chechel Irina Dmitrievna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Institute of Management Education of RAE, Winner of the Presidential Prize in the field of education, awarded the Ushinsky medal. Honored Worker of Higher Professional Education.

ECONOMIC SCIENCE

Apen`ko Svetlana Nikolaevna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of “Innovation and Project Management” Department of Dostoevsky Omsk State University.

Apsalyamov Nadirbek Apsalyamovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, President of the Kazakh Innovative University (Semei), honorary worker of Education of Kazakhstan. Honored with “Excellent Worker in Education of the Kazakh SSR”, “Excellent Worker in Education of the USSR”, awarded INSAM medal “For an Impeccable Business Reputation”, international Socrates Award and the “European Quality” Award.

Atyshov Kobogen Atyshovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Vice-Rector for Research and External Affairs of the Kyrgyz Economic University (Bishkek, Republic of Kyrgyzstan). Holder of the Republic of Kyrgyzstan Honorary Diploma, the EurAsEC award sign. Excellent Worker in Education of the Kyrgyz Republic. Excellent Worker of the Financial and Economic Service of the Republic of Kyrgyzstan. Excellent Worker of the Education and Science Trade Union. awarded the “90th anniversary of the Finance Ministry of the Republic of Kyrgyzstan” jubilee medal. Winner of the “Breakthrough Initiatives” prize (2013).

Belyaev Viktor Ivanovich, Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics, Entrepreneurship and Marketing of Altai State University, honored worker of Higher Professional Education.

Zaitseva Olga Petrovna, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of Finance and Audit Department, Head of Department of Accounting and Finance of Siberian University of Consumer Cooperatives, a member of two dissertational councils.

Kisel Roman, Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Regional Policy of the University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Poland).

Ushakov Denis Sergeevich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok Thailand).

Romat Evgeny Viktorovich, Doctor of Sciences in Public Administration, Professor of the Kiev National Trade and Economic University (Ukraine), Academician of Academy of Economic Sciences of Ukraine, Chairman of the Union of Advertisers of Ukraine.

Cimpoies Dragos, Doctor of Economic Sciences, Professor of the State Agrarian University (Chisinau, Republic of Moldova), Deputy Minister of Moldova.

Shumakova Oksana Viktorovna, Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Rector of the Stolypin Omsk State Agrarian University.

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

РАЗДЕЛ 1. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 1. PHILOLOGICAL SCIENCES

Е. А. Акелькина. ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА В ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕЛОГО В ФИЛОСОФСКИХ ЦИКЛАХ МИНИАТЮР «КРОХОТКИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА	10
E. A. Akel'kina. PRINCIPLES OF ARTISTIC SYNTHESIS IN THE ORGANIZATION OF THE WHOLE IN THE PHILOSOPHICAL CYCLES OF "KRONOTKY" MINIATURES BY A. I. SOLZHENITSYN.....	10
Е. Н. Гуц. «РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА	15
E. N. Guts. "RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXPANSION" BY A. I. SOLZHENITSYN THROUGH THE PRISM OF PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT.....	15
Э. И. Коптева. ТРАДИЦИОННЫЕ ХРОНОТОПЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА («МАТРЁНИН ДВОР»)	19
E. I. Kopteva. TRADITIONAL CHRONOTOPES OF THE RUSSIAN CLASSICS IN A. I. SOLZHENITSYN'S ("MATRYONA'S PLACE") RECONSIDERATION	19
Н. В. Макшеева. ЗАПАДНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА (ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»)	24
N. V. Maksheeva. WESTERN INTERPRETATION OF A. SOLZHENITSYN'S IDEAS (ABOUT THE FILM ADAPTATION OF "ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH" NOVEL)	24
Т. И. Подкорытова, А. В. Подворная. ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ РУСИ-ДЕРЕВНИ ОТ А. СОЛЖЕНИЦЫНА («МАТРЁНИН ДВОР») ДО О. БОГАЕВА («МАРЬИНО ПОЛЕ»)	29
T. I. Podkorytova, A. V. Podvornaya. EVOLUTION OF THE LAND OF RUSSIA AS A VILLAGE THEME FROM A. SOLZHENITSYN ("MATRYONA'S PLACE") TO O. BOGAYEV ("MARIA'S FIELD") ..	29
Г. В. Косяков. ХРОНОТОП МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОРОГА В ЛИРИКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ 1810–1840-Х ГОДОВ	36
G. V. Kosyakov. THE CHRONOTOP OF THE METAPHYSICAL THRESHOLD IN THE POEMS BY RUSSIAN POETS OF 1810–1840	36
И. Л. Смагина. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМИИ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И КОНВЕРСИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ)	43
I. L. Smagina. THE COMPARATIVE ANALYSIS OF ANTONYMY, COMPLEMENTARITY AND CONVERSENESS AS SEMANTIC RELATIONS (EXAMPLIFIED BY WORKS OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS)	43
Ж. В. Лихачёва. ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ	49
Z. V. Likhacheva. GRAMMATICAL CLASSIFICATION AND METHODS OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPHERE OF INFORMAL BUSINESS COMMUNICATION	49
О. К. Мжельская. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА	55
O. K. Mzhelskaya. CREATING AMBIGUITY IN THE NEWSPAPER TITLE	55
В. А. Евдокимов. НОВЫЕ МЕДИА КАК СИСТЕМА	60
V. A. Evdokimov. NEW MEDIA AS A SYSTEM	60
Е. Ю. Кармалова. ЭДЬЮТЕЙНМЕНТ-ПРОЕКТ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ АРТ-ПРОСТРАНСТВА «ОТКРЫТЫЙ ОМСКИЙ ПЛЕНЭР»)	67

Е. У. Karmalova. EDUTAINMENT PROJECT IN CULTURAL SPHERE (ON EXAMPLE OF ART SPACE “THE OMSK OPEN PLEIN-AIR”)	67
---	----

РАЗДЕЛ 2. ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 2. PEDAGOGICAL SCIENCES

В. В. Писецкий, С. Н. Гончаров, Е. С. Гончаров. ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА И НАУКИ.....	73
V. V. Pisetski, S. N. Goncharov, E. S. Goncharov. TECHNICAL HIGH SCHOOL GRADUATES ADAPTATION TO PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE FIELD OF HIGH-TECH PRODUCTION AND SCIENCE	73
Г. П. Синицына. СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ В ПАРТНЁРСТВЕ: КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ	78
G. P. Sinitsyna. PARTNERSHIP TRAINING STRATEGY: COLLABORATIVE TRAINING	78
М. В. Карелина. ТИПИЗАЦИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ТРЕНАЖЁРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	83
M. V. Karelina. THEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE CONTENT AND FUNCTIONS OF SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL SCHOOL	83
Е. А. Носков. АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ВО В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ	90
E. A. Noskov. REQUIREMENTS ANALYSIS OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION IN THE SPHERE OF NATIONAL SECURITY PROTECTION IN EDUCATION	90
С. А. Рассада, О. В. Фрезе. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ В ВУЗЕ	101
S. A. Rassada, O. V. Freze. IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN THE PROCESS OF FINAL QUALIFYING WORK PREPARATION	101
С. В. Дорошчук. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	105
S. V. Doroshchuk. COMPLEX OF ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF EFFECTIVE DEVELOPMENT IN THE REGIONAL QUALITY CONTROL SYSTEM OF PRIMARY GENERAL EDUCATION	105
А. Е. Константинов, Р. С. Димухаметов. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ	110
A. E. Konstantinov, R. S. Dimuhametov. SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE YOUNG TEACHER AS A CONDITION OF PROFESSIONAL COMPETENCES DEVELOPMENT	110
Л. Н. Корпачева. АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ	116
L. N. Korpachyova. ACADEMIC MOBILITY AS A RESULT OF GENERAL SECONDARY EDUCATION	116
М. Г. Голубчикова, А. И. Коробченко. ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ СТУДЕНТОВ В ОБЛАСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНОСТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА	125
M. G. Golubchikova, A. I. Korobchenko. DESIGN OF STUDENTS EDUCATIONAL RESULTS IN THE FIELD OF INDEPENDENT HEALTH SAVING ON THE BASIS OF COMPETENCE- BASED AND ACTIVITY-BASED APPROACHES	125
Л. Я. Николаева, Т. В. Сабанцева. ОСВОЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ МАСТЕРОВ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ	132

L. Ya. Nikolaeva, T. V. Sabantseva. MASTERING THE CREATIVE HERITAGE OF OUTSTANDING MASTERS OF RUSSIAN NATIONAL DANCE IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS OF CHOREOGRAPHIC SPECIALIZATIONS	132
--	------------

РАЗДЕЛ 3. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ PART 3. ECONOMIC SCIENCES

В. И. Благоев, Е. П. Шустова. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСЛУГ ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГА НА ПРИМЕРЕ БАНКОВ КАЗАХСТАНА	139
V. I. Blagoev, E. P. Shustova. QUALITY ASSESSMENT OF INTERNET BANKING SERVICES IN KAZAKHSTAN	139
Л. В. Зинич, Н. А. Кузнецова. РЫНОК ТРУДА: ФОРМИРОВАНИЕ БАЛАНСА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ	151
L. V. Zinich, N. A. Kuznetsova. THE LABOUR MARKET: FORMATION OF LABOUR RESOURCES BALANCE	151
А. А. Кораблева, В. В. Карпов. ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА С ПОМОЩЬЮ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ	158
A. A. Korableva, V. V. Karpov. ASSESSMENT OF THE REGIONAL FINANCIAL SYSTEM ON THE BASIS OF ECONOMIC SECURITY INDICATORS	158
Т. В. Моисеева. ОТ УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ – К ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ	166
T. V. Moiseeva. FROM SUBJECT MANAGEMENT TO INTERSUBJECTIVE MANAGEMENT	166
С. Х. Мухаметдинова, О. Ю. Патласов, Р. О. Лучко. АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ	174
S. H. Muhametdinova, O. Yu. Patlasov, R. O. Luchko. ANALYSIS OF THE EFFECT OF MIGRATION PROCESSES ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE OMSK REGION USING COGNITIVE METHODOLOGY	174
Ю. Д. Овчинников. ПРОЕКТ ВЕЛОШЕРИНГА КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ.....	180
Yu. D. Ovchinnikov. BIKE-SHARE SCHEME PROJECT AS A PART OF MODERN URBAN ENVIRONMENT	180
Е. А. Орлянский. РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ	186
E. A. Orlyansky. RELIGIOUS FOUNDATIONS OF SOCIAL MARKET ECONOMY	186
Т. А. Пашкова. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ	194
T. A. Pashkova. METHODOLOGICAL BASES OF EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL EFFICIENCY EVALUATION.....	194
Ю. С. Пиньковецкая. ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИКАХ	204
Yu. S. Pinkovetskaia. FEMALE ENTREPRENEURSHIP IN NATIONAL ECONOMICS	204
Д. С. Samenbetova, О. Ю. Патласов. ОРГАНИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ УЧАСТИЯ РОССИИ В ВТО: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	212
D. S. Samenbetova, O. Yu. Patlasov. ORGANIC AGRICULTURE IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE WTO: ANALYSIS, PROBLEMS AND PROSPECTS	212
ПАМЯТИ ИРИНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ КАРТАШОВОЙ	223

**РАЗДЕЛ 1
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**PART 1
PHILOLOGICAL SCIENCES**

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

УДК 82.3

DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36.10

Е. А. Акелькина,
Омский региональный Центр изучения творчества Ф. М. Достоевского
при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского

**ПРИНЦИПЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СИНТЕЗА В ОРГАНИЗАЦИИ ЦЕЛОГО
В ФИЛОСОФСКИХ ЦИКЛАХ МИНИАТЮР «КРОХОТКИ»
А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА**

Проблема и цель. В статье изучены формы создания художественного синтеза целого философского цикла «Крохотки» А. И. Солженицына. Описаны методы создания философского повествования цикла «Крохотки».

Методология. Автор исследует проблему философского повествования с помощью сравнительно-исторического метода, изучает связи миниатюр в цикле.

Результаты. Главная идея произведения – понять смысл жизни.

Выводы. А. И. Солженицын – мастер философской прозы.

Ключевые слова: философская проза, цикл, художественный синтез, повествование, «Крохотки».

*Художественное творчество примыкает
по своей природе к творчеству синтетическому.*

М. Пришвин

*Что остаётся надолго,
то рождается от цельной личности в муках и радости.
Добраться бы в себе до этого синтеза рождения личности.*

М. Пришвин

Почти одновременно с первыми рассказами А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор» создавался цикл философских миниатюр «Крохотки» – с 1958-го по 1960 г. Импульсом для творчества послужили впечатления писателя от его велосипедных поездок по средней России. Эти 17 лаконичных произведений при всех их поэтичности и мастерстве так и не увидели свет на родине, долго ходили в самиздате. Первая публикация появилась в журнале «Грани» (Франкфурт, 1964, № 56). Часто этот цикл называется стихотворениями в прозе, однако важнее здесь подчи-

нение всех художественных приёмов выражению чувства связи бытия писателя с вечностью, что и даёт неповторимую философичность целого.

Соединение созерцательности и экспрессии, метафоризации речи и динамизма переживаний, личного опыта и острого ощущения присутствия автора, а также концентрированной ёмкости смыслового обобщения и яркости поэтической картины позволяет приблизительно назвать этот цикл по известным аналогиям стихотворениями в прозе.

Проблема и цель. Литература XX в. строится на синтезе многих начал: стихов и прозы, личного опыта и вымысла как формы обобщения. И этот цикл А. И. Солженицына вообрал в себя и переплавил множество жанровых культурных тенденций, реализуя единство творчества и судьбы автора как воссоздание своеобразного потока бытия. Этот первый цикл, названный интимно и уютно «Крохотки», написан зрелым сорокалетним писателем. Второй цикл с этим же названием будет написан А. И. Солженицыным в 1996–1999 гг. на излёте жизни. «Только вернувшись в Россию, я оказался способен снова их писать, там – не мог» [1, с. 573] (курсив писателя), – заметит автор в письме в редакцию «Нового мира», где и будут впервые опубликованы следующие 13 миниатюр вторых «Крохоток» (1997, № 1, 3; 1999, № 7). Эта глубинная внутренняя связь автора с судьбой Родины характерна для настоящей философской прозы.

Термин «философская» довольно условен. Перед читателем развёрнут ряд разнообразных впечатлений, чувств, картин, но все они философичны, потому что творят единство с мирозданием на основе неповторимого личного опыта, восстанавливают чувство цельности мира. Если в эпоху романтизма и позже до конца XIX века подобные циклы философских миниатюр обозначали жанрово (стихотворения в прозе, фантазии, фрагменты, апологи и т. д.), то авторы XX в. стали акцентировать в названии цикла момент личного внутреннего переживания или символическое восприятие («Опавшие листья», «Незабудки», «Камешки на ладони», «Затеси»). Солженицын назвал свой цикл по-домашнему ласково «Крохотки». В интервью Н. А. Струве 1976 г. писатель вполне осознанно говорит о своих творческих принципах: «В малой форме можно очень много поместить, наслаждение работать над ней и оттачивать грани. Сам материал продиктует то, что надо. Вымысел есть для художника средство концентрации действительности». Композиция первого цикла построена как путь к постижению круга бытия, тайны жизни через образы России.

Методология. Автор исследует проблему философского повествования с помощью сравнительно-исторического метода, изучает связи миниатюр в цикле.

Результаты. Первая миниатюра «Дыхание» передаёт универсальное для всех людей ощущение наслаждения процессом жизни.

«Я стою под яблоней отцветающей – и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми – не знаю как лучше.

Вот, пожалуй, та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, напоенного цветением, сыростью, свежестью» [1, с. 269].

Казалось бы, перед читателем лирико-философская зарисовка, но движение мыслеобраза осуществляется от внешнего к внутреннему личностному переживанию и далее к экзистенциальному обобщению и восходит к универсальной радости бытия. Изумительна стилистика повествования от условно-биографического «я» – с непринуждёнными разговорными интонациями и вдруг восходящая к обобщениям самого высокого порядка. Такова миниатюра «Озеро Сегден»: начинается с сегодняшнего запрета проезда к этому месту, с поиска тропы к нему до восторга («это местечко на земле любишь ты на весь свой век» [1, с. 270]) через антитезу злой власти и противостоящей ей красоты мира. И кульминация в композиции миниатюры естественно соединяет внешнюю природу и порыв человеческой души: «Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий: между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли <...> Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...» [1, с. 271]. Здесь налицо все приёмы философского стиля – символичность, парадигмальное развёртывание частей, антиномичность, резкое переключение из бытового плана в экзистенциальный, обилие пауз-многоточий, чтобы подключить свой опыт, внутренняя диалогичность, а в финале – просветление, прозрение, открытие красоты вечной.

Через все миниатюры проходит смысловая оппозиция сиюминутного разрушения гармонии бытия и торжества вечного созидательного начала. И «Утёнок», и «Вязовое бревно», и «Отражение в

воде», и «Гроза в горах», и «Шарик» – это о тайне жизни, о её энергии, о загадочном сопротивлении злему разрушению. Есть и миниатюры, посвящённые чуду искусства, поэзии («Прах поэта», «Город на Неве», «На родине Есенина»).

В «Городе на Неве» реализуется параллелизм «взрывов нашего несогласия, стонов и слёз» подневольных творцов гармонии как дорогой цены за «наше самое славное великолепие» и панорамы прекрасного города. Он нарочно не назван, и это умолчание – незаданный вопрос, который активизирует мысль читателя, и обилие риторических высказываний, вопросов, воображаемых диалогов и отдельных чужих реплик. В этом многоголосом повествовании авторское «я» направляет наше читательское восприятие то вовне, то внутрь от отчуждения, отстранения к вживанию в ситуацию мышления к чувству. Здесь явно продолжение, хотя и органичное, повествовательной традиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

В самом центре цикла рассказ-воспоминание о войне «Старое ведро». Здесь нет реального случая, а использован приём «прожектора», укрупнения детали. Найденное в заброшенном блиндаже старое ведро вызывает в памяти философствующего повествователя атмосферу военного быта, дружбы, своего рода квинтэссенцию военных лет. Это и есть добывание смысла в философской прозе – от быта, детали к сущности пережитого. А финал всё высвечивает: «Стою над ним, нахлынуло. Ребята чистые, друзья фронтовые! Чем были живы мы, и на что надеялись, и самая дружба наша бескорыстная – прошло всё дымом, и никогда уж больше не служить этому ржавому, забытому...» [1, с. 282] (здесь и далее курсив мой. – Е. А.).

Философское слово явно отличается от эпического описательного своей направленностью к невидимой сути явлений и процессов. Многослойная ёмкость обобщения сущности сводит единство переживания фронтовиками самого главного – чистоты их бескорыстной жертвы, основы их бытия и надежды и сожаление о невозвратном единстве, братстве на грани жизни и смерти. А ещё в конце переводит слово о подвиге спасения Родины в иной план: они свой долг выполнили, но и выжившие служили вовсе не «этому ржавому, забытому», под чем подразумевается власть, амбиции, карьеры начальников, неоправданная гибель солдат, которых не сберегли полководцы. Их дело – чисто, так это видится спустя двадцать лет.

О сегодняшней разрухе в умах и душах три миниатюры: «Колхозный рюкзак», «Мы-то не умрём», «Приступая ко дню». Первая и третья миниатюры начинаются с зарисовок, а в финале – смысловый акцент, вывод, как в притче, или мораль в басне через прямое экспрессивное обращение к опыту читателя. Наблюдение развёртывается в обретение невидимого смысла с помощью отстранения, риторических восклицаний, моралистической сентенции. Закольцовывает композицию цикла финальная миниатюра «Путешествуя вдоль Оки», так от самого необходимого для жизни («Дыхание») до панорамы русского пейзажа, прекрасного, несмотря на разрушение храмов и душ.

Но цельность цикла утверждает вечную гармонию мироздания, это судьбы беспмятных современников туманны и тревожны, это их будущее под вопросом. «И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги.

В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни» [1, с. 289].

Так завершается цикл раздумий о человеке и о судьбах России в перспективе времени.

Спустя почти сорок лет А. И. Солженицын, возвращаясь в Россию, проехав с Дальнего Востока до Москвы, напишет второй цикл «Крохоток». Если пространство первого цикла – центр, сердце родины – её средняя полоса в окрестностях Рязани. То во втором – огромные просторы Сибири и движение на запад и также в центре внимания – горестная и исполненная надежды судьба нашей страны. Что изменилось в повествовании? Автор достигает возраста и уровня настоящего мудреца, ему – 80, а в миниатюрах наряду с тревогой и горечью больше света, гармонии и надежды. Эти 13 небольших рассказов написаны словно нам в помощь и в ободрение.

Первый же рассказ «Лиственница» – и о сибирском странном дереве, и о сибирском непростохарактере. Везде параллель природы и внутреннего мира человека. «Молния» в грозном ударе, расщепившем липу, который сравнивается с ударом «кары-совести». Ровно половина философских миниатюр – о единстве мира и о месте человека в истории («Колокол Углича», «Колоколя», «Позор», «Лихое зелье»). А вторая половина «Крохоток» – о возрасте подведения итогов, о самостоятельности, о «власти над собой». В этом цикле, несмотря на то что Россия в обвале, больше позитива, духовных подсказок, что-

бы держать себя достойно. Интонация раздумья словно пронизана светом мудрого понимания, а язык прекрасен гармонией и самоцветами незабытых выразительных, исконно русских слов (неподымна, ударище грома; остоится; поспешливым, до умолка, окоём, догадливо, раскатные, страдальный колокол, изневольный, затопленцы; неотъёмный клад, неотстанное чувство, неубитый поиск, щедродушных людей, взбрасываются, издумками, первозданная снежистая белизна, огляд, непротронутая гладь вечной воды, сумерничанье, нерастребленный смысл, предданная ясность). Слов этих не слишком много, каждое сопрягает бытовое и внутреннее, каждое сгущает смысл или наводит на открытие истины. Слово в философствовании А. И. Солженицына не украшение, а инструмент добывания незримой сущности. В миниатюре «Утро» изумительно точно воссоздано рождение сердечной мысли, творческого открытия. «И распахивает тебе необъятно покойное, ясное утреннее состояние.

Как думается в эти минуты! Кажется: сейчас ты с какой-то нечаянной пронизательностью – *что-то такое* поймёшь, *чего никогда... чего...*

Замираешь. Будто в тебе вот-вот тронется в рост *нечто*, *какого* ты в себе не изведывал, не подзревал. Почти не дыша, призываешь – тот *светлый росток*, ту *верхушку белой лилийки*, которая вот сейчас выдвинется из непротронутой глади *вечной воды*.

Благодательны эти *миги!* Ты – *выше самого себя*. Ты что-то несравненное можешь открыть, решить, задумать – только бы не расколыхать, только б не дать протревожить эту озёрную гладь *в тебе самом...*» [1, с. 564].

Синтаксис философских «Крохоток» рассчитан на нормальное напряжение читательского внимания. Почти все миниатюры состоят из пяти абзацев. В нескольких финальных специально выделены заключительные фразы-итоги («Нам бы – так»; «Власть над собой»; «И – обещание встречи»; «Да и не во всякое утро»; «И отпущено каждому живущему только: свой труд – и своя душа»).

Эти афористичные концовки – тоже особенность стиля философствования Солженицына, они не просто подводят итоги, а заставляют читателя пойти вглубь, думать дальше самим. Они не связаны с контекстом и самостоятельны, в них энергия интенции автора к продолжению думания и эмоциональные восклицания, вопросы, полемические реплики, которые вызывают к несогласию.

Только более краткая миниатюра «Завеса» о грозной сердечной болезни, в которой видится автору «образ самой нашей жизни», стремительна и непредсказуема именно тайной «благословенного незнания». И радостная благодарность за ещё один полный день, дарованный Господом в конце.

Последняя миниатюра «Поминование усопших» непонятно как творит связь живых с уже ушедшими: «И – обещание встречи» [1, с. 569]. Этот открытый финал как бы продлевает пространство мысли, вовсе не рациональной, а скорее универсальной.

Тематически у «Крохоток» есть переключки со «Стихотворениями в прозе. Senilia» И. С. Тургенева, но в них нет страха смерти, а налицо мудрое принятие Божьей воли и тайны своего ухода. Ближе всего по духу и традиции повествования «Крохотки», как уже не раз замечалось многими исследователями, к «Дневнику писателя» и «Записным тетрадям» Ф. М. Достоевского, а также к «Незабудкам» М. М. Пришвина.

Как и у Достоевского, любимые знаки Солженицына в «Крохотках» – тире и многоточия, как знаки паузы, обрыва мысли, направляющие читателя в глубь собственных раздумий.

Вывод. Организация художественно-философского целого «Крохоток» основана на предельной свободе смысловых сопряжений разных планов повествования, жанровых тенденций, стилистических приемов философской прозы (символизация, риторические фигуры, ключевые слова, исполненные особой экспрессии; афористичность, диалог истин разных времён, парадигматический способ развёртывания рассказа, антиномичность, контрасты, повторы и т. д.).

Все эти способы создания художественно-философского синтеза направлены на передачу невидимого смысла бытия, на постижение тайны поиска истины. Свобода переключений из одного плана философского повествования в другой (от зарисовки конкретного впечатления к итоговому афористическому обобщению, вопросу, восклицанию, обрыву мысли) позволяет активизировать процесс мысли у читателя. Философское повествование Солженицына мастерски передаёт ритм его духовного бытия и думанья.

Библиографический список

1. Солженицын А. И. Рассказы. СПб.: Азбука-классика, 2003.

E. A. Akel'kina,
Doctor of Philology, Professor,
Omsk Regional Research Center Dostoevsky's Creative Works
Study in Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: fmdostocentr@yandex.ru

**PRINCIPLES OF ARTISTIC SYNTHESIS IN THE ORGANIZATION OF THE WHOLE
IN THE PHILOSOPHICAL CYCLES OF "KROHOTKY" MINIATURES
BY A. I. SOLZHENITSYN**

Introduction. The article studies the forms of artistic synthesis creation in the whole philosophical cycle "Krohotky" by A.I. Solzhenitsyn. The work describes the methods of philosophical narrative creation in the cycle "Krohotky" by A.I. Solzhenitsyn.

Materials and Methods. The author investigates the problem of philosophical narration with the help of the comparative and historical method, studies the links of miniatures in the cycle.

Results. Results confirm that the main idea of the work is to understand the meaning of life.

Conclusions. A.I. Solzhenitsyn is a master of philosophical prose.

Keywords: philosophical prose, cycle, artistic synthesis, narration, "Krohotky"

References

1. Solzhenitsyn A. I. *Stories*. Saint-Petersburg: Publ. Alphabet-classics, 2003.

Поступила в редакцию 24.08.2018

© Е. А. Акелькина, 2018

Автор статьи: Елена Алексеевна Акелькина, доктор филологических наук, профессор, руководитель Омского регионального научно-исследовательского Центра изучения творчества Ф. М. Достоевского при Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: fmdostocentr@yandex.ru

Рецензенты:

Э. И. Коптева, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет.

О. В. Мирошникова, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Е. Н. Гуц,

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

**«РУССКИЙ СЛОВАРЬ ЯЗЫКОВОГО РАСШИРЕНИЯ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА**

Проблема и цель. Цель данного исследования – определить, знают ли современные студенты значение слов, представленных в «Русском словаре языкового расширения» (составитель А. И. Солженицын), и находятся ли эти слова в активной / пассивной части их лексикона; выявить отношение участников психолингвистического эксперимента к лексикографическому труду А. И. Солженицына и их оценку уровня «отмирания» языкового материала словаря и возможности придания «освежённого значения» устаревшим русским словам.

Методы и методология. Основной метод исследования – психолингвистический эксперимент по составлению словарной дефиниции анализируемого слова (семантический эксперимент). Испытуемые – бакалавры и магистранты факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского. Объём выборки – 50. Стимульный список формировался на материале исследуемого словаря с использованием датчика случайных чисел и включал 20 лексических единиц. Все слова, входящие в стимульный список, имеют диалектно-просторечную основу и разную степень устаревания.

Результаты проведённого эксперимента фиксируют процессы, происходящие в семантике диалектно-просторечных слов, представленных в «Русском словаре языкового расширения»; углубляют представление о стратегиях толкования носителями языка устаревших и некодифицированных слов.

Выводы. Исследуемый словарь прошёл испытание временем: семантические поля, построенные на материале проведенного эксперимента, имеют значение для лексикографической практики; материалы словаря представляют интерес для «молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка» [2].

Ключевые слова: словарь языкового расширения, психолингвистический эксперимент, эксперимент по составлению словарной дефиниции слова, стратегии толкования значения слова, идентификация значения слова, диалектные и просторечные слова.

Проблема и цель. С девяностых годов прошлого века субстандартная, в частности авторская, лексикография «накопила достаточный опыт для формирования своей методологии, собственно лексикографического понятийного аппарата, методики сбора и описания субстандартных единиц, большой корпус уже лексикографически обработанного субстандартного материала, более 150 изданных субстандартных словарей различных типов и сделала значительные шаги в теоретическом осмыслении своих перспектив» [1].

Среди субстандартных словарей особое место занимает «Русский словарь языкового расширения», составленный Александром Исаевичем Солженицыным [2]. С 1947 г. писатель «почти ежедневно занимался обработкой далевого словаря – для своих литературных нужд и языковой гимнастики» [2]. В 1974 году работа над будущим словарём была продолжена. А. И. Солженицын был убеждён, что «лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств», и включил в словарь языковой материал, с его точки зрения, никак не заслуживающий «преждевременной смерти», которому «грозит отмирание» и которому необходимо придать «освежённое новое значение» [2].

Если учесть, что «словарный состав языка не только находится в непрерывном движении, но по существу и не очерчен в каждый момент существования языка с достаточной определённойностью» [3], а материал словаря – некодифицированные языковые знаки, имеющие склонность к семантической диффузии, скольжениям, сдвигам и обладающие способностью не только исчезать из речевой практики, но и через несколько лет возвращаться «преображёнными», то закономерно встаёт вопрос об идентификации и эмоциональной оценке словарных материалов современными носителями русского языка.

Цель данного исследования – определить, знают ли современные студенты значение слов, представленных в «Русском словаре языкового расширения» (составитель А. И. Солженицын), и находятся ли эти слова в активной / пассивной части их лексикона; выявить отношение участников психолингвистического эксперимента к лексикографическому труду А. И. Солженицына и их оценку уровня «отмирания» языкового материала словаря и возможности придания «освежённого значения» устаревшим русским словам.

Методология. В качестве методологической основы исследования были взяты теории, разработанные в отечественной психолингвистике: психологического значения А. А. Леонтьева и интерпретации языкового знака А. А. Залевской. Так, для данного исследования принципиально важно высказывание А. А. Леонтьева о том, что «мысленное отражение», т. е. психологический эквивалент языкового значения, значения знака как психологический феномен не может не быть известным образом детерминированным теми потенциальными возможностями взаимозамены знаков, которым оно ставит границы», и «психологическая природа семантических компонентов значения как раз и определяется системой этих взаимозамен, т. е. системой противопоставлений слов в процессе их употребления в речи» [4]. Для нас определяющими являются и выводы, сделанные А. А. Залевской о том, что «идентификация значения слова может реализоваться через смутное представление о некоторой области деятельности или ситуации, с которыми как-то может быть связан именуемый словом объект», и «корпус экспериментальных данных свидетельствует о постоянном взаимодействии множества оснований для «выхода» индивида на многомерный образ мира как базы для переживаний слова как понятого» [5].

Исследование проводилось на основе психолингвистического эксперимента, при котором толкование значения слова испытуемым (носителем языка, говорящим субъектом) является способом отражения психологической структуры значения. Этот эксперимент имеет несколько синонимических наименований: семантический, метод определения понятия, метод прямого толкования слова, эксперимент по экспликации субъективного содержания, эксперимент по составлению словарной дефиниции анализируемого слова, тест на определение значения (дефиниции) слов. Он используется в разных вариантах и с различными целями в психологии, психолингвистике, когнитивной лингвистике, в лингвистике, например при изучении социальных и территориальных диалектов, с испытуемыми, имеющими разные возрастные, гендерные, профессиональные, социальные характеристики, для исследования восприятия и идентификации носителями языка различных пластов (групп) лексики и фразеологии [6; 7; 8; 9].

Эксперимент был проведен на факультете филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского в 2019 году. Объем выборки – 50. Испытуемыми стали студенты – бакалавры и магистранты, знакомые с такими понятиями, как *толкование значения слова, способы толкования, вид языковой стратегии*, лежащей в основе осознания значения слова говорящими, тип толкования.

Стимульный список формировался на материале «Русского словаря языкового расширения», составленного А. И. Солженицыным, и включал 20 лексических единиц: *бирюльничать, воскрылиться, дотверживать, дюжить, казниться, колобродить, муторить, натореть, нахлобучить, обрыскаться, охулить, прискорбеть, прискудеть, сквалыжить, умурзиться, уноравливать, собачиться, сумбурить, хмылиться, шоркать*. Отбор стимулов осуществлялся с использованием датчика случайных чисел. Все слова, входящие в стимульный список, некодифицированные, имеющие диалектно-просторечную основу и разную степень устаревания.

Результаты. Семантические поля слов-стимулов включают разное количество отказов, что, безусловно, имеет значение для определения степени освоенности каждого слова нашими юными информантами: *сквалыжить* вызвало 8 отказов, *муторить* и *натореть* – по 6 отказов, *хмылиться, умурзиться, колобродить, дотверживать* – по 4 отказа, *натореть* и *обрыскаться* – по 2 отказа.

Толкования значений слов, предложенные испытуемыми, по-разному соотносятся с дефинициями словаря. Только несколько слов не вызвали «разногласий» у испытуемых, давших хотя и многообразные по форме, но совпадающие с дефинициями словаря толкования. Это *казниться* (каяться), *прискорбеть* (поникнуть скорбью), *прискудеть* (обнищать), *собачиться* (ругаться), *сумбурить* (делать вздор, бессмыслицу), *хмылиться* (глупо улыбаться): значения слов взяты из «Русского словаря языкового расширения».

Необходимо отметить, что данные слова зафиксированы только в одном значении и в исследуемом словаре, и в семантических полях, построенных на экспериментальном материале. Несмотря на то что в стимульном списке были представлены (наряду с однозначными) многозначные слова, испытуемые актуализировали только одно значение. Например, слово *шоркать* отмечено в значении передвигаться, не поднимая ног, при этом издавать неприятные, характерные звуки (42 респондента) и в значении тереть, оттирать что-либо (8 респондентов); *нахлобучить* – надеть что-либо на голову (30), наругать (12), избить (8).

Однако некоторые слова-стимулы вызвали у испытуемых желание рассуждать / придумывать / гадать и предлагать два или несколько значений, при этом интерпретация могла совпадать или не совпадать с материалами словаря.

Например, семантику слова *дюжить* респонденты интерпретировали по-разному, часто указывали два значения, причём с вопросительным знаком, тем самым отмечая неуверенность или просто «отгадку»: выносить, терпеть» (43) и единичные ответы – делать что-либо хорошо; приумножать, увеличивать; преувеличивать; доказывать; множить; нести чушь; предпринимать какие-либо действия. Несомненный интерес в аспекте расширения значения и его восприятия носителями русского языка представляет интерпретация лексемы *бирюльничать* (играть в бирюльки, заниматься пустяками): толкований значения, совпадающих с дефиницией, представленной в словаре, – 39; единичных толкований – 11: гадать; быть недружелюбным, закрытым; обманывать; хвастаться; заниматься украшательством; хвастаться мелкими предметами; сплетничать; выпендриваться; жить отшельником; ёрничать; увлекаться дешёвыми украшениями.

Выводы. Проведённый семантический эксперимент, во-первых, фиксирует процессы, происходящие в семантике диалектно-просторечных слов, представленных в «Русском словаре языкового расширения», во-вторых, углубляет представление о стратегиях толкования носителями языка устаревших и некодифицированных слов, в частности об использовании в интерпретации значения указание на внутреннюю форму слова и его морфемный состав.

Семантические поля, построенные на материале проведённого эксперимента, безусловно, имеют значение для лексикографической практики. Семантический эксперимент позволяет исследователю не только зафиксировать высказывания носителей языка (это в той или иной степени успешно выполняет другой метод, апробированный и устоявшийся в практике составления толковых словарей разных типов, – метод наблюдения, записи речи информантов), но и определить психологическую природу семантических компонентов значений исследуемых слов.

Результаты проведённого психолингвистического эксперимента и последующих за ним бесед с респондентами по методу фокус-групп убедительно доказывают, что лексикографическая задача, поставленная А. И. Солженицыным, – «восполнить иссушительное обеднение русского языка и всеобщее падение чутья к нему, особенно для тех молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка» [2] – решена. Словарь, цель которого скромно представлена его автором как цель «скорее художественная», не претендующая ни на какую научность языкового отбора, прошёл испытание временем: идентификация материалов «Русского словаря языкового расширения» вызвала «у молодых людей, в ком сильна жажда к свежести родного языка» [2] – у будущих учителей-словесников, журналистов, редакторов – «ярко проявляющееся эмоционально-оценочное переживание» [5].

Библиографический список

1. Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., Козловская Е. А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций : монография. Омск: Издательский дом «Наука», 2018. 446 с.
2. Залевская А. А. Значение слова через призму эксперимента : монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. 240 с.
3. Залевская А. А. Что там за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова : монография. М.–Берлин : Директ-Медиа, 2014. 328 с.
4. Коровушкин В. П. Субстандартная лексикография как автономная отрасль языкознания: основные понятия и словари // Социальные варианты языка – III: Материалы международной научной конференции 22-23 апреля 2004 года. Нижний Новгород. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2004. С. 56–59.
5. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 5–16.
6. Рудакова А. В., Стернин И. А. Психолингвистический эксперимент и описание семантики слова // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1 (27). С. 194–209.
7. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения. М.: Голос, 1995. 272 с.
8. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
9. Eliseeva, N. N., Guts, E. N., & Marini, A. Comprehension of idiomatic expressions by Russian speaking typically developing children. *Psychology in Russia*, 2017, no 10 (04), pp.22–32.

E. N. Guts,

Doctor of Philology, Professor of the Department
of Russian Language, Slavic and Classical Linguistics
Dostoevsky Omsk State University,
55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
e-mail: egoots@yandex.ru

“RUSSIAN DICTIONARY OF LANGUAGE EXPANSION” BY A. I. SOLZHENITSYN THROUGH THE PRISM OF PSYCHOLINGUISTIC EXPERIMENT

Introduction. The purpose of this study is to determine whether modern students know the meaning of the words presented in the Russian Dictionary of Language Expansion (compiled by A.I. Solzhenitsyn), and whether these words are in the active / passive part of their vocabulary; to identify the attitude of the participants in the psycholinguistic experiment to A. I. Solzhenitsyn's lexicographic work and their assessment of the level of «withering away» of the language material of the dictionary and the possibility of imparting a «refreshed meaning» to obsolete Russian words.

Methods and methodology. The main research method is a psycholinguistic experiment on the compilation of the dictionary definition of the analyzed word (semantic experiment). Subjects - bachelor and master students of the Faculty of Philology and Media Communications of Dostoevsky Omsk State University. The sample size was 50. The stimulus list was formed on the material of the studied dictionary using a random number sensor and included 20 lexical units. All words included in the stimulatory list have dialectic and common language basis and varying degrees of obsolescence.

Results. The results of the experiment recorded the processes occurring in the semantics of dialect-colloquial words presented in the «Russian Dictionary of Language Expansion»; deepen the understanding of the strategies of interpretation of obsolete and non-codified words by native speakers.

Conclusions. The studied dictionary has passed the test of time: semantic fields built on the material of the experiment carried out are important for lexicographical practice; Dictionary materials are of interest to «young people with a strong thirst for the freshness of their native language» [2].

Keywords: dictionary of language expansion, psycholinguistic experiment, experiment on the compilation of the vocabulary definition of a word, strategies for interpreting the meaning of a word, identifying the meaning of a word, dialect and common language.

References

1. Butakova L. O., Guts E. N., Kozlovskaya E. A. *Childhood in the discursive space of a region: a comprehensive analysis of value fragments of linguistic consciousness and institutional communications* : a monograph. Omsk: Nauka Publishing House, 2018. 446 p. (In Russian)
2. Zalevskaya A. A. *The meaning of the word through the prism of the experiment* : a monograph. Tver: Tver. State Univ., 2011. 240 p. (In Russian)
3. Zalevskaya A. A. *What is the word? Issues of the interface theory of the word*: monograph. M.– Berlin: Direct Media, 2014. 328 p. (In Russian)
4. Korovushkin V. P. Substandard lexicography as an autonomous branch of linguistics: basic concepts and dictionaries // *Social variants of language – III: Proceedings of the international scientific conference of April 22-23, 2004*. Nizhny Novgorod. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Linguistic University. N. A. Dobrolyubova, 2004, pp. 56–59. (In Russian)
5. Leontiev A. A. General information about associations and associative norms // *Dictionary of associative norms of the Russian language*. M. : Moscow State University Publishing House, 1977, pp. 5-16. (In Russian)
6. Rudakova A. V., Sternin I. A. Psycholinguistic experiment and description of the semantics of the word // *Questions of psycholinguistics*. 2016. № 1 (27), pp. 194–209. (In Russian)
7. Solzhenitsyn A. I. *Russian dictionary of language extensions*. M. : Golos, 1995. 272 p. (In Russian)
8. Shmelev D. N. *Problems of semantic analysis of vocabulary* (on the material of the Russian language). M. : Science, 1973. 280 p. (In Russian)
9. Eliseeva N. N., Guts E. N. & Marini A. *Comprehension of idiomatic expressions by Russian speaking typically developing children*. Psychology in Russia, 2017, no 10(04), pp.22–32. (In Russian)

Поступила в редакцию 13.05.2019

© Е. Н. Гуц, 2019

Автор статьи: Елена Николаевна Гуц, доктор филологических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: egoots@yandex.ru

Рецензенты:

Л. Б. Никитина, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и лингводидактики, Омский государственный педагогический университет.

Л. О. Бутакова, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, славянского и классического языкознания, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Э. И. Контева,

Омский государственный педагогический университет

ТРАДИЦИОННЫЕ ХРОНОТОПЫ РУССКОЙ КЛАССИКИ В ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА («МАТРЁНИН ДВОР»)

Проблема и цель. В работе рассматривается проблема трансформации литературной традиции русской классики в рассказе А. И. Солженицына «Матрёнин двор». Цель: осмысление жанрово-стилевого своеобразия прозы А. И. Солженицына.

Методология. Одним из векторов анализа здесь становится осмысление хронотопа, благодаря которому можно увидеть принципы жанрообразования. В плане методологии мы опираемся на концепцию М. М. Бахтина о связи хронотопа и ценностной ориентации авторского сознания, теоретические осмысления Н. Д. Тмарченко о взаимообусловленности хронотопа и жанра. В основе работы лежат сравнительно-исторический и типологический методы исследования.

Результаты. Образ Матрёны осмысляется в связи с идиллическим миропониманием, образ рассказчика – как носитель драматического отношения к жизни. В контексте русской классической литературной традиции идиллический и драматический хронотопы рассматриваются в их неразрывной взаимообусловленности.

Выводы. Гибель героини рассказа, как смерть трагического героя, несёт жизнеутверждение нравственных ценностей, символика праведной смерти ведёт к житийному контексту и одновременно к сюжету воскрешения. Синтез хронотопических и жанровых традиций, таким образом, создаёт художественное целое произведения, вбирающее культурную память и возобновляющее течение духовной жизни.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Матрёнин двор», хронотоп, жанрово-стилевое единство, идиллическое, драматическое, литературная традиция.

Проблема и цель. Творчество А. И. Солженицына закономерно вошло в традицию отечественной прозы, о чём свидетельствует, например, работа П. Е. Спиваковского в издании «Теоретико-литературные итоги XX века» [1]. Г. М. Фридлендер, обращаясь к анализу эстетики и поэтики творчества писателя, отметил: «... проза Солженицына необычайно плотна. Перед нами как будто бы всего лишь рассказ о ежедневной, будничной жизни... Однако это всего лишь иллюзия» [2, с. 97]. А. В. Урманов в исследовании «Поэтика прозы Солженицына» (М., 2000) говорил о «мироздании Солженицына», отмечая национальные основы его творчества. В 2000-е гг. литературоведы обратились к анализу фольклорных пространственных образов в рассказе «Матрёнин двор» (Д. Н. Фатеев), традициям Ф. М. Достоевского и М. Е. Салтыкова-Щедрина в прозе писателя (А. С. Сашина, Е. Ф. Джос), анализу архетипов и концептов (Хси-мэй Ли), эсхатологической топике (Н. С. Цветова) и др. вопросам. Нас интересовал механизм перевоплощения литературной традиции, как создаётся эта «плотная проза», за счёт чего.

Методология. Одним из векторов анализа здесь становится осмысление хронотопа¹, благодаря которому можно увидеть принципы жанрообразования. В плане методологии мы опираемся на концепцию М. М. Бахтина о связи хронотопа и ценностной ориентации авторского сознания, теоретические осмысления Н. Д. Тмарченко о взаимообусловленности хронотопа и жанра. В основе работы лежат сравнительно-исторический и типологический методы исследования.

Результаты. В начале повествования в рассказе «Матрёнин двор» появляются два противоположных мотива: поиск идиллического места успокоения и разрушение идиллического мира:

«Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным рокотом леса. Мне хотелось затесаться и затеряться в самой нутряной России – если такая где-то была, жила.

На взгорке между ложков, а потом других взгорков, цельно-обомкнутое лесом, с прудом и плотинкой, Высокое Поле было тем самым местом, где не обидно бы и жить и умереть. Там я долго сидел в рощице на пне и думал, что от души бы хотел не нуждаться каждый день завтракать и обедать, только бы остаться здесь и ночами слушать, как ветви шуршат по крыше – когда ниоткуда не слышно радио и все в мире молчит.

Увы, там не пекли хлеба. Там не торговали ничем съестным. Вся деревня волокла снесь мешками из областного города.

А ведь там, откуда я приехал, мог я жить в глинобитной хатке, глядящей в пустыню. Там дул такой свежий ветер ночами и только звёздный свод распахивался над головой» [3, с. 106–107].

Эстетические приметы идиллии выходят на первый план: родная сторона, дом, вечный покой природы, среднерусский ландшафт, гармония человека и природы. На протяжении рассказа два ключевых хронотопа (идиллический и драматический) сталкиваются и вместе с тем сохраняют свою самостоятельность. Хронотоп, в котором раскрывается характер Матрёны, – идиллический. Хронотоп рассказчика – драматический.

М. М. Голубков спрашивает: «В чем суть праведности Матрёны?.. Она вне сферы героического и исключительного, реализует себя в самой что ни на есть обыденной, бытовой ситуации... Праведность Матрёны состоит в ее способности сохранить свое человеческое и в этих, казалось бы, столь недоступных для этого условиях» [4, с. 75]. Да, Матрёна не героическая личность, но поистине *эпическая*: её цельность раскрывается в идиллическом модусе, который Н. Д. Тмарченко определяет как «нераздельность я-для-себя от я-для-других». Ключевой чертой подобного характера, принципом его самоопределения является *ответственность перед другими*. В Матрёне раскрывается поистине цельность миробытия, полноты которого не хватает рассказчику. По мысли В. Е. Хализева, способ существования героя в идиллии – «органическая сопричастность бытию как целому» [5, с. 20].

Рассказчик находится в поиске истинных жизненных основ: «...при драматическом модусе художественности участие личности в жизнесложении принципиально затруднено противоречием между внутренней свободой самоопределения и внешней (событийной) несвободой самопроявления <...> «я» драматическое внутренне бесконечно и не-уничтожимо, ему угрожает лишь разрыв внешних связей с бытием» [6, с. 71–72].

По нашему мнению, целостность авторского космоса возможна в соединении двух хронотопов, двух отношений к миру, выражающихся в таких душевных состояниях, как *покой и страдание (идиллическое и драматическое)*. Идиллическое пространство всегда разрушается «большим миром». В данном случае мир Матрёны, как и мир Игнатича, сталкивается с хронотопом, преобразованным из романтической традиции, – это мир суеты, равнодушной к человеческим чувствам, пошлая погоня за выгодой². Героев окружают «филистеры». Хронотопы главных героев противопоставлены предельно обытовленному, лишённому созидательных человеческих чувств миру:

«Над посёлком дымила фабричная труба. Туда и сюда сквозь посёлок проложена была узкоколейка, и паровозики, тоже густо-дымящие, пронзительно свистя, таскали по ней поезда с бурым торфом, торфяными плитами и брикетами. Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице пображивать пьяные – не без того, да подпыривать друг друга ножами» [3, с. 108].

Да, Матрёна не героическая личность, но в ней раскрывается поистине эпическое сознание миробытия, цельности и полноты которого не хватает рассказчику. По мнению Н. В. Ковтун, «повествование разворачивается в двух измерениях – легендарный пласт, вбирающий элементы агиографии, иконописи, сочетается с сугубо реалистическим, оттеняя “греховность” настоящего» [7, с. 18].

Сопряжение событийного ряда с описанными хронотопами, как и развитие сюжета рассказа, отсылают читателя к повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» и рассказу И. С. Тургенева «Живые мощи». В целом для русской классики чрезвычайно характерно соположение идиллического и драматического хронотопов независимо от жанровых особенностей. Примеров этому более чем достаточно: «Гроза» А. Н. Островского, «Обломов» И. А. Гончарова, «О любви» А. П. Чехова и т. д.

Сопоставим: «Предприимчивый приказчик вместе с войтом перетащили в свои избы все оставшиеся старинные вещи и рухлядь, которую не могла утащить ключница. Скоро приехал, неизвестно откуда, какой-то дальний родственник, наследник имения, служивший прежде поручиком, не помню в каком полку, страшный реформатор. Он увидел тотчас величайшее расстройство и упущение в хозяйственных делах; все это решил он непременно искоренить, исправить и ввести во всем порядок» [8, с. 30].

«Что *добром* нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше. И его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо. Фаддей, не присаживаясь, метался то на посёлок, то на станцию, от начальства к начальству, и с неразгибающейся спиной, опираясь на посох, просил каждого снизойти к его старости и дать разрешение вернуть горницу.

И кто-то дал такое разрешение. И Фаддей собрал своих уцелевших сыновей, зятей и племянников, и достал лошадей в колхозе – и с того бока развороченного переезда, кружным путём через три деревни, обвезил остатки горницы к себе во двор. Он кончил это в ночь с субботы на воскресенье» [3, с. 134].

Разрушение идиллического мира изображается как трагедия, разрыв духовно-нравственных связей поколений. Вместе с тем в образном сознании продолжают сосуществовать эти противоположные пространства: тогда – сейчас, внутреннее – внешнее, своё – чужое, идиллическое (дом, двор) – городское. Конфликт не снимается, несмотря на уход из жизни главной героини, а становится ещё более напряжённым, катарсическим в финале.

Сопоставим: «Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое? Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая – ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать – только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди жёлтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечных руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое, – но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нём, по металлическим его щекам, я вижу – силится... силится и не может расплыться улыбка.

<...> Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на неё. Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие» [9, с. 354–355].

«В остатке света и к тому же за трубой кругловатое лицо хозяйки показалось мне жёлтым, больным. И по глазам её замутнённым можно было видеть, что болезнь измотала её.

Разговаривая со мной, она так и лежала на печи ничком, без подушки, головой к двери, а я стоял внизу. Она не проявила радости заполучить квартиранта, жаловалась на чёрный недуг, из приступа которого выходила сейчас: недуг налетал на неё не каждый месяц, но, налетев, – ...держит два-дни и три-дни, так что ни встать, ни подать я вам не приспею. А избу бы не жалко, живите.

<...>

И в эту жизнь, густую заботами, ещё врывалась временами тяжёлая немочь, Матрёна валилась и сутки-двое лежала пластом. Она не жаловалась, не стонала, но и не шевелилась почти. В такие дни Маша, близкая подруга Матрёны с самых молодых годков, приходила обихаживать козу да топить печь. Сама Матрёна не пила, не ела и не просила ничего» [3, 109–110, 117].

Во фрагменте из рассказа Тургенева прямо намечена ассоциативная связь описания героини и иконы «старинного письма», в отрывке из рассказа Солженицына иконографические черты «спрятаны», не столь очевидны, однако житийные мотивы (болезнь, страдание, смирение), цветовые обозначения, взгляд рассказчика, выхватывающий и выделяющий лицо героини, в контексте рассказа обращают читателя к той же иконографической традиции.

Из приведённых сопоставлений становится очевидным, что Солженицын обращается к тому типу характера, что русская литература вырабатывала на протяжении долгих лет. Образ благородного страдания соотносится с сочувствующим рассказчиком – дань не только сентиментально-романтическому сюжетосложению. Идиллическое мирозерцание вызывает умиление – душевное состояние, характерное для всей русской духовной культуры.

Тип рассказчика у Солженицына также вбирает опыт традиции. Рассказчик становится свидетелем иной жизни, чужого страдания. Автор уловил сам *душевный строй* национального самосознания. Уход рассказчика из посёлка соотносится с его возвращением, финал обращает читателя к началу:

«На сто восемьдесят четвертом километре от Москвы, по ветке, что ведёт к Мурому и Казани, ещё с добрых полгода после того все поезда замедляли свой ход почти как бы до ошупи. Пассажиры льнули к стеклам, выходили в тамбур: чинят пути, что ли? Из графика вышел?

Нет. Пройдя переезд, поезд опять набирал скорость, пассажиры усаживались.

Только машинисты знали и помнили, отчего это всё.

Да я» [3, с. 106].

Воспоминание о Матрёне не только знак памяти, это – определённый этап духовного опыта рассказчика. «Во многих мифопоэтических и религиозных традициях, – как отмечает В. Н. Топоров, – мифологема пути выступает не только в форме зримой реальной дороги, но и метафорически – как обозначение линии поведения (особенно часто нравственного, духовного), как некий свод правил, закон, учение, своего рода вероучение, религия. Во многих случаях ценность пути состоит не столько в том, что он венчается неким успехом, достижением благого и чаемого состояния, сколько в нём самом. Создание «великих» текстов есть осуществление права на ту внутреннюю свободу, которая и создает «новое пространство и новое время», т. е. новую сферу бытия, понимаемую как преодоление тварности и смерти, как образ вечной жизни и бессмертия» [10].

Выводы. Автор усиливает смысл финала, сопрягая смерть Матрёны с ещё одной характерной для отечественной литературы традицией: гибель героини, как смерть трагического героя, несёт жизнеутверждение нравственных ценностей, символика праведной смерти ведёт к житейному контексту и одновременно к сюжету воскрешения.

Синтез хронотопических и жанровых традиций, таким образом, создаёт художественное целое произведения, вбирающее культурную память и возобновляющее течение-осмысление духовной жизни.

Примечания

¹ «...в настоящее время вырисовываются перспективы особой «специализированной» поэтики, отсылающей как к самому тексту, так и к «правилам» его чтения (литературоведческо-читательский аспект) сквозь призму «пространственности» (Сараскина Л. И. Солженицын в медиа в пространстве советской и постсоветской культуры [Электронный ресурс]. Электрон. текстовые данные. М.: Прогресс-Традиция, 2014. 608 с. 978-5-89826-407-9. Режим доступа: <http://www.iprbookshop.ru/27883.html> (дата обращения: 01.11.2018)).

² Н. С. Цветова считает, что в рассказе разрушается фольклорный хронотоп (Цветова Н. С. Литературная эсхатология А. И. Солженицына (на материале рассказа «Матрёнин двор») // Л. Н. Толстой и А. И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени: материалы Всероссийской научной конференции. Липецк: ЛГПУ, 2018. С. 159–167).

Библиографический список

1. Спиваковский П. Е. Теоретико-литературные аспекты творчества А. И. Солженицына // Теоретико-литературные итоги XX века. Т. 1. Литературное произведение и художественный процесс. М.: «Наука», 2003. С. 307–371.
2. Фридлиндер Г. М. О Солженицыне и его эстетике // Русская литература, 1993. № 1. С. 92–99.
3. Солженицын А. И. Избранная проза. М.: «Советская Россия», 1990. 704 с.
4. Александр Солженицын [Электронный ресурс]: учебное пособие / М. М. Голубков. Электрон. текстовые данные. М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2001. 112 с. 5-211-04396-0. URL: <http://www.iprbookshop.ru/13292.html> (дата обращения: 10.11.2018).
5. Хализев В. Е., Кормилов С. И. Роман Л. Н. Толстого «Война и мир». М.: «Высшая школа», 1983. 112 с.
6. Теория литературы: в 2 т. ; под ред. Н. Д. Тмарченко. Т. 1. М.: «Academia», 2004. 512 с.
7. Ковтун Н. В. Иконическая христианская традиция в «Матрёнин двор» А. Солженицына и «Избе» В. Распутина: проблема авторского диалога // Филологический класс. 2013. № 3 (33). С. 17–25.
8. Гоголь Н. В. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 2. М.: «Терра», 1999. 384 с.
9. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Т. 4 ; гл. ред. М. П. Алексеев ; ред. тома С. А. Макашин и Ю. Г. Оксман. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР, 1963. 615 с.
10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284 [Электронный ресурс]. URL: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html (дата обращения: 10.11.2018).

E. I. Kopteva,

Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the,
Department of Literature and Cultural Studies,

Omsk State Pedagogical University,

14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2409-6361>

e-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

TRADITIONAL CHRONOTOPES OF THE RUSSIAN CLASSICS IN A. I. SOLZHENITSYN'S ("MATRYONA'S PLACE") RECONSIDERATION

Introduction. The problem of the Russian classics literary tradition transformation in “Matryona’s Place” story by A. I. Solzhenitsyn is considered. Purpose: Genre and style originality consideration of A. I. Solzhenitsyn’s prose.

Materials and Methods. One of the analysis vectors here is the chronotope consideration and with it help one can see the principles of genre formation. In terms of methodology, we rely on the concept of M. M. Bakhtin concerning the relationship between the chronotope and the author's consciousness orientation value, the theoretical understanding by N. D. Tamarchenko on the chronotope and genre interdependence. The work is based on comparative historical and typological research methods.

Results. Matryona's figure is comprehended in connection with idyllic outlook, and the story-teller's figure is seen as a medium of the dramatic relation to life. In the Russian classical literary tradition context an idyllic and drama chronotopes are considered in their inseparable correlation.

Conclusions. Death of the story's heroine as the death of a tragic hero bears life-affirming moral values; the death of the righteous symbolism leads to a hagiographical context and at the same time to a resurrection plot. Thus, synthesis of the chronotope and genre traditions creates an artistic integration of the work incorporating cultural memory and renewing spiritual life.

Keywords: A. I. Solzhenitsyn, Matryona's Place, chronotope, genre and style unity, idyllic, drama, literary tradition.

References

1. Spivakovskiy P. E. Theoretical-literary aspects of creativity of A. I. Solzhenitsyn. *Theoretical-literary results of XX century*. In 4 vol. Vol. 1. Literary work and art process. Moscow, Nauka Publ., 2003, pp. 307–371. (In Russian).
2. Friedl'ender G. M. On Solzhenitsyn and his aesthetics. *Russian literature*. 1993, no. 1, pp. 92–99. (In Russian).
3. Solzhenitsyn A. I. *Chosen prose*. Moscow, Sovetskaja Rossia Publ., 1990, 704 p. (In Russian).
4. Golubkov M. M. *Alexander Solzhenitsyn*. Moscow, MGU Publ., 2001, 112 p. Available at: <http://www.iprbookshop.ru/13292.html>. (accessed 10.11.2018). (In Russian).
5. Halizev V. E., Kormilov S. I. *Roman of L. N. Tolstoy «War and peace»*. Moscow, Vusshaja Shkola Publ., 1983, 112 p. (In Russian).
6. *Theory of literature*. Ed. by N. D. Tamarchenko. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow, Academia Publ., 2004, 512 p. (In Russian).
7. Kovtun N. V. Iconic Christian tradition in «Matryona's Place» by A. Solzhenitsyn and V. Rasputin's «Log hut»: problem of author's dialogue. *Philological class*. 2013, no. 3(33), pp. 17–25. (In Russian).
8. Gogol N. V. *Collected works*. In 8 volumes. Vol. 2. Moscow, Terra Publ., 1999, 384 p. (In Russian).
9. Turgenev I. S. *Complete works and letters*. In 28 volumes. Work. In 15 volumes. Ed. by M. P. Alekseev. Vol. 4. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963, 615 p. (In Russian).
10. Toporov V. N. Space and text. *Text: semantics and structure*. Moscow, Nauka Publ., 1983, pp. 227–284. Available at: http://ec-dejavu.ru/p/Publ_Toporov_Space.html. (accessed 10.11.2018). (In Russian).

Поступила в редакцию 7.05.2019

© Е. И. Коптева, 2019

Автор статьи: **Элеонора Ивановна Коптева**, доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: eleonora_kopteva@mail.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Г. В. Косяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

Н. В. Макшеева,

Омский государственный педагогический университет

**ЗАПАДНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕМЫ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА
(ОБ ЭКРАНИЗАЦИИ ПОВЕСТИ «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА»)**

Проблема и цель. В соответствии с актуальной компаративистской направленностью современной гуманитарной науки в статье раскрывается содержательная сторона творческого диалога русского писателя А. И. Солженицына и финского режиссёра Каспера Вреде, анализируется проблематика фильма «Один день Ивана Денисовича», поставленного в 1970 г. по одноименному произведению А. Солженицына.

Методология. Методология основана на положениях современной компаративистики. Основными методами анализа являются историко-культурный, творческо-генетический, семиотический.

Результаты. Как и многих западных кинематографистов, Каспера Вреде при обращении к русской классике интересуют проблемы трансформации сознания и получения нового внутреннего опыта. Финский режиссёр раскрывает те особенности психологии арестантов, которые помогают им выжить в экстремальных условиях лагеря.

Выводы. При переводе произведения с одного языка искусства на другой, существенно меняются смысловые акценты. Финский режиссёр, прибегая к экранизации рассказа А. Солженицына, продолжает линию своего творчества, что не исключает плодотворный мировоззренческий диалог с русским писателем.

Ключевые слова: компаративистика, язык искусства, смысловые акценты, символ, метафора, элементы киноязыка, режиссёрская концепция, Александр Солженицын, Каспер Вреде, Том Кортни.

Проблема и цель. Отношение к Александру Солженицыну на Западе сложилось ещё до того, как писатель был вынужден уехать из страны. Личность и творчество писателя импонировали своим бесстрашием, правдолюбием и способностью в одиночку противостоять тоталитарной системе. Западной интеллигенции Солженицын был интересен масштабом своей личности. Об этом хорошо сказал его итальянский биограф: «Солженицын прежде всего великий писатель и лишь во вторую очередь – литературная сенсация. Его величие – не в известности, которую он приобрёл; будь он посредственностью, вряд ли его судьба заинтересовала бы весь мир» [1, с. 5].

Литературный талант писателя тоже был отмечен сразу. Когда в 1962 г. опубликовали рассказ «Один день Ивана Денисовича», Солженицын в глазах западной критики «стал классиком буквально за один день» [2, с. 5]. Другие произведения, такие как роман «В круге первом» и повесть «Раковый корпус», оценивались специалистами как значительные явления в литературе XX в. Западная общественность приветствовала присуждение Нобелевской премии по литературе в 1970 г. и протестовала против исключения Солженицына из Союза советских писателей в 1969 г.

Исследования творчества Солженицына на Западе отличаются философской направленностью и широтой охвата проблем. При этом мировоззрение Солженицына-писателя всегда было объектом особого внимания. Учёных интересовал вопрос соотношения полюсов: человек-мыслитель и художник, глубина моральной вселенной писателя, а также приёмы и техники письма, категории национальной жизни и национального менталитета [3]. Исследователей «Одного дня Ивана Денисовича» привлекала «крестьянская точка зрения» героя на мир, которая позволила ему трезво оценить действительность лагерной жизни [4, с. 517–536].

И если Солженицын-публицист подчас отпугивал собеседников на Западе непривычными для их менталитета прямолинейностью и максимализмом высказываний, то герой его рассказа, напротив, подкупал своим здравым смыслом и пониманием законов того мира, в который он попал. Шухова отличает «крепкий и трезвый подход к действительности», «здоровое чувство моральной ориентации» и умение в самых сложных ситуациях «сохранять человеческое достоинство» [4, с. 526]. Иван хорошо знает «правила игры» и старается их не нарушать в отличие от Буйновского, который ощущает себя по развитию гораздо выше Шухова, но в действительности «законов лагерного мира не понимает».

Результаты. Единственная экранизация рассказа была создана в 1970 г. английским режиссёром финского происхождения Каспером Вреде. В России фильм по мотивам «Одного дня Ивана Денисовича» снимается Глебом Памфиловым. Выход его на широкий экран ожидается весной 2020 г.

А. И. Солженицын довольно высоко оценил экранизацию своего рассказа. В интервью для французского телевидения он поделился своими мыслями о фильме: *«Я должен сказать, что режиссёры и актёры этого фильма подошли очень честно к задаче, и с большим проникновением, они ведь сами не испытывали этого, не пережили, но смогли угадать это щемящее настроение и смогли передать этот замедленный темп, который наполняет жизнь такого заключённого 10 лет, иногда 25, если, как часто бывает, он не умрёт раньше (...) Я, надо сказать, удивляюсь, как авторы фильма могли так понять и искренней душой попробовали передать западному зрителю наши страдания»* [5, с. 383].

Год выхода фильма Каспера Вреде был неоднозначным для Солженицына: он получает Нобелевскую премию по литературе «за нравственную силу, почерпнутую в традиции великой русской литературы», и в это же время на родине начинается политическая кампания против писателя, которая чуть позже приводит к вынужденной эмиграции.

Сценарий к фильму написал Рональд Харвуд, известный по фильму «Пианист» о музыканте В. Шпильмане. Съёмки проходили в суровых условиях Норвегии. Главную роль сыграл Том Кортни. Это была вторая совместная работа британского актёра и режиссёра. В 1962 г. был снят фильм «Рядовой Поттер», в основу сюжета которого легла необычная ситуация, произошедшая с молодым солдатом Поттером. Во время ночной военной операции, когда нужно было передвигаться бесшумно, он вскочил на ноги и заорал во весь голос. Позже выясняется, что молодой солдат увидел... Бога. Пережитое откровение сначала делает его изгоем и бунтарём, а затем помогает смириться перед самыми тяжёлыми жизненными обстоятельствами. В конце фильма Поттер отправляется в одиночную камеру, утверждая, что там он точно не потеряет Бога. Говоря об индивидуальном почерке актёра, исследователи отмечают, что «он умеет играть трагедию, принципиально лишённую катарсиса. Длительность неизбывного страдания, которому нет никакого конца» [6]. Такой актёр идеально подошёл на роль Ивана Денисовича, отбывающего бесконечный лагерный срок, где время становится вечностью.

Фильму «Один день Ивана Денисовича» не повезло со зрительской аудиторией ни на Западе, ни в России. В Финляндии фильм был запрещён Финским советом по классификации фильмов. Впервые его показали в стране в 1994 г. В семидесятые годы, когда Солженицын в России был объявлен врагом советского строя, фильм был не актуален, а современному зрителю оказался не интересен. Об этом свидетельствует отсутствие профессиональных рецензий и зрительских отзывов на кинематографических сайтах. Своеобразная стилистика и замедленный ритм фильма, отсутствие привычных спецэффектов затрудняет зрительский контакт с ним. Фильм о лагерной жизни, действие которого разворачивается почти в полной темноте, а главный герой совсем не похож на русского Ивана, вряд ли может заинтересовать современного российского зрителя. Но всё же к фильму стоит присмотреться, он интересен режиссёрской мыслью, которая разворачивается не прямолинейно, благодаря использованию определённых элементов киноязыка: световых контрастов, крупных планов, тщательно отобранных диалогов персонажей. Как и в первом фильме «Рядовой Поттер», Каспера Вреде интересуют экзистенциальная проблематика, философские аспекты человеческого бытия. И подходит он к этим проблемам, умело сочетая фактическую достоверность лагерной жизни и символические детали, которые воспринимаются главным образом благодаря словесному контексту диалогов.

В фильмах значительных режиссёров концепция обычно в сжатом символическом виде присутствует в титрах. (Можно вспомнить «Фотоувеличение» М. Антониони, «Последнее танго в Париже» Б. Бертолуччи, «Смерть в Венеции» Л. Висконти и др.) Каспер Вреде не изменяет этой традиции. В первых кадрах во время показа титров режиссёр задаёт космический масштаб темы, рисуя на тёмном пространстве экрана светящийся объект, своими очертаниями напоминающий звёздную галактику, которая постепенно движется к зрителю под специфически медитативную «музыку». Приблизившись к объекту вплотную, камера начинает различать очертания зоны, описанной в рассказе Солженицына. Метафора читается легко: мир зоны предстаёт как особая Вселенная, исследовать природу которой предстоит режиссёру и зрителю. При первом знакомстве жизнь зоны можно соотнести только с адом. Действие разворачивается почти в полной темноте, время практически останавливается: дорога арестантов до места работы длится бесконечно. Неприятное ощущение вызывают крупные планы жующих ртов и подробности арестантского рациона: кости и глаза рыбы, которыми брезгует Иван Денисович. Жёсткий контроль за каждым шагом и бесцеремонность надзирателей усиливает первое впечатление. Очень скоро выясняется, что эта неприглядная действительность – рукотворный ад, созданный советской властью под руководством Сталина. На стене в надзирательской, куда Ивана отправляют мыть пол, висит портрет Сталина, а во время работы мы слышим реплику: «Правительство и солнцу указывает».

Каким же образом можно выжить в этих условиях? Отвечая на этот вопрос, режиссёр акцентирует не столько физическую, сколько психологическую сторону жизни арестантов. Выживают те, кто сумел научиться видеть положительную сторону даже в самой неблагоприятной ситуации. Из многочисленных диалогов рассказа режиссёр выбирает те реплики, которые подчёркивают умение видеть «хорошее»: «Тебе повезло: карцер с выводом на работу. Будет чем заняться». «Могло быть и хуже». Рассказывая о том, как он попал в лагерь, Иван Денисович сравнивает здешнюю жизнь с той, что заключённые вели в лагере на Севере: «Знаешь, здесь нормальная жизнь. Ночью на работу не выгоняют, у тебя каждый день есть конкретная работа в конкретное время. И ты знаешь, что вечером вернёшься и ляжешь спать. Я думаю, здесь жизнь поспокойнее». (Заметим, что монолог Ивана в фильме значительно расширен по сравнению с рассказом.) Самое сильное высказывание в этом ключе принадлежит верующему герою баптисту Алёшке: «Да возблагодарим Бога за такую участь». В финальной части фильма режиссёр почти целиком воспроизводит диалог Алёшки и Ивана о вере, и эта мысль о лучшей участи раскрывается более подробно: «Что тебе воля? На воле твоя последняя вера терниями заглохнет! Ты радуйся, что ты в тюрьме. Здесь тебе есть время о душе подумать!» Иван не возражает: «Я ж не против Бога, понимаешь. В Бога я охотно верю. Только вот не верю я в рай и ад».

Засыпая, Шухов вспоминает все удачные повороты событий сегодняшнего дня, и режиссёр снова показывает нам светящуюся плоскость космического объекта на темном пространстве экрана. Масштаб повествования вновь расширяется и заставляет зрителя почувствовать, что качество изображённой жизни изменилось. Неведомая галактика – зона видится теперь сквозь призму внутреннего мира человека. И эта призма изменяет впечатление о природе изображённой реальности, делая ад и рай понятиями относительными, зависящими от восприятия человеком фактов своей жизни.

Выводы. Перед автором рассказа «Один день Ивана Денисовича» стояла задача открыть действительность лагерной жизни, о которой многие знали, но не представляли её достоверности и потому не воспринимали на сознательном уровне. Искусно воссоздав живой язык простого человека Ивана Шухова, Солженицын позволил читателям увидеть полнокровный образ скрываемой от общества реальности. «Без преувеличения можно сказать, – пишет учёный Алексей Климов, – что своим неопровержимым утверждением реалий действительной жизни «Один день...» послужил для общества некой «социальной терапией» [4, с. 527].

Осуществляя перевод текста с одного языка искусства на другой, режиссёр Каспер Вреде, на наш взгляд, не преследовал цели наиболее полно и точно передать содержание рассказа. Тема А. Солженицына стала основой для собственного высказывания, где сделаны несколько иные смысловые акценты.

Как и многих западных режиссёров, пытающихся экранизировать русскую классику (см. напр. современный сериал Тома Харпера «Война и мир» 2016 г.), Каспера Вреде интересует проблема выживания человека в экстремальных условиях и его способность принимать сложные обстоятельства жизни, изменив свое сознание. Этому Запад, и особенно британские кинематографисты, готовы учиться, прислушиваясь к уникальному опыту.

Москвичи в ситуации 1812 г., покидавшие свои дома и имущество, Пьер Безухов, выживший в плену, Платон Каратаев, открывший ему простые истины жизни... В этот ряд можно поставить и героя Солженицына Ивана Шухова, сумевшего пережить лагерный срок. (Автобиографичность образа позволяет сделать такой вывод.)

Несмотря на обилие физиологических подробностей жизни в лагере, Каспер Вреде раскрывает заданную проблему с психологической точки зрения. Выживает тот, кто научился принимать обстоятельства, в которых находится, видеть лучшую, а не худшую сторону каждой ситуации. Интересно, что к этому выбору арестантов склоняет сам уклад лагерной жизни. Зона «воспитывает», вынуждая смиряться в себе порывы к высказыванию недовольства, причин для которого неисчислимо множество. Большинство заключённых просто научились терпеть. Для тех же, кто смог прийти к полному принятию «участи», совершается чудо: качество переживаемой реальности меняется на прямо противоположное. Поэтому так важна в зоне возможность обмена словом, передачи мировоззрения от одного человека к другому. Это подчас дороже «хлеба насущного». (См. сцену с передачей печенья Алёше.)

Каспер Вреде продолжает линию своего творчества. Между первым и вторым фильмом режиссёра очевидна преемственность. Если в фильме «Рядовой Поттер» герой, обретая Бога, готов идти с ним в одиночную камеру, то в «Одном дне...» лагерная жизнь, вырабатывая смирение, подготавливает человека к обретению нового экзистенциального опыта.

При этом финский режиссёр до конца не выходит из смысловой орбиты А. Солженицына, раскрывая в фильме существенные грани его творчества. Так, метафора «Архипелаг Гулаг» обретает визуальное воплощение в первых и последних кадрах фильма, рисующих образ особого мира, – таинственной звёздной галактики, а установка писателя, определившего жанр своего романа как «опыт художественного исследования», оказывается весьма созвучной режиссёру.

Опираясь на «неопровержимое утверждение реалий действительной жизни» в рассказе Солженицына, Каспер Вреде поворачивает эту тему неожиданной стороной, утверждая «неопровержимую реальность внутренней жизни», сообщая ей онтологический статус.

Библиографический список

1. Grazzini G Solzhenitsyn. N.Y:Dell., 1973. 256 p.
2. Эдвард Э. Эриксон, мл. Солженицын, западные критики и вопросы мировоззрения // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008 : сб. ст. М., 2010. 720 с.
3. См. напр.: Barker, F. Solzhenitsyn. Politics and Form. London : Macmillan, 1977. 200 p.; Frankel, E. R. Russians, Jews and Solzhenitsyn // Soviet Jews Affairs. Vol. 5. № 2. 1975. 20 p.; Friedberg, M. Solzhenitsyn and Russia's Jews // Midstream. Vol. 20. № 7. 1974. 5 p.; Geltman, M. Solzhenitsyn in Exile // Midstream. Vol. 23. № 6. 1977. 8 с.
4. Климов А. Иван Денисович и крестьянская точка зрения // Солженицын: Мыслитель, историк, художник. Западная критика, 1974–2008: сб. ст. М., 2010. 720 с.
6. Александр Солженицын. Публицистика в 3 т. Т.2. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1996. 623 с.
7. Шитенбург Л. На длинной дистанции // Журнал «Сеанс». 21 марта 2013 г. 336 с. URL: https://seance.ru/blog/portrait/sir_tom_courtenay/

N. V. Maksheeva,
Candidate of Philology,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9482-5745>
e-mail: kafedra-2006@mail.ru

WESTERN INTERPRETATION OF A. SOLZHENITSYN'S IDEAS (ABOUT THE FILM ADAPTATION OF “ONE DAY IN THE LIFE OF IVAN DENISOVICH” NOVEL)

Introduction. In accordance with the comparative approach in modern literary criticism, the article focuses on the dialogue between Russian writer A. Solzhenitsyn and Finnish director Kasper Wrede. The author of the article explores the Wrede's interpretation of Solzhenitsyn's novel “One day in the life of Ivan Denisovich” produced in 1970.

Methodology. The methodology is based on the principles of modern comparative studies. The main methods of analysis are historical-cultural, semiotic ones.

Results. Like many Western cinematographers, Casper Wrede referring to the Russian classical literature is focused mainly on the problem of spiritual transformation and new existential experience. The Finnish director explores the specificity of the prisoners' psychology that helped them survive in the extreme conditions of the camp.

Conclusions. Translating a literary work to the language of another type of art can change its semantic accents significantly. Wrede's film represents an interesting interpretation and original dialog with the ideas of Alexander Solzhenitsyn.

Keywords: comparative studies, language of art, semantic accents, symbol, metaphor, Alexander Solzhenitsyn, Casper Wrede, Tom Courtney.

References

1. Grazzini G. *Solzhenitsyn*. N.Y: Dell., 1973. 256 p. (In Russian).
2. Edward E. Erickson. Solzhenitsyn, Western critics and worldview issues // *Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist*. Western criticism, 1974–2008. M., 2010. 720 p. (In Russian).
3. See: Barker, F. *Solzhenitsyn. Politics and Form*. London: Macmillan, 1977. 200 p.; Frankel, E.R. Russians, Jews and Solzhenitsyn // *Soviet Jews Affairs*. Vol. 5. No. 2. 1975.20 p.; Friedberg, M. Solzhenitsyn and Russia's Jews //

Midstream. Vol. 20. No. 7. 1974. 5 p; Geltman, M. Solzhenitsyn in Exile // *Midstream*. Vol. 23. No. 6. 1977. 8 p. (In Russian).

4. Klimov A. Ivan Denisovich and the peasants' point of view // *Solzhenitsyn: Thinker, historian, artist*. Western criticism, 1974-2008: Sat. Art. M., 2010. 720 p. (In Russian).

5. Alexander Solzhenitsyn's Publicism in 3 volumes V.2. Yaroslavl: Upper Volga book publishing house, 1996. 623 p.

6. Shitenburg L. On the long distance // *Journal "Session"*. March 21, 2013. 336 p. URL: https://seance.ru/blog/portrait/sir_tom_courtenay (In Russian).

Поступила в редакцию 7.05.2019

© Н. В. Макшеева, 2019

Автор статьи: **Наталья Вячеславовна Макшеева**, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: nataliakultur@mail.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Г. В. Косяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

Т. И. Подкорытова, А. В. Подворная,
Омский государственный педагогический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕМЫ РУСИ-ДЕРЕВНИ ОТ А. СОЛЖЕНИЦЫНА («МАТРЁНИН ДВОР») ДО О. БОГАЕВА («МАРЬИНО ПОЛЕ»)

Проблема и цель. Цель статьи – проследить эволюцию константных образов деревенской прозы от рассказа А. Солженицына «Матрёнин двор» до пьесы О. Богаева «Марьино поле».

Методология. Проблема изучается историко-культурным, сравнительно-историческим и культурологическим методами.

Результаты. Приводятся наблюдения о смене проблематических акцентов в развитии деревенской темы от А. Солженицына до О. Богаева.

Выводы. В начале XXI в. деревенская проза переживает кризис, тема деревни разрабатывается в новой драматургии.

Ключевые слова: деревенская проза, А. Солженицын, О. Богаев, новая драматургия.

Проблема и цель. Соотнесение понятий «деревня» (лат. *rus*) и «Русь» впервые произвёл, как известно, А. С. Пушкин, обыграв этот омонимический параллелизм в эпиграфе к деревенским главам «Евгения Онегина». Деревенская тема и в дальнейшем использовалась русской литературой как «магический кристалл», высвечивающий сущность «русского духа». Однако в разные периоды эта тема освещалась под разным углом зрения, и можно усмотреть в её литературной истории одну любопытную закономерность, связанную с колебаниями между апологетическим и критическим взглядом на крестьянский мир.

Так, в XIX в. закреплённая Русь-деревня вызывает глубокое сочувствие и видится преимущественно в идеальном ракурсе – как образец соборного сознания и религиозно-нравственных устоев русской культуры. И, напротив, пореформенная, освобождённая деревня ужасает литературу своей оборотной, отталкивающей стороной. Писатели начала XX в. (причём принадлежащие к разным художественным направлениям, как, например, Бунин и Горький) воспроизводят гнетущие картины социального и нравственного разложения крестьянства, отмечают беспредельную власть наживы, всплеск звериных инстинктов («зоологический индивидуализм» в терминологии Горького), склонность к бессмысленному и беспощадному насилию и т. п. Образ тёмной, одержимой собственническим инстинктом деревни подхватывает ранняя советская литература, внедряющая лозунг о необходимости революционной «перековки» крестьянского «буржуазно-индивидуалистического» сознания. А позднее, следуя новому социальному заказу, литература «развитого соцреализма» апологетически лакирует образ советской колхозной деревни, изображая «перекованное» крестьянство сознательным приверженцем идеи «коммунистического коллективизма».

Но парадокс в том, что попытка насильственной переделки деревни в духе коммунистической утопии обернулась противоположным эффектом: колхозная практика имела своим следствием не преобразование традиционного крестьянского менталитета, а, скорее, наоборот, – его сохранение, замораживание. Так вновь закреплённое крестьянство по воле судьбы на весь советский период оказалось в роли апотропея традиционной народной культуры. Именно поэтому «Русь изначальная» была заново открыта литературой во второй половине XX в. Тема получила особенно широкий резонанс в 1960-70-е годы, породив целое «деревенское» направление, ставшее одним из самых значительных явлений художественной жизни этих десятилетий. Это, в сущности, можно назвать реваншем. Литература вновь реабилитировала старозаветную деревню как средоточие нравственно-духовных основ национальной культуры, произведя крутой поворот от соцреализма в сторону русской классики XIX в.

У начала этой возвратной волны, как справедливо отмечается, стоит рассказ А. Солженицына «Матрёнин двор» (1959), идейно-мотивный комплекс которого был подхвачен и развит деревенской прозой.

Результаты. Свою главную задачу Солженицын открыто сформулировал в первоначальном названии рассказа «Не стоит село без праведника». Воплощая этот замысел, писатель выстраивает композицию рассказа с оглядкой на иконографический образец. Фигура Матрёны резко выделена как

безусловный центр повествования, она дана крупным планом и как бы изолирована рамками своего дома, а её связи и отношения с миром показаны на довольно отдалённом расстоянии от дома-центра, как будто в каком-то другом измерении. Такая изоляция героини подобна среднику житийной иконы, а эпизоды её жизненных мытарств напоминают мелкие изображения боковых клейм. Таким образом, «Матрёнин двор» представлен очищенным от случайных «теневых» наслоений идеальным субстратом деревенской «*нутряной России*», к которой целенаправленно стремится герой-писатель как к источнику творческого вдохновения («*писал свое в тишине избы*») [1].

Осмысляя самобытный облик русской праведности, Солженицын как художник-документалист руководствуется и собственными наблюдениями, и подсказкой литературной классики. Он заостряет в характере своей героини такое субстанционально национальное свойство, как пресловутое русское «долготерпение», его Матрёна с почти сверхъестественной выносливостью переносит свои невзгоды и немощи в одиночестве, никому не жалуясь, никого не обременяя просьбами о помощи. В связи с этим в критике упоминали сходный образ Лукерьи из рассказа Тургенева «Живые мощи», которому предпослан эпитафия из Тютчева: «Край родной долготерпенья...» [2]. Но кроткая терпеливость тургеневской героини, страдающей от неизлечимой болезни, имеет религиозную подоплеку, поддерживается верой в загробный покой рая, Лукерья смиренно ждёт смерти, освобождающей от страданий. Солженицын же переводит трактовку мотива «долготерпения» из зоны религиозности в область крестьянской трудовой практики. Он, напротив, отмечает в своей героине ее поразительную живучесть, неистребимую волю к жизни. Причиной этой живучести, по мысли автора, является крестьянская привычка к труду. Как и в «Иване Денисовиче», Солженицын еще раз подчёркивает спасительную функцию труда, вызволяющего из телесных и душевных болезней. Действительно, культовая ценность труда составляет основу традиционной народной культуры, в крестьянской среде о человеке судят именно по отношению к труду. Но праведница Матрёна и в трудах своих обрисована как феномен, превышающий обычные нормы крестьянской жизни. Ее отличает, прежде всего, абсолютная бескорыстность, готовность, покидая «свой черёд дел», без платы и награды помогать людям, причём независимо от их дружеского или враждебного отношения к ней. Такая безотказность кажется аномальной самим жителям деревни, хотя они бесцеремонно ею пользуются.

Нельзя не заметить, что присущие Матрёне незлобивость и непротивление, склонность к самоотречению, бескорыстное служение ближним аналогичны высшему разряду «праведных» свойств, составляющих духовно-нравственный кодекс христианства. Однако, касаясь религиозности Матрёны, автор говорит, что скорее «брали в ней верх суеверия», наследие язычества. Матрёне свойственна не ортодоксальная благочестивость, а именно праведность как нечто, не церковными наставлениями заданное, а «нутряное», врождённое. Иначе говоря, народная душа видится писателем как *anima naturaliter christiana* (по природе своей христианская). Солженицын, в сущности, фиксирует совпадение между естественными свойствами родовой природы, для которой «общее» превышает «личное», и установками христианской морали. В этом есть своя правота, так как христианский нравственный кодекс сложился в Средневековье и в основе своей покоится на специфике родового, общинного менталитета. Вместе с тем такая концепция праведности, безусловно, возникла не без влияния моральных идей Толстого. Литературным прототипом Матрёны, как можно думать, послужил образ Пашеньки (Прасковьи Михайловны) из рассказа Толстого «Отец Сергей». Истоки же самого толстовского образа восходят к житию Ульянии Осорьиной, где впервые затронута проблема благочестивости повседневной, внецерковной, а основанием святости выдвигается человеколюбие, «нелицемерная любовь» к ближнему [3]. Подлинная праведность, которую олицетворяет толстовская Пашенька, не знает о самой себе, она укоренена в самой органике человеческого существа: Пашенька «физически» не выносила недобрых отношений, «она просто страдала от вида злобы, как от дурного запаха, резкого шума, ударов по телу» [4]. Образ Пашеньки, наделённый простонародными чертами, привлечён у Толстого с целью ниспровержения рассудочной религиозности отца Сергия, чья практика волевой «подгонки» души к предписанным нравственным «правилам» кончается крахом.

Для Солженицына толстовское противостояние ортодоксальной морали было, конечно, не актуальным. Он заостряет внимание на других контрастах. С одной стороны, антиподами его праведницы выступают люди системы (агрессивная председательша, злая врачиха), писателю важно показать духовно-нравственный приоритет народной души перед нравственным фиаско советского строя, порождающего равнодушных, «злых» людей.

Но с другой стороны, праведность героини оттеняется оборотной стороной самой деревенской психологии. Солженицын ясно видит ее неоднородность, её внутреннее расслоение. Не только совет-

ская система, но и заложенный в самой крестьянской психологии потребительский эгоизм является причиной страдальческой жизни и финальной смерти Матрёны. Обратная, теневая сторона «кондовой» Руси-деревни особенно рельефно представлена фигурой Фаддея. Весь комплекс праведных свойств Матрёны в его образе вывернут наизнанку: женской жертвенности, доброте, бескорыстию, непротивлению противопоставлены мужская хищность, злоба, жадность, агрессия. Смерть Матрёны словно активизирует эти алчно-агрессивные силы деревенского мира, которые в финале выходят с композиционно боковых позиций на первый план. Повествование о праведнице завершается отталкивающими картинами похорон и поминок, где оплакивание покойной превращается в скрытую схватку за собственность двух враждующих кланов Матрёниной родни.

Такое видение одержимой собственническим инстинктом крестьянской природы заставляет вспомнить «антикрестьянский» настрой, присущий ранней советской прозе. В связи с этим интересно сравнить «Матрёнин двор» с рассказом «Яблоневый цвет» (1929 г.) талантливого прозаика первой трети XX в. Пантелеймона Романова. Этот рассказ имеет сходную фабулу: приехавший из города художник выбирает себе на постой самую бедную избёнку, где живет неприхотливая и простодушная старуха Поликарповна; оба чувствуют душевное родство по отношению друг к другу, жилец бескорыстно помогает своей простосердечной хозяйке (поправляет ее разваливающийся домик и т.п.). Но местные жители внушают Поликарповне, что она сильно продешевила с платой за жильё, в итоге её родственное, материнское отношение к своему постояльцу сменяется ненавистью, деньги оказываются сильнее «души». Романов соединяет в своей «народной героине» оба начала крестьянской психологии – и добросердечие, и корыстолюбие.

Солженицын, напротив, разводит эти два начала как центр и периферию традиционной деревни. Обособляя образ своей праведницы, писатель выделяет тот субстанциональный корень, от которого зависит сама жизнеспособность национального бытия, с утратой которого рухнет древо народной культуры («не стоит село без праведника»).

Образ Матрёны, олицетворяющий душу «нутряной России», открывает генеральную линию любимых персонажей деревенской прозы. Здесь можно вспомнить и колоритную фигуру бабушки Катерины Петровны, «генерала» большой семьи, из повести В. Астафьева «Последний поклон»; или особенно близкий солженицынской Матрёне образ старой Милентьевны из рассказа Ф. Абрамова «Деревянные кони»; и знаменитых старух В. Распутина («Последний срок», «Прощанье с Матёрой»); и портреты талантливых эпических сказительниц Русского Севера, запечатлённые в цикле очерков Вл. Личутина («Государственная бабушка» и «Марфа-поморка») и др. Однако такой персонаж у писателей-деревенщиков воплощает не исключительность свойств одинокого праведника, а типичность женской крестьянской природы, с которой сопряжена авторская концепция «домостроения» или «лада» (термин В. Белова) народной культуры. Вместе с тем не случайно, что функция «хранительницы дома», как правило, связывается с образом старухи. Являясь воплощением народной души и мудрости, этот образ одновременно знаменует собой близкий исход старого уклада Руси-деревни, его «последний срок» (эта тема была также предварена Солженицыным).

Продолжается в деревенской прозе и намеченная Солженицыным негативная тенденция в описании мужских персонажей, представляющих «теневую» контраст по отношению к женской образной линии. Солженицын, чтобы ярче оттенить бескорыстную душу праведницы, вводит образ хваткого приобретателя Фаддея, для которого «добро» – это «имущество». У писателей-деревенщиков на первый план выводится другая проблема: женскому «домостроению» противодействует мужская разрушительная стихия, повергающая дом в inferнальный хаос. Иными словами, доминирует тип трикстера – безалаберного бездельника с авантюрными замашками. Этот типаж в разных вариантах присутствует практически у всех деревенщиков: Егорша в «Пряслиных» Ф. Абрамова; Мишка и Митька в «Привычном деле» В. Белова; деревенские трикстеры Терентий, Шимка Вершков в «Последнем поклоне» В. Астафьева; герой рассказа «Крепкий мужик» В. Шукшина и мн. др. Характерный пример разительной полярности женского и мужского характеров дан В. Астафьевым в «Последнем поклоне»: на одном полюсе – прекрасный, обожествлённый образ матери, на другом – карикатурный «папаша», похожий на «мелкого беса».

В целом картина советской Руси-деревни, воссозданная деревенской прозой, свидетельствует о гибели-вырождении племени мужей-патриархов, наследники которых сняли с себя обязанность хранителей родового гнезда. «Дом-лад» крестьянской культуры разрушается в результате утраты мужского созидющего Логоса, убывание которого представлено в произведениях деревенщиков в самых разных вариантах – от легкомыслия ветрогонов до полного беспамьяства и безумия запойных буйанов.

Причины «трикстерского переворота» в деревне авторы деревенского направления связывают с историческими катаклизмами XX в. – коллективизацией, уничтожившей деятельную инициативу крестьянина-хозяина (С. Залыгин «На Иртыше», В. Белов «Кануны»), и главным образом с войной, где погибла многомиллионная рать земледельцев-оратаев, составлявших «главную армию» защитников родины (Е. Носов «Усвятские шлемоносцы»). Ср. образ заброшенных деревенских домов, названных Ф. Абрамовым «бревенчатыми мавзолеями» не вернувшихся солдат («Бревенчатые мавзолеи»). Оставленный или разломанный дом, исчезнувшая деревня – постоянные в литературе ностальгические свидетельства конца крестьянской ойкумены.

Солженицын ставил своей задачей показать, что органичный старокрестьянский уклад разрушен абсурдной советской системой. Для писателей-деревенщиков актуальнее оказалась другая альтернативная установка: главным врагом Руси-деревни мыслится город; бывшие жители деревни деградируют, приобщившись к городской цивилизации, они не обретают, а, напротив, теряют то душевное богатство, которым наделила их малая родина (Ф. Абрамов «Алька», «Дом»; В. Распутин «Последний срок» и др.). На первый план выдвигается проблема разрыва преемственной связи, утраты культурной памяти, родители и дети – люди уже разных времен и разных пространств.

Тема вытеснения деревни городом закономерно перерастает у деревенщиков в натурфилософскую концепцию несовместимости живого природного космоса и технократической цивилизации (В. Астафьев «Царь-рыба», В. Распутин «Прощанье с Матёрой», «Пожар» и др.). В соответствии с этой концепцией ценность деревенского уклада обосновывается его подчинённостью естественным законам и ритмам природной жизни, что внушало веру в незыблемость мира.

Смена проблематических акцентов в развитии деревенской темы в целом образует такую эволюционную линию: от социологического анализа проблем послевоенной деревни к исследованию ментальных констант и сдвигов в «русском характере» и далее – к натурфилософии, к глобальным общечеловеческим проблемам экологии. Соответственно в плане поэтики можно наблюдать движение от художественного очерка к эпическим формам классического реализма и, наконец, к симбиозу реализма со знаковым языком мифопоэтики.

Насущной задачей первопроходцев было восстановление правды народной жизни, что обусловило внедрение в художественный текст полемически заостренного публицистического дискурса (В. Овечкин «Районные будни», А. Яшин «Рычаги», «Вологодская свадьба», Ф. Абрамов «Вокруг да около»). Рассказ Солженицына «Матрёнин двор» потому стал важной вехой в литературе, что автор не только совершил идеологический переворот в деревенской теме, но и попытался перевести ее из очеркового в художественное измерение, ориентируясь на реалистические традиции русской классики.

Художественный метод писателей-деревенщиков свидетельствует о приоритете тех же традиций, что нельзя считать случайным выбором. Деревенская проза, в сущности, может расцениваться как феномен самого крестьянского сознания, созревшего до самостоятельной рефлексии, что ранее было прерогативой просвещённых литературных «верхов». Если прежде писатели-классики обращались к Руси-деревне как средоточию сущностных свойств национального духа, то деревенская проза – встречное восхождение от почвенных истоков к вершинам русского реализма, предьявление «снизу» той же традиционной системы ценностей в качестве всенародной духовной основы.

Реалистический метод является следствием определённой философско-эстетической позиции, объясняющей его генезис и историко-культурное значение. Он вызван установкой на извлечение «всеобщих» смыслов, имманентных самой действительности, а не внеположных ей. Писателем-реалистом движет вера в телеологическое значение истории, в существование или в возможность осуществления чаемых идеальных потенций народного бытия. Отсюда – воспроизведение смысла в исторических формах самой жизни, предпочтение не знаковой конструкции с её абстрактно заданными параметрами, а многозначного образа, органически синтезирующего эмпирический и онтологический планы бытия. Генезис реалистического текста, как в свое время справедливо заметил В. М. Жирмунский, связан не столько с мифом или литературой (т. е. не с определённой мотивно-сюжетной традицией), сколько с действительной жизнью [5]; для прочтения такого текста не так уж важно восстановление «архетипического» литературного контекста. В противном случае – когда истина мыслится в сфере мистического инобытия, или когда жизнь представляется сплошным абсурдом – в литературе, как правило, утверждается язык условно-символический, притчевый или фантастический, т. е. не изобразительно-выразительный, а шифрующий, кодирующий.

К концу XX в. многие из писателей-традиционалистов замолкают, уходят в публицистику, в православную дидактику. Деревенская проза в целом переживает состояние кризиса, который спра-

ведливо связывают не только с ситуацией глобального исторического слома, но и с особенностями метода писателей-деревенщиков. В условиях свершившихся изменений реалистическая художественная стратегия оказывается неспособной обобщить действительное положение вещей, новая реальность такова, что здесь требуется, скорее, гротеск, фантасмагория [6].

Новое воплощение деревенская тема находит в пьесе «Марьино поле» (2004) современного уральского драматурга Олега Богаева. Уход темы в драматургию далеко не случаен, поскольку переживающая «мощнейший креативный взрыв» российская драма, по мнению ряда критиков, становится на сегодняшний день одним из главных жанров отечественной литературы. О. Богаев является представителем «уральской драматургической школы» (основатель Н. Коляда), во многом формирующей лицо отечественной драматургии последнего десятилетия.

Существенное влияние на художественную манеру Богаева оказала поэтика постмодернизма и европейский театр абсурда. Его тексты отличает повышенная интертекстуальность, игра культурными кодами, сплав реальности и вымысла. Сюжетные коллизии в его пьесах, как правило, начинают развиваться в координатах реально-достоверного времени, но постепенно сдвигаются в зону абсурдного, алогичного.

Пьеса «Марьино поле» строится по такому же принципу. Её персонажи – три столетние деревенские старухи Марья, Серафима и Прасковья, не утрачивая психологической достоверности, вместе с тем обладают повышенной знаковой природой, т. е. являются условными метафорами. Основное событие драмы – фантастическое путешествие, предпринятое по инициативе Марьи, которой перед смертью является погибший на войне муж Иван с вестью, что все павшие солдаты живы и скоро вернутся домой. Три подруги, прихватив корову, отправляются на станцию встречать своих мужей. Это путешествие представляет собой движение вспять «по рельсам» советской истории и оказывается своеобразной рефлексией прожитого века, осознанием его истинных итогов. Столетний возраст старух в этой связи можно понимать как указание на завершившийся «советский» век России. Вместе с тем *три* старухи, являясь олицетворением души России, выражают разные её грани. По мнению поэта и критика Ю. Казарина, Марья, Прасковья и Серафима воплощают веру, любовь и сомнение [7]. Можно согласиться с такой трактовкой, но всё же, на наш взгляд, эти образы содержат более широкий смысловой потенциал. На уровне символического сюжета происходит осмысление исторического пути России, в этом плане три подруги представляют три разные позиции, с которых происходит осознание прошлого: Марья не сомневается в том, что «Иван вернётся», это активная позиция убеждённой веры в возможность возрождения; полярную позицию скептицизма олицетворяет Серафима, между этими крайними установками Прасковья занимает середину того «безмолвствующего большинства», которому в силу его инфантильности свойственна бездумная доверчивость.

Осмысление советского цикла русской истории в пьесе Богаева сопровождается многочисленными отсылками к известным образцам деревенской и военной прозы. Используя приемы постмодернистской поэтики, драматург воссоздаёт основные приметы «деревенского текста» русской литературы, предлагая свое видение итогов советского периода Руси-деревни. Само заглавие пьесы отсылает к началу деревенской прозы, оно явно построено по образцу названия рассказа Солженицына: «Матренин двор» – «Марьино поле». «Поле» несёт в себе аллюзии на устойчивые выражения – «жизненное поле» и «поле битвы», что в совокупности склоняет к представлению о русской жизни как вечной битве за выживание. В образе Марьи можно заметить отдалённую связь с героиней рассказа Солженицына, в частности, её характеристика: *«всегда была самая юркая, и картошку копать, и оучивать. Везде активист, помирать даже!»* [8], заставляет вспомнить Матрёну – активную помощницу именно в копке картошки («в охотку копала»). Корова как равноправный персонаж сюжета, участник «исторического путешествия» и главное «орудие» в «жизненной битве» также является знаковой отсылкой к текстам деревенщиков, не раз отмечающих значимость этой неизменной опоры и кормилицы русского крестьянина.

Мотив переправы через реку, блуждания в тумане, очевидно, кодирует символический финал повести В. Распутина «Прощание с Матёрой». Важным в пьесе оказывается и традиционный мотив пустых деревень, причём Богаев усиливает его эсхатологическое звучание. Пьеса открывается установочной ремаркой, рисующей картину полного запустения: *«Между лесом и полем стоит старая, заброшенная деревня. Ни души. Поскрипывает ржавая цепь колодца, качается дырявое ведро на глупом ветру. Дома глядят пустыми чёрными окнами»* [8, с. 543].

Угадываются в «Марьином поле» и отсылки к повести В. Астафьева «Пастух и пастушка». Прежде всего, это мотив ожидания, длящегося всю жизнь, есть и более конкретные переклички: на-

пример, рельсы, залитые водой, по которым слышится, что идёт поезд, отсылают к предсмертному сну лейтенанта Бориса.

Актуализируя мотив «последнего срока», наделяя супружескую пару исконно русскими именами Иван-да-Марья, Богаев соединяет ключевые мотивы деревенской и военной прозы и переводит их осмысление в историософский план. Мотив вечного ожидания Марией-Россией своего жениха Ивана воплощает авторское представление о трагической зацикленности русской истории:

«СМЕРТЬ (теряя терпение.) Вот дура! Забыла, сколько раз ты его ждала?! Турецкая, Японская, Финская, Гражданская, Первая Мировая была, Вторая! С Куликова поля ждала Ваньку, помнишь?! И каждый раз ты меня умоляла: “Отпусти меня, смерть, мне Ваню с войны встречать надо”... Ты что, вечно его ждать собралась??? (Пауза, совершенно не понимая.) *Вот дура... За чем???*» [8, с. 597].

Нельзя не заметить, что в пьесе Богаева переосмыслен ключевой образ из известной статьи Н. Бердяева «Душа России». В своих раздумьях о причинах неустроенности русской земли Бердяев упреждал на «несоединённость» мужественного и женственного начал в русском духе и русском характере. Россия – невеста, вечно ждущая своего жениха. Суть такого сравнения философ поясняет так: «мужественная свобода не овладевает женственной национальной стихией в России изнутри, из глубины», поскольку «мужественное начало всегда ожидается извне», а не раскрывается в самом русском народе, отсюда «вечная зависимость от инородного» [9, с. 5]. О. Богаев иначе трактует мотив вечного ожидания: беда и неустроенность русского народа не в отсутствии имманентного мужественного Логоса, а в том, что внешние нашествия, а более – собственная преступная власть – не дают этому Логосу мирно устраивать свою землю, периодически уничтожают народ. Не случайно в пьесе уравниваются Гитлер и Сталин: один отдаёт приказ сжечь старух в бане, другой отправляет на расстрел и буквально подтирается похоронками, называет павших солдат «трухой» (сцены в журнальном варианте пьесы) [10].

Выводы. Но историософские выводы, намеченные пьесой Богаева, далеко не однозначны. С одной стороны, вера Марьи в возвращение Ивана как будто знаменует возможность возрождения, обновления, выхода из очередного исторического тупика, что поддерживается и символическим финалом пьесы, в котором Смерть определяет Марье последние сто лет. Итожит пьесу ремарка: *«Рассвет. Старуха Марья тяжело карабкается на крутую железнодорожную насыпь, идёт по путям. Приходит на пустынную станцию. Останавливается, смотрит вдаль. Ждёт, ждёт и превращается в молодую девушку»* [8, с. 598]. Такая перспектива позволяет предположить, что источник преодоления катастрофических процессов русской истории заложен в живучести русского духа. В пьесе есть связанная с этой темой «живучести» отсылка к стихотворению Е. Евтушенко «Сказка о русской игрушке»: «Мы – народ ванек-встанек. / Мы встаём – так всерьёз. / Мы от бед не устанем, / Не поляжем от слёз». Однако у Богаева реплика-аллюзия на это бравурное стихотворение вложена в насмешливые уста Смерти: *«Ванька-встанька с фронта вернулся»* [8, с. 597]. Иными словами, надежда на «оживление» сильно окрашена сомнением. В пьесе даны неутешительные картины окончательного разорения и гибели Руси-деревни: три старухи проходят по пути ряд вымерших селений, итогом звучит реплика Человека: «Вымер народ деревенский». Не случайно Ю. Казарин обозначил жанровую природу «Марьиного поля» как пьесы-плача: это «плач как жанр устной поэтической речи и плач как таковой, – горький, долгий и безнадежный плач то ли человека, то ли уже самой земли» [7, с. 767].

В двойственной позиции Богаева видится тот же странный, иррациональный симбиоз, что свойственен в русской литературе гоголевской и чеховской традициям, а именно: сознание крошечной безысходности зацикленной русской истории в сочетании с неистребимой верой в «новую прекрасную жизнь».

Библиографический список

1. Солженицын А. И. Избранная проза. М.: Сов. Россия, 1990. с. 122.
2. Шнеерсон М. Александр Солженицын. Очерки творчества. Изд. Посев, 1984. с. 147.
3. Хабарова О. Б. Образ святой мирянки Юлиании Лазаревской в литературе второй половины XIX века // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 4 (26). С. 121–122.
4. Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 12. Повести и рассказы. 1885–1902. М.: Худож. лит., 1982. С. 377.
5. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. С. 163.
6. Славникова О. Деревенская проза Ледникового периода // Новый мир. 1992. № 2. С. 200.
7. Казарин Ю. Письмо. О пьесах О. Богаева // Богаев О. Русская народная почта: 13 комедий. Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. С. 767.

8. Богаев О. Марьино поле // Богаев О. Русская народная почта: 13 комедий. Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. С. 545.
9. Бердяев Н. Судьба России. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 5.
10. Богаев О. Марьино поле // Урал. 2005. № 4.

T. I. Podkorytova,
Candidate of Philology,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
e-mail: alexandromsk@yandex.ru

A. V. Podvornaya,
Candidate of Philology,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
ORCID ID: [https:// orcid.org/0000-0002-6030-5362](https://orcid.org/0000-0002-6030-5362)
e-mail: alla_omsk@bk.ru

EVOLUTION OF THE LAND OF RUSSIA AS A VILLAGE THEME FROM A. SOLZHENITSYN (“MATRYONA’S PLACE”) TO O. BOGAYEV (“MARIA’S FIELD”)

Introduction. The purpose of the article is to follow the evolution of village prose constant characters from («Matryona’s Place» story by A. Solzhenitsyn to "Maria's Field " play by A. Bogayev's .

Materials and Methods. The problem is studied with the help of historical, cultural, comparative historical and culturological methods.

Results. The article presents observations of the problematic accents change in the development of the rural theme from the story by A. Solzhenitsyn to O. Bogayev’s play.

Conclusions. At the beginning of the 21st century village prose is in crisis, the theme of the village is developed in the new drama.

Keywords: village prose, A. Solzhenitsyn, O. Bogayev, new drama.

References

1. Solzhenitsyn A. I. *Selected prose*. Moscow: Soviet Russia, 1990, p. 122. (In Russian).
2. Schneerson M. Alexander Solzhenitsyn. *Sketches of creativity*. Moscow: Publishing house Sowing, 1984, p. 147.
3. Khabarova O. B. The image of the holy laywoman Juliana Lazarevskaya in the literature of the second half of the XIX century // *Ancient Russia. Questions of medieval studies*. 2006., vol. 4 (26), p. 121–122. (In Russian).
4. Tolstoy L. N. *Collected Works*. V. 12. Moscow: Imaginative literature, 1982, p. 377. (In Russian).
5. Zhirmunsky V.M. *Comparative literature. East and West*. Leningrad: The science, 1979, p. 163. (In Russian).
6. Slavnikova O. Village Prose of the Ice Age // *New World*. 1992, vol. 2, p. 200. (In Russian).
7. Kazarin Y. Letter. About the plays of O. Bogayev // Bogayev O. *Russian national mail: 13 comedies*. Yekaterinburg: Journal “Ural”, 2012, p. 767. (In Russian).
8. Bogayev O. Maryino field // Bogayev O. *Russian national mail: 13 comedies*. Yekaterinburg: Journal “Ural”, 2012, p. 545. (In Russian).
9. Berdyayev N. *Russia’s Fate*. Moscow: Publishing house MSU, 1990, p. 5. (In Russian).
10. Bogayev O. Maryino field // *Ural*, 2005, vol. 4. (In Russian).

Поступила в редакцию 7.05.2019

© Т. И. Подкорытова, А. В. Подворная, 2019

Авторы статьи:

Татьяна Ивановна Подкорытова, кандидат филологических наук, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: alexandromsk@yandex.ru

Алла Владимировна Подворная, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и культурологии, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: alla_omsk@bk.ru

Рецензенты:

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Г. В. Косяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

Г. В. Косяков,
Омская гуманитарная академия

ХРОНОТОП МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ПОРОГА В ЛИРИКЕ РУССКИХ ПОЭТОВ 1810–1840-Х ГОДОВ

Проблема. Анализируются особенности порогового хронотопа в русской классической поэзии в контексте её имманентной религиозности и философичности.

Цель – определить структурообразующую роль метафизического порога в русской классической поэзии.

Методология. Исследование опирается на методику целостного анализа художественного текста, на структурно-семантический, культурно-исторический, историко-генетический методы.

Результаты. В ходе исследования выявлено, что пороговая ситуация, оформляя хронотоп лирического текста, реализует романтическую модель восхождения от физического к метафизическому, создаёт основу для напряжённой философской рефлексии и религиозных вопрошаний. Метафизический порог является одним из концептов русской романтической поэзии, её художественной картины мира.

Выводы. В русской классической поэзии метафизический порог между земным бытием и инобытием, соотнесённый с таинством физической смерти, с предстоянием человека Вселенной, вечности, становится основой для этической оценки, напряжённой философской рефлексии, для глубокого религиозного опыта.

Ключевые слова: художественная картина мира, романтизм, религиозность, метафизика.

Проблема. Для русских поэтов-романтиков был значим метафизический порог между земным бытием и инобытием, соотнесённый с таинством физической смерти, с предстоянием человека Вселенной. Преодоление этого религиозного порога составляет доминанту человеческого мировосприятия, становясь основой для этической оценки состоятельности прожитой жизни. Лирическая ситуация метафизического порога широко представлена в духовных одах М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, М. Н. Муравьева, которые стояли у истоков формирования художественной картины мира и поэтики русского романтизма.

Методы исследования. Современное отечественное литературоведение обращено к изучению художественной мифопоэтики, философичности, религиозности художественного сознания, к выделению концептов русской классической литературы, к осмыслению художественной картины мира. Данную направленность мы видим в работах А. Э. Еремеева, И. А. Есаулова, В. П. Океанского, Л. А. Ходанен, А. В. Моторина и др. Проблема смерти и бессмертия является одной из магистральных для художественной метафизики в русской литературе. В. П. Океанский пишет в этой связи: «Метафизика – наша непосредственная (в религии опосредованная) обращённость к Целому, бездонному, неисчерпаемому, сверхъестественному; или же – обращённость всего этого к нам...» [1, с. 58]. Проблемы художественной онтологии и метафизики в данной статье опираются на традиции герменевтического анализа. Исследование опирается на методику целостного анализа художественного текста, на структурно-семантический, культурно-исторический, историко-генетический методы.

Результаты. Уже в ранней лирике А. С. Пушкина приобретает значимость пороговая ситуация предстояния смерти: «Я видел смерть; она сидела...» («Подражание», 1816). В зачине данной элегии чётко проявлена оппозиция «я» – «она», личности и персонифицированной смерти. Первый и третий стихи элегии начинаются личным местоимением «я». Анжамбеман подчёркивает вхождение смерти в мир личности, отражает процесс рефлексии человека относительно близости смерти и индивидуального жизненного опыта. Е. А. Маймин замечает: «Лирический герой Пушкина неповторимо индивидуален, его признания абсолютно достоверны, это признания, сделанные по горячим следам» [2, с. 111]. Ключевыми мотивами рассматриваемой элегии являются прощание с жизнью, разочарование, неразделённая любовь, характерные для лирики поэта данного периода. Эпитет «тихий» одновременно соотнесён со сферой смерти и с лирическим субъектом («тихий дух»). В произведении развивается традиционный для западноевропейского и русского романтизма образ разверстой могилы и открытого гроба: «Схожу я в кладную могилу...». Если со сферой смерти соотнесены мрак («сумрак роковой», «вечная тьма»), бездна, холод, то со сферой «я» связаны «пламень» жизни, чувств, страстей, любви, что отражает архаическую мифологическую и религиозную антитезу жизни и смерти. Лирический сюжет приобретает динамику не только за счёт антитезы жизни и смерти, но и благодаря кон-

трастному представлению о земной жизни, которую лирический субъект воспринимает и как сферу страданий («печальный мир», «покроет жизнь унылу»), и как сферу блаженства. Ключевой ценностью жизни лирический субъект утверждает любовь: «Где я любил, где мне любить нельзя!».

О. Г. Постнов указывает на тематическую многогранность Пушкина в обращении к проблеме смерти: «1) печаль разлуки с любимым существом; 2) печаль по поводу собственной неизбежной смерти, которая уничтожает совсем или ослабляет радость жизни; 3) печаль об общем уделе всех людей, так как этот удел – смерть» [3, с. 61]. Данная многогранность проявляется в полной мере и в анализируемой элегии русского поэта. Предстояние смерти приводит лирического субъекта Пушкина к трагическому осознанию исчезновения человека из природного мира, забвения. Однако, как и в других ранних произведениях Пушкина, предстояние человека смерти обращает его не к мистической устремлённости в трансцендентную сферу, как это проявляется в творчестве йенских романтиков, в лирике В. А. Жуковского, а к земной жизни. Контрастным унылому элегическому зачину выступает пейзаж с его выразительными колористическими и акустическими образными деталями («лазурная завеса», «ручья веселый глас»). Органичной частью пейзажа является мотив вдохновения. В элегии Пушкина природный мир предстаёт в качестве охранительной сферы («тени мирные таинственного леса»). Образ природного мира связан с мотивным комплексом вдохновения. В тексте возникает сакральный образ утренней, пробуждающейся природы как аналога воскресения – так в произведении проявляются черты «утренней» элегии, которая в западноевропейской и русской поэзии была чётко противопоставлена «вечерним» и «ночным» элегиям с присущими им меланхоличностью, мистицизмом. В финале пушкинской элегии возникает мотив завещания, расставания с друзьями, который был характерен для многих лицейских произведений поэта: «Моё завещание друзьям» (1815). Мотив завещания в финале текста предвосхищает естественное течение жизни после смерти лирического субъекта, акцентируя образы друзей и возлюбленной: «Она вздохнёт над урной гробовою». Композиционно образ смерти в первом стихе и образ возлюбленной в финале вступают в отношения параллели и антитезы. Как мы видим, лирическая ситуация порога в ранней элегии Пушкина оттеняет ценность индивидуального мира человека, земной жизни и любви.

Обращаясь к антологической традиции эпитафии, русские романтики вкладывали в данный жанр новое ценностное содержание, примером чего являются эпитафии А. Дельвига «Утешение», «Смерть» (1826 или 1827). Так, в эпитафии русского романтика «Утешение» лирический зачин обращает к античным антологиям и к мифологическому представлению о подчинении человека вечному закону рока: «Смертный, гонимый людьми и судьбой! Расставаясь с миром...». В основной же части эпитафии доминирует христианская заповедь всепрощения, которая, с одной стороны, приобретает универсальный смысл, с другой – предстаёт через образный ряд идеала естественного человека Ж.-Ж. Руссо. Лирический финал моделирует в себе триаду «земная жизнь – смерть – воскресение», оформленную с помощью мотива смерти-успения: «В тернах заснувшие здесь, в миртах пробудятся там». Данный стих построен по принципу антитезы, мифопоэтически соотнося земной мир со сферой страдания и искупления, а загробный – с раем, бессмертием. При этом смерти отведена роль перехода. В эпитафии «Смерть» ключевым выступает не страх лирического субъекта перед смертью, а нежелание расстаться с земным телом. Дельвиг развивает эту религиозную проблему в бытовом, почти сниженном образном преломлении, метафорически сопоставляя земное тело с халатом. Халат в анакреонтической, идиллической поэзии русских романтиков – образная доминанта, оформляющая естественный семейный уклад, космос земного дома, бытовое воплощение христианских ценностей свободы и покоя: «Согрет под стёганым халатом» (А. Дельвиг «Моя хижина», 1818).

Русские романтики религиозно воспринимают земную жизнь в качестве ограниченной сферы, что мы видим и в творчестве В. К. Кюхельбекера. Лирический субъект Кюхельбекера, прошедший земной путь страданий, жаждет забвения, тишины, преодоления внутренней дисгармонии: «Умолкните, думы, и чувства, и муки» (Кюхельбекер «Усталость», 1845). Как и лирический субъект лирики Ф. И. Тютчева, лирический субъект В. К. Кюхельбекера стремится преодолеть рефлексию, лишаящую человека полноты мироощущения. Поэт подчёркивает ценность тишины (покоя) как закономерного итога человеческой жизни, что является значимым для русского национального сознания. В. А. Котельников указывает: «Притягательным для романтиков оказался тот покой, который они нашли, подходя к пределу человеческого существования и заглядывая за него. Тема покоя-смерти, затронутая, кажется, всеми романтическими авторами, одной стороной соприкасалась с телесно-душевым успокоением от земных тягот и мук, а другой стороной обращена была к загробному миру, исполненному мрака и неизвестности» [4, с. 18].

Лирическая тема элегии Кюхельбекера «Усталость» движется через преодоление романтических штампов («непробудный сон», «порванной арфы мятежные звуки», «чаша житейская») к лично-страданному жизненному выводу. Символ чаши с древнейших времён широко представлен в культуре различных народов, раскрывая архаические представления о человеке, его жизненной доле, смерти и бессмертии. Чаша в христианстве соотносена с Христом, с таинством евхаристии, с искуплением, с молитвенным горением души: «Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!» (Лук. 22: 42). В русской культуре символика чаши восходит как к языческим, так и к христианским истокам. Д. Н. Жаткин указывает на то, что метафора «чаша жизни» в русской поэзии генетически связана с традициями церковной книжности, с древнерусскими воинскими повестями, где была распространена формула «пить смертную чашу» [5, с. 10]. Символ чаши широко представлен в творчестве А. С. Пушкина, Д. В. Веневитинова, С. П. Шевырёва. В рассматриваемой элегии Кюхельбекера данный символ предстаёт в контексте рефлексии, страданного опыта личности. Близость смерти выступает ценностной границей для осмысления прожитого, для подведения итогов, для утверждения того, что составляло смысл жизни: «И жаль мне невольницы милой отчизны».

Русским романтикам стала близка евангельская мысль о том, что человеческая душа сильнее всех социальных форм зла. В представлении русских романтиков, душа целостна, неделима и бессмертна, в силу чего она в земном мире верит в конечное торжество субстанциональных духовных ценностей: «Души моей ничто не изменит!» (Е. А. Боратынский «Дельвигу», 1821?). В. И. Сахаров подчёркивает: «У Боратынского глубже, чем у других наших лириков, разработана тема смерти, и здесь он неожиданно сближается с таинственной гениальной одой Державина “На смерть князя Мещерского”» [6, с. 100]. В поздней элегии Боратынского «На посев леса» (1843?) также предвосхищается пороговая ситуация смерти, «праг земли», доминирует мотив прощания с земной жизнью. В лирическом зачине создаётся образ весны как обновления жизни: повтор слова «опять» подчёркивает цикличность природной жизни. Образ поселянина вводит тему родового назначения человека, его подвига. Контрастом лирическому зачину и образному ряду весны выступает тема лирического субъекта. Экспрессивная анафора подчёркивает исчерпанность жизни лирического субъекта, его отстранение от земной жизни и внутреннюю готовность к смерти: «Пред вечным днём я опускаю вежды». Трагизм данной элегии возникает в связи с темой разрыва поколений, «племён», одиночества поэта среди «нового племени». Не найдя духовного принятия в людях будущего, лирический субъект Боратынского стремится стать сопричастным вечно-природному циклу обновления жизни. Евангельская притча о сеятеле наполняется конкретным, биографически мотивированным смыслом. «Зародыши елей, дубов и сосен» становятся связующим звеном между творческой индивидуальностью поэта и будущим, залогом объективированной и генетической форм бессмертия: «Могучие и сумрачные дети».

Русским романтикам стала органична евангельская идея, согласно которой человеческая душа после физической смерти переживает новое рождение в вечности, где духовные интенции разовьются в максимальной степени. Так, в цикле Жуковского «Из альбома, подаренного гр. Радопчиной» (1837), в котором семь стихотворений из девяти являются вольными переводами стихотворений из греческой антологии И.-Г. Гердера, композиционно, образно, ценностно сопоставляются античное и христианское отношение к жизни и смерти. Образы, соотносённые с античностью, акцентируют быстротечность земной жизни. Рубежным, переходным в цикле выступает стихотворение «Судьба», где утверждается гуманистическая идея духовного величия человека, способного возвыситься над судьбой, которая изображена в системе аллегорических деталей. Императивная модальность придаёт тексту патетическую направленность, обобщённый смысл. Автор создаёт образ человека-странника, подчёркивая в нём духовное преображение, освобождение от власти рока, подавлявшего античного человека, так как он, в представлении русского романтика, жил всецело земным и чувственным. Мотив духовного преображения человека-христианина соотносён с христианскими концептами покоя и духовного света, обращёнными в сферу бессмертия: «Оком ей взглянешь в лицо – сам просветлеешь лицом...». В данном стихотворении вводится пушкинский контекст через отражение идеи о том, что в «самостоянии человека» заложено его «величие».

В «стихотворении на смерть» <А. С. Пушкину> анжамбеманы передают движение мысли, пристальную сосредоточенность автора относительно таинства смерти, стремление зафиксировать каждую деталь в облике усопшего. Данное стихотворение отличается от всех других эпиграмм и элегий цикла глубоко личностным опытом. Для автора смерть – это таинство преображения, изменения онтологического статуса человека, уже переступившего метафизический порог. В большинстве случаев романтики изображали человека в преддверии физической смерти, здесь же мы видим этот порог

преодоленным лирическим адресатом. Движение лирической мысли осуществляется в сложной системе координат: авторское я; образ живого лирического адресата, воссоздаваемый в памяти автора; образ усопшего, которому мысленно сопутствует автор в его метафизическом преображении. Образ усопшего фокусирует в себе одновременно прошлое (земное и близкое) и вечное (непостижимое и невыразимое). В произведении раскрывается авторское состояние, воздействие созерцания таинства смерти на его душу. Для Жуковского физическая смерть не есть исчезновение, это именно отстранение бессмертного духа от земного мира и его чувственных форм, отсюда возможность совершившегося духовного диалога, ощущение духовного присутствия лирического субъекта, несмотря на физическую смерть. В образе покойного фокусируется его сопричастность онтологической полноте, образно соотносённой с тишиной и глубиной.

Для лирического героя М. Ю. Лермонтова значима имманентная сопричастность вечности, ощущение им бесконечности и бессмертия. Бессмертие в форме «бесплотного духа» изначально не достаточно для ценностной системы поэта. В ранней лирике поэта (1828–1836) земное бытие воспринимается диалектически: и как кратковременное существование в сопоставлении с вечностью, и как ценностное поле для проявления души в различных формах (любовь, самопознание, поступок, битва). В ранней лирике Лермонтова каждое мгновение человеческой жизни наполняется полнотой мироощущения и расширяется до бесконечности напряжённой рефлексией, интроспекцией, предстоянием вечности. В «Ангеле» (1831) Лермонтова раскрываются поэтические представления об анамнезисе бессмертной души своего бытия до земного воплощения. Анамнезис в «мире печали и слёз» позволяет душе осознать свою бессмертную сущность.

Лирический герой Лермонтова чувствует своё фатальное одиночество среди людей, поэтому он предвосхищает раннюю гибель, «кровавую могилу», «могилу без молитв и без креста» («1831-го июня 11 дня»). С одной стороны, в ранней лирике Лермонтова проявляется трагизм в связи с осознанием исчезновения человеческого «я» в смерти: «Боюсь исчезнуть совершенно...» («1830. Май. 16 число»). Несмотря на то, что земное бытие связано в восприятии лирического героя Лермонтова с представлениями о «неволе», он не может отречься от земного мира. Трагическое осознание разрушения личностного микрокосмоса после физической смерти и жажда абсолютной формы бессмертия проявляется в ранней «ночной» лирике Лермонтова.

Произведения Лермонтова «Ночь. I», «Ночь. II», «Ночь. III» (1830), объединённые проблематикой и поэтикой, образуют цикл. Поэтика названий и проблематика произведений Лермонтова генетически связаны с поэмой Э. Юнга «Плач, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (1742–1745), которая снискала особую популярность в масонской среде, в том числе и в России [7, с. 262]. Поэма Юнга соединила в себе дидактическую, религиозную и философскую направленность. Земная жизнь человека в поэме Юнга последовательно соотносится с «тяжким бременем», с «мрачной темницей», в то время как ночь – с мистическим светом, «днём вечным». Популяризатором творчества Юнга в России стал А. М. Кутузов – автор прозаического перевода поэмы, изданного отдельной книгой в 1785 г. Аллюзии и реминисценции с поэмой Юнга мы находим в произведениях как русских поэтов XVIII в. (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, М. М. Херасков, М. Н. Муравьев), так и в творчестве русских поэтов XIX в. (В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, С. П. Шевырёв, А. С. Хомяков).

В современной науке цикл Лермонтова рассматривается в контексте православной духовной традиции [8, с. 36–54]. Цикл русского романтика характеризуется исповедальностью, метафизической направленностью и трагизмом. Предвосхищение физической смерти, загробного мироощущения бессмертной души и воскресения составляет содержательную особенность «ночного» цикла Лермонтова.

Пятистопный безрифменный ямб, поэтический синтаксис «Ночи. I» Лермонтова перекликаются с образной организацией стихотворений Д. Г. Байрона «Сон» (The Dream) и «Тьма» (Darkness). Физическая смерть в драматическом стихотворении Лермонтова «Ночь. I» представлена как преодоление душой оков телесного мира. Однако душа переживает чувство потерянности, а не блаженства, которое поэтизировалось многими романтиками, в частности, Новалисом в «Гимнах к ночи». Инобытийная сфера в произведении русского поэта лишена звездного света, символического знака рая. Хотя она онтологически отличается от земного мира, её можно назвать пороговой. «Я» лирического героя представлено неизмеримо шире души: душа продолжает воспринимать происходящее в системе земных представлений, но более обострённо. Бессмертная душа осознает греховность своей земной жизни.

Кульминационный момент сна – встреча души с карающим «светозарным» ангелом. Данный мотив созвучен православным представлениям о частном суде над душой после физической смерти и мытарствах в ожидании воскресения и эсхатологического приговора. Лирический вектор направлен

от бескрайней небесной области через сферу земного бытия в границы «узкого гроба», метафорически соотнесённого с ветхозаветным адом, темницей («огонь отчаянья», «воспоминание в меня впилося», «червяк»). Страстность, сохранение земной чувственности создают ад в мироощущении бессмертной души. Потеря телесной оболочки воспринимается бессмертной душой как смерть неотъемлемой части её микрокосмоса. Душа, находясь во гробе, переживает состояния, глубоко созвучные вопрошаниям ветхозаветного Иова [9, с. 141]. Зреющая хула в «Ночи. I» становится обострённой формой богообщения, оформления метафизической вертикали, что созвучно псалмам. Обострённая жажда спасения разрешается в пробуждении-воскресении, обретении целостной формы бытия.

Драматическое стихотворение Лермонтова «Ночь. II» также созвучно стихотворениям Д. Байрона «Сон» (The Dream) и «Тьма» (Darkness) и его поэме «Паломничество Чайльд Гарольда». В драматическом стихотворении Лермонтова тема смерти вводится через сравнение надвигающейся тьмы с саваном. Русский поэт, подобно Байрону, достигает экспрессии за счёт вселенских масштабов хронотопа, гиперболизации образа смерти. В «Ночи. II» русского романтика образный ряд мрака усиливается сужением светового пространства до «светящихся точек». Глаголы «вертелись» и «мелькали» передают быстроту, бесцельность тревожного движения небесных тел, что проявлено и в произведении английского поэта. Лермонтов переносит всю силу трагизма в личностный мир лирического героя, предстоящего мраку и смерти. На фоне всеобщего сна и неведения в лирическом герое обнажена родовая сущность человека в её конфликтности и греховности. Микрокосмос души, как и макрокосмос, определяется через хаотическое смешение света и мрака («страшный полусвет»). Лермонтовский образ Скелета перерастает традиционные рамки аллегории смерти. «Гигант всеильный», подобно Сатане, искушает героя превращением человека в «ничто», нагнетая чувство отчаяния. Форма обращения Скелета к герою в «Ночи. II» созвучна приговору ангела в «Ночи. I». В самоуничтожении герой, сравнивая себя с червём, близок ветхозаветному Иову. Герой Лермонтова обострённо воспринимает всеобщую и личностную греховность, отсюда отрицание земной жизни.

В отличие от драматических стихотворений Лермонтова «Ночь. I», «Ночь. II», «Ночь. III» является «ночной» элегией: традиционные детали ночного элегического пейзажа («жук ночной», «червячок», «луна») предвосхищают появление романтического героя, наделённого ключевыми для ранней лирики Лермонтова чертами: таинственность, противоречивость, страстность, мятежность, одиночество. Романтический герой созвучен ночной природе. Произведение приобретает характер лирической исповеди.

В ранней лирике Лермонтова отражено представление о смерти как об обретении человеком единства с природным миром, как об освобождении и упокоении. Предстояние вечности и порыв к трансцендентному миру в лирике русского романтика порождают предощущение смерти, близкое по своему характеру православной памяти смерти. Предстояние смерти и Богу в лирике Лермонтова выступает в качестве этической основы для обличения зла, что сближает духовные интенции лирического героя Лермонтова с ветхозаветным обличением зла, проявленным в псалмах.

В ранней лирике Лермонтова в художественном осмыслении проблемы смерти проявились традиции оссианизма («Гроб Оссиана», 1830), «кладбищенской поэзии» («Оставленная пустынь передо мной...», 1830; «Кладбище», 1830). В элегии поэта «Кладбище» гармоничный пейзаж противопоставлен размышлениям лирического героя о греховности человека, отпавшего от Божиего мира: «Чем человек, сей царь над общим злом...». В творчестве Лермонтова противопоставлены физическая смерть и духовная смерть как утрата единства человека с Богом. Чем острее лирический герой Лермонтова переживает ограниченность и зло земного мира, тем сильнее его жажда освобождения («Из Паткуля», 1831). Лирический герой русского романтика готов ценой гибели преодолеть ограниченность окружающего мира, лежащего во зле. С позиции бессмертного, горнего мира лирический герой русского романтика часто оценивает земной мир, преодолевая мертвящую рефлексю («Смело верь тому, что вечно...», 1832).

Наиболее острой формой неприятия лермонтовским героем ограниченности земного мира становится готовность к самоубийству: «Оборвана цепь жизни молодой...» («Смерть», 1830–1831). Традиционная поэтическая формула «бил час», создающая ситуацию онтологического порога, раскрывает стремление души лирического героя к освобождению. Характеристики небесного мира утверждаются через отрицание времени, земного бытия, в котором душа обречена на страдание. Трансцендентная область воспринимается не как безликая пустота, а как сфера активности бессмертной души. Загробный мир представлен контрастно через образы «глубокого сна» и ада, в силу того, что конфликтность души потенцируется в трансцендентную сферу. Герой напряжённо чувствует своё бого-

сыновство. Обращаясь к Богу, лирический герой Лермонтова стремится обрести силы в борьбе со злом, жаждет спасения, разрешения своего кризисного мировосприятия. В лирике Лермонтова конца 1832–1836 гг. мотивный комплекс смерти фокусирует кризисные формы мирозерцания лирического героя, сопровождающиеся сарказмом и сатирой: «Безумец я! вы правы, правы!» (1832), «Что толку жить!.. Без приключений!» (1832).

В поздней лирике Лермонтова (1837–1841), хотя и сохраняются мотив загробного мытарства («М. П. Соломирской», 1840) и образ неупокоенного мертвеца («Любовь мертвеца», 1841), мотивный комплекс смерти получает качественно новое религиозное и философское наполнение. В «Молитве» («Я, Матерь Божия...», 1837) Лермонтова смерть выступает в христианском её понимании как упокоение, отдохновение и возвращение к Творцу. Обострённая рефлексия в связи с осознанием трагической антитезы трансцендентного и имманентного миров уступает место поискам их единства. Лирический герой Лермонтова чувствует имманентную сопричастность бессмертию и вечности в звуке, Логосе, в молитвенном предстоянии, в природном мире. В «Молитве» («Я, Матерь Божия...», 1837) семантика покрова проявляется в композиции всего текста, строф, стихов, в образном языке, в ритмике: «Окружи счастьем душу достойную...»; «Молодость светлую, старость покойную...». Земное при этом возвышается до небесного. В элегии Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» (1837) лирический герой испытывает не пантеистическое чувство, а личностное предстояние Творцу: ни человек, ни Бог не растворяются в природе, которая становится посредником в их диалоге. Лермонтов достигает разрешения религиозной антитезы трансцендентного и имманентного миров через их *абсолютное единство* в мирозерцании человека, предстоящего Творцу.

В «стихотворении на смерть» «Памяти А. И. О<доевско>го» (1839) смерть представлена в двух ценностных преломлениях: во-первых, это гибель в пути, в «походной палатке», которая пресекает не проявленные в полной мере творческие интенции личности. Однако уже в первой строфе возникает образное представление о смерти как разрешении земного бытия, умиротворении «надежд и горьких сожалений». Сакральное пространство могилы, фокусирующее ценностные смыслы успения, свободы и покоя, соединяет онтологическую горизонталь и вертикаль: образ «синей степи» выражает идею единства земли и неба. Могила является символом общечеловеческого удела, оформляя органичное пребывание человека в природном мире. Природный мир представлен в качестве одухотворённого универсума. В природе подчёркнуты два ценностных начала: покой («немая степь», «тихо дремлет») и одновременная динамика («волн кочующих», «шумит не умолкая»). Герой обретает последний приют не в окружении возмущенных стихий, как в ранней лирике Лермонтова, а в гармоничном единстве с миром. Финальный стих произведения: «А море Чёрное шумит не умолкая» – переносит движение в сферу постоянно длящегося состояния, вечности, сопричастным которой стал человек.

В итоговом стихотворении Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» (1841) утверждается созвучный для православия этический идеал, доминантами которого являются свобода и покой. В предвосхищаемом состоянии сна сохраняется субстанциональный статус «я», но одновременно происходит освобождение от всех форм страдания и зла – так разрешается ключевое противоречие ранней лирики Лермонтова. Физической и духовной смерти противопоставлен сон «навек». Гносеологические и онтологические характеристики «сна»: сохранение жизненных сил, дыхания, единства души и тела, этические ценности свободы и покоя, открытость софийному началу любви, сопричастность природной полноте – всё это знаменует не только преодоление смерти, но и выражает обретение целостной и личностной формы бессмертия в единстве конечного и бесконечного. Происходит сохранение личностной уникальности, освобождённой от власти эгоцентризма и рефлексии. «Сон» выступает в роли успения, отдохновения.

Выводы. Таким образом, в русской классической поэзии метафизический порог между земным бытием и инобытием, соотнесённый с таинством физической смерти, с предстоянием человека Вселенной, становится основой для этической оценки, напряжённой философской рефлексии, для глубокого религиозного опыта. Лирическая ситуация метафизического порога, с одной стороны, служит ценностной основой для оценки прожитой земной жизни, для утверждения идеала, для упования на обретение свободы и покоя. Как мы указали, в лирике каждого из русских поэтов XIX в. лирическая ситуация метафизического порога раскрывает характерные для их мирозерцания антропологические и онтологические представления. В лирике Жуковского, Пушкина, Дельвига отражён диалог античной и христианской культурных традиций в отношении к смерти. В творчестве Жуковского и Лермонтова значима имманентная сопричастность человека вечности, ощущение им бесконечности и бессмертия.

Библиографический список

1. Океанский В. П. Метафизика культуры: Проблемы теории и истории. Иваново, 1998. 60 с.
2. Маймин Е. А. Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев. М., 1976. 192 с.
3. Постнов О. Г. Тема смерти в ранней лирике А. С. Пушкина // «Вечные» сюжеты русской литературы: «блудный сын» и другие. Под ред. Е. К. Ромодановской, В. И. Тюпы. Новосибирск, 1996. С. 59–68.
4. Котельников В. А. «Покой» в религиозно-философских и художественных контекстах // Русская литература. 1994. № 1. С. 3–41.
5. Жаткин Д. Н. «Чаша жизни» в русской поэзии // Русская речь. 2006. № 1. С. 9–13.
6. Сахаров В. И. Романтизм в России: эпоха, школы, стили. М., 2004. 256 с.
7. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII века. М., 1999. 453 с.
8. Милевская Н. И. Мотив «сна» – «смерти» в раннем творчестве М. Ю. Лермонтова // М. Ю. Лермонтов. Проблемы изучения и преподавания: Межвуз. сб. науч. тр. Ставрополь, 1996. С. 36–54.
9. Уразаева Т. Т. Лермонтов: история души человеческой. Томск, 1995. 236 с.

G. V. Kosyakov

Doctor of Philology, Professor,
Omsk Humanitarian Academy,

2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6909-0994>

e-mail: gen777kos@mail.ru

THE CHRONOTOPE OF THE METAPHYSICAL THRESHOLD IN THE POEMS BY RUSSIAN POETS OF 1810–1840

Introduction. The article is devoted to the study of artistic metaphysic of Russian poets. The aim is to determine the structure-forming role of metaphysical threshold in Russian classical poetry.

Materials and Methods. The research is based on the method of the integral analysis of the literary text, on the structural-semantic, cultural-historical, historical-genetic methods.

Results. The study revealed that the threshold situation shaping the lyrical text chronotope implements a romantic model of the ascension from physical to metaphysical, creates the basis for intense philosophical reflection and religious questioning.

Conclusions. The lyrical situation of the metaphysical threshold serves as a valuable basis for assessing the earthly life, for asserting the ideal, for hoping to find freedom and calmness. The poems by Zhukovsky, Pushkin, Delvig reflect the dialogue of ancient and Christian cultural traditions in relation to death.

Keywords: worldview, romanticism, religiosity, metaphysics.

References

1. Okeansky V. P. *Metaphysics of Culture*: Problems of Theory and History. Ivanovo, 1998, 60 p. (In Russian).
2. Maymin E. A. *Russian philosophical poetry: Poets of all-wisdom*, A. S. Pushkin, F. I. Tyutchev. M., 1976, 192 p.
3. Postnov O. G. Theme of death in the early lyric poetry of A.S. Pushkin // “Eternal” plots of Russian literature: “the prodigal son” and others. Ed. E. K. Romodanovskaya, V. I. Tyup. Novosibirsk, 1996, pp. 59–68.
4. Kotelynikov V. A. «Calmness» in religious, philosophical and artistic contexts. Russkaia literatura. 1994. Vol. 1, pp. 3–41. (In Russian).
5. Zatkin D. N. “Bowl of the life” in Russian poetry. Russkaia rech. 2006? Vol. 1. pp. 9–13. (In Russian).
6. Sakharov V. I. *Romanticism in Russia: era, schools, styles*. M., 2004? 256 p. (In Russian).
7. Gukovsky G. A. *Russian literature of the XVIII century*. M., 1999? 453 p. (In Russian).
8. Milevskaya N. I. The motive of “sleep” - “death” in the early work of M. Yu. Lermontov // M. Lermontov. *Problems of learning and teaching: Intercollege*. Sat scientific tr. Stavropol, 1996? pp. 36–54. (In Russian).
9. Urazaeva T. T. *Lermontov: the story of the human soul*. Tomsk, 1995? 236 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.05.2019

© Г. В. Косяков, 2019

Автор статьи: Геннадий Викторович Косяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: gen777kos@mail.ru

Рецензенты:

А. Э. Еремеев, доктор филологических наук, профессор, ректор Омской гуманитарной академии.

Е. В. Киричук, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

И. Л. Смагина,

Омский государственный педагогический университет

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ АНТОНИМИИ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ И КОНВЕРСИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ АВТОРОВ)

Проблема и цель. Исследование лингвистической противоположности продолжает оставаться одной из актуальных проблем лексикологии. Цель данной работы – показать, что существует три типа семантических отношений, в основе которых лежит понятие «противоположность»: отношения антонимии, дополнителности и конверсивности.

Методология. Исследование проводилось на основе методов контекстуального анализа, анализа словарных дефиниций и сравнительно-сопоставительного метода. Материалом для исследования послужили произведения английских и американских авторов XX в. Всего было просмотрено 10 книг, общим объёмом в 2400 страниц. Методом сплошной выборки было получено 24 контекста.

Результаты и выводы. В результате исследования были выявлены отличительные черты антонимии, дополнителности и конверсивности. Перечисленные семантические отношения не следует рассматривать в отрыве от семантической структуры слова, такие понятия, как лексическое значение и семантическое поле, помогают лучше разобраться в сущности исследуемых явлений.

Ключевые слова: семантическое поле, семантические отношения, противоположность, антонимия, дополнителность, конверсивность.

Введение. Проблема антонимии давно разрабатывается многими самыми разнообразными школами и направлениями. (В. Н. Комиссаров, Дж. Лайонз, Ю. Д. Апресян, Е. Н. Миллер, Ф. Р. Пальмер, М. В. Никитин, М. В. Моисеев). Однако она продолжает интересовать как отечественных, так и зарубежных исследователей. Сегодня лингвисты изучают структуру значений антонимических слов и закономерности их употребления в речи, пытаются конкретизировать лингвистически само понятие «противоположность», выдвигаемое в качестве основного семантического критерия антонимов, описывают основные структурно-семантические типы антонимов и их классификации. Но большинство авторов, говоря о «противоположности», имеют в виду лишь отношения антонимии, не выделяя другие типы семантических отношений, о которых пойдёт речь в данной работе.

Таким образом, исследование лингвистической противоположности продолжает оставаться одной из актуальных проблем лексикологии.

Цель данной работы – показать, что существует три типа семантических отношений, в основе которых лежит понятие «противоположность»: отношения антонимии, дополнителности и конверсивности.

Объектом исследования являются семантические отношения в языковой структуре. Предметом исследования – антонимия, дополнителность и конверсивность как семантические отношения.

Программа исследования. Л. И. Подберезная, тщательно проанализировав различные способы определения «антонимии», отмечает, что к началу XXI века в лингвистике сформировалось два подхода к определению этого понятия:

1) узкий (классический) подход, который предполагает противопоставленность лишь одного из компонентов содержания слов, обозначающих одну и ту же сущность;

2) широкий подход, который имеет две разновидности:

а) антонимия понимается как противопоставленность коррелятивных понятий и противопоставленность смысловых содержаний слов, обозначающих две разных сущности не по одному, а по многим семантическим признакам;

б) антонимия рассматривается не только с точки зрения языка, но и с точки зрения речи [2, с. 98].

Проводя исследование, мы придерживались точки зрения зарубежного лингвиста Дж. Лайонза, который рассматривает антонимию в широком смысле, выделяя три типа противоположности: 1) антонимию, 2) дополнителность и 3) конверсивность [1, с. 113].

Материал для исследования был получен из прозаических произведений художественной литературы английских и американских авторов XX в. Всего было просмотрено 10 книг, общим объёмом в 2400 страниц. Методом сплошной выборки было получено 24 контекста.

Весь исследуемый материал распределён по трём группам, соответственно, типам семантических отношений. Антонимы и дополнительные слова сгруппированы согласно типам контекста В. Н. Комиссарова.

Начнём с рассмотрения и анализа отношения антонимии в разных типовых контекстах.

Типовой контекст I

1) *Do you know what it is to be ugly all your life and inside to feel that you are beautiful?* [9, с. 97].

В этом предложении противопоставляемые слова употребляются как однородные члены предложения, соединённые сочинительной связью.

Прилагательные *ugly* и *beautiful* в контексте с индикатором *person* реализуют прямые значения *unpleasing to look at / very pleasing to the eye* соответственно.

Построим семантическое поле для значения слова *ugly* (*unpleasing to look at*). Родовым значением, или архисемой, в данном случае является *appearance*. Значение слова *beautiful* (*very pleasing to the eye*) является антонимом к имени поля, то есть к значению слова *ugly*. Основанием для их сравнения служит архисема *appearance*, а основанием для оппозиции являются видовые значения или дифференциальные семы.

Типовой контекст II

1) *His Christ awakened the deepest sympathy, not abhorrence for those who stood outside the sculpture and had been responsible* [11, с. 354].

В данном случае противопоставляемые слова употребляются как однородные члены предложения, соединённые противительной связью.

Существительные *sympathy* и *abhorrence* реализуют свои прямые значения *a mutual liking or understanding arising from sameness of feeling* и *extreme hatred, detestation, or great aversion* соответственно. Между значениями слов *sympathy* и *abhorrence* внутри семантического поля возникает отношение антонимии. Основанием для сравнения, или архисемой, при этом является *emotions*, а основанием для оппозиции служат дифференциальные семы, то есть разные значения слов *sympathy* и *abhorrence*.

В этом контексте антитеза выполняет функцию резкого контраста.

Типовой контекст III

1) *I read somewhere that the sun's getting hotter every year-or wait a minute-it's just the opposite – the sun's getting colder every year* [7, с. 124].

Противопоставляемые слова употребляются как один и тот же член предложения в двух параллельных конструкциях, соединённых разделительной связью.

Прилагательные *hot* и *cold* с индикатором *sun* реализуют прямые значения *having a high temperature* и *having a low temperature*.

В данном семантическом поле основанием для сравнения служит архисема *temperature*. Дифференцируемые же семы являются основанием для оппозиции.

Типовой контекст IV

1) *We're getting old. If we were young we'd rise and dance* [7, с. 134].

В этом предложении противопоставляемые слова употребляются как один и тот же член предложения в двух параллельных конструкциях. Прилагательные *old* и *young* в контексте с индикатором *we* реализуют прямые значения *having lived for a long time* и *being in an early period of life or growth*.

Архисемой, или основанием для сравнения, в данном семантическом поле является *age*. Основанием для оппозиции служат дифференциальные семы.

Дополнительные слова, так же как и антонимы, можно сгруппировать по типам контекста.

Типовой контекст I

1) *Who wants to pat panthers on the way to dinner with pretty women and distinguished men?* [6, с. 46].

В данном случае противопоставляемые слова употребляются как однородные члены предложения, соединённые сочинительной связью. Существительные *woman* и *man* реализуют прямые значения *the female of the human race* и *the male of the human race* соответственно.

Слова *woman* и *man* принадлежат к одному семантическому полю с родовым значением *sex*, который является основанием для сравнения (архисемой). Основанием же для оппозиции служат дифференциальные семы.

Типовой контекст II

1) *Let us learn to show our friendship for a man when he is alive and not after he is dead* [7, с. 179].

В данном случае противопоставляемые слова употребляются как однородные члены предложения, соединённые противительной связью.

Прилагательные *alive* и *dead* с индикатором *he* реализуют свои прямые значения *having life* и *having died*. Внутри семантического поля с родовым значением *existence* между словами *alive* и *dead* возникает отношение дополнительности. При этом архисема *existence* является основанием для сравнения, а основанием для оппозиции служат дифференциальные семы *having life* и *having died*.

Типовой контекст III

1) *She parted from him convinced that, whether married or single, he must always be her model of the amiable and pleasing* [4, с. 140].

В этом предложении противопоставляемые слова употребляются как однородные члены предложения, соединённые разделительной связью.

Прилагательные *married* и *single* в контексте с индикатором *he* реализуют прямые значения *living together as husband and wife* и *the unmarried state*.

Родовым значением, являющимся основанием для сравнения, служит *family state*. Основанием для оппозиции служат дифференциальные семы.

В рассматриваемых произведениях были найдены также некоторые случаи конверсивности. Семантическое отношение конверсивности мы тоже исследовали в рамках семантического поля.

1) *Cars bought and sold* [7, с. 30].

Слова *buy* и *sell* с индикатором *car* реализуют прямые значения *to get by paying or agreeing to pay money or some equivalent* и *to give up, deliver or exchange for money or its equivalent* соответственно.

В семантическом поле, куда входят значения слов *buy* и *sell*, родовым значением, одинаковым для обоих компонентов, является *agreement*. Эта архисема служит основанием для сравнения слов *buy* и *sell*. А основанием для оппозиции служат дифференциальные семы.

2) *They were here, and they accepted Tom and me making only a polite pleasant effort to entertain or to be entertained* [7, с. 19].

В данном случае значения – конверсивы – содержатся в семантической структуре одного и того же слова.

Таким образом, рассмотрев отношения антонимии, дополнительности и конверсивности на конкретных примерах из художественных произведений, мы убедились, что исследуемые семантические отношения нужно изучать в рамках семантического поля, где основным параметром является лексическое значение.

Поскольку возникновение семантических отношений связано с поляризацией определённого семантического пространства, появление признаков антонимии, дополнительности и конверсивности сопровождается появлением у них обобщённого или родового значения. Это родовое значение помогает лучше разобраться в смысле предложения или контекста в целом.

Хотя анализ отношения антонимии, дополнительности и конверсивности, который был осуществлён выше, показывает, что между перечисленными семантическими отношениями много общего, мы всё же не можем не выделять именно три, а ни один и ни два типа семантических отношений, в основе которых лежит «противоположность».

Посмотрим, в чём заключается отличие между антонимами и дополнительными словами. Для сравнения рассмотрим два предложения с противопоставляемыми парами.

1. *Do you know what it is to be ugly all your life and inside to feel that you are beautiful?* [9, с. 97].

2. *This of course applies to all individuals, of course male or female* [8, с. 412].

Слова *beautiful* и *ugly* являются крайними членами антонимичного ряда: *beautiful* : *pretty* : *good* – *looking* : *plain* : *ugly*.

В связи с наличием средних членов мы не можем утверждать, что они являются противоречивыми, взаимно отрицающими друг друга. Их денотативные значения несут в себе лишь противоположность.

Рассматривая следующую пару *male* и *female*, мы можем отметить, что между этими двумя понятиями при «нормальном» сочетании различных биологических и поведенческих характеристик нет средних членов. Таким образом, *male* и *female* являются членами двухэлементного множества, то есть эти слова взаимно дополняют друг друга. Соответственно, их денотативные значения несут в себе противоречивые понятия.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что слова *male* и *female* являются не антонимами как *beautiful* и *ugly*, а дополнительными словами.

Это различие между антонимией и дополнительностью не является единственным и главным. На эту проблему можно посмотреть с другой стороны. Для слов-антонимов не всегда можно найти средние члены, то есть построить антонимичный ряд.

Рассмотрим следующие примеры:

3. *Next year would be a bad year, or a good year* [8, с. 117].

4. *Let us learn to show our friendship for a man when he is alive, and not after he is dead* [5, с. 179].

Отличительной чертой антонимов является свойство градации. А градация, как известно, связана со сравнением. То есть мы можем сказать: *Next year would be worse or better.*

Но нельзя сказать: *He is more alive or he is more dead.*

Таким образом, слова *alive* и *dead* являются дополнительными словами, так как отсутствие градации у них очевидно.

Можно выделить еще одну черту, характерную для дополнительных слов, которая вытекает из того, что они являются членами двухэлементного множества. Покажем на конкретных примерах.

Высказывание *He is not dead* имплицитно высказывание *He is alive*. Так же как *He is dead* имплицитно *He is not alive*. Нужно отметить, что в этом случае дихотомия с подразделением на *alive* и *dead* рассматривается нами в «нормальном», а не в «абсолютном» смысле. То есть не предусматривает каких-либо средних членов, например *clinically dead*.

В случае же антонимии имеет место лишь вторая из этих импликаций. *He is good* имплицитно *He is not bad*. Но *He is not good* не имплицитно утверждает предложение *He is bad*.

Сравнивая следующие предложения с противопоставляемыми парами, будем проводить анализ по трем рассмотренным выше этапам. Сравним противопоставляемые пары в предложениях:

5. *I read somewhere that the sun's getting hotter every year – or wait a minute – it's just the opposite – the sun's getting colder every year* [7, с. 124].

6. *She parted from him convinced that, whether married or single, he must always be her model of the amiable and pleasing* [4, с. 140].

1) Слова *hot / cold* являются крайними членами антонимичного ряда: *hot : warm – cool : cold*.

Так как между *cold* и *hot* существуют средние члены, они не являются противоречивыми и взаимно отрицающими друг друга. Их денотативные значения несут в себе лишь противоположность.

Между следующей парой слов *married* и *single* нет средних членов. Мы можем утверждать, что *married* и *single* являются членами двухэлементного множества, то есть эти слова взаимно дополняют друг друга. Соответственно их денотативные значения несут в себе противоречивые понятия.

2) Из самого предложения видно, что качественным прилагательным *hot* и *cold* присуща градация. То есть возможно сказать: *it is getting hotter or colder*, а с относительными прилагательными *married* и *single* невозможно построить сравнительные конструкции: *he is more married* или *he is more single*.

3) Высказывание *He is not married* имплицитно высказывание *He is single*. Так же как *He is married* имплицитно *He is not single*.

В случае же со второй парой возможна только вторая из этих импликаций. *The sun is hot* имплицитно *The sun is not cold*. Но *The sun is not hot* не имплицитно высказывание *The sun is not cold*.

Таким образом, сравнительный анализ пар *cold : hot* и *married : single* показал, что между ними существует различие. А именно между значениями слов *cold* и *hot* в семантическом поле возникает отношение антонимии, в то время как между значениями слов *married* и *single* в соответствующем семантическом поле возникает отношение дополнительности.

Теперь покажем отличия между антонимами и конверсивами.

7. *Cars bought and sold* [7, с. 139].

8. *Gatsby's eyes opened and closed* [7, с. 139].

Ситуацию в предложении с противопоставляемыми глаголами *buy* и *sell* можно рассматривать с двух противоположных сторон: со стороны покупателя и продавца.

Из лексического значения слова *buy* вытекают следующие семантические валентности (семантические актанты, или «участники»): покупатель, товар, деньги.

Для слова *sell* характерны такие семантические актанты, как продавец, товар, деньги.

Глаголы *open* и *close* имеют одинаковый набор семантических актантов: действующее лицо, объект.

Слова *buy* и *sell*, имеющие разноимённые валентности, являются конверсивами, а *open* и *close* – антонимами.

Сравним следующие две пары в предложениях:

9. *We know what we give, we cannot know what we receive* [3, с. 76].

10. *It was Arnold whom he loved and Arnold whom he hated* [10, с. 398].

Из лексического значения слова *give* вытекают следующие семантические валентности: участник ситуации, вещь.

Глаголу *receive* соответствуют такие семантические актаны, как участник, вещь. То есть *give* и *receive* имеют разноимённые валентности. В данной ситуации два действующих лица, два участника. При этом один из них отдаёт какую-либо вещь, а другой получает её.

Глаголы *love* и *hate* являются одновалентными, их семантический актант (участник ситуации) один и тот же.

На основании этого можно сделать вывод, что *give* и *receive* – это конверсивы, а *love* и *hate* являются антонимами.

Рассмотрим еще один пример:

11. *They were here, and they accepted Tom and me making only a polite pleasant effort to entertain or to be entertained* [7, с. 19].

В данном случае отношение конверсивности выражается при помощи изменения формы действительного залога на страдательный.

Результаты. После рассмотрения отношений антонимии, дополнительности и конверсивности в контексте мы можем сделать вывод, что противоположность, возникающая внутри антонимичных, дополнительных и конверсивных пар, связана с семантической структурой слова. Нельзя рассматривать перечисленные семантические отношения в отрыве от других структурно семантических параметров, а именно лексического значения и семантического поля.

Отдельное слово получает определённую исхода из численного состава и расположения значений, противостоящих ему в общем поле, и правильность понимания отдельного слова зависит от психологического присутствия этого общего поля и от его специфической структуры. Чтобы понимание осуществилось, численный состав и расположение языковых знаков этого понятийного поля должны имплицитно быть в наличии у слушателя или читателя.

Поскольку возникновение отношений антонимии, дополнительности и конверсивности связано с поляризацией определённого семантического пространства, появление признаков антонимичности, дополнительности и конверсивности между отдельными единицами конкретной лексики сопровождается появлением у них обобщённого или родового значения. Это родовое значение помогает разобраться в смысле предложения или контекста.

Однако, несмотря на существующее сходство между отношениями антонимии, дополнительности и конверсивности, их следует различать.

Выводы. Сравнительный анализ антонимии и дополнительности, антонимии и конверсивности позволяет сделать следующие выводы:

1) денотативные значения слов-антонимов несут в себе противоположные понятия, в то время как денотативные значения дополнительных слов несут в себе противоречивые понятия;

– антонимам, в отличие от дополнительных слов, присуще свойство градации, которое связано с операцией сравнения;

– дополнительные слова являются членами двухэлементного множества, их родовые понятия исчерпываются двумя видовыми, между ними невозможно никакое третье, среднее понятие.

2) конверсивность – это способ выражения двусторонних субъектно-объектных отношений, когда одна и та же ситуация рассматривается с двух разных сторон;

– конверсивы имеют одинаковые ролевые структуры, а антонимы – различные;

– значения конверсивов сводимы друг к другу, ни один из них не является семантически более сложным, в связи с чем описание ситуации можно строить относительно любого из них, в то время как антонимы не всегда равноправны в семантическом отношении;

– антонимы чаще всего одновалентны или безвалентны, а конверсивы всегда не менее чем двухвалентны;

– у антонимов валентности в большинстве случаев имеют одинаковое содержание, а у конверсивов всегда есть разноимённые валентности, имеющие одинаковые номера.

Таким образом, сравнительный анализ, проведённый в данном исследовании, показывает, что противоположность может находить своё отражение не только в антонимии, но и в таких семантических отношениях, как дополнительность и конверсивность.

Библиографический список

1. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.

2. Подберезная Л. И. Подходы к определению понятия «антоним» в лингвистике // Философия права. 2009. № 3. С. 98–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12919230>
3. Aldington R. *All Men*. M., 1985.
4. Austen J. *Pride and Prejudice*. L., 1993.
5. Dickens Ch. *The Tale of Two Cities*. M., 1976.
6. *English Short Stories of the 20 th Century*. M., 1988.
7. Fitzgerald F. *The Great Gatsby*. L., 1994.
8. Hemingway E. *A Farewell To Arms*. – M., 1986.
9. Hemingway E. *For Whome The Bells Toll*. M., 1986.
10. Murdoch I. *The Black Prince*. L., 1986.
11. Stone I. *The Agony and The Ecstasy*. N.Y., 1963.

I. L. Smagina,
Senior Lecturer of Foreign Languages Department
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4427-6514>
e-mail: smagina-il@mail.ru

THE COMPARATIVE ANALYSIS OF ANTONYMY, COMPLEMENTARITY AND CONVERSENESS AS SEMANTIC RELATIONS (EXAMPLIFIED BY WORKS OF ENGLISH AND AMERICAN WRITERS)

Introduction. The article deals with studying the problem of linguistic oppositeness that remains one of the current lexicological issues. The main purpose of this research work is proving the fact that there are three types of semantic relations based on the notion of oppositeness. They are antonymy, complementarity and converseness.

Methodology. The study is conducted on the basis of a comparative method, as well as methods of contextual analysis and analysis of dictionary definitions. The research material was taken from the works of English and American writers.

Results and conclusions The study revealed the distinctive features of antonymy, complementarity and converseness. It is concluded that: 1) the denotative meanings of antonyms carry opposite concepts, while the denotative meanings of complimentary words carry contradictory concepts; 2) antonyms are often monovalent or non-valent while converses are always at least divalent.

Keywords: semantic field, semantic relations, oppositeness, antonymy, complementarity, converseness.

References

1. Lajonz Dzh. *Introduction to theoretical linguistics*. Moscow, 1978. (In Russian).
2. Podbereznaia L. I. *Approaches to the definition of the notion antonym in linguistics. Filosofija prava*, 2009, no. 3, pp. 98-102(In Russian).
3. Aldington R. *All Men*. Moscow, 1985.
4. Austen J. *Pride and Prejudice*. London., 1993.
5. Dickens Ch. *The Tale of Two Cities*. Moscow, 1976.
6. *English Short Stories of the 20 th Century*. Moscow, 1988.
7. Fitzgerald F. *The Great Gatsby*. London, 1994.
8. Hemingway E. *A Farewell To Arms*. Moscow, 1986.
9. Hemingway E. *For Whome The Bells Toll*. Moscow, 1986.
10. Murdoch I. *The Black Prince*. London, 1986.
11. Stone I. *The Agony and The Ecstasy*. New York, 1963.

Поступила в редакцию 23.11.2018

© И. Л. Смагина, 2018

Автор статьи: **Ирина Леонидовна Смагина**, старший преподаватель, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: smagina-il@mail.ru

Рецензенты:

С. Д. Оськина, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Э. В. Акаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Ж. В. Лихачёва,

Омский государственный университет путей сообщения

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ И СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СФЕРЕ НЕФОРМАЛЬНОГО ДЕЛОВОГО ОБЩЕНИЯ

Проблема и цель данной статьи – предпринять попытку рассмотреть различные грамматические классификации фразеологических оборотов и проанализировать способы их перевода на русский язык. Данные исследования проведены на примере фразеологизмов в сфере неформального делового общения.

Методология. Метод – анализ грамматических составляющих фразеологических оборотов и вариантов их перевода. Исследование проводилось на основе сравнительно-сопоставительного метода. Материалом послужила выборка фразеологических единиц в сфере неформального делового общения, общим объёмом 300 единиц. Выборка осуществлялась методом сплошного просмотра фразеологических словарей английского и русского языков, журналов о бизнесе, телевизионных программ, глянцевого журналов, газет.

Результаты и выводы. В результате исследования автор сгруппировал исследуемые фразеологические единицы, учитывая их грамматическую структуру, определил способы перевода фразеологизмов в сфере неформального делового общения, получил процентное соотношение способов перевода и структуры фразеологизмов. Полученные результаты представляют определённый интерес для переводчиков. Область применения результатов может быть достаточно разнообразной – от специалистов в области лингвистики, межкультурной коммуникации до студентов, будущих переводчиков, а также людей, увлечённых языками и их особенностями.

Ключевые слова: фразеологический оборот, классификация, калькирование, лексический перевод, дескриптивный перевод, комбинированный перевод.

Проблема и цель. О фразеологии написано множество статей, книг, диссертаций, а интерес к этой области языка не иссякает как у исследователей, так и у тех, кто просто изучает язык и интересуется различными особенностями того или иного языка. Фразеологизмы радикальным образом отличаются от словосочетаний. Важнейшей характерной чертой фразеологизмов является их устойчивость или закреплённость: они не рождаются в процессе речи (как словосочетания), а используются такими, какими закрепились в языке.

Цель настоящего исследования – рассмотреть различные грамматические классификации фразеологических оборотов и проанализировать способы их перевода на русский язык.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Изучить предложенные лингвистами грамматические классификации фразеологических оборотов.

2. Рассмотреть способы перевода фразеологических единиц с английского языка на русский.

3. Проанализировать и определить процентное соотношение различных способов перевода на примере фразеологизмов в сфере неформального делового общения.

Деловое общение зачастую происходит не только в деловой обстановке: в рабочем кабинете, за столом переговоров и т. п. Значительная часть деловых встреч проходит в неформальных условиях – во время всякого рода приёмов, интервью, в ресторанах, встречах с партнёрами в неформальной обстановке. Эти неформальные контакты крайне важны для приобретения нужных знакомств и связей. Во время такого общения важно соблюдение правил речевого этикета, однако допускается менее формальный стиль общения, следовательно, считается уместным употреблять фразеологические обороты.

Н. М. Шанский в своей работе «Фразеология современного русского языка» даёт следующее определение фразеологическому обороту:

«Фразеологический оборот – это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре» [1, с. 16].

Фразеологизмы обычно сложны по составу, они образуются путём соединения нескольких компонентов (*to turn a blind eye* – закрывать глаза, *to be out of step* – идти не в ногу) [2]. Фразеологизмы имеют постоянный состав, устойчивость грамматической конструкции и фиксированный порядок

слов. В свободных словосочетаниях одно слово можно беспрепятственно заменить другим. Во фразеологических оборотах такая замена невозможна. Фразеологизм *to be out of step* мы никак не можем заменить на *to be out of the road* или *to hang in the balance* (быть в подвешенном состоянии) нельзя заменить на *to hang in the air*, *to be on cloud nine* нельзя заменить на *to be on cloud seven*. Хотя в русском языке мы именно на седьмом небе от счастья, а не на девятом.

А. В. Кунин предлагает следующую классификацию фразеологизмов, выделяя несколько типов их происхождения [3, с. 153–158].

1. Глагольные фразеологизмы. Очевидно, что основным компонентом в них является глагол.

- *to get off to a bad start* – начинать что-то плохо;
- *to make a U turn* – сделать крутой поворот в жизни;
- *to spend money like water* – сорить деньгами;
- *to put smth. for a rainy day* – откладывать на чёрный день.

2. Именные фразеологизмы. Основным компонентом данных фразеологизмов является имя существительное.

- *mixed feelings* – смешанные чувства;
- *downturn in the economy* – спад в экономике;
- *upturn in the economy* – подъём в экономике;
- *outcry* – негодование.

3. Фразеологическая калька. Фразеологическая калька – «это устойчивое сочетание слов, возникшее в <...> языке в результате дословного перевода иноязычного фразеологизма» [1].

- *in a different light* – в другом свете;
- *love is blind* – любовь слепа.

Мы проанализировали около 300 фразеологических единиц, употребляемых в английском языке неформального делового общения. Выборка осуществлялась методом сплошного просмотра фразеологических словарей английского и русского языков, журналов о бизнесе, таких как *Inc.*, *Business Insider*, телевизионных программ с участием иностранных бизнесменов, прослушивания лекций и интервью с бизнесменами, например *TED: Ideas Worth Spreading*, *BBC News*, *Daily News*, глянцевого журналов, газет. Это позволило нам провести их грамматическое структурирование, в результате которого были установлены часто употребляемые структуры фразеологических оборотов, например:

1) модель 1: *verb + object/complement (and/or adverb)* – структурная модель (глагол + дополн. / опред. (и / или наречие): *to go bankrupt* – обанкротиться, *to go mad* – обезуметь, *to get right* – не совершать ошибок, *to be well off* – быть состоятельным, *to kill two birds with one stone* – убить двух зайцев. Данная модель встретилась нам 45 раз, что составило 15 %.

2) модель 2: *prepositional phrase* – фраза с одним или несколькими предлогами:

to take someone to one side – отводить кого-то в сторону для разговора наедине, *to get someone out of one's system* – перестать беспокоиться по поводу кого-то, *in the blink of an eye* – в мгновение ока, *to go to the wall* – потерпеть поражение, крах, *to be over the moon* – быть вне себя от радости, *to be on cloud nine* – быть на седьмом небе, *to start from scratch* – начать с нуля, *to be on the safe side* – быть в безопасности, *to be out of touch* – быть вне досягаемости, *to be out of this world* – быть не от мира сего, *to be in the red* – иметь финансовые затруднения, *go up in the world* – преуспеть в жизни. Мы нашли 30 фразеологических единиц данной модели, что составляет 10 %.

3) модель 3: *compound* – составная или сложная структура: *a bone of contention* – яблоко раздора, *a slime ball* – скользкий тип, *a sore spot* – болезненное место, *a hidden agenda* – скрытая повестка дня, *a blank spot* – белое пятно, *golden opportunity* – блестящая возможность, *big spot* – важная птица, *upper crust* – верхушка общества, *jungle law* – закон джунглей, *forbidden ground* – запретная тема, *common sense* – здравый смысл, *rat race* – бешеная погоня за успехом, деньгами [4, с. 5–10]. Мы нашли 36 единиц данной модели, что составляет 12 %.

4) модель 4: *simile (as + adj + as, or like + noun)* – сравнение: *as dry as a bone* – сухой как щепка, *as fit as a fiddle* – стройный как кипарис, *as nutty as a fruitcake* – мягкий как сдоба, *as right as rain* – ясно как белый день, *as good as one's word* – честное слово, *hard as nails* – бессердечный, *sound as a bell* – в полном здравии, *enough is as good as a feast* – всё хорошо в меру, *be as good as one's word* – держать слово, *thick as thieves* – закадычные друзья. Найдено 42 единицы данной модели, что составляет 14 %.

5) модель 5: *binomial (word + and + word)* – двухкомпонентная конструкция: *rough and ready* – сделанный на скорую руку, *grin and bear it* – стойко переносить боль / трудности, делать хорошую мину при плохой игре, *pros and cons* – за и против, *sink or swim* – была не была, *cut and dried* – в гото-

вом виде, *ups and downs* – взлёты и падения, *now and again* – время от времени, *down and out* – выброшенный за борт жизни, *banky-panky* – двойная игра, мошенничество, *more or less* – до известной степени, *table talk* – застольная беседа, *safe and sound* – жив-здоров, *back and forth* – досконально, *quick and dirty* – дешево и сердито. Найдено 24 единицы данной модели, что составило 8 %.

6) модель 6: *trinomial (word + word + and + word)* – трехкомпонентная структура: *cool, calm and collected* – спокойный, уравновешенный и собранный, *blood, sweat and tears* – напряжённая работа. Данная модель встретилась 18 раз, что составляет 6 %.

7) модель 7: *whole clause or sentences* – многокомпонентная структура, которую можно считать целым предложением: *to cut a long story short* – короче говоря, *appearances can be deceptive* – внешность обманчива, *to take the law into one's own hands* – вершить самосуд, взять закон в свои руки, *money doesn't grow on trees* – деньги не растут на деревьях, *to take your life into your hands* – делать что-то рискованное, *to keep our heads above the water* – быть на плаву, *honesty is the best policy* – честность – лучший контролёр, *put something by for a rainy day* – откладывать на чёрный день, *to make head or tail of something* – разобрать что-либо, *to catch someone red-handed* – поймать кого-то с поличным, *the punishment should fit the crime* – наказание должно соответствовать преступлению, *to see the world through rose coloured spectacles* – смотреть на мир сквозь розовые очки, *to have your head in the clouds* – витать в облаках [5, с. 341–428].

Можно утверждать, что данная многокомпонентная структура встречается в языке бизнеса очень часто. 105 подобных фразеологизмов встретилось в исследуемых нами фразеологических единицах, что составляет 35 %.

Мы считаем, что к вопросу перевода можно переходить только после рассмотрения структуры фразеологических единиц.

Н. М. Шанский, В. В. Виноградов, В. Н. Телия рассматривают в своих работах основные свойства фразеологизмов, типы и способы перевода фразеологических единиц [6, с. 119–132]. Чтобы правильно перевести фразеологическую единицу с английского языка на русский, переводчик должен не только отлично знать язык, но и владеть информацией по истории и культуре страны, иметь определённые знания по психологии и уметь правильно пользоваться различными словарями, например фразеологическими, толковыми, словарями синонимов.

Вышеупомянутые учёные также выделяют четыре способа перевода фразеологических единиц:

1) Калькирование (полное и частичное). Калькирование может быть применимо только тогда, когда дословный перевод предлагает читателю истинное значение всего фразеологизма, а не его компонентов. Также калькированием можно переводить пословицы без подтекста. Этим способом можно воспользоваться при переводе устойчивых сравнений, предварительно убедившись, что носитель языка поймет их правильно: *in a different light* – в другом свете, *under pressure* – под давлением, *under smb's wing* – под чьим-то крылышком, *make a noise* – поднимать шум, *wait and see* – поживём-увидим, *break a record* – побить рекорд. В предложенных примерах мы видим полное калькирование. В исследуемых нами материалах мы встретили 57 фразеологических единиц, которые переводятся с помощью калькирования, что составляет 19 %.

2) Дескриптивный, или описательный перевод. Описательный перевод фразеологических единиц – это перевод не самого фразеологизма, а его толкование, т. к. данный фразеологизм не имеет точного эквивалента в языке перевода. Это могут быть объяснения, сравнения, интерпретация – т. е. средства, передающие смысл фразеологизма в максимально точной и краткой форме с обязательным стремлением к фразеологизации. Например, в Великобритании говорят: *as right as rain* – ясно как дождь, а в России – ясно как белый день. Переводчик должен хорошо подумать, прежде чем перевести подобный фразеологизм, если он не знает точного эквивалента. Переводить фразеологизмы нужно сохраняя специфику языка перевода [7, с. 31–33]. Данный способ перевода встретился в 78 примерах, что составило 26 %.

3) Лексический перевод. Лексический перевод относится к нефразеологическому переводу. Лексический перевод применим в тех случаях, когда данное понятие не является фразеологизмом в языке реципиента.

Многие английские глаголы можно легко передать их лексическим эквивалентом: *to go to the wall* – потерпеть поражение, *go up in the world* – преуспеть в жизни, *set one's shoulder to the wheel* – направлять свои усилия на что-то, *hit the ceiling* – лезть на стену, *feel one's way* – нащупывать почву. Такие переводы есть в словарях. Они точно указывают семантическое значение фразеологических единиц. Е. В. Шепелева в своей статье пишет: «в контексте любое соответствие должно приобрести «фразеоло-

гический вид» или по крайней мере стилистическую окраску, близкую к оригиналу» [8, с. 68–72]. Лексический перевод встретился в 69 единицах, в процентном отношении это составляет 23 %.

4) Комбинированный перевод. Комбинированный перевод, так же как и лексический, относится к нефразеологическому переводу, рассматривается не как перевод устойчивого сочетания слов посредством одного из возможных фразеологических синонимов. Данный перевод выполняется посредством выбора известных, общепринятых вариантов, соответствий, синонимов близких по значению. При выборе варианта учитываются все особенности исходной фразеологической единицы, её стиль, колорит. Иногда как раз стилистическое несоответствие не даёт возможность использовать в переводе, казалось бы, самую подходящую фразеологическую единицу [9, с. 54–57]. Например: *stop dead* – оборвать на полуслове, *find one's tongue* – обрести дар речи, *take a stand* – отстаивать свою точку зрения, *as a sheep among the shearers* – ободрали как липку, *apple-pie order* – образцовый порядок. Комбинированный перевод встретился в 96 единицах, это 32 %.

Как уже было упомянуто выше, материалом исследования послужила выборка фразеологических единиц, имеющих отношение к неформальному деловому общению, общим объёмом 300 единиц. Выборка материала осуществлялась методом сплошного просмотра фразеологических словарей английского и русского языков, журналов о бизнесе, таких как Inc., Business Insider, телевизионных программ с участием иностранных бизнесменов, прослушивания лекций и интервью с бизнесменами, например TED: Ideas Worth Spreading, BBC News, Daily News, глянцевого журналов, газет [10].

На основе метода количественного анализа полученных данных мы построили следующие диаграммы. На рис. 1 и 2 можно увидеть результаты данного исследования. На рис. 1 показано процентное соотношение грамматических структур фразеологических оборотов, которые встретились нам в исследуемых материалах. Модель 1: 45 единиц – 15 %; модель 2: 30 единиц – 10 %; модель 3: 36 единиц – 12 %; модель 4: 42 единицы – 14 %; модель 5: 24 единицы – 8 %; модель 6: 18 единиц – 6 %; модель 7: 105 единиц – 35 %. Результаты исследования по способу перевода показаны на рис. 2: калькирование составляет 19 %, это 57 единиц; дескриптивный или описательный перевод – 26 %, это 78 единиц; лексический перевод – 23 %, это 63 единицы; комбинированный перевод – 32 %, это 96 единиц.

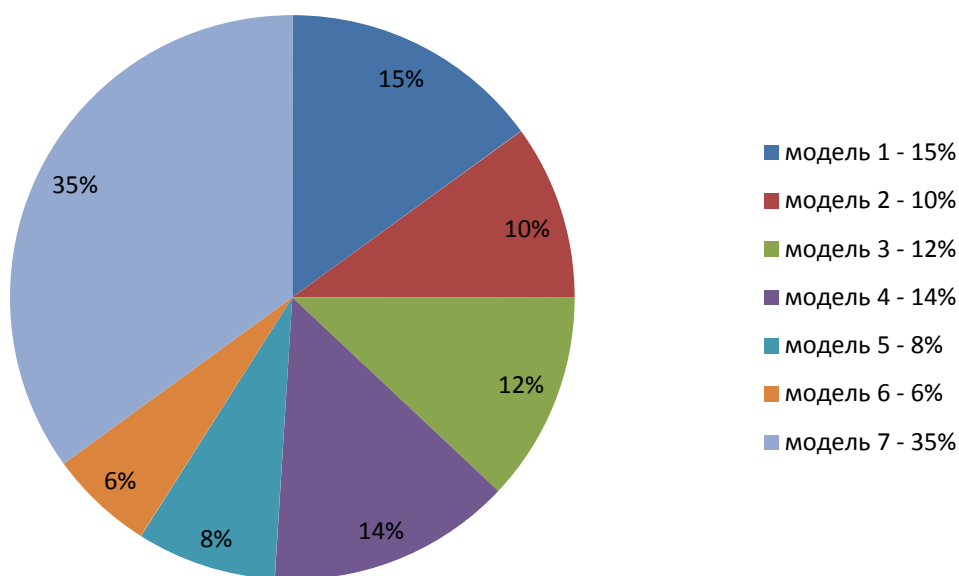

Рис. 1. Грамматическая структура исследуемых фразеологических единиц

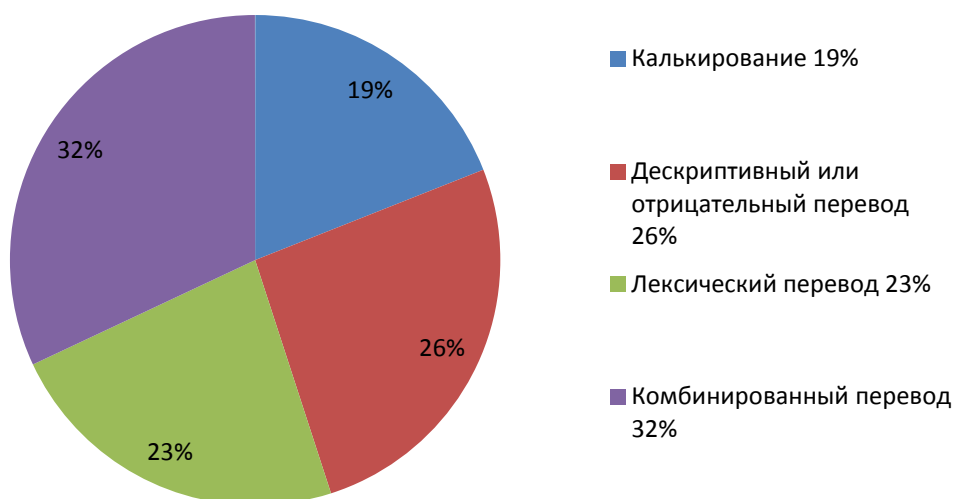

Рис. 2. Способы перевода исследуемых фразеологических единиц

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1) В данной статье мы рассмотрели различные грамматические типы фразеологизмов. Стало понятно, что лингвисты рассматривают классификацию фразеологизмов по-разному. Мы предложили свою классификацию, на наш взгляд, наиболее подходящую, т. к. она составлялась на основе анализа большого количества примеров из фразеологических словарей, журналов, новостей, телевизионных программ.

2) Также мы выделили четыре способа перевода фразеологических единиц и пришли к выводу, что в различных ситуациях могут потребоваться разные способы перевода, но главная роль принадлежит переводчику. Переводчик должен чувствовать себя представителем культуры того языка, на котором написан текст. Ему необходимо изложить свои мысли свежо и ясно, при этом используя всю силу и могущество родного языка. На рисунках можно увидеть процентное соотношение наиболее часто используемых грамматических структур и способов перевода фразеологических единиц в сфере неформального делового общения.

Есть надежда, что предложенные нами классификации с примерами из сферы неформального делового общения помогут переводчику в его творческом процессе.

Библиографический список

1. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. М.: Высш. школа, 1985. 156 с.
2. Graham Workman Phrasal Verbs and Idioms. Oxford University Press, 1996. 80 p.
3. Кунин А. В. Английская фразеология: учеб. пособие для вузов : А. В. Кунин. М.: Наука, 2004. 268 с.
4. Michael McCartney, Felicity O'Dell English Idioms in Use intermediate. Cambridge University Press, 2000. 171 p.
5. Р. Кортни Английские фразовые глаголы. Англо-русский словарь : 2-е изд., стереотип. М.: Рус. Яз., 2000. 767 с.
6. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова : Л.: Наука, 2001. 351 с.
7. Гурьянов И. О., Арсентьева Е. Ф Способы перевода фразеологических единиц книжного стиля русского, английского и немецкого языков // Философия и культура. 2014. № 1 (35). С. 31–33.
8. Шепелева Е. В. Особенности перевода фразеологизмов // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2009. № 11 (15). С. 68–72.
9. Шепелева Е. В. Общая грамматическая характеристика фразеологических единиц современного английского языка // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. 2010. № 15 (19). С. 54–57.
10. TED: Ideas Worth Spreading [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ted.com/#/> (дата обращения: 12.10.2018).

Z. V. Likhacheva,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Omsk State Transport University,
35 Marx Ave., Omsk, 644046, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7668-1533>
e-mail: lijane71@mail.ru

GRAMMATICAL CLASSIFICATION AND METHODS OF TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE SPHERE OF INFORMAL BUSINESS COMMUNICATION

Introduction. The purpose of this article is to consider various grammatical classifications of phraseological turnovers and analyze the ways of their translation into Russian. These studies are conducted on the example of idioms in the field of informal business communication.

Methodology. The research methods used are the analysis of the grammatical components of phraseological units and the variants of their translation. The study was conducted on the basis of the comparative method. The material was a sample of phraseological units in the business, the total volume of 300 units. The selection was carried out by the method of continuous viewing of phraseological dictionaries of the English and Russian languages, watching the TV programs, reading business magazines and newspapers.

Results and conclusions. As a result of the study, the author grouped the studied phraseological units, taking into account their grammatical structure, determined the ways of translating phraseological units in the informal business sphere, obtained the percentage ratio of translation methods and the structure of phraseological units. The results are of particular interest to translators. The field of application of the results can be quite diverse from specialists in the field of linguistics, intercultural communication to students, future translators, as well as people who are passionate about languages and their features.

Keywords: phraseological unit, classification, tracing, lexical translation, descriptive translation, combined translation.

References

1. Shansky N. M. *Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: Higher school, 1985, 156 p. (In Russian).
2. *Graham Workman Phrasal Verbs and Idioms*. Oxford University Press, 1996, 80 p.
3. Kunin, A.V. *English phraseology: study guide for universities*. Moscow: Science, 2004, 268 p. (In Russian).
4. Michael McCartney, Felicity O'Dell *English Idioms in Use intermediate*. Cambridge University Press, 2000, 171 p.
5. Courtney R.. English phrasal verbs. *English-Russian dictionary*. Edit. 2, Stereotype. Moscow: Rus. Yaz., 2000, 767 p.
6. Vinogradov, V.V. The main types of lexical meanings of the word. L: Science, 2001, 351 p. (In Russian).
7. Guryanov I. O., Arsentieva E. F. Methods of translation of phraseological units of the book style of the Russian, English and German languages. *Philosophy and Culture*. 2014, No. 1 (35), pp. 31 – 33. (In Russian).
8. Shepeleva E.V. Peculiarities of the translation of phraseological units. *Izvestiya PSPU named V. G. Belinsky*. 2009, no. 11 (15), pp. 68–72. (In Russian).
9. Shepeleva E. V. The overall grammatical characteristics of the phraseological units of modern English. *Izvestia PSPU named V. G. Belinsky*. 2010, no. 15 (19), pp. 54–57. (In Russian).
10. TED: Ideas Worth Spreading [Электронный ресурс]. Available at: <https://www.ted.com/#/> (accessed: 12.10.2018).

Поступила в редакцию 18.11.2018

© Ж. В. Лихачёва, 2018

Автор статьи: **Жанна Владимировна Лихачева**, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения, 644046, Омск, пр. К. Маркса, 35, e-mail: lijane71@mail.ru

Рецензенты:

О. П. Фесенко, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры 16 русского языка, Омский автобронетанковый инженерный институт.

Э. В. Акаева, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

О. К. Мжельская,
Омская гуманитарная академия

СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ ГАЗЕТНОГО ЗАГОЛОВКА

Цель статьи заключается в выявлении особенностей функционирования языковых средств создания двусмысленности в заголовках англоязычного и русскоязычного дискурса СМИ. Анализ языкового материала позволил выявить ряд языковых приёмов для достижения коммуникативной цели журналиста. Наряду с этим рассматривался вопрос об успешности использования намеренной двусмысленности.

Гипотеза исследования: большая часть двусмысленных заголовков не вызывает проблем в дискурсе, поскольку читатели могут размышлять над значением, которое авторы затем выражают в тексте статьи.

Описание выборки. Исследование проводилось на материале русскоязычных и англоязычных газет. В ходе исследования выяснилось, что в русскоязычных СМИ заголовки с двусмысленностью встречаются чаще, чем в англоязычных СМИ. Всего было проанализировано 230 заголовков.

Методология: контекстуальный анализ, сопоставительный и интерпретационный анализ перевода.

Результаты. Из 230 заголовков, содержащих двусмысленность, 161 попал в секцию наиболее популярных и читаемых статей (в такие разделы входят статьи, которые являются наиболее посещаемыми), что говорит о том, что реципиент открывает прежде всего статьи, заголовки которых не являются однозначными: создавая двусмысленные заголовки, СМИ привлекают читателей открывать текст, а не прочитывать только заголовок.

Ведущая функция заголовков, содержащих двусмысленность, как в англоязычных, так и в русскоязычных СМИ – рекламно-прагматическая. Также это единственная функция, которую реализуют абсолютно все выделенные нами средства создания двусмысленности. Таким образом, именно двусмысленные заголовки привлекают внимание читателей и являются прагматически мотивированными. Лексическая неоднозначность в письменной речи также является своего рода синтаксической неоднозначностью. Кроме того, двусмысленность отличается от неопределённости и дейксиса, поскольку они способны представить отличную семантическую ситуацию, а также они могут быть связаны с неоднозначностью.

Ключевые слова: медиадискурс, заголовок, изменение семантики, средства создания двусмысленности.

Введение. Языки являются важнейшим инструментом общения, а также записи и передачи информации, практически невозможно представить какую-либо ситуацию без языкового сопровождения. Тем не менее естественный язык не настолько идеален, чтобы передавать всю информацию ожидаемым образом. Например, неоднозначность языка может вызвать путаницу в понимании высказываний людей, определённые двусмысленные слова и предложения требуют больше уточнений и разъяснений. Различные интерпретации одного и того же высказывания могут привести к различному восприятию и затруднению понимания. Это, на самом деле, довольно распространённое явление во многих языках.

В рамках данной статьи мы вслед за Е. С. Кубряковой и Л. В. Цуриковой, М. Н. Володиной и Г. Я. Солгаником будем считать дискурс СМИ и язык СМИ равнозначными понятиями, которые объединяют в себе признаки таких жанров, как репортажи, интервью, газетные и журнальные статьи, обзоры. М. Н. Володина понимает язык СМИ как «особый язык социальной интеракции, имеющий собственные формы выражения, структурирующие наше восприятие, создающие новые значения и конструирующие (как вербально, так и визуально) особые «информационные построения действительности», которые могут определяться и стремлением к документальности, и реальностью, и вымыслом, и даже иметь виртуальный характер» [1].

Отметим, что язык СМИ в настоящее время обладает большими возможностями: функцией воздействия на аудиторию и информативной функцией. В нашей работе вслед за М. А. Южанниковой мы понимаем двусмысленность как «лингвистический феномен, заключающийся в наличии у высказывания или его фрагмента нескольких смыслов, проявляющихся одновременно или последовательно, обусловленное сочетанием языковых / речевых механизмов порождения двусмысленности с особым контекстом» [2].

Что касается понятия «двусмысленности», то в рамках исследования мы опирались на определение, данное Chierchia и McConnell [3], которые считают, что «двусмысленность возникает, когда

одно слово или цепочка слов связаны в языковой системе с более чем одним значением». Это означает, что предложение может быть истолковано по-разному, и это может быть вызвано как множеством значений одного слова, т. е. лексической неоднозначностью, так и различными структурами предложения, т. е. структурной неоднозначностью, либо сочетанием лексической и структурной неоднозначности или разными семантическими полями.

Программа исследования. В данном исследовании были рассмотрены ситуации, когда двусмысленность создается намеренно, т. е. в качестве стилистического приёма, и выполняет определённые функции, которые мы рассмотрим далее. Исследование проводилось на материале русскоязычных и англоязычных газет. В ходе исследования выяснилось, что в русскоязычных СМИ заголовки с двусмысленностью встречаются чаще, чем в англоязычных СМИ. Таким образом, это наталкивает на вывод, что русскоязычные авторы более креативны в средствах привлечения аудитории для прочтения статей.

Для каждого заголовка была выделена основная функция. Ю. В. Пешкова называет следующие функции:

- номинативная (заголовок выступает как первый элемент текста и называет его);
- графически-выделительная (осуществляется с помощью экстралингвистических средств, в первую очередь шрифта и визуальных компонентов организации публицистического текста);
- информативная (способность заголовка в сжатом виде передать адресату основную информацию о содержании текста);
- рекламно-прагматическая (стремление автора статьи произвести определённый эффект на читателя, эмоционально заинтриговать его и заставить прочитать текст);
- прогностическая (способность заголовка выстроить в сознании читателя определённую проекцию текста) [4].

Классификация Ю. В. Пешковой, которая исследовала функции только газетных заголовков (а не функции заголовков вообще), по нашему мнению, является наиболее полной и будет взята за основу в нашей работе. К данной классификации мы добавим лишь развлекательную функцию заголовков, т. к. двусмысленность является идеальным средством для создания комических высказываний.

Рассмотрим пример диалогии из журнала *The Economist: Picnic for the bears* (Пикник для медведей) [The Economist, 14 Jan, 2016]. Двусмысленность в данном заголовке создаётся за счёт слова *bear*, которое согласно словарю Macmillan Dictionary можно понять в данном заголовке в двух смыслах:

- 1) a large wild animal with thick fur (большое дикое животное с толстым мехом);
- 2) someone who expects the prices of shares to fall, so they sell them (человек, ожидающий падения цен на акции) [5].

Во время прочтения статьи читатель понимает, что на самом деле речь идёт не о диких животных, а об опасении падения цен на акции на рынке. Данный заголовок реализует главным образом рекламно-прагматическую функцию, т. к. автор статьи пытается заинтриговать читателя, привлечь его внимание и заставить прочитать текст.

Такой приём двусмысленности, как диалогия (от греч. *di* – дважды и *logos* – слово, это стилистический приём двусмысленности, в котором двусмысленность создается путём постановки многозначных слов или омонимов в такой контекст, где они могут пониматься несколькими способами одновременно; как и большинство приёмов двусмысленности, диалогия может строиться на нескольких языковых механизмах, в числе которых полисемия, омонимия), является самым распространённым средством создания двусмысленности заголовков. Это объясняется тем, что практически каждое слово в языке имеет несколько значений. Отметим, что диалогия является самым распространённым явлением в англоязычных СМИ, в то время как в русскоязычных СМИ она стоит на втором месте по частотности.

Рассмотрим пример каламбура из газеты «Коммерсантъ»: «Первый блин вышел чехам» [Алексей Доспехов, «Коммерсантъ», 06.05.2016]. В данном примере автор создаёт двусмысленность посредством двух выражений: «первый блин комом», означающее неудачу, и «вратарский блин» – широкая вратарская перчатка, которой вратарь отражает удары. После прочтения статьи читатель понимает, что сборная России по хоккею открыла домашнее первенство поражением и проиграла Чехии свой первый матч. Данный заголовок носит скорее развлекательную функцию.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что каламбур довольно частотное явление для заголовков как англо-, так и русскоязычных СМИ. Отметим, что такой приём, как каламбур, является самым распространённым явлением в русскоязычных СМИ, в то время как в англоязычных СМИ он стоит на втором месте по частотности.

Рассмотрим пример такого приёма, как буквализация метафоры, из журнала *The Economist: Castles in the air* (Воздушные замки) [The Economist, Jan 28, 2016]. Двусмысленность здесь создаётся за счёт устойчивого выражения *castles in the air*, которое в словаре Macmillan Dictionary имеет дефиницию: *to have hopes and dreams that are unlikely to become real* (иметь надежды и мечты, которые, скорее всего, не станут реальностью). Метафоры, как правило, сложны для понимания ввиду их образности, а идиомы также могут быть непонятны большинству аудитории – читатель не всегда может их обнаружить. Также довольно сложно подобрать метафору или идиому для названия статьи из-за их ограниченного количества. Следовательно, заголовки, основанные на буквализации метафоры, не так популярны, как остальные средства создания двусмысленности. Буквализация метафоры главным образом реализует рекламно-прагматическую функцию заголовков; информативная функция для такого приёма не характерна.

В газете «Коммерсантъ» мы встретили следующий заголовок, основанный на амфиболии (двойственность или двусмысленность, получающаяся от того или иного расположения слов или от употребления их в различных смыслах, смешение понятий): «*Туроператоры планируют отпуска*» [Александра Мерцалова, Халиль Аминов, «Коммерсантъ», 04.05.2016]. При прочтении такого заголовка возникает двусмысленность, т. к. читателю непонятно, чьи отпуска планируют туроператоры: свои или клиентов. После прочтения статьи двусмысленность снимается и читателям становится понятно, что туроператоры планируют отпуска своих клиентов, а в статье речь идёт о продажах путёвок. В данном заголовке реализована рекламно-прагматическая функция для привлечения внимания к статье.

В ходе исследования было выяснено, что амфиболия как способ создания двусмысленности является не столь частым средством. Предположительно это объясняется тем, что данное средство основано на синтаксисе, а все заголовки стремятся к краткости. Отметим, что данное явление больше характерно для русского языка, т. к. он, в отличие от английского, не имеет строгого порядка слов в предложении.

Амфиболия главным образом реализует рекламно-прагматическую и прогностическую функции заголовков. Развлекательная функция с использованием амфиболии была обнаружена только в русскоязычных заголовках.

Рассмотрим заголовок, основанный на антифразисе (модель / приём двусмысленности, заключающаяся в употреблении слова, словосочетания или предложения в значении, отклоняющемся от его прямого лексического значения вплоть до противоположного, как правило, маскирующая более или менее успешно негативную оценку положительными или нейтральными словами, что проявляется с помощью контекстуальной несогласованности, употребления кавычек и интонации (в устной речи), из электронного издания *Russia Today: “Healthy” drinks are worse for you than a Big Mac or Coke – Australian survey* («Здоровые» напитки могут быть хуже биг-мака и колы) [Russia Today, 15 Jan, 2016]. Такой заголовок заставляет читателя сомневаться, поскольку возникает двусмысленность: на самом ли деле здоровые продукты полезны или даже они могут нанести вред? На самом деле в статье идёт речь о смузи, калорийность которого сравнима с калорийностью колы и биг-мака. Такой заголовок реализует рекламно-прагматическую функцию, т. к. призывает читателя обратить внимание на эти данные.

Антифразис главным образом реализует рекламно-прагматическую функцию заголовков, прогностическая функция была выделена в двух русскоязычных случаях, информативная – в одном, развлекательная функция для такого приёма, как антифразис, не характерна.

При анализе заголовков англоязычных СМИ было выявлено следующее: информативную функцию реализуют 6 заголовков, развлекательную – 17, прогностическую – 24, рекламно-прагматическую – 41. Как видно из анализа, ведущей функцией для заголовков англоязычных СМИ, содержащих двусмысленность, является рекламно-прагматическая. Стоит отметить, что такие же данные мы получили при совместном анализе англо- и русскоязычных заголовков, содержащих двусмысленность. При этом прогностическая функция в англоязычных СМИ встречалась чаще, чем это характерно для двусмысленных заголовков в целом.

При анализе заголовков русскоязычных СМИ было выявлено следующее: информативную функцию реализуют 7 заголовков, прогностическую – 24, развлекательную – 46, рекламно-прагматическую – 65. Последняя остаётся ведущей функцией двусмысленных заголовков и для русскоязычных СМИ. Однако, по сравнению с англоязычными СМИ, развлекательная функция двусмысленных заголовков больше характерна для русскоязычных СМИ.

В ходе нашего исследования мы пришли к следующим **выводам**:

- большая часть двусмысленных заголовков не вызывает проблем в дискурсе, поскольку читатели могут размышлять над значением, которое авторы затем выражают в тексте статьи. Кроме того, некоторые писатели используют двусмысленность, чтобы сделать заголовок более многогранным;

- дилогию можно назвать самым частотным средством создания двусмысленности заголовков СМИ (36 %), также данное средство является самым распространённым явлением в англоязычных СМИ (48 %), в то время как в русскоязычных СМИ оно стоит на втором месте по частотности (29 %).

- каламбур – второе по частотности средство создания двусмысленности заголовков (27 %). В англоязычных СМИ 17% двусмысленных заголовков построены на каламбуре, а в русскоязычных СМИ – 32 %;

- буквализация метафоры довольно частотное явление для заголовков (23 %). В англоязычных СМИ 26 % двусмысленных заголовков построены на буквализации метафоры, в русскоязычных СМИ – 20 %;

- амфиболия является наименее частотным средством создания двусмысленности заголовков (9 %). При этом данный приём более характерен для русскоязычных СМИ (13 %), в то время как в англоязычных СМИ данный приём встретился всего в 3 %;

- антифразис является самым редким средством создания двусмысленности заголовков, как в русскоязычных СМИ, так и в англоязычных (6 % двусмысленных заголовков построены на антифразисе).

В ходе анализа функций заголовков было выяснено:

- Из 230 заголовков, содержащих двусмысленность, 161 попал в секцию наиболее популярных и читаемых статей (в такие разделы входят статьи, которые являются наиболее посещаемыми), что говорит о том, что реципиент открывает прежде всего статьи, заголовки которых не являются однозначными: создавая двусмысленные заголовки, СМИ привлекают читателей открывать текст, а не прочитывать только заголовок.

- Ведущая функция заголовков, содержащих двусмысленность, как в англоязычных, так и в русскоязычных СМИ – рекламно-прагматическая. Также это единственная функция, которую реализуют абсолютно все выделенные нами средства создания двусмысленности. Таким образом, именно двусмысленные заголовки привлекают внимание читателей и являются прагматически мотивированными.

- Лексическая неоднозначность в письменной речи также является своего рода синтаксической неоднозначностью. Кроме того, двусмысленность отличается от неопределённости и дейксиса, поскольку они способны представить отличную семантическую ситуацию, но они также могут быть связаны с неоднозначностью. Неоднозначные предложения и слова могут быть интерпретированы точно, когда они используются в реальной языковой ситуации; кроме того, писатели и ораторы также используют эту особенность двусмысленности, чтобы поддерживать интерес слушателей к своему выступлению и придать определённую направленность не только мыслям, но и чувствам слушателей, вызывая у них определённые внутренние состояния.

Библиографический список

1. Володина М. Н. Язык средств массовой информации : учебное пособие для вузов. М.: Академический Проект ; Альма Матер, 2008. 760 с.
2. Южанникова М. А. Феномен двусмысленности как основание стилистических приемов в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2015. 28 с.
3. Chierchia G. and McConnell-Ginet S. Meaning and Grammar: an introduction to Semantics. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology. 1990.
4. Пешкова Ю. В. Функции заголовков немецкоязычных новостных текстов : автореф. дис. канд. филол. наук. СПб., 2012. 14 с.
5. Macmillan English Dictionary, British English, Macmillan publ. 2007. 1728 p.

O. K. Mzhelskaya,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
e-mail: mzhelskaya@yandex.ru

CREATING AMBIGUITY IN THE NEWSPAPER TITLE

Introduction. The purpose of the article is to identify the features of linguistic means functioning in order to create ambiguity in the headlines of the English and Russian media discourse. The language material analysis has allowed to reveal a number of language receptions for achievement of the communicative. At the same time, the question of the successful use of deliberate ambiguity has been considered.

Research hypothesis: most of the ambiguous headlines do not cause problems in the discourse, because readers can think over the meaning the authors express in the text of the article.

Description of the sample: the study was conducted on the material of Russian-language and English-language newspapers. The study has revealed that headlines with ambiguity are more common in Russian media. 230 headings have been analyzed.

Materials and Methods. Research methods: contextual analysis, comparative and interpretive analysis of translation.

Conclusions. Among 230 headlines with ambiguity, 161 fell into the section of the most popular and read articles (such sections include the most reviewed articles), it means that the recipients do not open primarily articles with unambiguous headings: creating ambiguous headlines, the media attracts readers to open text, and not read only the heading.

The leading function of headlines containing ambiguity in both English and Russian-language media is advertising-pragmatic one. It is also the only function implemented by absolutely all the means of creating ambiguity we have allocated. Thus, it is the ambiguous headlines that attract the attention of readers and are pragmatically motivated.

Lexical ambiguity in writing is also a kind of lexical ambiguity. In addition, ambiguity differs from vagueness and deixis, as they are capable of presenting an distinct semantic situation, but they can also be associated with ambiguity.

Keywords: media discourse, title, semantics change, means of ambiguity creation.

References

1. Volodina M. N. *Language of the media: a textbook for universities*. M.: Academic Project; Alma Mater, 2008, 760 p.
2. Yuzhannikova M. A. *The Phenomenon of Ambiguity as the Basis of Stylistic Techniques in Modern Russian* : author dis. cand. filol. sciences. Krasnoyarsk, 2015, 208 p.
3. Chierchia G. and McConnell-Ginet S. *Meaning and Grammar: an introduction to Semantics*. Massachusetts: Massachusetts Institute of Technology. 1990.
4. Peshkova Yu. V. *Header functions of German-language news texts* : author. dis. . cand. filol. sciences. SPb., 2012, 14 p.
5. *Macmillan English Dictionary*, British English, Macmillan publ. 2007, 1728 p.

Поступила в редакцию 30.05.2019

© О. К. Мжельская, 2019

Автор статьи: **Ольга Кировна Мжельская**, кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: mzhelskaya@yandex.ru

Рецензенты:

Г. В. Косяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

Е. Г. Баратова, кандидат филологических наук, Омский государственный медицинский университет.

В. А. Евдокимов,
Омская гуманитарная академия

НОВЫЕ МЕДИА КАК СИСТЕМА

Проблема и цель. Интерес исследователей привлекают критерии определения новых медиа и их типов. Автор предпринял попытку классифицировать новые медиа и распространяемую ими информацию по различным основаниям.

Методология. Статья базируется на общенаучной методологии историко-философского анализа, общей теории познания. Ведущий метод – системный подход.

Результаты. Система новых медиа как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образует определённую целостность. Подсистемы новых медиа дополняют друг друга, могут быть взаимосвязаны, а с некоторыми не вступают во взаимодействие, однако оно может быть косвенным. Система новых медиа является открытой, гетерогенной, динамичной, её состояние изменяется, значение одних подсистем снижается, популярными становятся другие.

Выводы. Автором предложена классификация новых медиа по различным основаниям: с точки зрения качественных характеристик распространяемой информации, цели организации социальных связей, отражения динамических процессов, специфики коммуникативной деятельности, сфер проявления.

Ключевые слова: новые медиа, система, интерактивность.

Проблема и цель. В глобальном информационном пространстве все большее значение приобретает деятельность новых медиа, создающих условия для взаимодействия индивидов, обмена сообщениями. Новые медиа обеспечивают оперативность распространения неограниченного количества информации, хранение её, поиск, повторное использование. Каждый пользователь может предложить читателям не только сообщение, но и результаты анализа общественно значимых событий, комментарии по поводу онлайн-дискуссий. Внимание исследователей привлекают критерии определения новых медиа и их типов. В статье отражена попытка классифицировать новые медиа и распространяемую ими информацию по различным основаниям.

Методология. Статья базируется на общенаучной методологии историко-философского анализа, общей теории познания. В качестве ведущего метода использован системный подход, согласно которому любой объект может быть рассмотрен как целостный комплекс взаимосвязанных элементов.

Результаты. В широкой интерпретации новыми медиа именуют средства массовой информации, существующие в интернете. Цифровые медиа, предоставляющие пользователю возможность манипуляции данными, взаимосвязаны и образуют сети, а также позволяют получить одновременный доступ к информации, что означает распространение одинакового контента неограниченное количество раз без материальных затрат и прочих затруднений, связанных с передачей физических объектов [1, р. 6]. Ключевая характеристика новых медиа – интерактивность, когда интернет-пространство позволяет индивидам взаимодействовать, обмениваться информацией, более того, компьютер выступает в качестве участника диалога, оценивая реакцию пользователей на получаемые сообщения [2]. По мнению исследователей, новые медиа, с одной стороны, являются следствием быстрого изменения формата и технологических экспериментов, с другой стороны, представляют сложную систему взаимодействий между новыми технологическими возможностями и установленными формами медиа. В качестве основных характеристик новых медиа выделены такие, как наличие цифровых носителей, гиперссылок, сетевого устройства, обеспечение интерактивности, виртуальность, симуляция реальности [3]. Определяя отличия новых медиа от традиционных, Л. Манович выявил следующие критерии: математическое выражение информации, возможность манипуляции и автоматизации процессов, перекодирования цифровых объектов в культурные [4].

Новые медиа определяют не только как средства массовой информации, существующие в интернете, но и как группу интернет-приложений, построенных на идеологическом и технологическом фундаменте так называемого веб 2.0, который даёт возможность создавать пользовательский контент и обмениваться им [5, с. 13]. Л. Мэтьюз включает в состав новых медиа как совокупности онлайн-технологий, методик и сред, которые используются людьми для создания контента и обмена новостями, мнениями, опытом и интересами, блоги, интранеты, подкасты, сервисы публикации и обмена видео- или фотоматериалами.

лами, социальные сети, гипертекстовые среды для сбора и структуризации письменных сведений, игровые сайты, микроблоги, видеоконференции, системы обмена мгновенными сообщениями, системы публикации и обмена информацией о событиях, агрегаторы [6]. Исследователи Д. К. Райт и М. Д. Хинсон выделяют качественные, новостные и коммуникационные новые медиа [7]. Отечественные авторы И. Быков и О. Филатова предлагают разделить новые медиа на блоги, социальные сети, службы обмена данными, социальные базы данных, рекомендательные сервисы, новостные социальные сайты [8, с. 230–231]. Данные классификации заслуживают внимания, однако не в полной мере учитывают возможности новых медиа, которые возникают в связи с интенсивным развитием технологий, увеличением количества каналов коммуникации, внедрением и использованием новых платформ.

С точки зрения качественных характеристик можно выделить следующие виды информации, распространяемой новыми медиа: фрагментированную, селективную, систематизированную. Фрагментированная информация представлена в микроблогах, т. е. на веб-сайтах, основное содержание которых составляют регулярно добавляемые записи, изображения или мультимедиа, а набор символов ограничен. По мнению исследователей, усиление конкуренции между медиа приводит к тому, что форматы контента становятся более короткими и организуются в плане подачи содержания таким образом, чтобы привлечь аудиторию за более короткий интервал времени, чем ранее [9, с. 59]. Незначительный размер сообщений, размещаемых в сервисе Twitter, микроблогах FriendFeed, Jaiku, стимулирует пользователей к интенсивному общению, обсуждению актуальных событий через короткие промежутки времени. Содержательный диапазон широк: от кратких комментариев, данных видными политиками, до пародийных микроблогов, в которых с юмором или иронией рассматривают события. Фрагментированная информация является неполной, содержит штрихи к представлению о событии, дискуссии, а также чьему-либо портрету. Индивидов устраивает малый объём символов, используемых в диалоге, их цель – не освоение полной информации о каком-либо явлении действительности, а общение.

Селективная информация отражена в фидах, подкастах, социальных сетях, чатах, блогах, мессенджерах, на форумах. Фиды (RSS) представляют технологию, позволяющую собирать информацию и доставлять её пользователям, желающим получить новости конкретной тематики, позволяют передавать информацию из блога подписчика на мобильные устройства, предоставлять сведения не только о новых постах, но и фотографиях и видеосюжетах. Фид может включать как список статей, так и список товаров, анонсы, а также используется агрегаторами для автоматического распространения информации в социальных сетях, оповещения подписчиков блога о новых публикациях.

Подкасты как оригинальные интернет-аналоги теле- или радиопередачи представляют тематическую серию видео- или аудиозаписей или одну запись, файл. Возможна подписка на автоматическое получение файлов для ознакомления с помощью компьютера, мобильного телефона, плеера. Подкасты, как и фиды, затрагивают разнообразные темы, интересующие пользователя.

Социальные сети как посредники в коммуникации упрощают взаимодействие людей, отдалённых друг от друга, создают условия для общения пользователей с учётом национального, географического, деятельностного признаков. Социальные сети определяют социальную и политическую повестку дня, создают новостные поводы, бесконтрольно вмешиваются в повседневную жизнь, делая её максимально транспарентной [10, с. 129].

В чате, являющемся средством обмена сообщениями в компьютерной сети, происходит общение с теми людьми, с которыми возможен диалог в конкретный момент. Пользователь имеет возможность вести отбор собеседников и игнорировать общение с неприятными лицами. Что касается форума, то на нём идёт диалог по поводу тем, представляющих интерес для многих. Возможно размещение комментариев, а также вопросов и ответов, которые сохраняются в базе данных форума.

Мессенджеры как программы мгновенного обмена сообщениями, устанавливаемые на компьютеры, мобильные устройства или работающие как приложение, служат для обмена новостями, а также картинками, видеосюжетами. В мессенджерах осуществляются личные и служебные коммуникации. Широко известен мессенджер WhatsApp, удобный для обсуждения интересных тем при участии групп.

Систематизированная информация хранится в базах данных, которые являются представленными в объективной форме совокупностями самостоятельных материалов (статей, расчётов, нормативных актов, судебных решений), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью компьютера [11]. Благодаря алгоритмам хранения и поиска информации пользователь способен находить необходимые сведения за считанные секунды. Систематизация информации облегчает извлечение, обновление и добавление новых данных. Упорядочению подвержены не только текстовые или графические, но и аудио- и видеофайлы, за счёт этого

обеспечены удовлетворение запросов пользователей в короткий срок и предоставление им актуальной информации, особенно это характерно для баз данных, имеющих иерархическую структуру. Среди наиболее известных баз данных – MySQL, SAP, Oracle, DB2.

Информацию систематизируют также сервисы. Сервис Google Base представляет систему сбора, хранения и каталогизации текстовой информации, которую могут вносить пользователи интернетом. В качестве текстового редактора и каталогизатора данных действует онлайн-сервис Ginkgo. Особенность сервиса SmartProgress заключается в том, что он объединяет людей, имеющих общие интересы, предлагает пользователям инструкции и шаблоны для формулирования целей. Если многие пользователи увлечены общими целями, они формируют коллективы.

Источниками систематизированной информации служат и онлайн-энциклопедии как научные или научно-популярные справочные ресурсы, содержащие систематизированные сведения об областях знаний и практической деятельности. В их числе – Dic.academic.ru, собрание энциклопедий на разнообразные темы, словарей как на русском, так и иностранных языках, а также универсальная научно-популярная энциклопедия Kugosvet.ru, содержащая более 200 тысяч статей о культуре и об искусстве, о географии, науке и технике, в которых изложены не только классические данные, но и информация о современных тенденциях развития общества.

Массивы систематизированной информации представлены также в онлайн-цифровых библиотеках, доступных для обладателей компьютеров и смартфонов в любое время и любом месте. В основе деятельности российской онлайн-библиотеки «КиберЛенинка» – принцип open science, т. е. знания для всех и в свободном доступе, и ориентир на популяризацию науки. Сайт предоставляет возможность ознакомиться с научными статьями и материалами по математике, сельскому и лесному хозяйству, психологии, языкознанию, ядерной физике. Обладает обширной коллекцией редких документов, фотографий и архивных материалов и Гарвардский университет в США. Сайт университета предлагает пользователям оцифрованные книги, статьи, карты, памфлеты, другие уникальные документы от Средневековья до конца XX в. Крупное онлайн-цифровое книгохранилище создала также компания Google, предложив пользователям сервис Google Books. По договорам с крупнейшими библиотеками США и Великобритании оцифрованы миллионы книг из их фондов, сканированные издания имеются в базе данных.

Хранить систематизированную информацию с учётом интересов пользователей способны и видеохостинги. Видеохостинговый сайт YouTube предоставляет возможности хранения, доставки и показа видеосюжетов. Пользователи знакомятся с видеозаписями, комментируют их. В библиотеке хостинга Dailymotion видеоролики распределены по группам, рубрикам и каналам. В базе данных видеохостинга HowCast, ориентированного на аниматоров и кинематографистов, материалы разделены на категории. В систему выстраивают различные сведения и агрегаторы, как программы или сервисы, ведущие сбор информации из разных новостных каналов, блогов, социальных сетей, с сайтов, форумов и из других ресурсов в один источник. Существуют также гипертекстовые среды для сбора и структурирования письменных сведений (Wikipedia), которые созданы коллективами авторов, подвержены многократной корректировке, дают возможность выделять в тексте структурные элементы и гиперссылки.

С точки зрения цели организации социальных связей можно выделить новые медиа, ориентированные, во-первых, на неформальную кооперацию (Change.org, Planeta.ru, IndieGoGo, Kickstarter) и, во-вторых, обмен информацией. Ресурс Change.org даёт возможность каждому гражданину создать онлайн-документ и организовать поиск единомышленников. Если идеи, отражённые в петиции, поддержит значительное количество пользователей, она может быть отправлена адресату – любому органу власти для принятия решений. Ресурс Planeta.ru как краудфандинговая платформа служит для финансирования записи музыкальных альбомов, создания кинофильмов, реализации литературных проектов.

Целью обмена информацией в социальных сетях, чатах, блогах, на форумах является, во-первых, общение в соответствии с интересами пользователей на разнообразные темы, выражение отношения к событиям, а также персонам, комментирование текстов, видеосюжетов, во-вторых, координация вероятных совместных действий. В-третьих, в коммуникации происходит внушение участникам диалога идей, представлений, концепций, ценных для индивидов, групп людей. Общение нацелено нередко и на дискредитацию чьих-либо действий, воззрений. Пользователи распространяют как достоверные сведения, так и ложную информацию. Однако координация вероятных совместных усилий чаще всего оказывается безрезультатной, коммуникационная активность, проявляемая в интернете, очень редко реализуется в действиях [12, с. 138]. Индивиды коммуницируют ради коммуникаций, превращая их в фетиш, хотя для социальных взаимодействий первостепенное значение имеет содержание, а не передача сообщений [13, с. 4–6].

С точки зрения отражения динамических процессов новые медиа можно разделить на оперативные и аккумуляционные. Так как обеспечена круглосуточная доступность интернета для потребителей, производство, трансляция, потребление, удаление информации стали элементами непрерывного процесса, отражающего дополнения, корректировки, комментарии по поводу событий реальности. Оперативно осуществлять эти действия позволяют фиды, блоги, микроблоги, подкасты, социальные сети, сервисы, чаты, мессенджеры. В свою очередь базы данных, онлайн-энциклопедии, видеохостинги, онлайн-книгохранилища знакомят с научными статьями и материалами об отраслях науки, судебными решениями, нормативными актами. В пространстве новых медиа происходит аккумуляция сведений о различных периодах истории человечества, становления государств, отраслей экономики, науки, культуры.

С точки зрения целевого назначения распространяемой информации новые медиа могут быть разделены на развлекательные (социальная сеть «ВКонтакте»), информационные (фиды), познавательные (онлайн-книгохранилища, онлайн-энциклопедии), интегративные (социальные сети «Одноклассники», Facebook, блоги, микроблоги, сервисы, чаты, форумы, мессенджеры), идеологические (сообщества политических партий). Интегративные новые медиа объединяют людей, имеющих общие интересы, цели, дают возможность индивидам оперативно откликнуться на актуальные события, участвовать в дискуссиях.

С точки зрения специфики коммуникативной деятельности можно выделить верифицируемые и частично верифицируемые новые медиа. К верифицируемым можно отнести базы данных, онлайн-энциклопедии и книгохранилища. Эти медиа содержат материалы, документы, подлинность которых подтверждена, проверена истинность раскрытых в текстах теоретических положений, установлена их достоверность, источники информации изучены с точки зрения их надёжности. Среди частично верифицируемых новых медиа – блоги, микроблоги, чаты, форумы, социальные сети, мессенджеры, которые распространяют как точные сведения, так и непроверенную информацию. В частности, социальные сервисы служат нередко инструментами для осуществления неблагоприятных действий в отношении отдельных граждан, а также компаний, партий, государств. «Социальные сервисы можно использовать, чтобы опорочить чьё-то имя, если взломать аккаунт и написать в нём что-то, привлекающее внимание» [14, с. 135]. По мнению К. Санштейна, развитие новых медиа может привести к возникновению негативных информационных каскадов, следствием распространения дезинформации, слухов, нерелевантной информации могут стать ложные суждения и неправильные решения [15]. Для удовлетворения политических интересов распространяют искажённые данные о субъектах общественного процесса, особенно в предвыборных кампаниях и напряжённых внутри- и внешнеполитических конфликтах. Деятельность распространителей ложной информации характеризуют с помощью термина «астротурфинг», который раскрывает возможности использования программного обеспечения и финансируемых заказчиком веб-бригад, нацеленных на формирование общественного мнения, искажение дискуссий, ведущихся в интернет-пространстве. Органы власти различных стран принимают меры для противодействия угрозам, которые может представлять информация в интернете. В 2006 году сенат США ратифицировал закон о киберпространстве для активизации борьбы с виртуальной преступностью и киберугрозами, а в 2015 году одобрил проект, согласно которому обеспечивается обмен информацией между компаниями и правительством о потенциальных хакерских атаках [16]. Во Франции признана необходимость разработки законопроекта для противодействия распространению в интернете фальшивых новостей [17]. В 2018 году Еврокомиссия создала группу экспертов для борьбы с распространением в интернете дезинформации и фальшивых новостей [18]. Распознать ложные сообщения, оценить надёжность полученной индивидом информации помогают интернет-сервисы FactCheck.org, Politifact.com, а также сервис The Fact Checker, созданный газетой Washington Post.

Новые медиа с точки зрения сфер проявления могут отражать, во-первых, неполитические интересы (межличностное общение о развлечениях, моде, отдыхе, музыкальных и иных пристрастиях); общественно-политические интересы (обсуждение актуальных тем жизни, причин негативных явлений, возможностей решения проблем). Новые медиа, отражающие неполитические интересы, объединяют значительное количество граждан. В то же время новым медиа, отражающим политические интересы, может быть свойственна высокая степень устойчивости, так как в диалоге участвуют чаще всего люди, обладающие культурой, способностью анализировать и сопоставлять события и явления общественно-политической жизни, заинтересованные в поступательном движении общества и готовые предпринять для этого некоторые усилия. В блогах, микроблогах субъекты политики инициируют обмен информа-

цией с объектами, с тем чтобы вызвать их симпатии, чтобы люди разделили распространяемые идеи, взгляды, концепции, при этом субъекты и объекты не объединены общими интересами.

Система новых медиа как множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образует целостность. Подсистемы новых медиа дополняют друг друга, могут быть взаимосвязаны, как блоги и микроблоги, а с некоторыми не вступают во взаимодействие, однако оно может быть косвенным. Например, такие подсистемы новых медиа, как микроблоги и онлайн-энциклопедии не вступают во взаимодействие. Однако сообщения, появляющиеся в микроблогах, могут содержать ссылки на материалы онлайн-энциклопедий. Система новых медиа является открытой, гетерогенной, составляющие её элементы имеют различные свойства. Она динамична, её состояние изменяется, значение одних подсистем снижается, популярными становятся другие. Так, по данным консалтинговой компании Deloitte, в России в 2018 году на 40 % увеличилась частота использования мессенджеров [19].

Каждый элемент зависит от его места и функций внутри системы. Система новых медиа формирует и проявляет свойства во взаимодействии со средой, предлагает ей новые и новые возможности пользования информацией.

Выводы. Таким образом, автором предложена классификация новых медиа по различным основаниям. С точки зрения цели организации социальных связей выделены новые медиа, ориентированные на неформальную кооперацию или обмен информацией, с точки зрения отражения динамических процессов – оперативные и аккумуляционные, с точки зрения целевого назначения распространяемой информации – развлекательные, информационные, познавательные, интегративные, идеологические. С точки зрения специфики коммуникативной деятельности существуют верифицируемые и частично верифицируемые новые медиа. С точки зрения сфер проявления новые медиа отражают неполитические или общественно-политические интересы. С точки зрения качественных характеристик новые медиа распространяют фрагментированную, селективную, систематизированную информацию.

Библиографический список

1. Feldman T. An introduction to digital media. London: Routledge, 1997. 196 p.
2. Crosbie V. What is New Media? // Corante. April 27, 2006 [Электронный ресурс]. URL: http://rebuildingmedia.corante.com/archives/2006/27/what_is_new_media.php
3. Lister M., Dovey J., Giddings S., Grant I. and Kelly K. New Media: A Critical Introduction. 2nd ed. L., N. Y.: Routledge, 2009. 446 p.
4. Cornelissen J. Corporate Communication: a Guide to Theory and Practice. Sage: UK, 2008. P. 34–35.
5. Меллер К. Сегодняшние новости социальны // Путеводитель по социальным медиа : под ред. К. Меллера и М. Стоуна. Вена: ОБСЕ, 2013. С. 13–20.
6. Matthews L. Social Media and the Evolution of Corporate Communications // The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications. 2010. Vol. 1. № 1. Winter. P. 17–23.
7. Wright D., Hinson M. New Communications Media Are Being Used in Public Relations: A Longitudinal Analysis // Public Relations Journal. 2010. Vol. 4, № 3. Summer. P. 1–27.
8. Быков И., Филатова О. Технологии веб 2.0 и связи с общественностью: смена парадигмы или дополнительные возможности? // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Серия 9. 2011. Вып. 2. С. 226–237.
9. Назаров М. М. Современная медиасреда: разнообразие и фрагментация // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 54–64.
10. Казаринова Д. Новые медиа в современном политическом процессе // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2014. № 1. С. 128–131.
11. Гражданский кодекс РФ, ст. 1260.
12. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. М.: Изд-во АПК, 2014. 479 с.
13. Игнатъев В. И. Информационная перегрузка социальной системы и её социальные последствия // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 3–12.
14. Копалкина Е. А. Ведущие социальные сети как факторы политического процесса в России и за рубежом // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2014. № 1. С. 132–137.
15. Sunstein C. R. Republic.com 2.0. – Princeton: Princeton University Press, 2009. 272 p.
16. CISA security bill passes senate with privacy flaws unfixed // <https://www.wired.com/2015/10/cisa-security-information-sharing-act-passes-senate-vote-with-privacy-flaws>
17. Президент Макрон готовит закон против фейковых новостей // <https://dw.com/ru/президент-Франции-готовит-закон-против-фейковых-новостей/a-42023218>
18. Против лжи в интернете // <https://ru.euronews.com/2018/01/15/protiv-lzhi-v-internete>
19. Медиапотребление в России в 2018 году // <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/aboutdeloitte/articles>

V. A. Evdokimov,
Doctor of Political Sciences, Professor,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8128-5690>
e-mail: evdokimovva@list.ru

NEW MEDIA AS A SYSTEM

Introduction. The interest of researchers is attracted by the criteria for defining of new media and their types. The author attempted to classify new media and the information they spread for various reasons.

Methods. The article is based on the general scientific methodology of historical and philosophical analysis, the general theory of knowledge. As a leading method, a systematic approach is used, according to which any object can be considered as an integral complex of interrelated elements.

Results. The system of new media, as a set of elements that are in relationships and relationships with each other, forms certain integrity. Subsystems of new media complement each other, can be interconnected, and do not interact with some, but it can be indirect. The system of new media is open, heterogeneous, dynamic, its state changes, value of some subsystems decreases, the others become popular.

Conclusions. Thus, the author proposed to classify new media for various reasons. From the point of view of the purpose of organizing of social relations, we can single out new media focused on informal cooperation or information exchange, from the point of view of reflecting of dynamic processes — operational and accumulative. From the point of view of the specifics of communicative activity, there are verifiable and partially verifiable new media. From the point of view of the spheres of manifestation, new media reflect non-political or socio-political interests. From the point of view of qualitative characteristics, new media spread fragmented, selective, systematized information.

Keywords: new media, system, interactivity.

Rererences

1. Feldman T. *An introduction to digital media*. London: Routledge, 1997, 196 p.
2. Crosbie V. What is New Media?. *Corante*. April 27, 2006 Available at: http://rebuildingmedia.corante.com/archives/2006/27/what_is_new_media.php
3. Lister, M., Dovey, J., Giddings, S., Grant, I. and Kelly, K. *New Media: A Critical Introduction*. 2st ed. L., N. Y.: Routledge, 2009, 446 p.
4. Cornelissen J. *Corporate Communication: a Guide to Theory and Practice*. Sage: UK, 2008, p. 34–35.
5. Meller K. Today's news is social. *Social Media Guidebook*. 2013 : ed. K. Meller and M. Stone. Vienna: OSCE, 2013, p. 13–20.
6. Matthews L. Social Media and the Evolution of Corporate Communications. *The Elon Journal of Undergraduate Research in Communications*. 2010, vol. 1, no. 1. Winter. P. 17–23.
7. Wright D., Hinson M. New Communications Media Are Being Used in Public Relations: A Longitudinal Analysis // *Public Relations Journal*. 2010? vol. 4, no. 3. Summer. P. 1–27.
8. Bykov I., Filatova O. Web 2.0 technologies and public relations: a paradigm shift or additional features? *Bulletin of St. Petersburg. university*. Series 9, 2011, vol. 2, p. 226–237.
9. Nazarov M. M. Modern media environment: diversity and fragmentation. *Sociological Studies*. 2018, no. 8, p. 54–64.
10. Kazarinova D. New Media in the Modern Political Process. *Bulletin of RUDN*. Series Political Science. 2014, no. 1, p. 128–131.
11. *Civil Code of the Russian Federation*, art. 1260.
12. Dzyaloshinsky I. M. *Russia's media space: communication strategies of social institutions*. Moscow, 2014, 479 p.
13. Ignatiev V. I. Information overload of the social system and its social consequences. *Sociological Studies*. 2017, no. 7, p. 3–12.
14. Kopalkina E. A. Leading social networks as factors of the political process in Russia and abroad. *Bulletin of RUDN*. Series Political Science. 2014, no. 1, p. 132–137.
15. Sunstein C. R. *Republic.com 2.0*. Princeton: Princeton University Press, 2009, 272 p.
16. *CISA security bill passes senate with privacy flaws unfixed*. Available at: <https://www.wired.com/2015/10/cisa-security-information=sharing-act-passes-senate-vote-with-privacy-flaws>
17. *President Macron is preparing a law against fake news*. Available at: <https://dw.com/ru/prezident- France-prepares- law-fake news / a-42023218>

18. *Against lies on the Internet*. Available at: <https://ru.euronews.com/2018/01/15/protiv-lzhi-v-internete>

19. *Media consumption in Russia in 2018*. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/aboutdeloitte/articles>

Поступила в редакцию 9.04.2019

© В. А. Евдокимов, 2019

Автор статьи: **Владимир Анатольевич Евдокимов**, доктор политических наук, профессор, Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: evdokimovva@list.ru

Рецензенты:

Е. В. Безвиконная, доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой правоведения, государственного и муниципального управления, Омский государственный педагогический университет.

В. И. Хомяков, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

Е. Ю. Кармалова,

Омский государственный педагогический университет

ЭДЬЮТЕЙНМЕНТ-ПРОЕКТ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ АРТ-ПРОСТРАНСТВА «ОТКРЫТЫЙ ОМСКИЙ ПЛЕНЭР»)

Проблема и цель. Исследование по проблеме использования «эдьютейнмент» в различных образовательных направлениях. Цель статьи – проанализировать коммуникативную эффективность отдельных составляющих эдьютейнмент-арт-проекта – названия, фирменного стиля.

Методология. Исследование проводится на основе методов опроса и интервьюирования. Анкеты строились с помощью таких методик, как оценка психологического восприятия респондентами отдельных коммуникационных составляющих проекта (метод ассоциаций, метод запоминаемости / узнаваемости), а также методик ранжирования.

Результаты заключаются в проведённом тестировании коммуникационных составляющих проекта «Открытый омский пленэр». В статье приводятся итоги претестирования названия, фирменных цветов и логотипа проекта.

Выводы. Делаются выводы, что эффективность функционирования эдьютейнмент-проекта возможна при соблюдении нескольких условий. До начала запуска проекта необходимо проведение репрезентативных аналитических исследований. Авторы пришли к выводу, что также нужно чётко определить целевые аудитории, грамотно выбрать каналы, форму и содержание коммуникационных обращений к целевой аудитории проекта.

Ключевые слова: эдьютейнмент, эдьютейнмент-проект, коммуникативная эффективность, нейм, логотип, фирменный стиль.

Проблема и цель. В последние годы наблюдается ориентированность коммерческих и некоммерческих организаций на создание полезных для общества «социальных», чаще всего образовательно-развлекательных, проектов и мероприятий в формате эдьютейнмент, например мастер-классов, публичных лекций и прочих нестандартных форм обучения.

В статье Е. Ю. Кармаловой и А. А. Ханкеевой приведены данные исследования, проведённого в 2016 г. с целью выяснить эффективность / неэффективность концепции «эдьютейнмент» для реализации проектов [1]. Основными выводами авторов стали следующие.

Большинство опрошенных исследователями респондентов стремится проводить время с пользой для ума, при этом либо стремятся получать любые знания, либо целенаправленно ищут то, что может повысить их навыки или умения. Респонденты уверены в том, что получать знания следует в любой неформальной обстановке или через интернет, а наиболее интересными форматами уроков являются мастер-классы, игровое обучение, активный тренинг, уроки с использованием технических средств, а также публичные неформальные лекции.

В городе Омске также существует спрос (тренд) на проекты в формате эдьютейнмент. Проведённый опрос респондентов подтвердил возможность выбора концепции эдьютейнмент для продвижения арт-проекта «Открытый омский пленэр». При этом успешный запуск и функционирование эдьютейнмент-проекта возможны при соблюдении следующих условий: проведении качественных аналитических исследований, чётком определении целевой аудитории, грамотном выборе каналов, форм и содержания коммуникационных обращений к целевой аудитории проекта.

Карта проекта «Открытый омский пленэр»

Идея мероприятия – создание арт-пространства в центре города, где можно будет не только посмотреть на разнообразие омского искусства, но и самому стать участником.

Стратегическая цель – создание ежегодного (весеннего и зимнего) мероприятия, которое будет способствовать привлекательности региона для внутренних аудиторий: регулярное мероприятие (я), входящее в календарь событий, – одна из визитных карточек территории.

Обоснование проекта:

Проблемы:

- отток населения из региона;
- финансовая недоступность искусства;

– активное потребление продуктов масскульта;
– небольшое количество масштабных мероприятий развлекательно-познавательного характера (эдьютейнмент) для проведения досуга людей, бесплатных или за небольшие деньги.

Возможности:

– бесплатное посещение жителями города мероприятия, представляющего искусство региона;
– можно стать не просто наблюдателем, а участником ивента, т. к. будет представлен интерактив с представителями различных направлений искусства;
– мероприятие из «календаря регулярных событий» региона;
– создание неэлитарного креативного сообщества региона для реализации пула «вкусных» событий.

Задачи проекта:

Формирование пула событий, которые дадут населению региона возможность регулярного внутрирегионального развития и образования.

Дополнительно: популяризация **омского** искусства, креативных индустрий, результатов деятельности «своими руками» (крафт, хенд-мейд).

Создание креативного сообщества, которое сможет сформировать и реализовать городские события.

Результат – формирование сообщества для проведения мероприятий в сфере креативных индустрий. Создание регулярного мероприятия (ий), не приуроченного к календарным праздникам. Формирование пула / календаря креативных событий региона.

Описание проекта – мероприятие в центре города, посвящённое омскому искусству. Создание пространства, на различных интерактивных площадках которого будут представлены арт-направления: музыка, изобразительное искусство, ДПИ и др.

Целевые аудитории – жители города, гости города. Основной акцент – молодёжь, семьи с детьми разных возрастов.

Первый открытый омский пленэр был реализован 26 мая 2018 г. Перед этим нами было проведено комплексное коммуникационное исследование, целью которого стало выяснение эффективности отдельных компонентов эдьютейнмент-проекта «Открытый омский пленэр».

Методология. Основная методика исследования – опросы и интервьюирование. Анкеты строились с помощью таких методик, как оценка психологического восприятия респондентами отдельных коммуникационных составляющих проекта (метод ассоциаций, метод запоминаемости / узнаваемости), а также методик ранжирования.

Результатами исследования стали качественные и количественные данные, отражающие предпочтения представителей целевой аудитории проекта по таким параметрам, как концепция проекта, а также коммуникационные продукты, созданные для продвижения проекта (название, логотип).

Результаты. Тестирование названия для эдьютейнмент-проекта

Выборочное интервьюирование с использованием методик оценки психологического восприятия (метод ассоциаций, метод запоминаемости / узнаваемости) и методик ранжирования.

С 20.02.2018 по 25.02.2018 нами было проведено интервьюирование десяти респондентов с целью выяснения психологического восприятия респондентами названия эдьютейнмент-проекта. Интервьюирование проводилось среди целевой аудитории в возрасте от 21 до 55 лет.

Нами была разработана анкета для интервьюирования респондентов. Анкета строилась так, чтобы решить следующие задачи: определить, насколько название «Открытый омский пленэр» отражает концепцию заявленного эдьютейнмент-проекта; определить цвета, которые наиболее созвучны с данным названием для дальнейшей разработки логотипа; протестировать выбранное название проекта относительно альтернативных названий и сравнить результаты балльного рейтинга.

Изначально респонденты были ознакомлены с концепцией образовательно-развлекательного проекта «Открытый омский пленэр». Далее респондентов спросили, считают ли они, что название «Открытый омский пленэр» в полной мере отражает концепцию данного проекта.

В результате исследования были получены следующие данные:

да – 2 респондента;
нет – 0 респондентов;
скорее да, чем нет – 8 респондентов;
скорее нет, чем да – 0 респондентов.

Процентное соотношение показано на рис. 1.

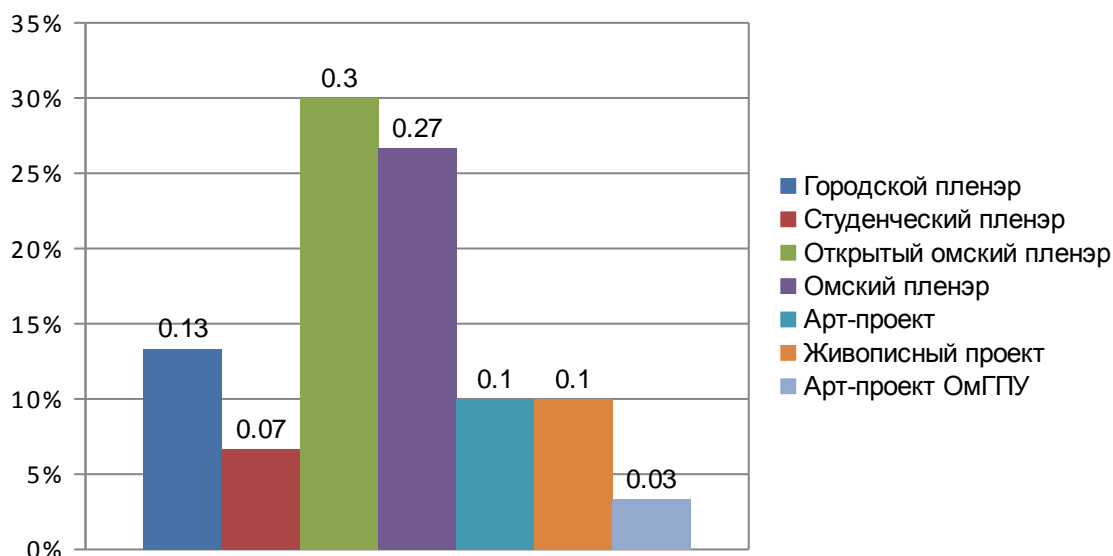

Рис. 1. Результаты исследования респондентов на соответствие названия «Открытый омский пленэр» общей концепции проекта

Далее респондентов попросили выбрать три цвета, которые ассоциируются с названием «Открытый омский пленэр». В итоге предпочтения респондентов выглядят следующим образом:

- белый – 5 чел. (из 10 чел.);
- красный – 0 чел. (из 10 чел.);
- чёрный – 0 чел. (из 10 чел.);
- зелёный – 5 чел. (из 10 чел.);
- оранжевый – 0 чел. (из 10 чел.);
- синий – 6 чел. (из 10 чел.);
- жёлтый – 0 чел. (из 10 чел.);
- голубой – 2 чел. (из 10 чел.);
- розовый – 4 чел. (из 10 чел.);
- фиолетовый – 6 чел. (из 10 чел.).

Процентное соотношение показано на рис. 2.

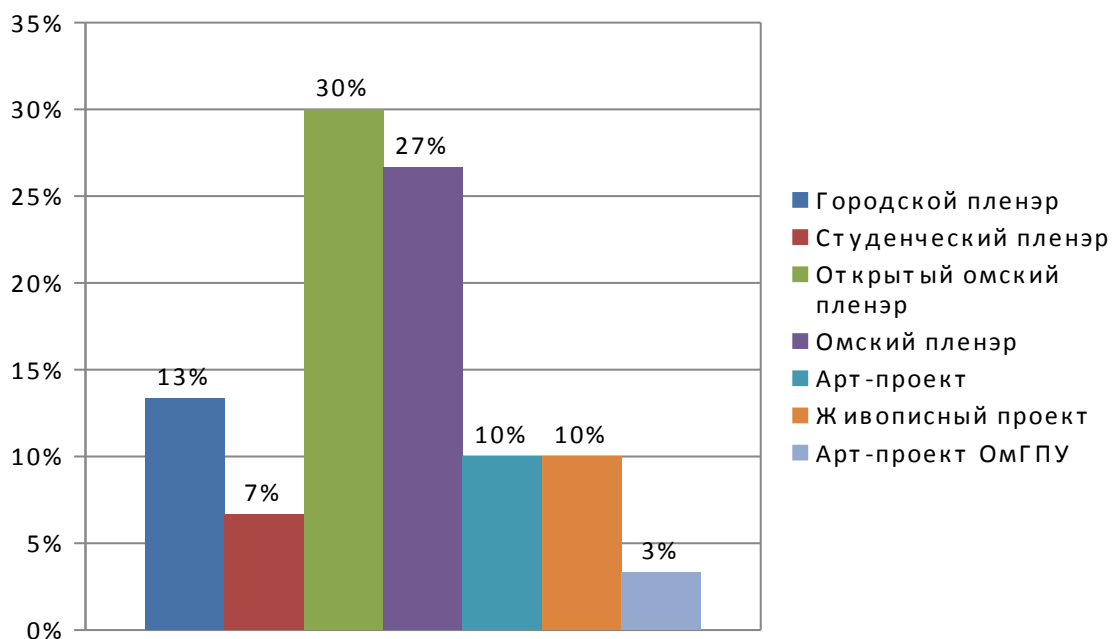

Рис. 2. Выбор респондентов цветовой ассоциации названия «Открытый омский пленэр»

Далее респондентам предложили выбрать три наиболее удачных названия из списка, в котором также присутствовало название «Открытый омский пленэр», отражающие концепцию проекта. В результате выбора респондентов получены следующие данные:

- Городской пленэр – 4 чел. (из 10 чел.);
 - Студенческий пленэр – 2 чел. (из 10 чел.);
 - Открытый омский пленэр – 9 чел. (из 10 чел.);
 - Омский пленэр – 8 чел. (из 10);
 - Арт-проект – 3 чел. (из 10 чел.);
 - Живописный проект – 3 чел. (из 10 чел.);
 - Арт-проект ОмГПУ – 1 чел. (из 10 чел.).
- Процентное соотношение показано на рис. 3.

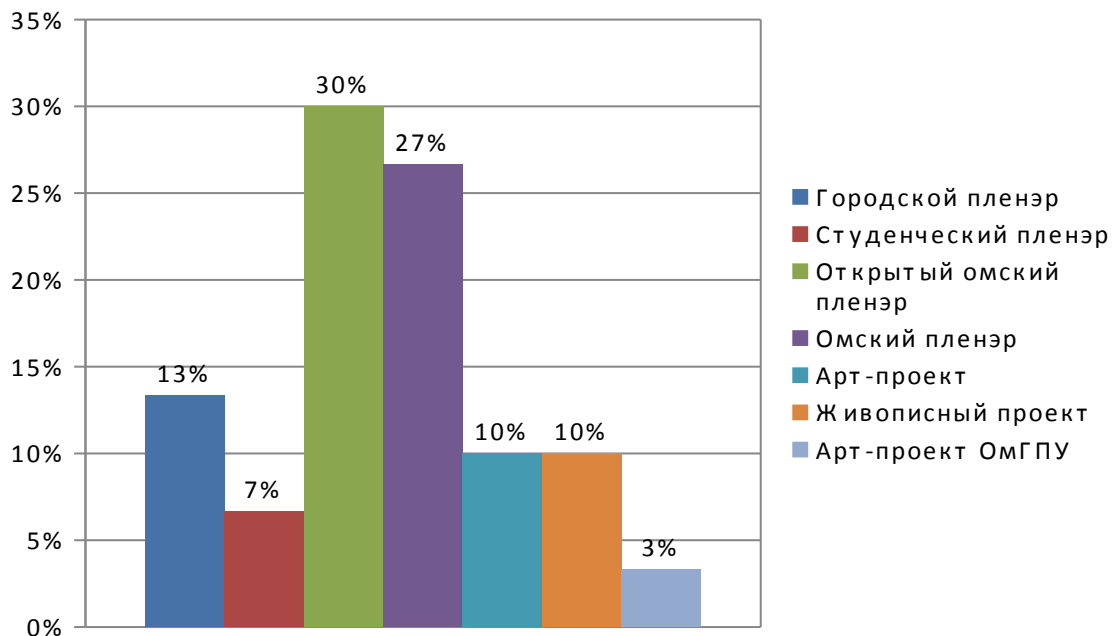

Рис. 3. Выбор респондентами названия проекта

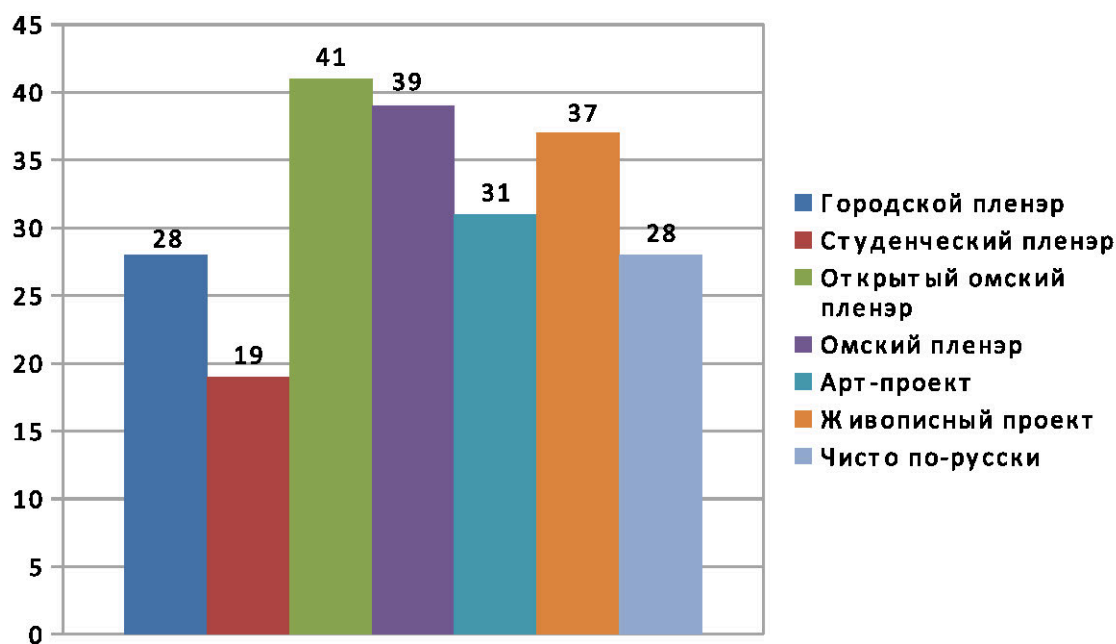

Рис. 4. Соотношение суммы баллов к названию

В заключение респондентам следовало оценить по 5-балльной шкале (где 1 – самый слабый, 5 – самый сильный) каждое из предложенных выше названий. В результате оценки респондентами каждого названия общая сумма баллов для каждого названия в наивысшем значении должна была равняться 50 баллам. Балльное соотношение показано на рис. 4.

Таким образом, в результате тестирования названий для эдьютейнмент-проекта наибольшую сумму баллов набрали названия «Открытый омский пленэр» и «Омский пленэр». Также в результате тестирования названия «Открытый омский пленэр» на ассоциации по цветовой гамме выяснилось, что большинство респондентов ассоциируют данное название с такими цветами, как фиолетовый, синий, белый, зелёный и розовый. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в разработке дизайна логотипа следует учитывать по отдельности или в сочетании данные цвета.

Логотип эдьютейнмент-проекта «Открытый омский пленэр». Для нас важно было отразить такие ключевые составляющие профессионального логотипа, как ясность, привлекательность, правильный имидж, понятность, видимость, простота и, в нашем случае, отсутствие бюджета. Кроме того, хотелось обозначить мотив искусства и включить в логотип символ ОмГПУ, сову, а также учесть цветовые предпочтения респондентов, ассоциирующиеся с неймом «Открытый омский пленэр» (рис. 5).

Рис. 5. Логотип Открытого омского пленэра

Выводы. Таким образом, для реализации эдьютейнмент-проекта «Открытый омский пленэр» нами была проведена работа по созданию и описанию общей концепции проекта, а также разработан поэтапный план его реализации: от стадии идеи до внедрения.

При разработке и реализации проекта «Открытый омский пленэр» мы обратились к исследованию по оценке эффективности концепции в формате «эдьютейнмент». Данные, полученные в результате исследования, позволяют сказать, что формат эдьютейнмент-проектов пользуется спросом среди населения города Омска. Таким образом, мы нашли конкурентное преимущество, а значит, мы можем использовать эту «нишу», чтобы позиционировать свой продукт среди множества образовательных и развлекательных проектов города Омска.

При создании коммуникационных компонентов для эдьютейнмент-проекта «Открытый омский пленэр» мы опирались на результаты исследования общественного мнения для разработки наиболее эффективных элементов фирменного стиля. Так, были созданы такие продукты, как название и логотип. Для широкого освещения деятельности проекта, а также информирования граждан об основных событиях

и мероприятиях проекта предусмотрен индивидуальный механизм для информирования ключевых и целевых аудиторий проекта в зависимости от каналов коммуникации: собственные каналы коммуникации (сайт, социальные сети) и средства массовой информации города Омска.

Библиографический список

1. Кармалова Е. Ю., Ханкеева А. А. Эдьютейнмент: понятие, специфика, исследование потребности в нем целевой аудитории // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 2. С. 64–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26681575>
2. De Vary Sh. Educational Gaming. Interactive Edutainment. Distance learning // For Educators, Trainers and Leaders. 2008. Vol. 5. Iss. 3. Number 3. Boston, Information Age Publishing. P. 35–44.
3. Donovan R., Henley N. Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. 504 p.
4. Edutainment 2016 – 10th International Conference on E-Learning and Games [Электронный ресурс]. URL: <http://www.clocate.com/conference/10th-International-Conference-on-e-Learning-2016/37648/>

E. Y. Karmalova,
Doctor of Philology, Associate Professor
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6868-1605>
e-mail: elen.ka05@mail.ru

EDUTAINMENT PROJECT IN CULTURAL SPHERE (ON EXAMPLE OF ART SPACE “THE OMSK OPEN PLEIN-AIR”)

Introduction. Research of edutainment usage in various educational areas. The purpose of the article is to analyze the communicative effectiveness of individual components of an edutainment art project: the name, corporate style.

Methodology. The research is conducted by using the methods of surveying and interviewing. Questionnaires were created to assess the respondents' psychological perception of individual communicative components of the project (associations method, memorability/recognition method), as well as ranking techniques.

Results are the testing of the communication components of the project "the Omsk Open Plein-Air". The article contains the results of the pre-testing of the name, corporate colors and the logo of the project.

Conclusions. It is concluded that the efficacy of the edutainment project depends on the fulfillment of several conditions. Prior to the project launch, it is necessary to conduct representative analytical studies. It is concluded that it is also necessary to identify clearly target audiences; choose channels, form and content of communication messages to the project target audience.

Keywords: Edutainment, edutainment project, communication efficacy, name, logo, corporate style

Rererences

1. Karmalova E. Y., Khankeeva A. A. Edutainment: concept, specifics, research of demand for edutainment among the target audience// Bulletin of Chelyabinsk State University 2016. № 2. С. 64–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26681575> (Accessed 31.07.2018)
2. De Vary Sh. Educational Gaming. Interactive Edutainment. Distance learning. *For Educators, Trainers and Leaders*. 2008, vol. 5. Iss. 3, no. 3. Boston, Information Age Publishing, pp. 35–44.
3. Donovan, R., Henley N. *Principles and Practice of Social Marketing, an International Perspective*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010, 504 p.
4. Edutainment 2016 – 10th International Conference on E-Learning and Games. Available at: <http://www.clocate.com/conference/10th-International-Conference-on-e-Learning-2016/37648/> (accessed 31.07.2018).

Поступила в редакцию 2.08.2018

© Е. Ю. Кармалова, 2019

Автор статьи: Елена Юрьевна Кармалова, доктор филологических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: elen.ka05@mail.ru

Рецензенты:

О. В. Мирошникова, доктор филологических наук, профессор, Омская гуманитарная академия.

Г. В. Косьяков, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций, Омская гуманитарная академия.

РАЗДЕЛ 2 ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 2 PEDAGOGICAL SCIENCES

УДК 378

DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36.73

В. В. Писецкий, С. Н. Гончаров,
Саровский физико-технический институт –
филиал Национального исследовательского ядерного университета МИФИ
Е. С. Гончаров,
Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, Москва

ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА И НАУКИ

Проблема и цель. Исследование посвящено проблеме повышения качества подготовки кадров для высокотехнологичного производства и науки. Цель статьи – нахождение путей сокращения срока адаптации молодого специалиста на предприятии.

Методология. Исследование проводилось на основе анализа сложившейся ситуации в процессе подготовки молодых специалистов.

Результаты. Определены проблемы, связанные с адаптацией выпускников технического вуза на производстве.

Выводы. Предложен комплексный набор мер, направленных на повышение качества подготовки специалистов для высокотехнологичного производства и науки.

Ключевые слова: адаптация выпускников вуза, качество образования, критерии качества образовательных систем, инженерное образование, высокотехнологичное производство.

Проблема и цель. Важнейшим условием достижения устойчивых высоких темпов экономического роста является развитие высокотехнологичных отраслей, для которых необходимо обеспечить подготовку соответствующих высококвалифицированных кадров специалистов и ученых [1, 2]. Основной целью реформирования системы высшего образования, призванного отражать новые запросы современного общества, является повышение качества обучения студентов, в том числе для улучшения их адаптации к применяемым на высокотехнологичных предприятиях современным технологиям и оборудованию [3, 4].

Методология. В настоящее время один из критериев качества образовательных систем – повышение эффективности учебного процесса. По сути, в итоговом профессиональном уровне специалиста отражается качество компонентов образовательной системы или образовательного процесса [5]. При этом возникает проблема независимой оценки соответствия достигнутой в конкретном случае эффективности требованиям, предъявляемым к современному образованию. В качестве такого критерия все чаще начинают использовать пакеты стандартов ISO-9000-9003, ориентированных

на регламентацию процессов обеспечения качества. В них предусмотрена следующая система критериев оценки:

- соответствие профессиональным стандартам, учебным планам и образовательным программам;
- использование количественных показателей оценки качества подготовки (компетентность, обученность) при тестировании;
- доля самостоятельной работы студентов с обеспечением методического сопровождения по всем дисциплинам;
- наличие новых направлений и специальностей в системе профессиональной подготовки;
- оценка качества учебных материалов не только по отзывам экспертов-специалистов, но и по качеству их реализации.

При этом под качеством подготовки специалиста мы будем понимать степень соответствия уровня его подготовки требованиям профессиональной среды, где он должен работать. Очевидно, что на настоящий момент общепринятого перечня показателей для оценки качества подготовки специалистов не существует.

Результаты. В качестве одного из ключевых показателей можно предложить срок адаптации молодого специалиста на предприятии. Однако в настоящее время существует ряд проблем, затрудняющих возможность применения этого показателя.

1. Неопределенный промежуток времени между окончанием вуза и трудоустройством. За этот порой значительный период времени бывший студент, как правило, находит временную работу. Если эта работа лежит вне его профессиональной деятельности по полученной специальности, то иная методология и иные технологии выполнения производственных заданий начинают «размывать» комплекс знаний, умений и навыков, полученных в вузе, что ведет к постепенной дисквалификации. Ситуация усугубляется тем, что вчерашний выпускник вуза не имеет опыта самостоятельной работы.

2. Несоответствие подходов к осуществлению профессиональной деятельности с использованием технологий, преподаваемых в вузе, технологическим реалиям современного производства, т. е. невостребованность полученного профессионального образования [6]. При этом в рамках одного предприятия для выполнения одних и тех же работ могут применяться разные профессиональные подходы и технологии, обусловленные спецификой выполняемой работы. Ввести же все возможные профессиональные подходы и технологии в учебный процесс не представляется возможным из-за их многочисленности. Кроме того, пропагандируемое сейчас внедрение в учебный процесс иностранных технологий может привести к диссонансу с технологиями, с которыми выпускник столкнется на производстве. Это приводит как к потере мотивации молодого специалиста, так и к вполне объяснимому недовольству работодателя. Особенно ярко подобный фактор проявляется при замене в вузах лабораторных и практических работ на реальных объектах компьютерным моделированием. Еще ни одному студенту не удалось сжечь амперметр в моделирующей программе, из-за чего у молодого специалиста возникает ощущение, что реальный прибор ведет себя так же. В результате мы имеем вышедшие из строя приборы и жалобы работодателя на неумение молодого специалиста выполнять измерения. Поскольку подобная замена происходит вследствие причин, носящих экономический характер, следует ожидать рост подобных претензий в будущем.

3. Ослабление культуры наставничества на фоне кампании по омоложению коллектива. При этом происходит не только потеря преемственности технологии выполнения работ (что не всегда плохо), но и утрата неформализуемых знаний (что фатально). В каждом коллективе, специализирующемся на том или ином виде деятельности, есть ряд понятий, действий, профессиональных приемов, настолько типовых, что описывать их в документации нет смысла. Молодому же специалисту без помощи наставника, имеющего опыт работы по данной проблематике, самостоятельно разобраться в технологическом процессе крайне сложно.

4. Расширение рамок профессиональной деятельности. По мере развития современной технологической базы, инструментария постоянно появляются новые подвиды профессиональной деятельности, для которых требуется набор знаний и умений, отличный от базового. До недавнего времени ситуацию спасала разработка новых специализаций в рамках единого образовательного стандарта. Однако сейчас понятие специализации становится слишком широким. В качестве примера можно привести перечень необходимых знаний и умений из профессионального стандарта «Инженер по приборам ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов в ракетно-космической промышленности», размещенного на сайте Минтруда [7].

Для иллюстрации возьмем только одну обобщенную трудовую функцию (ОТФ) «Выполнение работ в рамках создания приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей на всех этапах жизненного цикла, соответствующих требованиям технического задания, нормативной и технической документации» (код А в тексте стандарта). Эта ОТФ выбрана потому, что является «точкой входа» в профессию: не требует предварительного опыта работы, а значит, может выполняться молодым специалистом. Выполняющий эту функцию сотрудник работает в должности инженера-конструктора или специалиста по приборам ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов в ракетно-космической промышленности, что, несомненно, является одной из специализаций (существующей или планируемой) по специальности 25.003 «Инженер по приборам ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов в ракетно-космической промышленности» (код и название специальности взяты из текста стандарта).

Обобщенная трудовая функция предполагает шесть трудовых функций.

А01/6. Разработка отдельных деталей и узлов приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов.

А/02.6. Разработка проектов приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей.

А/03.6. Разработка проектно-конструкторской, конструкторской и эксплуатационной документации.

А/04.6. Сопровождение процесса изготовления приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей.

А/05.6. Подготовка, проведение испытаний и анализ результатов испытаний приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей.

А/06.6. Анализ и оценка работы приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей в процессе эксплуатации; подготовка и освоение серийного производства приборов ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов и их составных частей.

Судя по содержанию этих трудовых функций, молодой специалист, прошедший обучение в рамках данной специализации, может, по усмотрению кадровой службы, заниматься проведением НИР, ОКР, технологической, эксплуатационной (в плане сопровождения) или испытательной деятельностью. Всё это разноплановые виды деятельности, и они требуют существенно разных наборов необходимых знаний и умений.

Предполагается, что в вузе он овладел знаниями и умениями, позволяющими работать во всех САПР, необходимых для каждого из этих видов деятельности. Однако, учитывая то, что только один САПР требует минимум двух семестровых курсов (сначала студент должен освоить САПР как инструмент, а затем – научиться использовать этот же САПР для профессиональной деятельности), полноценное обучение всем нюансам всех шести видов деятельности за время обучения в вузе представляется труднодостижимым.

Облегчить решение подобной проблемы могло бы массовое привлечение для преподавания дисциплин профессионального цикла (особенно практико-ориентированных) почасовиков, работающих по данному направлению деятельности, однако это противоречит как официальной политике в образовании, так и интересам работодателя, не одобряющего отвлечение высококлассных специалистов на обучение.

В связи с тем, что профессиональная деятельность молодого специалиста, прошедшего обучение в рамках определенной специализации, предполагает проведение НИР, ОКР и осуществление технологической, эксплуатационной (в плане сопровождения) или испытательной деятельности, то он должен владеть разноплановым набором необходимых знаний и умений. Вместе с тем полученные в вузе знания и умения основаны чаще всего на обучении с использованием не реального производственного оборудования, а виртуальных экранных моделей этого оборудования и виртуальной же имитации производственных процессов. Решение данной проблемы лежит в сфере развития системы дуального обучения, основанной на сотрудничестве образовательных организаций и предприятий-работодателей. При дуальном обучении студенты работают в реальных производственных условиях под руководством опытных наставников как в период производственных практик, так и в период дипломного проектирования.

Выводы. Наряду с развитием дуального обучения необходима модернизация всей системы непрерывного инженерного образования, начиная с организации профессиональной ориентации школьников на освоение инженерных специальностей, совершенствования методик обучения будущих инженеров в инновационной образовательной среде и заканчивая развитием системы дополнительного профессионального образования инженерно-технических работников [8, 9, 10].

Современное развитие науки и производства предполагает постоянное расширение рамок профессиональной деятельности в силу развития технологической базы, инструментария и пр. Это влечет за собой появление новых подвидов профессиональной деятельности, для которых требуется как минимум набор усовершенствованных знаний и умений, отличный от базового. В связи с этим целесообразна разработка специалистами вуза совместно с работодателями новых специализаций, соответствующих актуальным требованиям высокотехнологичного производства и науки.

Таким образом, комплексное применение мер, направленных на повышение качества подготовки специалистов для высокотехнологичного производства и науки, будет способствовать уменьшению срока адаптации молодого специалиста на предприятии.

Библиографический список

1. Кубрушко П. Ф., Зорин И. В. Высокие технологии и непрерывное образование // Вестник РМАТ. М.: РМАТ, 2017. № 4. С. 25–28.
2. Шишов С. Е., Кальней В. А. Формирование кадрового потенциала для высокотехнологичных отраслей российской промышленности в условиях развития инновационных процессов в обществе // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. М.: Инфра-М, 2013. Т. 2. № 1 (2). С. 4–7.
3. Новиков А., Новиков Д. Качество образования: система внутренних и внешних оценок // Народное образование. М.: Народное образование, 2007. № 4. С. 147–155.
4. Кальней В. А., Матвеева С. В. Проблема комплексной оценки качества профессиональной подготовки студентов в условиях компетентного подхода // Вестник РМАТ. М.: РМАТ, 2011. № 3. С. 120–124.
5. Федоров В. А., Колегова Е. Д. Инновационные технологии в управлении качеством образования : учеб. пособие : под ред. Г. М. Романцева. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2006. 226 с.
6. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Асимметричное профессиональное будущее современной молодежи // Педагогическое образование в России. Екатеринбург: Изд-во УрГПУ, 2013. № 4. С. 258–263.
7. Профессиональный стандарт «Инженер по приборам ориентации, навигации и стабилизации летательных аппаратов в ракетно-космической промышленности». Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты РФ. URL: http://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=59363
8. Козленкова Е. Н., Кубрушко П. Ф. Интегративный подход к организации профориентационной работы со школьниками // Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 21-й Международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2016. С. 270–272.
9. Назарова Л. И. Актуальные вопросы развития инновационной образовательной среды вуза // Образование и наука. Известия УрО РАО. Екатеринбург: УрО РАО, 2011. № 7 (86). С. 47–54.
10. Ерохин М. Н., Судник Ю. А., Назарова Л. И. Применение «открытых» задач для развития креативного мышления студентов // Вестник Московского государственного агроинженерного университета им. В. П. Горячкина. М.: Изд-во МГАУ, 2012. № 4–2 (55). С. 30–35.

V.V. Pisetski,

Senior Lecturer of the Department of General Technical Disciplines and Electronics,
Sarov Institute of Physics and Technology –

Branch of the National Research Nuclear University MEPhI,
6 Dukhov st., 607190, Sarov, Nizhny Novgorod region, Russian Federation

SPIN-code: 2020-5503, AuthorID: 978789

e-mail: pisetsky@yandex.ru

S. N. Goncharov,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of General Technical Disciplines and Electronics,

Sarov Institute of Physics and Technology –

Branch of the National Research Nuclear University MEPhI,
6 Dukhov st., 607190, Sarov, Nizhny Novgorod region, Russian Federation

SPIN-код: 2399-4343, AuthorID: 209486

E. S. Goncharov,

student,

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

National Research Nuclear University MEPhI

31 Kashirskoye shosse, 115409, Moscow, Russian Federation

TECHNICAL HIGH SCHOOL GRADUATES ADAPTATION TO PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE FIELD OF HIGH-TECH PRODUCTION AND SCIENCE

Introduction. This is a research on specialists training quality improvement for high-tech production and science. The purpose of the article is to find the ways reducing adaptation period of a young specialist at an enterprise.

Materials and Methods. The research was carried out on the basis of the current situation analysis in the process of young specialists training.

Results. The problems are associated with the adaptation of technical universities graduates at their workplaces.

Conclusions. A comprehensive set of measures aimed at specialists training quality improvement for high-tech production and science has been proposed.

Keywords: adaptation of high school graduates, quality of education, quality criteria of educational systems, engineering education, high-tech production

References

1. Kubrushko P. F., Zorin I. V. High Technologies and Continuing Education . *Bulletin of the PMAT*. 2017, no. 4, p. 25–28. (In Russian).
2. Shishov S. E., Kalnei V. A. Formation of personnel potential for high-tech industries of the Russian industry in the conditions of development of innovative processes in society. *Scientific research and development. Socio-humanitarian research and technology*. 2013, vol. 2. no.1 (2), pp. 4–7. (In Russian).
3. Novikov A., Novikov D. The quality of education: a system of internal and external assessments. *Popular Education*. 2007, no. 4, pp. 147–155. (In Russian).
4. Kalnei V. A., Matveeva S. V. The problem of a comprehensive assessment of the quality of students' training in a competence-based approach. *Vestnik RIAT*. 2011, no. 3, pp. 120–124. (In Russian).
5. Fedorov V. A., Kolegova E. D. *Innovative technologies in education quality management: studies. manual* : ed. G.M. Romantsev. 2nd ed., Pererab. and add. Ekaterinburg: RGPPU, 2006, 226 p. (In Russian).
6. Zeer E. F., Symanyuk E. E. Asymmetrical professional future of modern youth. *Pedagogical education in Russia*. 2013, no. 4, pp. 258–263. (In Russian).
7. Professional standard Engineer for orientation, navigation and stabilization of aircraft in the rocket and space industry. *Professional standards. Software and hardware / Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation*. Available at: http://profstandart.rosmintrud.ru/obschchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/index.php?ELEMENT_ID=59363
8. Kozlenkova E. N., Kubrushko P. F. Integrative approach to the organization of vocational guidance work with schoolchildren. *Innovations in professional and vocational pedagogical education: materials of the 21st International Scientific and Practical Conference* : under the scientific ed. EAT. Dorozhkina, V. A. Fedorov. 2016, pp. 270–272.
9. Nazarova L. I. Actual issues of development of innovative educational environment of the university. *Education and science. News UrO RAO*. 2011, no. 7 (86), pp. 47–54.
10. Erokhin M. N., Sudnik Yu. A., Nazarova L. I. The use of “open” tasks for the development of students' creative thinking. *Bulletin of the Federal State Educational Institution of Higher Professional Education Moscow State Agroengineering University*. V.P. Goryachkina. 2012, no. 4-2 (55), pp. 30–35.

Поступила в редакцию 14.03.2019

© В. В. Писецкий, С. Н. Гончаров, Е. С. Гончаров, 2019

Авторы статьи:

Вадим Владимирович Писецкий, старший преподаватель кафедры общетехнических дисциплин и электроники Саровского физико-технического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), 607190, Саров, Нижегородская обл., ул. Духова, 6, e-mail: pisetsky@yandex.ru

Сергей Николаевич Гончаров, кандидат технических наук, доцент кафедры общетехнических дисциплин и электроники Саровского физико-технического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ), 607190, Саров, Нижегородская обл., ул. Духова, 6.

Евгений Сергеевич Гончаров, студент, Национальный исследовательский ядерный университет (МИФИ), 115409, Москва, Каширское шоссе, 31.

Рецензенты:

В. А. Касторнова, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института управления образованием Российской академии образования, Москва.

Г. Ю. Яламов, кандидат физико-математических наук, доктор философии в области информатизации образования, ведущий научный сотрудник Института управления образованием Российской академии образования, Москва.

Г. П. Синецкина,

Омский государственный педагогический университет

СТРАТЕГИЯ ОБУЧЕНИЯ В ПАРТНЁРСТВЕ: КОЛЛАБОРАТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Проблема и цель. Статья посвящена рассмотрению проблемы организации коллаборативного обучения в современной школе как нового подхода к обучению и воспитанию обучающихся.

Методология. Исследование проводится на основе методов теоретического анализа и обобщения положений педагогической науки. С этой целью актуализируются теоретические положения по разработке стратегий обучения и организации коллаборативного обучения как стратегии обучения в партнёрстве.

Результаты. В статье проанализированы основные подходы к коллаборативному обучению, дана его развёрнутая характеристика, обосновано понятие «коллаборативное обучение». Исследованы возможности коллаборативного обучения в воспитании школьника.

Выводы. Автор приходит к выводу о том, что полученные результаты могут быть использованы на практике для создания коллаборативной среды в школе, обладающей большим воспитательным потенциалом

Ключевые слова: стратегия обучения, коллаборативное обучение, коллаборация, коллаборативная среда, воспитательный потенциал.

Проблема и цель. В последнее время в поисках новых подходов к обучению и воспитанию современных школьников в педагогических исследованиях учёные всё чаще обращаются к рассмотрению такого понятия, как стратегия. Это расширяет исследовательское пространство и тем самым позволяет, с одной стороны, рассматривать виды и технологии обучения в контексте определённой стратегии, а с другой стороны, разрабатывать новые стратегии обучения и воспитания.

Методология. Теоретический анализ и обобщение положений педагогической науки, анализ современного состояния исследований в области организации коллаборативного обучения и создания коллаборативной среды в школе позволили нам рассмотреть различные подходы к стратегиям обучения и возможностям коллаборативного обучения.

Результаты. Стратегию в обучении и воспитании можно рассматривать «как основанный на прогнозе общий план совместных действий учителя и ученика, определяющих ближайшую перспективу его интеллектуального и личностного развития в процессе изучения выбранного им предмета или какой-либо предметной области, и включающий все стороны образовательного процесса» [1].

Стратегия обучения и воспитания включает в себя разработку цели, процесс освоения содержания обучения, поддержку учащихся и обратную связь.

Основными принципами выбора стратегий исследователи считают:

- активное и самоуправляемое обучение;
- опору на жизненный опыт обучающегося и исследовательскую практику;
- ориентацию на рефлексивность;
- интерактивность и кооперацию в учебном процессе [2].

Предлагаемые стратегии обучения весьма разнообразны. Например, учёные из РГПУ им. А. И. Герцена [3] предлагают следующие.

Стратегия самоуправляемого обучения – целенаправленное развитие или укрепление какого-то качества личности. При этом человек сам продумывает процесс саморазвития и его этапы. Основана эта стратегия на активации в процессе обучения самосознания, самооценки, самоконтроля, таких личностных качеств, как инициативность, оптимизм, уверенность в себе и др. Чаще применяется в высшем и послевузовском образовании.

Стратегия экспериментального обучения – получение новой информации и практических навыков осуществляется на основе анализа своего предшествующего опыта и опыта других людей. Основана на активизации рефлексии. Чаще применяется в образовании взрослых.

Стратегия контекстного обучения – обучение через моделирование предметного и социально-го содержания деятельности.

Стратегия критичного обучения. Способствует формированию собственного мнения в ситуации поиска информации, осознанной и объективной оценки полученной информации, а также изме-

нению своих взглядов при выявлении новой информации. Основана на умении работать критически с большим потоком информации.

Коммуникативные стратегии обучения. Моделируют поведение для динамики беседы и взаимодействия в группе в ситуации публичной коммуникации. Используются в процессе обучения иностранным языкам, на курсах обучения коммуникации.

Стратегии обучения в партнёрстве: кооперативное обучение, коллаборативное обучение, управление знанием, естественное обучение, обучение в сетевом сообществе.

В рамках данного подхода коллаборативное обучение относится к стратегии обучения в партнёрстве.

В переводе с английского collaborative означает «общий», «объединенный», «совместный». В педагогической науке термин «коллаборация» имеет значение «сотрудничество», «партнёрство». Под ним подразумевается процесс совместной деятельности людей для достижения общих целей, в котором происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия.

Под определением «коллаборативное обучение» (обучение в партнёрстве) понимается такая стратегия обучения, которая позволяет организовать групповую работу обучающихся для решения проблемы, выполнения задания или создания какого-либо продукта.

Как считает Н. В. Павельева, «коллаборативное (совместное) обучение – это подход, в рамках которого обучение построено на тесном взаимодействии между обучающимися или между обучающимися и преподавателем. Участники процесса получают знания через активный совместный поиск информации, обсуждение и понимание смыслов» [4 с. 9].

Организация коллаборативного обучения предполагает групповую работу обучающихся на уроке, в которой осуществляется их совместная деятельность, направленная на достижение единой образовательной цели.

В последние годы термин «коллаборативное обучение» стал употребляться в контексте электронного обучения – это использование различных сервисов Web 2.0 в целях обучения. Это означает, что педагогическое взаимодействие происходит на основе использования средств информационно-коммуникационных технологий.

Следует сказать, что в педагогической литературе рассматриваются два очень близких по смыслу термина: «кооперативное обучение» и «коллаборативное обучение», – в связи с чем некоторые авторы подменяют эти понятия, допускают неточности в описании их характеристик. В некоторых случаях исследователи или противопоставляют эти понятия, или кооперацию рассматривают как средство реализации коллаборации.

Попробуем разобраться в определениях терминов «кооперация» и «коллаборация».

Чаще всего кооперация определяется как форма межличностного взаимодействия, форма организации труда, совокупное действие и т. д. Но главным её отличительным признаком является «объединение усилий участников для достижения совместной цели при одновременном разделении между ними функций, ролей, и т. д.» [3, с. 108]. В качестве синонимов выступают «объединение» (процесс формирования из ранее разрозненных частей единого целого), «взаимодействие» (взаимное влияние объектов друг на друга, в ходе которого происходит их изменение).

Коллаборация предполагает процесс совместной деятельности для достижения общей цели, в ходе которого решения принимаются сообща, в результате обмена мнениями, знаниями и достижения согласия. Основные синонимы – «сотрудничество», «партнёрство» (совместные с кем-либо действия, характеризующиеся согласованностью, слаженностью мнений и действий).

Оптимальная стратегия обучения должна соответствовать следующим критериям: чёткая постановка цели осваиваемого предмета и формулировка задач, которые необходимо решить в процессе обучения, опора на опыт учителя и учащихся, учёт специфики среды обучения.

Размышления Ж. Фрайсина о коллаборативном обучении приводят его к мысли о том, что коллаборативное «можно рассматривать как философию взаимодействия и образа жизни, где люди несут ответственность за свои действия, в том числе и за обучение, и уважают возможности и вклады своих партнёров» [5, с. 10].

Подобную точку зрения разделяет А. В. Куликов, который утверждает, что «коллаборативное обучение – это, скорее всего, философия образования: работаем вместе, изучаем вместе, изменяемся вместе, улучшаемся вместе. Эта философия гармонично вписывается в современное состояние общества» [6, с. 105].

Коллаборативное обучение позволяет создать ситуацию «естественности учения», когда «человеческие знания расширяются посредством социального взаимодействия, стимулируется творческая активность обучающихся. В процессе коллаборативного обучения школьник разделяет свои ресурсы с группой, использует групповую работу, чтобы учиться» [2, с. 67]. Структура его деятельности приобретает открытость, гибкость, а продвижение в ней – свободу.

В коллаборативном обучении педагог выступает равноправным членом группы. Группа же является источником мотивации, информации, средством самопомощи и взаимной поддержки, местом взаимодействия для коллективного конструирования знаний.

Как утверждает А. В. Куликов, «в коллаборативном обучении успешно решаются слабо структурированные задачи, поэтому оно чаще применяется в гуманитарном знании» [6, с. 107].

В коллаборативном обучении происходит социальное и эмоциональное развитие школьников. Это означает, что формируются такие качества личности, как уважение, признание способностей и личного вклада каждого члена группы, желание и умение сотрудничать, взаимопонимание [7, с. 88].

В основе коллаборативного обучения лежит ряд теорий, концепций:

- 1) концепции управления знанием, конверсии знаний;
- 2) концептуальные положения педагогики сотрудничества;
- 3) идеи коллективной, совместной деятельности, коллегиальности;
- 4) положения теории коммуникации, поскольку коммуникация в данной стратегии обучения является основным инструментом обмена знаниями.

Воспитательную ценность коллаборативного обучения обеспечивают идеи педагогики сотрудничества, которые позволяют понять, что в образовательном процессе все субъекты объединяются в общей деятельности отношениями товарищества, взаимоуважения, взаимопомощи, коллективизма. Сотрудничество предполагает учёт интересов, желаний каждого, поддержку, постепенное преодоление разногласий, уступку. Это самая продуктивная форма поведения в ситуации управления конфликтом.

Обучение в сотрудничестве обладает воспитывающим потенциалом и способствует формированию способности и готовности к сотрудничеству, разрешению конфликтов, к взаимодействию с коллективом, партнёрами. Обучающиеся учатся организовывать совместную деятельность, основанную на принципах сотрудничества, и участвовать в ней, понимать свою роль в качестве партнёра. При этом у них развиваются такие личностные качества, как терпимость к разным точкам зрения и типам поведения, отличающимся от того, к чему они привыкли, ответственность за результаты совместной работы, формируется умение уважать чужую точку зрения, слушать партнёра, вести деловое обсуждение, достигать согласия в конфликтных ситуациях и спорных вопросах.

Продуктивность совместного обучения выражается в следующих характеристиках:

– позитивная взаимозависимость: каждый обучающийся должен в полной мере участвовать в работе, иметь свою задачу, за которую он отвечает перед другими, понимать, что его достижения влияют на эффективность работы группы;

– взаимодействие «лицом к лицу»: помощь, содействие успеху друг друга;

– социальные навыки: каждый обучающийся овладевает эффективными способами коммуникации, навыками межличностного и группового взаимодействия;

– групповая оценка: обязательна оценка группой своей эффективности, выработка способов её повышения [2 с. 27].

Коллаборативное обучение – это обучение в совместной групповой деятельности. В технологию групповой работы входят методы коллективного обучения, известные в отечественной педагогике.

Анализ результатов педагогических исследований позволяет говорить о возможности коллективной деятельности для решения ряда педагогических задач, таких как социализация и воспитание личности обучающихся (развитие умения работать в коллективе, сотрудничать, руководить и подчиняться, выполнять различные функции и т. д.), развитие познавательного интереса, активности, самостоятельности, коллективистских, коммуникативных качеств личности, ответственного отношения к учёбе и т. д.

Для образовательной практики важное значение также имеют теории коммуникации, в которых раскрывается сущность коммуникативного действия, коммуникативного процесса.

В коллаборативном обучении осуществляется межличностная коммуникация. От правильной её организации зависит успешность решения образовательных задач.

Понятие «межличностная коммуникация» означает «процесс обмена сообщениями и их интерпретацию двумя или несколькими индивидами, вступившими в контакт друг с другом» [8].

Выделяют уровни общения в зависимости от степени личностной вовлечённости участников в межличностную коммуникацию: социально-ролевой, деловой, интимно-личностный уровни.

В процессе коллаборативного обучения у школьников вырабатывается модель поведения в типичных социальных ситуациях на каждом уровне. Для этого в процессе обучения необходимо учитывать:

– индивидуальные особенности субъектов процесса коммуникации: одним свойственна открытость, готовность к общению, другие стараются не сближаться с разными людьми, третьи пытаются утвердить своё превосходство, а четвёртые демонстрируют готовность к подчинению;

– отношение к партнёру: партнёр может относиться к другому как к ценности, признавать его право быть собой, быть готовым его понять или же рассматривать другого как средство достижения своих целей, не желать понимать его, принимать его точку зрения.

В процессе обучения педагогу необходимо самому демонстрировать правильные образцы поведения в различных ситуациях, побуждать детей к самоанализу своего поведения и его корректировке.

В теории коммуникации рассматриваются и вопросы эффективности эмоционального общения, которое «зависит от синхронизации эмоциональных реакций коммуникантов в конкретном дискурсе» [8].

Например, если у детей в общении проявляется эгоцентризм, то это общение не может быть продуктивным. Оно приводит к игнорированию эмоционального состояния партнёра. В этом случае в обучение необходимо включать элементы тренинга по саморефлексии, нацеленной на преодоление эгоцентризма. Одно лишь только объяснение неправильности такого поведения не приведёт к формированию навыков продуктивного общения. Ребёнок так и останется эмоционально незрелым, способным лишь к поверхностному кодированию / декодированию своих и чужих эмоций. Процесс коллаборативного обучения позволяет целенаправленно развивать умение осознавать свои эмоции и эмоции партнёра в момент общения [8].

Обучение детей способам демонстрации внимания к партнёру, выражению согласия или несогласия, благодарности формируют правильный стиль общения, что обеспечивает эффективную совместную деятельность.

Выводы: вышеназванные характеристики коллаборативного обучения позволяют нам прийти к выводу о том, что коллаборативное обучение обладает большим воспитательным потенциалом. Создавая коллаборативную среду в процессе обучения, мы погружаем школьников в общий коммуникативный контекст деятельности, основными признаками которого являются коллективность действий, совместный характер групповой работы, коллегиальность, соавторство, партнёрство, взаимодействие, сотрудничество.

В условиях сужения реального пространства общения детей и подростков и расширения виртуального создание коллаборативной среды обучения представляется одним из актуальных направлений воспитательной деятельности в современной школе.

Библиографический список

1. Строкова Т. А. Индивидуальная стратегия обучения: сущность и технология разработки // Образование и наука. 2005. № 4. С. 17-26.
2. Тарханова И. Ю. Интерактивные стратегии организации образовательного процесса в вузе : учебное пособие. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. 67 с.
3. Образовательные стратегии и технологии обучения при реализации компетентностного подхода в педагогическом образовании с учётом гуманитарных технологий: Методические рекомендации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 108 с.
4. Павельева Н. В. Коллаборативное обучение как модель эффективной реализации образовательного процесса // Образование. Карьера. Общество. Кемерово, 2010. № 3 (29). С. 30–37.
5. Фрайсин Ж. Обучение в цифровых сетях: кооперативное обучение, коллаборативное обучение и педагогические инновации // Непрерывное образование XXI век. Петрозаводск: ПетрГУ, 2016. № 4 (16). С. 1–18.
6. Куликов А. В. Системы дистанционного коллаборативного обучения и некоторые аспекты технологии их разработки // Инновации и современные технологии в системе образования: материалы II Международной научно-практической конференции 20–21 февраля 2012 г. Пенза–Ереван–Шадринск: Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. С. 105–107.
7. Асилова Ш. С. Влияние коллаборативной среды на познавательную активность учащихся // European research. 2016. № 5 (16). С. 87–88.
8. Межличностная коммуникация: теория и жизнь : Под науч. ред. О. И. Матяш. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20111733>

G. P. Sinitsyna,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy,
Director of the Center for Master's Studies,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation
e-mail: sinitsina_gp@list.ru

PARTNERSHIP TRAINING STRATEGY: COLLABORATIVE TRAINING

Introduction. The article is devoted to the consideration of the problem of organizing collaborative learning in a modern school as a new approach to teaching and educating students.

Materials and Methods. The research is carried out on the basis of methods of theoretical analysis and generalization of the provisions of pedagogical science. To this end, theoretical principles for developing learning strategies and organizing collaborative learning as a learning strategy in partnership are being updated.

Results. The article analyzes the main approaches to collaborative learning, gives its detailed description, substantiates the concept of “collaborative learning”. The possibilities of collaborative learning in the upbringing of a schoolchild are explored.

Conclusions. The author concludes that the results obtained can be used in practice to create a collaborative environment with great educational potential.

Keywords: learning strategy, collaborative learning, collaboration, collaborative environment, educational potential.

References

1. Strokova T. A. Individual learning strategy: the nature and technology of development. *Education and Science*. 2005, no. 4, pp. 17–26. (In Russian).
2. Tarkhanova I. Yu. *Interactive strategies for the organization of the educational process in the university: a textbook*. Yaroslavl: Publishing house of YAGPU, 2012. 67 p. (In Russian).
3. *Educational strategies and learning technologies in the implementation of the competence-based approach to teacher education, taking into account humanitarian technologies: Guidelines*. SPb.: Publishing House of the RSU. A. I. Herzen, 2008, 108 p. (In Russian).
4. Pavelieva N. V. Collaborative learning as a model for the effective implementation of the educational process. *Education. Career. Society*. 2010, no. 3 (29), pp. 30–37. (In Russian).
5. Frisin G. Digital Teaching: Cooperative Learning, Collaborative Learning and Pedagogical Innovations. *Continuing Education XXI Century*. 2016, no. 4 (16), pp. 1–18. (In Russian).
6. Kulikov A. V. Systems of distance collaborative learning and some aspects of their technology development. *Innovations and modern technologies in the education system: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference February 20-21, 2012* Penza - Yerevan - Shadrinsk: Sociosphere Scientific and Publishing Center, 2012, pp. 105–107. (In Russian).
7. Asilova Sh. S. The influence of the collaborative environment on the cognitive activity of students. *European research*. 2016, no. 5 (16), pp. 87–88. (In Russian).
8. Interpersonal communication: theory and life : Under the scientific ed. O.I. Matyash. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20111733> (In Russian).

Поступила в редакцию 14.03.2019

© Г. П. Сеницына, 2019

Автор статьи: **Галина Петровна Сеницына**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, директор Центра магистерской подготовки, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: sinitsina_gp@list.ru

Рецензенты:

Н. Н. Рыбакова, кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой инженерной педагогики, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет.

М. Г. Голубчикова, кандидат педагогических наук, доцент, Иркутский государственный университет

М. В. Карелина,
Российский университет транспорта, Москва

ТИПИЗАЦИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ТРЕНАЖЁРОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Проблема и цель. Исследование посвящено проблеме применения высокотехнологичных тренажёров при подготовке будущих инженеров в транспортных вузах. Цель статьи – провести анализ высокотехнологичных тренажёров, определить их особенности, выделить характерные признаки для их типизации, которые возможно применять при подготовке будущих специалистов железнодорожного транспорта.

Методология. Исследование проводится на основе теоретических методов.

Результаты заключаются в представленной типизации высокотехнологичных тренажёров, которая является средством приведения в систему, упорядочения процессов и устройств, позволяющих преподавателю или руководителю более осознанно делать выбор в пользу применения конкретного устройства для решения тех или иных задач обучения специалистов.

Выводы заключаются в том, что современные тренажёры, используемые при подготовке инженеров железнодорожного транспорта, достаточно разнообразны, но могут быть типизированы по различным методическим признакам. Представленная иерархическая структура типизации делает более методически обоснованным подход к обучению студентов и предоставляет возможность построить более систематичную программу обучения с акцентом на деятельностной составляющей.

Ключевые слова: типизация, высокотехнологичные тренажёры, внедрение, назначение, виды.

Термин «типизация» происходит от слова «тип» (др.-греч. τύπος – удар, след, отпечаток). Под понятием «типизация» будем понимать контекст, близкий к термину «классификация», «распределение по типам», «придание типовых форм» [1], «единица расчленения изучаемой реальности в типологии» [2].

Целью типизации тренажёров является установление места каждой из моделей в системе обучения и группировка их в порядке, удобном для определения взаимозависимости. Под понятием «тренажёр» (от англ. train – воспитывать, обучать, тренировать) мы подразумеваем механическое, программное, электрическое либо комбинированное учебно-тренировочное устройство, искусственно имитирующее различные рабочие места и ситуации, на них возникающие.

Высокотехнологичными тренажёрными комплексами можно считать сложные программно-адаптированные системы, в состав которых входят элементы симуляции и моделирования изучаемых процессов, физические или программные модели, которые воспроизводят реальные и нештатные технологические ситуации.

Типизация **высокотехнологичных тренажёрных комплексов железнодорожного транспорта** как теоретический материал является необходимым условием выявления их возможностей для повышения их универсальности, что позволяет создать условия для продолжения активного внедрения тренажёров в учебный процесс и улучшения технических знаний у будущих специалистов железнодорожного транспорта, непосредственно связанных с движением поездов, эксплуатационной и маневровой работой.

Анализ (оценивание и сравнение) высокотехнологичных тренажёров позволил определить их особенности, выделить характерные признаки для их типизации. На основе анализа практики применения тренажёров была выполнена систематизация имеющихся в настоящее время высокотехнологичных систем (табл.). В качестве признаков типизации были приняты методические способы обучения на высокотехнологичных тренажёрах, которые по вышеназванным признакам возможно разделить на семь типов.

По целям обучения тренажёры возможноразделить на следующие группы: общепрофессиональные, узкопрофильные, универсальные. К общепрофессиональным можно отнести стенды, демонстрационные макеты и тренажёры, позволяющие составить общее представление о возможностях и характере изучаемого объекта.

Типизация высокотехнологичных тренажёров железнодорожного транспорта по методическому назначению

Наименование методического признака	Типы тренажёров
По цели обучения	Общепрофессиональные Узкопрофильные Универсальные
По техническим возможностям (по принципу действия)	Механические Электрические Цифровые
По роду деятельности специалиста	Тренажёры для обучения сотрудников локомотивного хозяйства Тренажёры для обучения работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ и оперативного персонала службы перевозок Тренажёры для обучения сотрудников обслуживания путевой инфраструктуры Тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики; тренажёры для обучения сотрудников пассажирского хозяйства Тренажёры для обучения сотрудников грузового хозяйства
По форме обучения	Индивидуальные Групповые
По роли студента в процессе обучения	Пассивная роль Пассивно-активная роль Активная роль
По степени обработки студентом поступающей информации	Регистрирующие отдельные параметры деятельности Позволяющие оценить систему в целом
По педагогико-эргономическим характеристикам	Простота использования: – требования к визуализации (разборчивость и чёткость изображения, цветовая гамма, расположение текста на экране); – требования к длительности тренажёрной подготовки; – требования к надёжности и безопасности эксплуатации; – требования к уровню звука, звукового давления и вибрации; – требование к минимизации операций при подготовке к работе; – устойчивость от несанкционированного нажатия клавиш; – возможность легкого возврата на исходные позиции; – возможность неоднократного обращения к программе в случае неудачной попытки

К *узкопрофильным* можно отнести высокотехнологичные тренажёры, формирование навыков на которых непосредственно связано со спецификой будущей профессиональной деятельности. Это:

– тренажёры для обучения сотрудников локомотивного хозяйства: тренажёр «Машинист электропоезда ЭД9М в формате 3D», тренажёрный компьютерный комплекс электровозов ЭП1М, ВЛ10, ВЛ10–У, ЭД4М, ЗЭС5К «Ермак» в формате 3D, тренажёр по управлению автотормозами подвижного состава электровозов различных моделей, тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту ж/д техники и т. д.;

– тренажёры для работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ и оперативного персонала службы перевозок: виртуальные обучающие имитационные системы для работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ, модульный тренажёр для оперативного персонала службы перевозок «ЖАСМ», симулятор-тренажёр «Организация перевозок и управления на железнодорожном транспорте с масштабным макетом», интерактивный электрифицированный 3D-макет-тренажёр «Станция и участок перегона с автоматической блокировкой», тренажёрный комплекс «Светофорная сигнализация» и т. д.;

– тренажёры для сотрудников, обслуживающих путевую инфраструктуру: мультимедийный тренажёр для сотрудников, обслуживающих путевую инфраструктуру, симулятор-тренажёр «Дежурный по переезду», тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту железнодорожной техники и т. д.;

– тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики: программные тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики, основанные на имитационном моделировании железнодорожного участка, оснащенного современными системами СЦБ, тренажёр системы МПЦ ЕВILock 950; тренажёр ЭЦ–ЕМ для подготовки регулировщика РТУ и энергодиспетчера и т. д.;

– тренажёры для обучения сотрудников пассажирского хозяйства: тренажёрный комплекс по подготовке проводников «Купе–1.01Б» на динамической платформе с автоматизированным рабочим местом и системой 3D-визуализации, тренажёр по управлению автотормозами подвижного состава электровазозов различных моделей, виртуальный тренажёр для обучения электромехаников, тренажёр для отработки аварийных ситуаций с пассажирским вагоном и т. д.;

– тренажёры для обучения сотрудников грузового хозяйства: 3D-тренажёр для обучения приемосдатчиков и приемщиков поездов, интерактивный тренажёр весопроверочных вагонов; тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту ж/д техники и т. д.

К *универсальным* можно отнести тренажёры, которые развивают навыки, применимые в широком спектре профессиональной деятельности, например тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту железнодорожной техники.

По техническим возможностям (по принципу действия) тренажёры можно разделить на три типа: механические, электрические и цифровые.

К *механическим* тренажёрам можно отнести тренажёр по управлению автотормозами подвижного состава электровазозов различных моделей, тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту ж/д техники и т. д. Тренажёр для изучения работы приборов управления тормозами может быть использован для обучения сотрудников как пассажирского, так и грузового хозяйства и применяться для изучения работы тормозного оборудования, методов и приёмов его испытания, изучения процессов, происходящих в пневматической системе, отработки навыков регулировки приборов управления тормозами, в том числе происходящих в пневматической системе.

К *электрическим* тренажёрам можно отнести тренажёрный комплекс «Светофорная сигнализация», интерактивный электрифицированный 3D-макет-тренажёр «Станция и участок перегона с автоматической блокировкой» и т. д. Интерактивный электрифицированный 3D-макет-тренажёр «Станция и участок перегона с автоматической блокировкой» с компьютерным управлением и тренажёрный комплекс «Светофорная сигнализация» предназначены для обучения будущих работников диспетчерского аппарата, т. е. студентов, и оперативного персонала службы перевозок.

Интерактивный электрифицированный 3D-макет-тренажёр «Станция и участок перегона с автоматической блокировкой» предназначен для обучения студентов работе с различными системами интервального регулирования движения поездов на перегонах с автоматической и полуавтоматической блокировкой. Устройства тренажёра являются обобщённой копией сходных технических устройств, на станционных перегонах симулирована работа блокировок, светофоров, маршрутно-релейной централизации стрелок и сигналов, осуществляется пропуск поездов в обе стороны.

Тренажёрный комплекс «Светофорная сигнализация» даёт возможность изучить виды светофорной сигнализации и представляет собой электрифицированную светодинамическую трёхсекционную панель со всеми видами светофорной сигнализации и элементами управления, где реализованы различные виды сигналов, и компьютер с управляющей программой. Комплекс предназначен для изучения студентами алгоритма работы светофорной сигнализации и применения её видов. Комплекс позволяет проводить контроль знаний, моделируя различные нештатные ситуации и отрабатывать навыки действий при их возникновении для обеспечения безаварийной и безопасной эксплуатации подвижного состава.

К *цифровым* тренажёрам можно отнести практически все тренажёры для обучения сотрудников локомотивного хозяйства, виртуальные обучающие имитационные системы для работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ, программные тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики, тренажёры для обучения сотрудников пассажирского и грузового хозяйства. Для обучения машинистов применяются высокотехнологичные тренажёры и симуляторы различных модификаций, которые в формате 3D имитируют внутреннее оборудование кабины машиниста и позволяют моделировать любые встречающиеся неисправности и их видимые проявления, как на своём поезде, так и на встречных поездах [4, 5]. В тренажёрах имеется возможность выбора времени суток, времени года, интенсивности осадков и температуры окружающего воздуха, с

изменением коэффициента сцепления колеса с рельсом, условиями видимости сигналов и работы тормозов. На экран можно вывести пневматическую схему локомотива, где в режиме онлайн воспроизводится работа всех её систем с указанием реального изменения давления в каждом элементе, в зависимости от положения ручек кранов в кабине управления, и визуальный контроль электрооборудования. Достоинство тренажёров состоит в том, что вся информация поступает непосредственно в учебную аудиторию, позволяя создавать различные нештатные ситуации, показывая на большом экране работу пневмооборудования и электрической схемы.

Для обучения студентов навыкам работы с пассажирским ж/д транспортом возможно использовать тренажёрный комплекс по подготовке проводников «Купе–1.01Б» на динамической платформе с автоматизированным рабочим местом преподавателя и системой 3D-визуализации, многофункциональный интерактивный учебно-тренировочный комплекс по тушению пожара поездной бригадой МКР–01 и т. д. Тренажёрный комплекс по подготовке проводников «Купе–1.01Б» предназначен для профессиональной подготовки проводников пассажирских вагонов и позволяет моделировать штатные и нештатные ситуации, максимально приближенные к поездной работе, имитируя купейный вагон модели 61–4440 в натуральную величину и рабочее место проводника с аналогом панели пульта управления приборами ЭВП–110. Динамическая платформа имеет две степени свободы в продольном и поперечном направлении, с возможностью управления параметрами работы электроснабжения и контроля за ними. Сенсорный дисплей демонстрирует климатические и другие показатели и связан с моделирующим устройством. Также тренажёр оснащен монитором с динамическим видом из окна, системой, позволяющей создавать в вагоне звуки, имитирующие движущийся состав поезда, торможение, пожарную сигнализацию и т. д. Тренажёр позволяет проводить обучение правилам техники безопасности, имитировать экстренное торможение и работу ручного тормоза. Программно-моделирующее устройство – это комплекс из двух персональных компьютеров графической 3D-модели с программным обеспечением, которое позволяет выбрать погодные условия движения, сценарий поездки и участок движения, задать нештатную ситуацию (нагрев роликовой буксы или редуктора привода генератора, срабатывание пожарной сигнализации, экстренное торможение, неисправность электрооборудования, системы отопления вагона и термоавтоматики) и зафиксировать нарушения, допущенные во время тренировочной поездки.

По роду деятельности специалиста тренажёры можно разделить на шесть видов: тренажёры для обучения сотрудников локомотивного хозяйства, тренажёры для работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ и оперативного персонала службы перевозок, тренажёры для сотрудников, обслуживающих путевую инфраструктуру, тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики, тренажёры для обучения сотрудников пассажирского хозяйства, тренажёры для обучения сотрудников грузового хозяйства.

По уровню сложности тренажёрные системы для обучения машинистов подразделяются на четыре группы: базовая компьютерная симуляция, частичная симуляция панели управления, продвинутая симуляция панели управления, полная симуляция кабины машиниста.

Базовая компьютерная симуляция – это частичная имитация работы поезда и панели управления, которая подходит для тренировки подачи базовых сигналов и отработки теоретических действий машиниста в различных сценариях; управление производится с помощью сенсорных экранов.

Частичная симуляция панели управления – это физическая имитация основных элементов панели управления; она подходит для тренировки базовых практических действий машиниста и управляется с помощью сенсорных экранов с элементами имитации панели.

Продвинутая симуляция панели управления – это физическая имитация реальной панели управления машиниста с точным повторением большинства её функциональных элементов; подходит для тренировки сложных сценариев в процессе работы машиниста, управляется с помощью копии панели управления.

Полная симуляция кабины машиниста – это реалистичная имитация кабины машиниста, включая оборудование и зоны вне панели управления в ведущем вагоне и его тамбуре; такая модель подходит для отработки большинства возможных сценариев с вовлечением широкого спектра задач машиниста.

По форме обучения тренажёры можно сгруппировать по двум типам: индивидуальные и групповые.

К **индивидуальным** относятся тренажёры для подготовки машиниста, тренажёры для работников диспетчерского аппарата ДСП / ДНЦ и оперативного персонала службы перевозок, программные тренажёры для обучения сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики, тренажёры

для пассажирского хозяйства, в частности, тренажёрный комплекс по подготовке проводников «Купе-1.01Б» на динамической платформе с автоматизированным рабочим местом и системой 3D-визуализации, виртуальный тренажёр для обучения электромехаников, тренажёры для грузового хозяйства, например, 3D-тренажёр для обучения приемосдатчиков и приемщиков поездов, интерактивный тренажёр весоповерочных вагонов и т. д.

К **групповым** относятся тренажёр по управлению автотормозами подвижного состава электровагонов различных моделей, тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту ж/д техники, учебно-тренировочный комплекс по тушению пожара поездной бригадой МКР-01, тренажёр для отработки аварийных ситуаций с пассажирским вагоном, тренажёрный комплекс по подготовке технического персонала по эксплуатации и ремонту ж/д техники.

Роль студента в процессе обучения на тренажёрах можно обозначить как пассивную, активную или пассивно-активную.

Пассивная роль студента заключается в том, что он является лишь слушателем учебного материала о технических и технологических особенностях работы тренажёров, с дальнейшей проверкой полученных знаний посредством опросов, самостоятельных и контрольных работ, тестов и т. д. Примером пассивной роли студента являются занятия на стендах-тренажёрах и демонстрационных макетах-тренажёрах. К недостаткам этого метода обучения, которое в основном является групповым, можно отнести низкую эффективность усвоения учащимися учебного материала и авторитарный стиль взаимодействия преподавателя со студентом.

Активная роль студента в обучении выражается в том, что он является непосредственным участником динамических, интерактивных и симуляционных процессов, происходящих на тренажёрах. Такое обучение происходит в основном индивидуально и характерно для подготовки машинистов поездов, работников оперативного персонала службы перевозок, сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики и характеризуется высокими темпами усвоения практического материала.

Пассивно-активная роль студента ориентирована на сочетание лекционного курса с упражнениями и заданиями на тренажёрах, применима при подготовке сотрудников пассажирского и грузового хозяйства, обслуживания путевой инфраструктуры и в основном характерна для обучения в малых группах.

По сложности обработки студентом поступающей информации тренажёры бывают двух видов: регистрирующие отдельные параметры деятельности и позволяющие оценить систему в целом.

К регистрирующим отдельные параметры деятельности относятся тренажёры, обучение на которых не даёт полного представления о характере изучаемого объекта в целом, концентрируя внимание лишь на его отдельных частях; к ним относятся: макет-тренажёр «Станция и участок перегона с автоматической блокировкой», тренажёрный комплекс «Светофорная сигнализация», тренажёр по тушению пожара поездной бригадой МКР-01, тренажёр по управлению автотормозами подвижного состава различных моделей, тренажёр для обучения электромехаников и т. д.

К позволяющим оценить систему в целом относятся тренажёры, дающие возможность полностью смоделировать реальный объект и находящееся на нём оборудование для отработки типовых и нестандартных ситуаций. К ним можно отнести следующие тренажёры: симуляторы для машинистов поездов различной модификации, обучающие системы для работников диспетчерского аппарата, тренажёр-симулятор «Дежурный по переезду», предназначенный для сотрудников, обслуживающих путевую инфраструктуру, тренажёры для сотрудников хозяйства автоматики и телемеханики, основанные на имитационном моделировании железнодорожного участка.

По педагогико-эргономическим характеристикам тренажёры возможно охарактеризовать по следующим признакам: простота использования, реализация требований к визуализации и звуку (разборчивость и чёткость изображения, цветовая гамма, расположение текста на экране), реализация требований к длительности тренажёрной подготовки, реализация требований к надёжности и безопасности эксплуатации; реализации требований к уровню звука, звукового давления и вибрации, реализация требований к минимизации операций при подготовке к работе, реализация требований к устойчивости от несанкционированного нажатия клавиш, реализация требований к возможности легкого возврата на исходные позиции, реализация требований к возможности неоднократного обращения к программе в случае неудачной попытки.

Представленная типизация является средством приведения в систему, упорядочения каких-то явлений, процессов, устройств и т. д. Учитывая большое разнообразие устройств (в нашем слу-

чае это именно устройства), их разумное упорядочение, типизация позволяет преподавателю или руководителю более осознанно делать выбор в пользу того или иного конкретного устройства.

Как показано выше, современные тренажёры, используемые при подготовке инженеров железнодорожного транспорта, достаточно разнообразны, но всё же могут быть типизированы по различным методическим признакам. Представленная в настоящей работе иерархическая структура типизации делает, на наш взгляд, более методически обоснованным подход к обучению студентов на конкретных этапах и в конкретных условиях. Такая типизация предоставляет возможность построить более систематизированную программу обучения с акцентом на деятельностной составляющей и призвана увеличить эффективность обучения в целом. Это очень важно при подготовке специалистов, профессиональная деятельность которых будет непосредственно связана с движением поездов, эксплуатационной и маневровой работой.

Немаловажным представляется и своего рода мотивационный фактор. Сегодня высшее образование неотделимо от современных технологий, отсутствие или недостаточное их использование в обучении студенты легко замечают. Это, конечно, полностью применимо и к подготовке инженеров транспорта. Внедрение в учебный процесс высокотехнологичных тренажёров должно обеспечить улучшение технических знаний у студентов транспортных вузов, повышение в обучении удельного веса деятельностной составляющей, что является гарантией эффективного формирования практических навыков будущих специалистов и снижения сроков их адаптации на рабочем месте.

Библиографический список

1. Пермяков Г. Л. От поговорки до сказки (заметки по общей теории клише). М., 1970. 240 с.
2. Большой энциклопедический словарь : гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 2-е перераб. и доп. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия», СПб: Норинт. 2002. 1203 с.
3. ФГОС ВО 230301 Технология транспортных процессов (уровень бакалавриата). URL: <http://fgosvo.ru/news/8/2208>
4. Посмитюха А. А., Самсонкин В. Н. Тренажёры для локомотивных бригад – важная составляющая учебного процесса // Локомотив-информ. Полтава, 2015. № 09-10. С.17–21.
5. Мысков О. В., Потанин А. А. Машинистам помогают тренажёры // Локомотив. М.: Изд-во РЖД, 2014. № 2. С. 39.
6. Козлов П. А., Четвериков В. А., Яриков И. М. Интеллектуальный тренажёр для профессиональной подготовки диспетчеров // Железнодорожный транспорт. М., 2011. № 10. С. 29–32.
7. Макшин В. Н. Обучающие комплексы для технического обучения работников центральной дирекции управления движением // Труды XIV научно-практической конференции «Безопасность движения поездов». М., 2015. № 1. С. 37–40.
8. Долгов М. В., Куренков С. А., Дюбина А. Ю. Виртуальный тренажёр – новое направление в технической учебе // Автоматика, связь, информатика. М.: Изд-во РЖД, 2016. № 1. С. 37–40.
9. Меркулов А. В., Годяев А. И. Трёхмерная визуализация и автоматизация проектирования виртуальной среды тренажёра-симулятора участка железной дороги // Вестник ТОГУ. Хабаровск, 2015. С. 18–21.

M. V. Karelina,

Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor,
Russian University Of Transport (MIIT),
9 Obraztsova st., Moscow, 127994, Russian Federation

TYPIFICATION OF HIGH-TECH SIMULATORS FOR RAILWAY TRANSPORT

Introduction. This is a research on high-tech simulators use in the process of future engineers training in transport universities. The purpose of the article is to analyze high - tech simulators, to determine their features, to identify the characteristic features for their typification, which may be used when training future specialists for railway transport.

Methodology. The research is conducted on the basis of theoretical research methods.

The results are presented in the typification of high-tech simulators, being a means of bringing processes and devices into a system, and it allows a teacher or a supervisor to make a more conscious choice in favor of a particular application of a particular device.

Conclusions. It is concluded that modern simulators used in railway engineers training are quite diverse, but they can be typed on various methodological grounds. The presented hierarchical structure of typi-

fication makes the approach to teaching students more methodically justified and provides an opportunity to build a more systematic training program taking into account the emphasis on the activity component.

Keywords: typification, high-tech simulators, introduction, purpose, types.

References

1. Permyakov G. L. *From an Idiom to a Fairy-Tale (Some Notes of the General Theory of Cliché)*. Moscow, 1970, 240 p. (In Russian).
2. *The Great Encyclopedic Dictionary*. Edited by A. M. Prokhorov. Ed. 2nd Rev. and add. Moscow: Bolchaja Russkaya Encyclopedia; St. Petersburg: Norint. 2002, 1203 p. (In Russian).
3. *The Federal State Educational Standard of Higher School Education. The Training Direction 230301 The Technology of Transport Processes (Bachelor Degree)*. Available at: <http://fgosvo.ru.news.8.2208> (In Russian).
4. Posmytyukha, A. A. Samsonkin, V. N. Training Machines Are an Important Part of Teaching the Locomotive Crew. *Lokomotiv-inform*. Poltava, 2015, no. 09-10, pp. 17–21. (In Russian).
5. Myskov O. V., Potanin, A. A. Training Machines Help Drivers // *Locomotive*. Moscow: RZD Publishing House, 2014, no. 2, p. 39. (In Russian).
6. Kozlov A. P., Chetverikov, V. A. Yarikov, I. M. Intellectual Training Machines for the Professional Training of Traffic Controllers. *Zheleznodorozhniy Transport*. Moscow, 2011, no.10, pp. 29–32. (In Russian).
7. Makshin V. N. Training Complexes for the Technical Training the Employees of the Central Administration of Transport Control. *The Materials of the XIV Science and Practice Conference "Railway Traffic Security"*. Moscow, 2016, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
8. Dolgov M. V., Kurenkov, S. A., Dubina, A. Y. Virtual Simulator is a New Direction in Technical Training. *Avtomatika, svyaz, informatika*. Moscow: RZD, 2016, no. 1, pp. 37–40. (In Russian).
9. Merkulov A. V., Godyaev, A. I. Vizualizing and Automatizing 3D Design of the Virtual Space of the Simulator Of the Part of the Railway. *Bulletin of the TOGU*. Khabarovsk, 2015, pp.18–21. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.02.2019

© М. В. Карелина, 2019

Автор статьи: **Мария Владимировна Карелина**, кандидат технических наук, доцент, 644099, Москва, Российский университет транспорта (МИИТ), ул. Образцова, 9, стр. 4.

Рецензенты:

Н. Д. Никандров, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор.

И. В. Роберт, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, руководитель Центра информатизации образования, Институт стратегии развития образования РАО, Москва.

Е. А. Носков,

Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, Москва

АНАЛИЗ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС ВО В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОБРАЗОВАНИИ

Проблема и цель. Повышение уровня и доступность конкурентоспособного общего и профессионального образования населения отнесены к стратегическим целям обеспечения национальной безопасности. Целью работы является анализ государственных нормативных документов – образовательных стандартов Российской Федерации в контексте обеспечения национальной безопасности в образовании.

Методология. Контент-анализ позволил проследить динамику развития требований к подготовке педагогических кадров в области обеспечения национальной безопасности в образовании и обобщить позиции стандартов, отражающих вопросы национальной безопасности в области образования: от стандарта-минимума и стандарта-уровня к стандарту – совокупности требований и далее к стандарту-компетенциям при усилении содержательных позиций в области обеспечения национальной безопасности в образовании.

Выводы. Эволюция стандартов высшего образования обусловлена сменой знаниево-ориентированного подхода в обучении к их разработке на основе компетентностного (деятельно-ориентированного) подхода, что также обеспечило смену результативно-целевой основы образования.

Ключевые слова: национальная безопасность, национальная безопасность в области образования, образовательный стандарт

Постановка проблемы. Национальная безопасность, как следует из указа Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», представляет собой сложную многоуровневую систему, структура которой организуется в зависимости от социальных субъектов: общества, государства и личности [1]. В этом случае вполне правомерно говорить о подсистемах: безопасности общества, безопасности государства и безопасности личности. Эти подсистемы безопасности взаимосвязаны и взаимообуславливают друг друга, причём каждая из них отличается своим содержанием и спецификой элементов.

К числу важнейших приоритетов устойчивого развития в Стратегии национальной безопасности отнесены «наука, технологии, образование, здравоохранение и культура, которые развиваются путём укрепления роли государства и совершенствования государственно-частного партнёрства» [1, п. 31]. Стратегические национальные приоритеты образования в Российской Федерации – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности в сфере образования, по которым реализуются конституционные права граждан в области получения качественного образования, свободы получения информационных ресурсов образовательного назначения, реализации образовательных потребностей в условиях устойчивого развития Российской Федерации.

Национальная безопасность Российской Федерации в области образования – это состояние защищенности субъектов образовательного процесса (обучающийся и обучающий) от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права граждан на получение качественного образования, свободу получения информационных ресурсов образовательного назначения, реализовать образовательные потребности в условиях устойчивого развития Российской Федерации.

Результаты. За последние годы в российской нормативно-правовой области высшего образования произошли существенные изменения в контексте обеспечения национальной безопасности в области образования, которые касаются всех участников образовательного процесса: абитуриентов, студентов, преподавателей. Глобальные изменения происходят как в структуре, так и в содержании образовательных стандартов по всем направлениям подготовки.

Отечественные исследователи рассматривают образовательный стандарт с различных позиций. Концептуальный подход представлен работами В. П. Беспалько, М. В. Рыжакова, А. М. Кондакова, аксиологический – работами Н. Д. Никандрова [10, 11, 12, 13]. Методологический анализ научного обоснования качества обучения дан В. В. Краевским [14]. Общепедагогические аспекты тео-

ретических основ проектирования стандартов раскрываются в работах Ю. В. Громыко [15]. В. Д. Шадриков рассматривает проблему стандартов с позиций философии образования и формирования образовательной политики [16]. Общеметодологический подход к стандартизации в образовании характеризует работы А. И. Субетто [17]. Вопросы правового обеспечения стандартизации образования освещаются в работах А. В. Баранникова, О. Н. Смолина, что конкретизирует правовые аспекты национальной безопасности в отечественном образовании [18, 19].

Государственные образовательные стандарты как основа отечественной образовательной системы закрепляются Конституцией Российской Федерации (часть 5 ст. 43) и получают дальнейшее нормативно-правовое развитие в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [9].

Процесс создания и развития образовательных стандартов высшего образования представляется возможным разделить на несколько этапов.

Первый этап начинается с 1992 г., что связано с введением Закона Российской Федерации от 10.07.1992 № 3266-1 «Об образовании», в котором имелась статья 7, посвящённая государственным образовательным стандартам (далее ГОС) [2]. Под воздействием сторонников предметно-методического подхода стандарт приобрел вид типичного набора предметных программ, в которых не нашли отражения вопросы подготовки в области национальной безопасности.

В 1994 г., согласно постановлению Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 г. № 940, были приняты ГОС высшего профессионального образования (далее – ГОС ВПО) первого поколения, применявшиеся вплоть до 2000 г. [3]. Стандарт определял в числе прочего средние значения учебной нагрузки студента вуза и её объём, академические свободы вуза в определении содержания ВПО, общие требования к списку направлений ВПО, порядок разработки и утверждения государственных требований к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по конкретным направлениям (специальностям) ВПО в качестве федерального компонента, правила государственного контроля за соблюдением требований ГОС ВПО.

Таким образом, *в стандарте 1994 г. впервые появляются некоторые позиции, отражающие защищенность субъектов образовательного процесса* в плане ограничения учебной нагрузки, реализации академических свобод вуза, государственного контроля за результативностью образования.

На следующем этапе развития первого поколения госстандарта (1993–1999 гг.) появились федеральные компоненты ГОС. До 2000 г. госстандарт определял структуру высшего профессионального образования, документы о высшем образовании, общие требования к основным профессиональным образовательным программам высшего профессионального образования и условиям их реализации. Вводился порядок разработки и утверждения государственных требований к минимуму содержания и уровню подготовки выпускников по конкретным направлениям и специальностям ВПО в качестве федерального компонента, а также устанавливались правила государственного контроля за соблюдением требований государственного образовательного стандарта ВПО. Документ регламентировал общие нормативы учебной нагрузки студента и её объём, устанавливал академические свободы вуза в отношении содержания высшего профессионального образования, задавал общие требования к перечню направлений и специальностей ВПО. Таким образом, *в период 1993–2000 гг. содержание стандарта обогатилось некоторыми положениями, отражающими элементы национальной безопасности Российской Федерации*, применяемые в области образования.

ГОС ВПО на втором этапе претерпел значительные изменения. Если в первом варианте было три раздела, то во втором их стало семь, из них три – абсолютно новые. Раздел «Требования к уровню подготовки абитуриента» даёт информацию об уровне образования, с которого он может начать обучение по специальности. Раздел «Общие требования к ООП» содержит в себе описание структуры ООП. В разделе «Требования к разработке и условиям реализации ООП» содержатся требования к кадровому, учебно-методическому, материально-техническому обеспечению учебного процесса и к организации практик для студентов.

ГОС ВПО второго поколения, в отличие от первого, включает более качественную и подробную характеристику выпускника в контексте защиты интересов, прав и свобод человека. На тот период времени эта характеристика содержит различные непредметные требования (например, выпускник должен знать Декларацию прав и свобод человека). Виды профессиональной деятельности тоже претерпели изменения в сторону расширения, а термин «сфера профессиональной деятельности», который в ГОС первого поколения употреблялся как синоним термина «виды профессиональной деятель-

ности», теперь получил обобщенное значение. Абитуриенту данные нововведения должны были дать понятие о будущей специальности. Кроме того, требования к общей образованности специалиста приобрели более компактный и обобщенный вид относительно первого поколения стандартов, что определяет общие границы *социальной значимости будущего специалиста*. В требованиях к подготовленности выпускника вуза по специальности 021700 Филология *в контексте национальной безопасности в образовании в Российской Федерации позиции защищенности субъектов образовательного процесса представлены следующим образом*: специалист осознает личностную и социальную значимость своей профессии, обладает целостным представлением об образовании как особой сфере социокультурной практики, обеспечивающей передачу (трансляцию) культуры от поколения к поколению и выступающей как контекст становления личности, обладает научно-гуманистическим мировоззрением, знает основные закономерности развития природы и общества, владеет системой знаний и представлений о человеке как существе духовном, как личности и индивидуальности, знает основы Конституции Российской Федерации, этические и правовые нормы, регулирующие отношение людей друг к другу и к окружающей среде, учитывает их при подготовке социальных проектов, владеет системой знаний о закономерностях и принципах образовательного процесса и умеет использовать их в своей профессиональной деятельности, владеет системой знаний о взаимосвязях физического, психического и социального здоровья человека и общества.

Для этого в стандартах были строго зафиксированы перечни дисциплин федерального компонента, национально-регионального (вузовского) компонента, дисциплин по выбору, а также факультативных дисциплин. Государственные стандарты были ориентированы на подготовку специалиста, например учителя русского языка и литературы, что отражалось в первом разделе государственных стандартов: «Квалификация выпускника – учитель русского языка и литературы» [3].

Квалификационная характеристика выпускника по специальности 032900 Русский язык и литература (ГОС ВПО 2005 г.) *в аспекте обеспечения национальной безопасности включает совокупность внутренних и внешних потребностей субъектов образовательного процесса в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности*: осознанный выбор и освоение профессиональных образовательных программ, обеспечение уровня подготовки обучающихся, соответствующего требованиям государственного образовательного стандарта, осознание необходимости уважения прав и свобод учащихся, предусмотренных законом Российской Федерации «Об образовании», Конвенцией о правах ребёнка, осуществление связи с родителями (либо лицами, их заменяющими), выполнение правил и норм охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты, обеспечение охраны жизни и здоровья учащихся в образовательном процессе [4].

В 2009 г. в связи с внесением изменений в закон РФ «Об образовании» начали разрабатываться стандарты третьего поколения – федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), для вузов – стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО), в соответствии с которыми в процессе высшего образования у студентов должны формироваться общекультурные и профессиональные компетенции [5].

С 2009 по 2011 г. российская высшая школа перешла на ФГОС ВПО. Во ФГОС ВПО третьего поколения сохранялись учебные циклы с делением на базовую и вариативную части, как и в ГОС–2, но перечень дисциплин был прописан только для базовой части, а их содержание определялось через знания, умения и навыки. Содержание же вариативной части вуз должен был выбирать самостоятельно. При этом учебные программы дисциплины определяли не только цели, содержание, объем и порядок изучения, но и перечень результатов образования, формируемых дисциплиной, с указанием соответствующих компетенций. Таким образом, *возможность вариативности образования являлась в некотором роде защитой субъектов образовательного процесса от узкопрофессиональной направленности его будущей деятельности*.

В 2011–2012 учебном году вузы России начали работать со студентами первого курса по основным образовательным программам, реализующим стандарты третьего поколения – ФГОС ВПО. Его основные характеристики:

- образовательные стандарты были разработаны на основе компетентного подхода по направлениям подготовки как совокупность образовательных программ различного уровня, объединяемых на базе общности их фундаментальной части;

- были определены требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки бакалавров, магистров, специалистов в целом и их разделов в виде компетенций в области как профессиональной, так и социально-личностной деятельности;

- отсутствовала компонентная структура, т. е. деление на федеральный, национально-региональный, вузовский компоненты, с одновременным значительным расширением академических свобод высших учебных заведений по части разработки основных образовательных программ;
- были упразднены перечни дисциплин в стандарте и установлены только компетенции (знания, умения, навыки), формирующиеся в ходе изучения определенных циклов дисциплин.
- была установлена новая форма исчисления трудоемкости в виде кредитно-модульной системы вместо часовых эквивалентов.

Структура стандарта претерпела определенные изменения. Появились такие разделы, как «Область применения» и «Используемые сокращения». Данные разделы выполняют вспомогательную функцию: дают больше информации о документе и позволяют работать с ним более эффективно. Исчезли следующие разделы, которые были во втором поколении стандартов: «Требования к обязательному минимуму содержания ООП» и «Требования к уровню подготовки абитуриентов», – что в конечном итоге предоставляет больше свободы вузам.

Научно-исследовательская работа студента стала обязательным компонентом ООП (особенно в магистратуре), что позволило готовить более квалифицированных специалистов, которые станут конкурентноспособными на рынке труда. При разработке ООП учитывалось также мнение работодателей.

Так, квалификационная характеристика выпускника по специальности 540300 Филологическое образование **в контексте защиты конституционных прав субъектов образовательного процесса на получение качественного образования отражает следующее:** учитель должен знать Конституцию Российской Федерации, законы Российской Федерации, решения Правительства Российской Федерации и органов управления образованием по вопросам образования, Конвенцию о правах ребёнка, требования к оснащению и оборудованию учебных кабинетов и подсобных помещений, средства обучения и их дидактические возможности, основные направления и перспективы развития образования и педагогической науки, основы права, научную организацию труда, правила и нормы охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты, должен осознавать необходимость соблюдения прав и свобод учащихся, предусмотренных законом Российской Федерации «Об образовании», Конвенцией о правах ребёнка, выполнять правила и нормы охраны труда, техники безопасности и противопожарной защиты, обеспечивать охрану жизни и здоровья учащихся в образовательном процессе [6].

ФГОС по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (уровень магистратуры) предусматривал **подготовку к решению профессиональных задач в профессиональной деятельности, связанной с обеспечением национальной безопасности, таких как:**

1) в области образования:

- изучение возможностей, потребностей и достижений обучающихся общеобразовательных учреждений, различных профильных образовательных учреждений, образовательных учреждений начального профессионального, среднего профессионального и высшего профессионального образования;
- проектирование на основе полученных результатов индивидуальных маршрутов их обучения, воспитания и развития;
- организация взаимодействия с коллегами, родителями;
- взаимодействие с социальными партнёрами, в том числе иностранными, поиск новых социальных партнёров, включение во взаимодействие с социальными партнёрами обучающихся;
- использование имеющихся возможностей образовательной среды и проектирование новых условий, в том числе информационных, для обеспечения качества образования;
- осуществление профессионального самообразования и личностного роста, проектирование дальнейшего образовательного маршрута и профессиональной карьеры;

2) в области науки:

- анализ, систематизация и обобщение результатов научных исследований в сфере образования путём применения комплекса исследовательских методов при решении конкретных научно-исследовательских задач;
- организация взаимодействия с коллегами и социальными партнёрами, в том числе иностранными, поиск новых социальных партнёров при решении актуальных исследовательских задач;
- использование имеющихся возможностей образовательной среды и проектирование новых условий, в том числе информационных, для решения научно-исследовательских задач;

– участие в опытно-экспериментальной работе;

3) в области технологий:

– организация процесса обучения и воспитания в сфере образования с использованием технологий, соответствующих возрастным особенностям старших школьников, юношей и девушек, и отражающих специфику предметной области;

– проектирование, организация, реализация и оценка результатов научного исследования в сфере образования с использованием современных методов науки, а также информационных и инновационных технологий;

– исследование, проектирование, организация и оценка реализации управленческого процесса с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы;

– исследование, проектирование, организация и оценка реализации методического сопровождения педагогов с использованием инновационных технологий;

– использование имеющихся возможностей образовательной и социальной среды и проектирование новых сред, в том числе информационных, для обеспечения развития методического сопровождения деятельности педагогов [6].

Вместе с тем в стандартах этого поколения *не отражены позиции защищенности субъектов образовательного процесса (личности обучающегося и обучающего) от внутренних и внешних угроз информационного общества массовой коммуникации и глобализации*, позволяющие обеспечить конституционные права граждан на получение качественного образования, свободу получения информационных ресурсов образовательного назначения, в условиях устойчивого развития Российской Федерации.

С 2015 г. применяются ФГОС ВО 3+. Изменилась структура компетенций: общекультурные стали общими для всех направлений подготовки одного уровня (9 общекультурных компетенций для бакалавриата, 5 – для магистратуры); общепрофессиональные – общими для всех по направлению подготовки, профессиональные компетенции включаются в зависимости от видов профессиональной деятельности, на которые ориентирована основная образовательная программа (ООП). Дополнить список профессиональных компетенций (ПК) может вуз самостоятельно, что обеспечивает потребность региона в квалифицированных кадрах в соответствии с его особенностями [7].

Исследуя содержание стандартов ФГОС ВО 3 и 3+, можно отметить, что новейшей составляющей обновленного стандарта 2016 года являются возможность использовать электронное обучение, дистанционные образовательные технологии и сетевые формы в реализации программы, обучение по индивидуальному учебному плану и определение требований к обучению инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, входящих в понятие доступности (вариант инклюзивного образования). Для данных обучающихся в курсы по выбору включаются специализированные адаптационные дисциплины, также таких студентов и школьников требуется обеспечить печатными и электронными образовательными ресурсами в формах, приспособленных к ограничениям их здоровья, а выбор мест прохождения практик должен согласовываться с требованием доступности.

В стандартах ФГОС ВО образовательной организации предоставляется полная свобода в разработке содержания образовательной программы. В её структуре отсутствует понятие учебного цикла, зато в первом блоке, «Дисциплины» (модули), определена сущность понятий «базовая часть», обеспечивающая общекультурную и общепрофессиональную подготовку обучающегося, и «вариативная часть», обеспечивающая профильную подготовку. В стандарте лишь оговорен обязательный перечень дисциплин базовой части блока: философия, история, иностранный язык, безопасность жизнедеятельности и физическая культура.

Поскольку в стандартах третьего поколения нет даже минимального набора требуемых знаний, умений и навыков выпускника, служивших во ФГОС ВПО ориентиром при разработке учебных программ, то при составлении учебного плана вузам приходится руководствоваться тенденциями развития определенного направления подготовки, собственным опытом и традициями. Кроме блока «Дисциплины» (модули) в стандарте определены еще два: «Практики» и «Государственная итоговая аттестация». Каждый определяет объем программ бакалавриата и магистратуры в зачётных единицах, исходя из которых образовательная организация самостоятельно составляет список дисциплин (модулей) и практик, наполняет их содержанием, а также устанавливает их объем и порядок реализации. Стоит отметить, что в стандарте ФГОС ВО указаны возможные типы и способы проведения учебной и производственной практик и увеличение объема зачётных единиц на практику, вы-

бор же способа проведения практики определяется основными видами деятельности в соответствии с направленностью программы образования; обязательной становится преддипломная практика.

Несомненно, самостоятельность вуза в формировании содержания образовательной программы повышает ответственность организаций за качество предлагаемых образовательных программ и конкурентные возможности на рынке образовательных услуг, но в то же время отсутствие идентичности в учебных планах вузов влияет на академическую мобильность обучающихся.

Самостоятельность при выборе учебного материала для дисциплины может дать большую гибкость, но в то же время может затруднить осуществление контроля над целостностью и логичностью курса, наличием в учебных материалах дисциплины необходимых понятий, тем и разделов, а также за внутренними и внешними связями с другими разделами и дисциплинами.

Следующее существенное изменение в стандарте касается раздела, содержащего требования к результатам освоения программ бакалавриата и магистратуры, в частности к структуре компетенций. Помимо общекультурных и профессиональных компетенций, в ФГОС ВО появились общепрофессиональные компетенции.

В стандарте ФГОС ВО 3 + также установлено, что при разработке образовательной программы вуз может выбрать один или несколько основных видов деятельности, на которые ориентирована программа бакалавриата или магистратуры. Кроме того, вуз вправе дополнить набор компетенций выпускников с учётом направленности программы на конкретные области знания или виды деятельности.

Относительно подготовки к **обеспечению национальной безопасности можно отметить, что требования к результатам освоения программ** высшего образования (на примере программы магистратуры по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование) содержат перечень установленных стандартами основных компетенций (общекультурных ОК, общепрофессиональных ОПК, профессиональных ПК):

1) в области образования:

- готовность действовать в нестандартных ситуациях, нести социальную и этическую ответственность за принятые решения (ОК–2);
- готовность осуществлять профессиональную коммуникацию в устной и письменной форме на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК–1);
- готовность использовать знание современных проблем науки и образования при решении профессиональных задач (ОПК–2);
- готовность взаимодействовать с участниками образовательного процесса и социальными партнёрами, руководить коллективом, толерантно воспринимая социальные, этноконфессиональные и культурные различия (ОПК–3);
- способность осуществлять профессиональное и личностное самообразование, проектировать дальнейшие образовательные маршруты и профессиональную карьеру (ОПК–4);
- способность формировать образовательную среду и использовать профессиональные знания и умения в реализации задач инновационной образовательной политики (ПК–2);
- готовность к разработке и реализации методик, технологий и приемов обучения, к анализу результатов процесса их использования в организациях, осуществляющих образовательную деятельность (ПК–4);

2) в области науки:

- способность руководить исследовательской работой обучающихся (ПК–3);
- способность анализировать результаты научных исследований, применять их при решении конкретных исследовательских задач в сфере науки и образования, самостоятельно осуществлять научное исследование (ПК–5);
- готовность использовать индивидуальные творческие способности для самостоятельного решения исследовательских задач (ПК–6);
- готовность организовывать командную работу для решения задач развития организаций, осуществляющих образовательную деятельность, для реализации экспериментальной работы (ПК–15);

3) в области технологий:

- способность к самостоятельному освоению и использованию новых методов исследования, к освоению новых сфер профессиональной деятельности (ОК–3);
- способность формировать ресурсно-информационные базы для осуществления практической деятельности в различных сферах (ОК–4);

- способность самостоятельно приобретать и использовать, в том числе с помощью информационных технологий, новые знания и умения, непосредственно не связанные со сферой профессиональной деятельности (ОК–5);
- способность применять современные методики и технологии организации образовательной деятельности, диагностики и оценивания качества образовательного процесса по различным образовательным программам (ПК–1);
- готовность проектировать содержание учебных дисциплин, технологии и конкретные методики обучения (ПК–10);
- готовность исследовать, организовывать и оценивать управленческий процесс с использованием инновационных технологий менеджмента, соответствующих общим и специфическим закономерностям развития управляемой системы (ПК–14) [8].

В модернизированных стандартах, вступающих в действие с 2019 г. (ФГОС 3++), вводятся новые понятия (УК – универсальные компетенции, ПС – профессиональный стандарт, ОТФ – обобщенная трудовая функция, ПООП – примерная основная образовательная программа, ОПОП – основная профессиональная образовательная программа), изменена структура программ бакалавриата, а лекционные часы заменены на «контактные». ФГОС 3++ – это модернизированные образовательные стандарты, которые от предыдущих отличаются ориентацией на «компетенции» («способность применять знания и умения в определенной области») и «компетентностный подход» («умение работать с информацией и готовность к реальным жизненным ситуациям»).

В отличие от содержащихся в более ранней редакции ФГОС ВО (3+) общекультурных компетенций универсальные компетенции в новой редакции ФГОС ВО (3++) являются едиными для каждого из уровней высшего образования и сформулированы с учётом преемственности и различий уровней ВО, а также с учётом позиционирования уровней высшего образования в национальной системе квалификаций. Установлен единый перечень универсальных компетенций для всех направлений подготовки каждого из уровней высшего образования. Профессиональные компетенции могут формироваться для отдельных направлений (профилей) образовательных программ, ориентированных на отдельные виды профессиональной деятельности (или областей знания) [9].

В области обеспечения национальной безопасности предусмотрено освоение магистрантами следующих универсальных (предъявляемых к уровню подготовки) и общепрофессиональных (предъявляемых к укрупненной группе специальностей) компетенций:

1) в области образования:

- способен осуществлять критический анализ проблемных ситуаций на основе системного подхода, выработать стратегию действий (УК–1);
- способен анализировать и учитывать разнообразие культур в процессе межкультурного взаимодействия (УК–5);
- способен определять и реализовывать приоритеты собственной деятельности и способы её совершенствования на основе самооценки (УК–6);
- способен осуществлять и оптимизировать профессиональную деятельность в соответствии с нормативными правовыми актами в сфере образования и нормами профессиональной этики (ОПК–1);
- способен создавать и реализовывать условия и принципы духовно-нравственного воспитания обучающихся на основе базовых национальных ценностей (ОПК–4);
- способен планировать и организовывать взаимодействие участников образовательных отношений (ОПК–7);

2) в области науки: способен проектировать педагогическую деятельность на основе специальных научных знаний и результатов исследований (ОПК–8);

3) в области технологий:

- способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном (ых) языке (ах), для академического и профессионального взаимодействия (УК–4);
- способен проектировать и использовать эффективные психолого-педагогические, в том числе инклюзивные, технологии в профессиональной деятельности, необходимые для индивидуализации обучения, развития, воспитания обучающихся с особыми образовательными потребностями (ОПК–6).

Профессиональные компетенции, устанавливаемые программой магистратуры, формируются образовательной организацией самостоятельно на основе профессиональных стандартов, соот-

ветствующих профессиональной деятельности выпускников. Профессиональным стандартом «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» *предусмотрены следующие трудовые действия преподавателя, имеющие отношение к обеспечению национальной безопасности:*

1) в области образования:

- организация и (или) проведение изучения образовательных запросов и требований обучающихся к условиям реализации образовательных программ;
- методическое и консультационное обеспечение разработки образовательных программ, рабочих программ учебных предметов, курсов, дисциплин, (модулей);
- консультирование обучающихся и их родителей (законных представителей) по вопросам профессионального самоопределения, профессионального развития, профессиональной адаптации на основе наблюдения за освоением профессиональной компетенции (для преподавания учебного курса, дисциплины (модуля), ориентированного на освоение квалификации (профессиональной компетенции));
- разработка мероприятий по модернизации оснащения учебного помещения (кабинета, лаборатории, спортивного зала, иного места занятий), формирование его предметно-пространственной среды, обеспечивающей освоение учебного курса, дисциплины (модуля);

2) в области науки:

- разработка новых подходов и методических решений в области проектирования и реализации программ профессионального обучения, СПО и (или) ДПП;
- определение содержания и требований к результатам исследовательской, проектной и иной деятельности обучающихся по программам бакалавриата и (или) ДПП на основе изучения тенденций развития соответствующей области научного знания, запросов рынка труда, образовательных потребностей и возможностей обучающихся по программам бакалавриата и (или) ДПП;
- организация научных конференций, конкурсов проектных и исследовательских работ обучающихся;
- научно-методическое и консультационное сопровождение процесса и результатов исследовательской, проектной и иной деятельности обучающихся по программам ВО и (или) ДПП, в том числе подготовки выпускной квалификационной работы;
- обеспечение привлечения обучающихся к выполнению научно-исследовательских и проектных работ, к участию в международных исследовательских проектах;

3) в области технологий:

- разработка технологий преподавания учебных курсов, дисциплин (модулей) программ всех уровней ВО и ДПП;
- разработка предложений и рекомендаций по формированию образовательных программ и совершенствованию условий их реализации на основе изучения требований рынка труда и обучающихся к качеству СПО, и (или) ДПО, и (или) профессионального обучения.

Выводы. Таким образом, в российской системе высшего образования прослеживается эволюция образовательного стандарта: от стандарта-минимума и стандарта-уровня к стандарту – совокупности требований и далее к стандарту-компетенциям при *усилении содержательных позиций в области обеспечения национальной безопасности в образовании*. Эволюция стандартов высшего образования обусловлена сменой знаниевого подхода к их разработке на деятельностный и компетентный подходы, что также обеспечило замену результативно-целевой основы образования, а вместе с ней ЗУНовской образовательной парадигмы компетентной. В оценивании результатов высшего образования обозначился переход от традиционной ориентации на сформированность знаний, умений и навыков к оценке социально-личностных и системных компетенций студентов.

Подводя итог вышеизложенному, представим в виде таблицы состав стандартов в сравнении их составных компонентов и позиций, отражающих вопросы национальной безопасности.

Состав стандартов

Состав компонентов	Стандарт 1994–1995	Стандарт 2000	Стандарт 2005	Стандарт 2009–2011	Стандарт 2015–2016	Стандарт 2018–2019
Квалификация выпускника	+	+	+	+	+	+
Нормативный срок освоения ООП	+	+	+	+	+	
Квалификационная характеристика выпускника	+	+		Перечень компетенций	Перечень компетенций	Перечень компетенций
Объекты профессиональной деятельности	+	+	+	+	+	+
Виды профессиональной деятельности	+	+	+	+	+	+
Наименование должностей	+	+	+	–	–	–
Возможности продолжения обучения	+	+	+	Только в магистратуре	Только в магистратуре	Только в магистратуре
Требования к уровню подготовки абитуриента	+	+	+	–	–	–
Общие требования к ООП	+	+	+	Требования к структуре ООП	Требования к структуре ООП	Требования к структуре ООП
Требования к обязательному минимуму содержания ООП	+	+	+			
Требования к разработке и условиям реализации ООП	+	+	+	–	–	–
Требования к уровню подготовки выпускника	+	+	+	Требования к результатам освоения ООП и оценка качества освоения ООП	Требования к результатам освоения ООП и оценка качества освоения ООП	Требования к результатам освоения ООП и оценка качества освоения ООП
Позиции, отражающие вопросы национальной безопасности в образовании	Государственный контроль за результативностью образования	Государственный контроль за соблюдением требований Государственного образовательного стандарта ВПО	Совокупность внутренних и внешних потребностей субъектов образовательного процесса в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности	Подготовка к решению профессиональных задач в профессиональной деятельности, связанной с обеспечением национальной безопасности (в области образования, науки, технологий)	Подготовка к обеспечению национальной безопасности (в области образования, науки, технологий)	Подготовка к обеспечению национальной безопасности (в области образования, науки, технологий) при освоении магистрантами универсальных и общепрофессиональных компетенций

Библиографический список

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента РФ [от 31 декабря 2015 г. № 683]. URL: <http://base.garant.ru/195521>

2. Беспалько В. П. Проблема образовательных стандартов в США и России // Педагогика. М., 1995. № 1. С. 89–94.
3. Рыжаков М. В. Модульно-рейтинговая система в условиях сетевого взаимодействия образовательных учреждений // Профильная школа. М., 2007. № 1. С. 5–13.
4. Кондаков А. М. Образование как результат развития личности, общества и государства. Автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2005. 22 с.
5. Никандров Н. Д. Россия: социализация и воспитание на рубеже тысячелетий. Москва: Гелиос АРВ, 2000. 229 с.
6. Краевский В. В., Бережнова Е. В. Методология педагогики: новый этап. М., 2006. 394 с.
7. Громыко Ю. В. Восстановление суверенного российского образования для многонациональной разнорасовой страны: проект школы будущего и русского университета нового поколения // Русская школа в XXI веке: Стратегия развития российского образования в эпоху тотальной глобализации. М.: ЦГИ Принт, 2017. С.101–128.
8. Шадриков В. Д. Философия образования и образовательные политики // Высшее образование в России. М.: исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 1993. 181 с.
9. Субетто А. И. Качество непрерывного образования в Российской Федерации: состояние, тенденции, проблемы и перспективы (опыт мониторинга). СПб–М., 2000. 498 с.
10. Баранников А. В. Отечественный и зарубежный опыт разработки стандартов общего образования / А. В. Баранников, А. А. Кузнецов // Стандарты и мониторинг в образовании. М.: Инфра–М, 2006. № 1. С. 17–25.
11. Смолин О. Н. Нормативное и правовое обеспечение, формирование и содержание общего образования. URL: <http://www.smolin.ru/duma/committee/2013-02-21>
12. Приказ Минобрнауки России от 21.11.2014 N1505 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (уровень магистратуры)» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.12.2014 N 35263) [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/93/91/5/117>
13. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266–1 «Об образовании» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/10164235>
14. Об утверждении государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 12.08.1994 N 940 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru>
15. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования Специальность 032900 Русский язык и литература. Квалификация учитель русского языка и литературы [Электронный ресурс]. URL: kpfu.ru/portal/docs/F11617661/050301.65.Russkij.yazyk.i.literatura.pdf
16. Хисматулина З. Н. Эволюция стандартов высшего образования: от ориентации на знания, умения и навыки к оценке компетенций // Вестник КНИТУ. Казань: Изд-во КНИТУ, 2013. № 22. С. 397–401
17. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования Направление подготовки 540300 Филологическое образование [Электронный ресурс]. URL: <http://fgosvo.ru/archivegosvpo/157/155/5/625>
18. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование (уровень бакалавриата): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 декабря 2015 г. N 1426 [Электронный ресурс]: URL: <http://fgosvo.ru/440301>
19. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 44.04.01 Педагогическое образование (уровень магистратуры): Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 21 ноября 2014 г. N 1505 [Электронный ресурс]: URL: <http://fgosvo.ru/440401>

E. A. Noskov,

Candidate of Military Sciences,

Federal Education and Science Supervision Agency,

Moscow city16, K-51, GSP-4 Sadovaya-Suharevskaya st., Moscow, 127994, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9852-6531>

e-mail: ensv73@yandex.ru

REQUIREMENTS ANALYSIS OF FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARDS OF HIGHER EDUCATION IN THE SPHERE OF NATIONAL SECURITY PROTECTION IN EDUCATION

Introduction. Level increasing and population’s accessibility of competitive general professional education are strategic targets of National Security Protection.

The aim of the article is an analysis of governing documents - Federal State Educational Standards in the context of national security protection in education.

Methodology. Content analysis gave an opportunity to follow the dynamics of requirements development for training of teaching staff in the sphere of national security protection in education and generalize standards’ positions, reflecting questions of national security protection in education: from “standard-minimum” and “standard-level” to “standard-set of requirements” and then “standard-competence”

while strengthening informative aspect in the sphere of national security protection in education.

Conclusions. Evolution of higher education standards is a result of change of knowledge-based approach to their formulation. Now pragmatic and competence-based approaches are used for formulation of higher education standards. This enabled to change both resultative target educational basis and ZUN educational paradigm (know, be able, master), to a competence-based one.

Keywords: National security, National Security in Education, educational standard.

References

1. *The Strategy of National Security of Russian Federation till 2020: the Russian Federation President's Decree of December, the 31st, 2015, № 683* [Electronic resource]. URL: <http://base.garant.ru/195521>
2. Bepalko V. P. The problem of education standards in the USA and in Russia. *Pedagogics*. M., 1995, no. 1, pp. 89–94.
3. Ryzhakov M. V. Module and rating system in the conditions of net interconnections between educational institutions. *Profile School*. M., 2007, no. 1, pp. 5–13.
4. Kondakov A. M. *Education as a result of individual's, society and state development*. Abstract of dissertation Doctor of pedagogics. M., 2005. P. 322.
5. Nikandrov N. D. *Russia: socialization and upbringing at the turn of the millennium*. M.: Helios ARV, 2000. P. 229.
6. Krayevsky V. V., Berezhnova Y. V. *The methods of pedagogics: a new stage*. M., 2006, p. 394.
7. Gromyko Y. V. Rebuilding the independent Russian education for the multi-national and multi-confessional country: the project of the school of future and the university of the new generation. *Russian School in XXI century: the strategy of the development of Russian education in the epoch of total globalization*. M.: TGI Print, 2017, pp. 101–128.
8. Shadrikov V. D. Educational politics and the philosophy of the education. *Higher Education in Russia*. M: the center of special training quality problems research, 1993, p. 181.
9. Subetto A. I. *The quality of continuous education in the Russian Federation: state, tendencies, problems and perspectives (monitoring experience)*. SPb–M., 2000, p. 498.
10. Barannikov A. V. Native and foreign experience of making up the standards of common education. *Standards and monitoring in education*. M.: Infra–M, 2006, no. 1, pp. 17–25.
11. Smolin O. N. *Normative and legal support, founding and the contents of the common education*. URL: <http://www.smolin.ru/duma/committee/2013-02-21>
12. *Affirming the State Educational Standard of High School Education on the Training Direction № 44.04.01 Paedagogical Education (Master Degree): the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Registered at the Ministry of Justice in December, 29th, 2014, № 35263 [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/93/91/5/117>
13. *The Russian Federation Law "About Education" of July, the 10th, 1992, № 940*. [Electronic resource] // The Legal Advice System "Consultant Plus". URL: <http://base.garant.ru/10164235>
14. *Affirming the State Educational Standard of High School Education: the Decree of the Government of the Russian Federation of August 12th, 1994* [Electronic resource] // The Legal Advice System "Consultant Plus". URL: <http://www.consultant.ru>
15. *The State Educational Standard of High School Education. The Specialization 032900 Russian Language and Literature. The Profession of Russian Language and Literature Teacher* [Electronic resource]. URL: kpfu.ru/portal/docs/F11617661/050301.65.Russkij.yazyk.i.literatura.pdf
16. Hismatulina, Z. N. The Evolution of Higher Education Standards: The Navigation Changing from Knowledge and Skills to Expertise. *Vestnik KTU*. Kazan, 2013, no. 22, pp. 397–401.
17. *The State Educational Standard of High School Education. The Training Direction 540300 Philological Education* [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/archivegosvpo/157/155/5/625>
18. *Affirming the State Educational Standard of High School Education of the Training Direction 44.03.01 Paedagogical Education (Bachelor Degree): the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of December, 4th, 2015, № 1426* [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/440301>
19. *Affirming the State Educational Standard of High School Education of the Training Direction 44.04.01 Paedagogical Education (Master Degree): the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November, 21st, 2014, № 1505* [Electronic resource]. URL: <http://fgosvo.ru/440301>

Поступила в редакцию 10.04.2019

© Е. А. Носков, 2019

Автор статьи: **Евгений Алексеевич Носков**, кандидат военных наук, Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки, 127994, Москва, Садовая-Сухаревская ул., 16, К-51, ГСП-4, e-mail: ensv73@yandex.ru

Рецензенты:

И. В. Роберт, академик РАО, доктор педагогических наук, профессор, руководитель Центра информатизации образования, Институт стратегии развития образования РАО, Москва.

Е. В. Лопанова, доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой педагогики, психологии и социальной работы, Омская гуманитарная академия.

С. А. Рассада, О. В. Фрезе,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ПРОЦЕССЕ НАПИСАНИЯ ВЫПУСКНЫХ КВАЛИФИКАЦИОННЫХ РАБОТ В ВУЗЕ

Проблема и цель. В связи с современными требованиями государства и общества к уровню профессиональной подготовки учителей иностранного языка необходимо пересмотреть некоторые вопросы подготовки студентов в рамках базового вузовского курса по методике преподавания иностранного языка. В статье приведены примеры технологий, разработанных студентами факультета иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского. Цель – представить способы развития профессиональных компетенций студентов-бакалавров направления 45.03.02 Лингвистика, профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур».

Методология. Анализ литературы по лингвистике, методике обучения иностранным языкам, метод пробного обучения.

Результатом исследования является заключение о том, что соответствующая организация обучения способствует формированию профессиональных компетенций студентов-бакалавров.

Выводы. Подготовка студентов к успешной самостоятельной профессиональной деятельности по обучению иностранным языкам носит комплексный характер, а приоритетная задача вуза – создать все необходимые условия для реализации профессиональных компетенций в процессе научно-методической и научно-исследовательской деятельности.

Ключевые слова: методика преподавания иностранных языков, профессиональные компетенции, педагогическая практика, выпускная квалификационная работа, курсовая работа.

Проблема и цель. В связи с принятием Федерального закона от 29.12.12 № 237-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и Порядка организации образовательной деятельности по программам бакалавриата, магистратуры и специалитета (приказ МОН № 1367 от 19.11.2013) в федеральных образовательных стандартах высшего образования (ФГОС ВО) произошёл ряд изменений, обусловленных требованиями государственной политики к качеству программ высшего образования. Актуализированные ФГОС были приведены в соответствие с требованиями Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и подвергнуты редакционным изменениям [1].

Изменения в ФГОС ВО 3+ поставили новые задачи по проектированию образовательных программ в области формирования и оценки компетентностных результатов обучения: вузу была предоставлена большая свобода в части формирования содержания ОПОП и отбора образовательных технологий. Так, на сегодняшний день выпускник ООП ВПО по направлению 45.03.02 Лингвистика, профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» должен обладать рядом профессиональных компетенций (ПК) в области научно-методической деятельности, например, владеть теоретическими основами обучения иностранным языкам, закономерностями становления способности к межкультурной коммуникации, владеть средствами и методами профессиональной деятельности учителя или преподавателя иностранного языка, а также сущностью и закономерностями процессов преподавания и изучения иностранных языков, уметь критически анализировать учебный процесс и учебные материалы с точки зрения их эффективности и т. д. В области научно-исследовательской деятельности студенты должны уметь структурировать и интегрировать знания из различных областей профессиональной деятельности и обладать способностью их творческого использования и развития в ходе решения профессиональных задач, уметь выдвигать гипотезы и последовательно развивать аргументацию в их защиту, владеть стандартными методиками поиска, анализа и обработки материала исследования, уметь логично и последовательно представлять результаты собственного исследования и т. д.

Компетенции учителя – это практико-ориентированные знания, умения и стратегии, наблюдаемые как в реальном времени, так и в представленных продуктах / результатах успешной педагогической деятельности [2]. Развитие профессиональных компетенций студентов-бакалавров осуществляется в ходе прохождения ими педагогической практики, в ходе написания научно-исследовательских работ (статей, курсовых работ, ВКР), участия в студенческих научно-практических конференциях. В про-

цессе этой деятельности студенты осуществляют сбор, обработку, анализ и систематизацию научной информации, проводят экспериментальные исследования, реализуют свои наработки в ходе педагогической практики и публикуют результаты своих исследований.

Поколение современных студентов имеет ряд отличительных особенностей, таких как:

- глубокая вовлеченность в информационное пространство посредством цифровых технологий: повсеместное использование компьютера и сети Интернет, стремление к онлайн-обучению;
- увеличение скорости обучения – сокращение учебного времени при увеличении объёма учебной информации за счёт использования новых технологий;
- мультизадачность деятельности – привычка выполнять несколько задач одновременно, стремление к удовольствию в любой деятельности [3].

Преподаватели кафедры английского языка факультета иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского предлагают студентам актуальные темы исследовательских работ, связанные с необходимостью развития у учащихся всех составляющих иноязычной коммуникативной компетенции с применением новейших информационно-коммуникационных технологий и современных методов обучения, например, «Обучение иноязычной речи с использованием компенсаторных умений учащихся», «Обучение стратегиям выполнения заданий по говорению в формате ЕГЭ», «Развитие нарративной компетенции с использованием технологии «цифровой рассказ», «Использование стратегий визуального мышления при подготовке к устной части ЕГЭ по английскому языку», «Обучение иноязычному говорению с использованием приема коллажирования», «Развитие речевой компетенции учащихся с опорой на визуальную наглядность», «Формирование идиоматичности иноязычной речи с использованием онлайн-платформы englishpatient.ru» и др.

Согласно проекту Министерства образования РФ, с 2022 г. появятся новые стандарты в старшей школе и английский язык станет обязательным для сдачи ЕГЭ всеми выпускниками, получающими среднее (полное) общее образование. В связи с этим актуальным вопросом в методике обучения иностранному языку является подготовка учащихся к ОГЭ и ЕГЭ по иностранному языку. По словам министра образования РФ Ольги Васильевой, для реализации этого проекта в нашей стране существенно ощущается нехватка педагогических кадров. Преподаватели ОмГУ вносят определённый вклад в решение данной проблемы, подготавливая квалифицированных учителей английского языка.

Приведем некоторые примеры методик и технологий, разработанных студентами факультета иностранных языков ОмГУ им. Ф. М. Достоевского и апробированных ими на практике в школах и гимназиях города Омска. Так, в 2018 г. была разработана технология обучения учащихся старшей школы написанию эссе по английскому языку в формате ЕГЭ. В этой работе были проанализированы типичные ошибки, допускаемые выпускниками (неумение во введении перефразировать проблему и показать проблемный характер темы, сформулировать свою позицию и привести аргументы в её поддержку, высказать мнение противоположной стороны, подтвердить свою точку зрения в заключение, сформулировать вывод, значительное количество грамматических ошибок из разных разделов грамматики, лексических ошибок и др.), и предложена технология обучения написанию эссе, которая позволяет устранить обозначенные недостатки в работах выпускников школ.

Технология включает в себя следующие этапы: 1) подготовительный; 2) анализ текста-образца; 3) составление одной из частей эссе; 4) набрасывание целостного текста эссе; 5) редактирование; 6) написание окончательного варианта эссе. Описанная технология была апробирована в ходе опытного обучения в 10 классе на базе многопрофильного образовательного центра развития одарённости № 117. Главное отличие описанной технологии от традиционной модели обучения, применяемой в школе, состоит в интеграции всех трёх подходов к обучению письму (подход, ориентированный на продукт, процессуальный подход и жанровый подход). В результате ученики не просто овладевают клишированными выражениями, чего явно недостаточно, чтобы написать эссе, а учатся критически оценивать тему эссе, аргументировать свою точку зрения, рассуждать и делать выводы. Ещё одна важная особенность технологии – наличие этапа взаимного редактирования работ в небольших группах. При традиционной методике учителя не выделяют данный этап, а сразу собирают эссе учащихся после его написания. Между тем взаимное редактирование помогает учащимся обнаруживать свои ошибки и исправлять их самостоятельно без помощи учителя.

Другим примером подготовки учащихся к ЕГЭ по английскому языку является исследование по обучению стратегиям выполнения заданий его устной части. Применение учебных стратегий способно облегчить процесс подготовки к экзамену, а также существенно повысить конечные результаты. На основе анализа разнообразных классификаций учебных стратегий был разработан банк

стратегий для каждого из заданий устной части ЕГЭ по английскому языку. Были выделены стратегии запоминания, когнитивные и компенсаторные стратегии. Так, например, для первого задания устной части ЕГЭ предложены следующие стратегии.

1. Изучите предложенный текст. Сначала прочитайте шепотом. Обращайте внимание на незнакомые, труднопроизносимые слова и интонационные группы.

2. При чтении вслух не торопитесь, выдерживайте средний темп речи.

Для второго задания можно выделить следующие стратегии.

1. Внимательно изучите предложенную картинку и определите, что она рекламирует.

2. Просмотрите пункты задания, продумайте, как правильно построить вопросы по каждому из них.

3. Определите время, которое будет использоваться и, соответственно, вспомогательный глагол.

Описанные в работе стратегии были успешно применены на занятиях по английскому языку во время педагогической практики.

Помимо работ, связанных с подготовкой выпускников школ к сдаче ЕГЭ, приведем пример исследовательских работ с применением нестандартных приемов. В работе по развитию у учащихся навыков иноязычного говорения был применен прием коллажирования, который даёт возможность сконцентрировать внимание студентов на ключевом понятии, выделить его и наглядно показать соотношение с ним родственных, сопутствующих ему понятий, раскрыть их содержание, и была разработана модель использования коллажа, включающая в себя следующие этапы:

– подготовительный: представляет собой изучение ряда источников по той или иной теме, подбор материала, выделение ключевых и второстепенных компонентов материала;

– основной – создание коллажа: изготовление шаблона коллажа, наполнение коллажа необходимым лексическим материалом, подготовленным в ходе первого этапа, проверка понимания всех компонентов коллажа;

– завершающий этап – построение устного высказывания на основе коллажа: учащийся выстраивает своё высказывание со зрительной опорой: выбирает начальный и заключительный элементы высказывания, наполняет его содержанием, кратко изображённым в ячейках коллажа [4].

В зависимости от целей и сложности изучаемого материала на уроках английского языка этапы могут дополняться необходимыми элементами, подготовка может занимать различный объём времени.

Методы и методология. В качестве методов исследования выступили анализ литературы по лингвистике, психологии и методике обучения иностранным языкам и метод пробного обучения. Методологической основой послужили положения о формировании профессиональных компетенций (Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, А. Н. Шамов и др.) и теоретические основы обучения иностранным языкам (И. Л. Бим, Н. Д. Гальскова, Е. И. Пассов, А. Н. Щукин и др.).

Результаты. Благодаря подбору актуальных для современного этапа развития методики тем курсовых и выпускных квалификационных работ студенты приобретают чрезвычайно важные в профессиональном плане навыки и умения выбора приемов, разработки технологий современной методики обучения иностранному языку в соответствии с конкретными условиями обучения.

Выводы. Таким образом, мы пришли к заключению, что подготовка студентов к успешной самостоятельной профессиональной деятельности по обучению иностранным языкам носит комплексный характер и, помимо ознакомления с теоретическими основами обучения иностранным языкам, включает в себя формирование и развитие творческого методического мышления в процессе научно-методической и научно-исследовательской деятельности.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» N 273-ФЗ от 29 декабря 2012 год с изменениями 2018 года. URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/>
2. Шамов А. Н. Профессиональные компетенции будущих учителей иностранного языка технологии их измерения и оценивания // Иностранные языки в школе. М.: Просвещение, 2017. № 5. С. 2–10.
3. Дронова Е. Н. Технологии дистанционного обучения в высшей школе: опыт и трудности использования // Преподаватель 21 век. М.: Изд-во МПГУ, 2018. № 3. С. 26–36.
4. Баранова И. В., Харченкова Л. И. Использование текста кулинарного рецепта при обучении немецкому языку студентов-филологов // Преподаватель 21 век. М.: Изд-во МПГУ, 2018. № 3. С. 88–92.

S. A. Rassada,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave, Omsk, 644077, Russian Federation
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-2143-6180>

O. V. Freze
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University,
55a Mira Ave, Omsk, 644077, Russian Federation
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-4794-3167>

IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF FUTURE FOREIGN LANGUAGE TEACHERS IN THE PROCESS OF FINAL QUALIFYING WORK PREPARATION

Introduction. It is to present the ways of professional competencies formation and development in bachelor students studying Linguistics with specialization in “Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures”. The **problems** of the article: in accordance with the modern requirements of the state and society to the level of foreign language teachers’ professional training, it is necessary to reconsider some issues of students training in the framework of basic university disciplines concerning the methods of a foreign language teaching. The article presents examples of methods and technologies developed by students of Foreign Languages Department studying at Dostoevsky Omsk State University. These methods were tested during students practice at schools of the city of Omsk. The paper provides actual research topics related to the need to develop all components of pupils' foreign language communicative competence using the latest information and communication technologies and modern teaching methods.

Methodology. analysis of literature on linguistics, methods of teaching foreign languages, the method of trial education.

The results of the study is the conclusion that the appropriate organization of training contributes to the formation and development of professional competencies of bachelor students.

Conclusions. Preparing students for a successful independent professional activity in teaching foreign languages is complex, and the priority task of the university is to create all the necessary conditions for the realization of professional competence in the process of scientific, methodological and research activities.

Keywords: foreign language teaching methods, professional competencies, teaching practice, thesis, term paper.

References

1. *The Federal law “ On education in the Russian Federation “ N 273-FZ of December 29, 2012, as amended in 2018.* Available at: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (assessed 25.12.2018). (In Russian).
2. Shamov A. N. Professional competence of future teachers of a foreign language technologies of their measurement and evaluation. *Foreign languages at school.* 2017, no. 5, pp. 2–10. (In Russian).
3. Dronova E. N. Distance learning technologies in higher education: experience and difficulties of using. *Teacher of the 21st century.* 2018, no. 3, pp. 26–36. (In Russian).
4. Baranova I. V., Kharchenkova L. I. Use of culinary text recipe for teaching German to students-philologists. *Teacher of the 21st century.* 2018, no. 3, pp. 88–92. (In Russian).

Поступила в редакцию 27.02.2019

© С. А. Рассада, О. В. Фрезе, 2019

Авторы статьи:

Светлана Анатольевна Рассада, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: rassada55@gmail.com

Ольга Владимировна Фрезе, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: ofreze@rambler.ru

Рецензенты:

Ю. Б. Дроботенко, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Ж. В. Лихачева, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и иностранного языков, Омский государственный университет путей сообщения.

С. В. Дорожук,
Омская гуманитарная академия

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА НАЧАЛЬНОГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема и цель. В статье качество образования рассматривается как комплексная характеристика, отражающая обновление и развитие современного образования. Федеральный государственный контроль качества образования позволяет объективно оценивать состояние и является механизмом совершенствования развития образования через реализацию организационно-педагогических условий. Целью статьи является развитие региональной системы контроля качества начального общего образования, которая будет работать эффективнее при соблюдении определенных организационно-педагогических условий и при использовании кластерного подхода к построению данных моделей.

Методология. Главное внимание в статье уделяется общенаучным методам теоретического исследования. Методология представлена личностно-деятельностным, комплексным и кластерным подходами.

Результаты заключаются в выделении основных организационно-педагогических условий развития региональной системы контроля качества начального общего образования.

Выводы. Из всего многообразия условий оптимальными оказались (на примере Омской области) информационно-технологические, социальные, личностные, финансовые и научно-методические.

Ключевые слова: федеральный государственный контроль, развитие региональных образовательных систем, кластерный подход, организационно-педагогические условия.

Проблема и цель. В настоящее время решение большинства экономических и социальных проблем переходит на уровень субъектов Федерации, в которых формируется и воспроизводится ресурсный потенциал государства [1].

Одна из важных проблем современной образовательной системы России – управление качеством образования в условиях динамичного изменения внешней среды и высокой конкуренции между образовательными организациями. В субъектах Российской Федерации накоплен опыт построения региональных систем оценки качества образования, включающий как модели управления, механизмы оценки и обеспечения качества, так и аналитические информационные системы оценивания.

Особую актуальность приобретает совершенствование и развитие региональных образовательных систем, которые являются важнейшим звеном в механизмах обеспечения качественного и доступного образования [2].

Оценка качества начального общего образования – систематическое и последовательное воплощение на практике спроектированного процесса, система способов и средств достижения целей, механизмом в котором может выступать федеральный государственный контроль качества образования на региональном уровне.

Соблюдение организационно-педагогических условий при проведении оценочных процедур – одна из основных задач органов управления образованием, направленная на обеспечение объективности результатов этих процедур.

Федеральный государственный контроль и оценка качества начального общего образования предназначены для определения качества образования и эффективности обучения. По их результатам составляются аналитические отчеты о качестве деятельности региональной образовательной системы. В процессе данных исследований собирается информация об учебных достижениях по территориям и формулируются предложения по внесению необходимых изменений в их деятельность, разрабатываются нормативы для данного региона, выявляются характерные черты образования в регионе, оцениваются положительные и отрицательные явления в образовательном процессе, предлагаются пути совершенствования образовательных систем с использованием кластерного подхода [3].

Методология исследования представлена ведущими положениями *деятельностно-личностного, кластерного, комплексного* подходов в образовании. Данные подходы совершенствуют традиционный анализ региональной системы контроля качества начального общего образования,

дополняют и расширяют теорию общей педагогики в области оценки качества образования, создают основу и открывают перспективы для дальнейшего исследования проблем государственного контроля качества образования с учетом кластеризации муниципалитетов.

Результат. Придерживаясь точки зрения В. В. Лизунова, определим образовательный (образовательный территориально-отраслевой) кластер как совокупность взаимосвязанных образовательных организаций, пользующихся правовой, методической и ресурсной поддержкой соответствующих региональных и муниципальных органов управления, объединенных по отраслевому признаку [4].

Предметом региональной системы оценки качества начального общего образования на основе кластерного подхода при использовании механизма федерального государственного контроля являются:

- соблюдение требований действующего законодательства при организации и проведении промежуточной аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы начального общего образования;
- установление соответствия уровня реализуемых образовательных программ типу и виду образовательной организации;
- установление соответствия качества подготовки обучающихся требованиям федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования;
- установление эффективности деятельности администрации образовательной организации по контролю за реализацией федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (далее – ФГОС НОО) [5].

Анализ теоретических и методических исследований в рамках теории и практики системы контроля качества образования позволил выделить основные организационно-педагогические условия развития региональной системы контроля качества начального общего образования (далее – РСКК НОО). Из всего многообразия таких условий с учётом особенностей организации этой системы в Омской области оптимальными явились информационно-технологические, социальные, личностные, финансовые и научно-методические [6].

Рассмотрим компонентный состав основных условий РСКК НОО (информационно-технологические, научно-методические, финансовые, личностные, социальные), её функционирования и развития.

Первая группа условий – информационно-технологические (сбор общих сведений), к которым можно отнести создание и функционирование трёх основных компонентов.

1. Сбор первичных данных и создание единого для отрасли информационного пространства, в которое должны быть включены организации, осуществляющие и обеспечивающие образовательную деятельность. Здесь необходимы разработка и обновление программной среды для сбора, структурирования, хранения информации.

2. Система анализа и оценки, предполагающая стандартизацию показателей оценки качества начального общего образования региона, муниципалитета, образовательной организации. На данном этапе должно быть предусмотрено создание необходимого диагностического инструментария для оценки образовательных результатов и условий их технологического обеспечения на уровне начального общего образования с учётом кластеризации. Результаты готовятся для разных категорий потребителей в соответствии с их интересами и компетенцией.

3. Адресное обеспечение статистической и аналитической информацией. Информация о качестве образования на уровне начального общего образования региональной системы должна ежегодно публиковаться. Для оперативного доступа пользователей к общей информации необходимо её размещение на сайте. Результаты исследований публикуются в виде аналитических отчётов и статистики.

Вторая группа условий – научно-методические (кадровые).

Работа здесь предполагает разделение полномочий организационных структур, выполняющих специальные задачи в сфере развития системы оценки качества начального общего образования на основе кластерного подхода, и выполняющих подготовку педагогических и управленческих кадров.

Региональный орган управления образования:

– осуществляет в установленном порядке контроль качества образования, контроль (надзор) за соблюдением законодательства Российской Федерации в сфере образования расположенными на территории региона в определённом кластере образовательными организациями, а также органами местного самоуправления, осуществляющими управление в сфере образования;

– определяет состояние и тенденции развития региональной системы образования;

– формирует единые концептуальные подходы к оценке качества начального общего образования;

– принимает управленческие решения по совершенствованию оценки качества начального общего образования региона.

Региональный центр оценки качества образования:

– разрабатывает систему критериев, показателей, индикаторов, форматов баз данных, характеризующих состояние и динамику развития системы образования региона в целом и процедуры оценки качества начального общего образования;

– проводит мониторинговые, социологические и статистические исследования по данному вопросу;

– участвует в разработке программного обеспечения для сбора, хранения и статистической обработки информации о состоянии и динамике развития оценки качества начального общего образования в регионе, формирует банк контрольных измерительных материалов;

– организует и проводит совместно с учреждениями повышения квалификации работников образования прикладные научно-педагогические исследования, конференции, семинары, инструктивно-методические совещания.

Организации повышения квалификации работников образования на уровне региона:

– осуществляют повышение квалификации и переподготовку педагогических и управленческих кадров, профессиональных и общественных экспертов, участвующих в деятельности экспертных групп и аттестационных комиссий по вопросам оценки и контроля качества начального общего образования;

– участвуют в разработке методики оценки качества начального общего образования, индикаторов, критериев, диагностических и контрольных измерительных материалов;

– участвуют в разработке программы мониторинговых, социологических и статистических исследований по интересующим вопросам и в проведении исследований;

– разрабатывают методические рекомендации по подготовке стратегических документов по вопросам оценки качества начального общего образования.

Третья группа условий – финансовые (финансово-экономические) – предполагает:

– анализ финансово-экономического состояния образовательной организации, муниципального образования;

– контроль за экономической целесообразностью затрат при проведении мониторинговых процедур (процесс измерения и расчёта должен быть относительно дешёвым по трудозатратам);

– финансирование строго в режиме выбора приоритетов, а не непрерывного увеличения вкладываемых средств.

Четвёртая группа условий – личностные (социальный статус, достижения обучающихся), к которым можно отнести:

– положительную мотивационную направленность данной деятельности, принятие субъектной позиции;

– высокий уровень компетентности каждого участника данного процесса.

Пятая группа условий – социальные (территориальные, материально-технические) – предполагает:

– создание системы, позволяющей потребителям получать достоверные сведения о результатах функционирования образовательных организаций в контексте их собственных представлений о качестве этих результатов;

– развитие форм общественного влияния на функционирование образовательной системы, в том числе на оценку качества начального общего образования

Исходя из представленных условий РСКК НОО, целесообразно разработать следующие документы: региональную программу контроля качества начального общего образования на основе кластерного подхода, перечень показателей (индикаторов) оценки качества начального общего образования в соответствии с требованиями ФГОС на основе кластерного подхода (Регламент оценки качества образования), локальные акты, регламентирующие процедуру контроля качества начального общего образования в соответствии с требованиями ФГОС НОО на основе кластерного подхода (Положение о мониторинге качества образования, Положение о независимой оценке качества образования, Положение о рейтинге образовательных организаций и др.), методическое сопровождение для экспертов по осуществлению контроля и экспертизы качества начального общего образования в рамках федерального государственного контроля, которые используются при оценке качества в соответствии с требованиями ФГОС НОО, введение системы представления данных и формирование

ресурсного обеспечения развития региональной системы контроля качества начального общего образования на основе кластерного подхода.

Выводы. Разработка данных документов позволит определить порядок и последовательность действий во время применения на практике теоретической модели развития системы контроля качества НОО с использованием механизма государственного контроля, осуществляемого уполномоченным органом.

Уполномоченный орган в соответствии с возложенными задачами осуществляет контроль качества образования, в том числе качества подготовки обучающихся в соответствии с ФГОС НОО через экспертизу документов, представленных организацией. Он проводит следующие контрольно-оценочные мероприятия:

- исследует качество образования на уровне начального общего образования и ведёт региональные банки данных, содержащие показатели деятельности организаций, расположенных на территории региона;
- даёт экспертную оценку реализуемой образовательной программе в соответствии с ФГОС НОО;
- в пределах своих полномочий принимает меры по устранению нарушений законодательства РФ в области образования, в том числе путём направления писем соответствующим организациям и муниципальным органам управления образованием;
- осуществляет государственный учёт результатов контроля и надзора в сфере образования, в том числе создаёт и эксплуатирует информационную систему в области контроля и надзора в сфере образования.

Исходя из представленных выше организационно-педагогических условий, развитие региональной системы контроля качества образования представляет собой разного рода мероприятия, проводимые субъектом РФ. Следовательно, необходимо процедуру проведения регионального контроля качества начального общего образования привести к единству форм и методов: использовать сертифицированные средства и информационные технологии, привлекать экспертов, имеющих соответствующую подготовку.

Реализация программы развития РСКК НОО на основе кластерного подхода с учётом определённых организационно-педагогических условий позволяет достичь следующих результатов:

- эффективная реализация региональной образовательной политики;
- обеспечение оценки качества образовательной деятельности всех субъектов регионального образования: обучающегося, образовательной организации, педагогических кадров;
- обеспечение конкурентоспособности, социальной успешности выпускника образовательной организации, обладающего компетентностями, позволяющими легко адаптироваться в современном обществе;
- повышение уровня информированности потребителей образовательных услуг для принятия жизненно важных решений (по продолжению образования, трудоустройству);
- обеспечение гибкости системы образования при своевременном реагировании на изменяющийся характер запросов;
- принятие значимых управленческих решений в сфере образования, повышение управляемости и мобильности в развитии образовательных систем, прогнозирование развития образовательных организаций [6].

Таким образом, контроль качества образования следует рассматривать не только как важную составляющую профессиональной деятельности педагогов и руководителей школ, специалистов органов управления образованием и ученых, но и как значимый инструмент повышения открытости системы образования обществу, а создание специальных условий и поэтапное действие компонентов развития РСКК НОО на основе кластерного подхода с использованием механизма федерального государственного контроля позволит достичь определённого результата – повышения качества начального общего образования в регионе.

Библиографический список

1. Головчин М. А. Образование: региональные проблемы качества управления / М. А. Головчин, Г. В. Леонидова, А. А. Шабунова. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2012. 197 с.
2. Новиков Д. А. Методология управления. Москва : Либроком, 2011. 128 с.
3. Горемыко М. В. Управление качеством общего образования региона на основе кластерного подхода : автореф. дисс. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М.: Институт управления образованием Министерства образования РФ, 2010. 25 с.

4. Лизунов В. В. Кластеры и кластерные стратегии / В. В. Лизунов, С. Е. Метелев, А. А. Соловьев. Издание 2-е испр. и доп. Омск: Издатель ИП Скорнякова Е. В., 2012. 280 с.

5. Дамдинов А. В., Фомицкая Г. Н., Будаева Т. Ч. Внешняя оценка эффективности региональной системы образования в современных условиях. Улан-Удэ, 2010. 92 с.

6. Дорошук С. В. Государственный контроль качества образовательной деятельности: новые подходы к планированию и организации // Глобальный научный потенциал. СПб: Фонд развития науки и культуры, 2016. № 10 (67). С. 39–43.

S. V. Doroshchuk,

Senior Lecturer, Omsk Humanitarian Academy,

2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation

e-mail: dorochuk1@mail.ru

COMPLEX OF ORGANIZATIONAL AND PEDAGOGICAL CONDITIONS OF EFFECTIVE DEVELOPMENT IN THE REGIONAL QUALITY CONTROL SYSTEM OF PRIMARY GENERAL EDUCATION

Introduction. The article considers the quality of education as a complex characteristic reflecting the renewal and development of modern education. The federal state quality control of education allows an objective assessment of the state and is a mechanism for improving the development of education through the implementation of organizational and pedagogical conditions. The aim of the article is to develop a regional quality control system for primary general education, which will be more effective if certain organizational and pedagogical conditions are observed, using a cluster approach to the construction of these models.

Methods. The main attention in the article is paid to general scientific methods of theoretical research. The methodology is represented by personality-activity, integrated and cluster approaches.

The results consist in the creation of theoretical and methodological research within the framework of the theory and practice of the system of evaluation and control of the quality of education, which made it possible to identify the main organizational and pedagogical conditions for the development of a regional system of quality control of primary general education.

Conclusions. The authors came to the conclusion that of the whole variety of conditions, the optimal ones were (on the example of the Omsk Region): information-technological, social-public, personal, financial and scientific-methodical.

Keywords: federal state control, development of regional educational systems, cluster approach, organizational and pedagogical conditions.

References

1. Golovchin M. A. *Education: regional problems of management quality* [Text]: monograph : M. A. Golovchin, G. V. Leonidova, A. A. Shabunova. Vologda: ISEDT RAS. 2012, 197 p. (In Russian).

2. Goremyko M. V. *Quality management of the general education of a region on the basis of a cluster approach*: Abstract of dissertation of the candidate of pedagogical sciences: 13.00.01 / Goremyko MV; [Institute of Education Management, Ministry of Education of the Russian Federation]. Moscow, 2010. 250 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004636771> (In Russian).

3. Damdinov A. B., Fomitskaya G. N., Budaeva T. Ch. *External evaluation of the effectiveness of the regional education system in modern conditions* : A. B. Damdinov, G. N. Fomitskaya, T. Ch. Budaeva. Ulan-Ude, 2010, 92 p.

4. Doroshchuk S. V. State control of the quality of educational activities: new approaches to planning and organization : S. V. Doroshchuk. *Global scientific potential*. St. Petersburg, 2016, no. 10 (67), pp. 39–43. (In Russian).

5. Lizunov V. V. Clusters and cluster strategies. Monograph : V. V. Lizunov, S. E. Meteleev, A. A. Solov'ev. Edition 2 corrected. and add. Омск: Publisher IP Skorniyakova EV, 2012. 280 p. (In Russian).

6. Novikov D. A. *Methodology of management* : D. A. Novikov. Moscow: Librocom, 2011. 128 p.

Поступила в редакцию 13.05.2019

© С. В. Дорошук, 2019

Автор статьи: Светлана Владимировна Дорошук, старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: dorochuk1@mail.ru

Рецензенты:

А. А. Петрусевич, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Т. С. Котлярова, кандидат педагогических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

А. Е. Константинов, Р. С. Димухаметов,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет, Челябинск

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ МОЛОДОГО ПЕДАГОГА КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Проблема и цель. В статье рассматриваются проблемы и трудности организации научно-методического сопровождения молодого педагога. Анализ современного состояния научно-методического сопровождения позволил определить проблему – поиск условий, форм и методов научно-методического сопровождения молодого педагога, реализуемого в образовательной среде и ориентированного на развитие профессиональных компетенций.

Результаты. Выявлены факторы, препятствующие развитию профессиональных компетенций и адаптации молодого педагога в образовательном учреждении. Подробное изучение данной проблемы позволило определить эффективные пути развития профессиональных компетенций молодого педагога.

Выводы. В ходе проведенного анализа мы пришли к общему выводу: развитие профессиональных компетенций – это совокупность когнитивных, мотивационно-ценностных, операционально-деятельностных, рефлексивно-проектировочных компонентов, и оно характеризуется определённым уровнем. Поэтапное научно-методическое сопровождение предполагает непрерывное изменение личностных качеств молодого педагога.

Ключевые слова: научно-методическое сопровождение, методическая работа, профессиональная адаптация, принцип фасилитации, синергетика, воспроизводство знаний, режим развития, профессиональные компетенции.

Проблема и цель. В условиях модернизации образования и перехода на новые федеральные государственные образовательные стандарты объективно повышается значимость и роль научно-методической поддержки молодого педагога. ФГОС предъявляет новые требования к педагогу. В настоящее время личность педагога, его профессионализм, социальная и духовная зрелость представляют собой важные условия обеспечения эффективности процесса обучения и воспитания подрастающего поколения, а уровень сформированности профессиональных компетенций является основным критерием результативности процесса образования, его соответствия потребностям современного общества.

Основную идею научно-методического сопровождения молодого педагога можно выразить словами И. Канта: «Не мыслям надобно учить, а мыслить». Слова И. Канта в XXI веке приобретают особое значение и определяет главное направление развития: педагог должен идти от умения сотрудничать к умению учить себя, самореализовываться. Чтобы стать полноценным субъектом образовательной деятельности, молодой педагог должен мотивировать себя на развитие способности проектировать собственную педагогическую деятельность в зависимости от конкретных условий её осуществления, а также способности к рефлексии над собственным опытом. В контексте принципа фасилитации педагог как субъект познавательной деятельности ценен воспроизводством общественного и индивидуального субъектного опыта.

В работе «Система педагогических исследований (методологический анализ)» Г. П. Щедровицкий в качестве основы категориального аппарата исследования выбрал понятие «воспроизводство»: воспроизводство знаний, воспроизводство деятельности, воспроизводство средств обучения деятельности, воспроизводство проектирования целей обучения [1]. Автор объясняет: «Но в каком бы виде ни передавалась деятельность – в виде ли живых образцов, или в виде предметов – продуктов и знаковых средств, – воспроизведение ее другими людьми в новых состояниях социальной системы возможно только в том случае, если эти люди умеют это делать, т. е. если они умеют копировать деятельность других людей или восстанавливать деятельность по ее продуктам и примененным в ней знаковым средствам. Если же такой способности нет, то в процессе воспроизводства, несмотря на трансляцию деятельности, возникает разрыв» [1, с. 33]. Обучение тем или иным видам деятельности является вторым необходимым звеном в процессе воспроизводства; оно дополняет процесс трансляции и в каком-то смысле выступает даже как противоположный ему механизм.

В ходе исследования мы установили, что конечная цель научно-методического сопровождения молодого педагога – развитие профессиональных компетенций, среди которых ведущей является компетенция производства технологии, обеспечивающая достижение нового качества образования через расширенный спектр методических услуг.

В современных условиях научно-методическое сопровождение – это целенаправленная совместная деятельность методической службы и педагогического коллектива, реализованная в виде профессиональной помощи в освоении инновационной педагогической практики [2].

Методическая работа осуществляется в соответствии со следующими принципами:

1) принцип «зоны ближайшего профессионального развития», который позволяет выявить профессиональные затруднения молодого педагога через анкетирование и «точки профессионального методического роста» путём анализа методической активности педагога;

2) принцип стимулирования творческого роста молодых педагогов, который способствует преодолению профессиональных затруднений, получению профессионального признания через участие в конкурсах профессионального мастерства разных уровней и поддержке инициативы педагогов, занимающихся самообразованием;

3) принцип синергичности, непрерывности и преемственности, который подразумевает координацию, согласованность деятельности педагогов, реализующих ФГОС, посредством работы творческих групп, сохранение традиционных форм методической работы наряду с внедрением новых;

4) принцип фасилитации, который предполагает развитие творческого педагогического мышления на основе изучения и анализа ведущих педагогических идей и концепций; он позволяет реализовать принятую во всем мире современную парадигму образования «Обучение в течение всей жизни», отвечает требованиям социального заказа современного общества.

Модель педагога как транслятора информации отходит на второй план и уже не отвечает требованиям информационного общества. Предпочтительнее в этих условиях модель учителя-фасилитатора, педагогических коллективов-команд, работающих на основе фасилитации. Фасилитационная компетентность педагога, классного руководителя, педагога-психолога, социального педагога, вожатого и пр. приобретают особую актуальность. Технология фасилитирующего учения направляется на развитие личностных качеств обучающегося, в её рамках он выступает субъектом когнитивной деятельности.

Наиболее продуктивными, на наш взгляд, являются синергетические интерактивные организационные формы обучения педагогов, в основе которых комплексно реализуются закономерности, принципы и методы обучения.

Содержательный компонент научно-методического сопровождения характеризуется формированием и совершенствованием:

- технологической культуры педагога как одного из важнейших аспектов в развитии профессионального мастерства;
- методолого-методической культуры, которая представляет собой непереносимое условие совершенствования преподавателя;
- дидактической культуры – основы для овладения современными педагогическими технологиями;
- исследовательской культуры педагога, т. е. умения проектировать и осуществлять педагогический эксперимент.

На начальном этапе в качестве экспериментальной площадки для исследования был выбран Денисовский район Костанайской области Республики Казахстан (научный руководитель – профессор Р. С. Димухаметов) [4]. В соответствии с этим была запланирована деятельность по следующим направлениям:

- создание нормативных и информационно-аналитических условий функционирования методической службы, мониторинг научно-методической деятельности;
- организация повышения квалификации педагогических и руководящих работников со стажем до 3 лет;
- организационное, консультационно-методическое и экспертное сопровождение введения профессиональных стандартов в образовательный процесс;
- организация различных форм профессионального общения педагогических и руководящих работников Денисовского района;
- организация и консультационно-методическое сопровождение инновационной (проектной) деятельности педагогических и руководящих работников;

- организационное и консультационно-методическое сопровождение научно-исследовательской деятельности, проектной деятельности обучающихся и иных мероприятий;
- экспертиза методических и дидактических продуктов образовательной деятельности.

На базе Денисовского района уже имеются разработки, прошедшие экспертизу, утверждены на заседании методического совета и корректируются по мере необходимости локальные нормативные акты, методические рекомендации и пособия для педагогов. Благодаря этому методический отдел добился единообразия в оформлении учебно-планирующей документации всеми педагогами и обеспечил коллектив района методическими рекомендациями по основным направлениям работы.

Результаты. Научно-методическое сопровождение профессионально-педагогической деятельности молодых педагогов определено по следующим критериям:

- 1) развитие педагогической деятельности:
 - а) методическая подготовка; б) повышение квалификации;
- 2) представление и трансляция опыта педагогов;
- 3) результаты проверки качества знаний выпускников;
- 4) оценка работодателями и заказчиками образовательных услуг (в том числе родителями) качества образования.

Создание и претворение в жизнь индивидуального сценария профессионального развития педагога – эффективный механизм создания кадровых условий реализации компетенций. В связи с этим необходимо грамотно и целенаправленно вести работу с каждым педагогом.

Необходимы, во-первых, корректировка выбранной методической темы, над которой работает педагог и которая должна быть приведена в соответствие задачам реализации основной образовательной программы, во-вторых, посещение учебных занятий, открытых мероприятий педагогов, ознакомление с мониторингом выполнения контрольных или итоговых работ обучающихся.

Все сведения о педагоге в целом (результаты мониторинга, разработка методической темы, материалы, подтверждающие результативность индивидуального профессионального роста) должны быть представлены в портфолио и методическом паспорте молодого педагога.

В Денисовском районе работают 53 молодых педагога. Все имеют высшее педагогическое образование. 20 педагогов имеют вторую квалификационную категорию. В настоящее время все педагоги прошли обучение по программам обновления содержания образования, т. е. повысили квалификацию. К слову, расширился спектр организаций-партнёров, предоставляющих возможность повышения квалификации. При этом ставится задача получить не просто свидетельство о прохождении курсовой переподготовки, а новые, ценные для образовательного процесса компетенции. Есть педагоги, которые прошли специальное обучение и являются сертифицированными экспертами.

В районе необходимо наладить разнообразные формы методической работы, направленные на повышение квалификации и профессионального мастерства молодых педагогов:

- обучающие и практико-ориентированные семинары;
- научно-методические конференции;
- профессиональные конкурсы;
- методические декадни по дисциплинам;
- участие в работе тематических сообществ в Интернете;
- консультирование по проблемам психологии, педагогики и методики;
- самообразовательную деятельность по индивидуальной методической теме, направленную на обобщение, представление и распространение передового педагогического опыта (это могут быть разработка учебно-методических комплексов, проведение круглых столов по обмену опытом, мастер-классов, открытых уроков, участие в конкурсах методической продукции, публикации авторских разработок и т. д.).

Методическим отделом отслеживается участие педагогов в семинарах, мастер-классах, инновационных проектах, конкурсах профессионального мастерства, экспертной деятельности, использование ими цифровых образовательных ресурсов, современных образовательных технологий для достижения высокого результата.

Отмечено, что в последние годы значительно вырос интерес педагогов к профессиональным конкурсам и научно-практическим конференциям разного уровня.

Также педагоги принимают участие в мероприятиях, проводимых в сети Интернет; многие создали персональные сайты и успешно используют их для организации самостоятельной работы обучающихся и контроля за ней [5].

Изучение психолого-педагогической литературы позволило прийти к выводу о том, что научно-методическое сопровождение молодого педагога эффективно только тогда, когда неотрывно от самой педагогической деятельности в образовательном учреждении, работающем в режиме развития. Под режимом развития мы понимаем непрерывное позитивное изменение, которое приводит к формированию новых профессиональных компетенций и непосредственному результату, и наиболее полно отвечает реалиям времени, а именно: способствует реализации профессиональных и личностных качеств, среди которых следует отметить коммуникативную культуру, системное мышление, анализ педагогической деятельности, самостоятельные действия в условиях неопределённости, приобретение новых знаний, творческую активность и ответственность за выполняемую работу. Это возможно в том случае, если преподавание осуществляется педагогом с развитым рефлексивно-оценочным сознанием, побуждающим его к продуктивной профессиональной деятельности, сознанием, в основе которого лежит идея развития личности, развития самой системы среднего образования [6].

Выводы. Педагогической наукой и практикой накоплен достаточно большой опыт научно-методической работы (под этим термином мы понимаем многофункциональную систему взаимосвязанных действий, направленных на совершенствование образовательного процесса путём повышения профессиональных компетенций, педагогической культуры, развития творческого потенциала педагогического коллектива) в условиях научно-методического сопровождения. Если оно осуществляется на основе единства системного, личностно-ориентированного, деятельностного и фасилитационного подходов в образовательном процессе и носит целенаправленный и преимущественно управляемый характер, учебное заведение будет иметь хороший потенциал развития. В рамках научно-методического сопровождения при осуществлении стратегии развития и взаимодействии педагогов на основе сотрудничества создаются оптимальные условия для эволюции личности, творческого мышления и мотивации профессионального самосовершенствования молодых педагогов, что является одним из решающих факторов обеспечения любых перестроек учебного процесса и эффективного достижения любой цели в соответствии с требованиями изменяющегося общества. Вместе с тем педагогический состав образовательных организаций в качестве основного багажа для развития профессиональных компетенций у молодого педагога имеет лишь базовое педагогическое образование и опыт преподавания в рамках конкретной учебной дисциплины, образцы которого унаследованы чаще всего от предшествующего поколения. Кроме того, отсутствие методической литературы и учебных пособий приводит к ухудшению процесса научно-методического сопровождения, что вызывает сложности в раскрытии потенциала молодого педагога.

Чтобы у части педагогического коллектива при осуществлении научно-методического сопровождения в образовательном учреждении не возникло дискомфорта и неприятия, вызванных переходом в режим развития, чтобы добиться эффективности в развитии профессиональных компетенций у молодых педагогов, необходимо создать систему научно-методического сопровождения, оказать педагогическому коллективу методическую помощь, поддержать его, создать условия, позволяющие каждому педагогу найти оптимальный путь профессионального роста и развития творческих способностей. Под научно-методическим сопровождением в исследовании понимается целенаправленная совместная деятельность методической службы и коллектива образовательного учреждения, пребывающего в режиме развития. Это прежде всего профессиональная помощь в развитии компетенций при решении аналитико-рефлексивных, конструктивно-прогностических, организационно-деятельностных и коррекционно-регулирующих задач по управлению достижением результатов в рамках индивидуальной профессионально-педагогической деятельности.

Нами определены следующие критерии эффективности осуществляемого научно-методического сопровождения:

- 1) развитие педагогической деятельности в процессе реализации системы научно-методического сопровождения;
- 2) результативность педагогической деятельности в процессе реализации системы научно-методического сопровождения.

Таким образом, можно говорить о необходимости создания инновационной образовательной среды для педагогов, которая позволила бы каждому раскрыть свой профессиональный потенциал.

Научно-методическая работа способствует созданию необходимых условий для развития профессионализма педагогов, обеспечению эффективности их деятельности в изменяющихся условиях, а всё это направлено прежде всего на повышение качества образования.

Библиографический список

1. Щедровицкий Г. П. Педагогика и логика / Щедровицкий Г. и др. М.: Касталь, 1993. 416 с.
2. Петрова Л. И. Методическое сопровождение инновационной деятельности учреждений среднего профессионального образования: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. М., 2005. 22 с.
3. Димухаметов Р. С. Обновление научных основ педагогики повышения квалификации: Принцип фасилитации. Алматы: МОиН РК, РИПКСО, Центр пед. исследований РИПКСО, 2004. 115 с.
4. Димухаметов Р. С., Димухаметова Н. П. Образование взрослых: Социально-фасилитационный подход в системе повышения квалификации педагогических кадров. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2011. 150 с.
5. Василевская Е. В. Электронное методическое сопровождение педагога – современное направление деятельности методической службы // Методист. М., 2015. № 4. С.19–23.
6. Федеральный государственный стандарт среднего образования. URL: <http://www.edu.ru>

A. E. Konstantinov,
Postgraduate,

South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
69 Lenina Ave, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-9377-0746>
e-mail: konstantinov720@inbox.ru

R. S. Dimuhametov,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
69 Lenina Ave, 454080, Chelyabinsk, Russian Federation
ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2527-4206>
e-mail: dimuhametov46@mail.ru

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF THE YOUNG TEACHER AS A CONDITION OF PROFESSIONAL COMPETENCES DEVELOPMENT

Introduction. This article considers problems and difficulties of organizing scientific and methodological support for a young teacher. The analysis of the current state of scientific and methodological support allowed us to determine the problem of finding the conditions, forms and methods of scientific and methodological support of a young teacher, implemented in the educational environment and focused on the development of professional competencies.

Results. The factors hindering professional competencies development and a young teacher adaptation in an educational institution are identified. A detailed study of this problem allowed us to determine the effective ways of developing the professional competencies of a young teacher.

Conclusions. In the course of analysis, we came to a general conclusion that the development of professional competencies is a combination of cognitive, motivational, value, operational, and activity, reflexive and design components and is characterized by a certain level. Phased scientific and methodological support implies a continuous change in the personal qualities of the young teacher.

Keywords: scientific and methodological support, methodical work, professional adaptation, the principle of facilitation, synergy, reproduction of knowledge, mode of development, professional competence.

References

1. Shchedrovitskiy G. P. *Pedagogy and logic* : Schedrovitsky G. et al. M.: Kastal', 1993. 416 p. (In Russian).
2. Petrova L. I. *Methodological support of innovation activities of institutions of secondary vocational education*: Abstract of dissertation cand. pedagogical sciences. M., 2005. 22 p. (In Russian).
3. Dimukhametov R.S. *Update the scientific foundations of the pedagogy of advanced training: Principle of facilitation* : monograph. Almaty, 2004. MOiN RK, RIPKSO, Center for Ped. Research RIPKSO. 115 p. (In Russian).
4. Dimukhametov R. S., Dimukhametova N. P. *Adult education: Socially - facilitative approach in the system of professional development of teaching staff*. Academic Publishing GmbH & Co. KG. G. 2011. P. 150. (In Russian).
5. Vasilevskaya Ye.V. Electronic methodological support teacher – modern activity of methodical service. *The Methodist*. 2015, no, 4. pp.19–23. (In Russian).
6. *Federal State Standard of Secondary Education*. Available at: <http://www.yedu.ru>

Поступила в редакцию 6.05.2019

© А. Е. Константинов, Р. С. Димухаметов, 2019

Авторы статьи:

Александр Евгеньевич Константинов, аспирант, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: konstantinov720@inbox.ru

Рыфкат Салихович Димухаметов, доктор педагогических наук, профессор, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 454080, Челябинск, пр. Ленина, 69, e-mail: dimuhametov46@mail.ru

Рецензенты:

О. Л. Осадчук, кандидат педагогических наук, доцент кафедры инженерной педагогики, Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, Омск.

Т. Б. Рабочих, кандидат педагогических наук, доцент, Омский государственный педагогический университет.

Л. Н. Корпачева,
Омская гуманитарная академия

АКАДЕМИЧЕСКАЯ МОБИЛЬНОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СРЕДНЕГО ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Проблема и цель. Статья посвящена проблеме понимания феномена академической мобильности применительно к общему образованию. Наша цель – на основе изучения литературных источников описать феномен академической мобильности и обосновать его понимание как образовательного результата.

Методология. Исследование построено на основе теоретического анализа педагогической литературы.

Результаты. Описывается понимание академической мобильности как комплексного образовательного результата, формируемого и развивающегося у обучающегося общего образования, способности обучающегося проектировать и осуществлять индивидуальные образовательные маршруты (выбор предметов, уровня изучения предметов, дополнительных предметов и курсов, внеурочных занятий, конкурсных мероприятий, формы обучения).

Выводы. Делаются выводы о том, что структурно академическая мобильность старшеклассника представлена ценностным (наличие познавательного интереса как потребности или стремления к достижению успеха), когнитивным (совокупность знаний), операциональным (способы действий) компонентами, обеспечивающими ее достижение, соответствующее личностным, метапредметным и предметным образовательным результатам. Полученные результаты исследования могут быть востребованы в практике общего образования при проектировании основной образовательной программы среднего общего образования.

Ключевые слова: академическая мобильность старшеклассника, личностные, метапредметные, предметные образовательные результаты.

Проблема и цель. Основными характеристиками современного общества являются накопление новых научных знаний, их внедрение в технологические и социальные процессы и, как следствие, активное развитие техники. Расширение информационных потоков изменяет способы общения, формы коммуникации, способствует интеграционным процессам во всех сферах человеческой деятельности, что не могло не затронуть образование. Формирующееся информационное общество порождает необходимость изменения образования, главной целью которого становится готовность личности к жизни и деятельности в постоянно меняющемся мире – мире глобализации и информатизации.

Отвечая на вызовы современного общества, образование стремится к созданию открытого образовательного пространства. Основа данного явления – Болонский процесс, целью которого является создание единого общеевропейского образовательного пространства посредством интернационализации университетского образования, а также широкой международной научно-исследовательской и образовательной деятельности. Интернационализация образования в рамках Болонского процесса обеспечивается таким феноменом, как академическая мобильность, проявляющаяся в способности как студентов, так и научных работников быстро ориентироваться в потоке информации, выбирая релевантную для повышения своего профессионального уровня.

Присоединение РФ в 2003 году к Болонской декларации, а также тенденции развития современного российского общества вызвали изменения в российском образовании. Педагогическая цель трансформировалась от системы знаний к совокупности компетенций, благодаря которым можно учиться на протяжении всей жизни, что закреплено в федеральных государственных образовательных стандартах. В организационной форме происходит переход от жестко регламентированного к «рамочному», гибкому образованию. В среднем общем образовании данные изменения связаны в первую очередь с профилизацией старшей школы. Современное российское образование позволяет обучающемуся самостоятельно выбирать для изучения предметы, курсы, модули, а также уровень освоения программ по предметам, обучаться по индивидуальному учебному плану, исходя из его интересов, потребностей и возможностей.

Создание единого информационного образовательного пространства страны и возможность войти в мировое образовательное пространство посредством информационно-коммуникационных

технологий предоставляют возможность педагогам постоянно обновлять содержание учебных предметов, а обучающимся обучаться самостоятельно, в удобном для себя режиме.

Применение интернет-технологий, создание различных открытых образовательных ресурсов позволило появиться дистанционной форме обучения, благодаря которой каждый может получать качественное образование в любое время и в любом месте.

Таким образом, современное российское образование, в том числе общее образование – это открытое образовательное пространство, для которого характерно многообразие форм организации, возможность выбирать из альтернативных вариантов программы, предметы, курсы, модули, а также место и продолжительность получения образования. Образовательное пространство предоставляет обучающемуся новые возможности для построения собственной образовательной траектории. Для того чтобы в полной мере воспользоваться предоставленной возможностью, выстроить своё образование исходя из собственных интересов и потребностей, обучающемуся необходимо быть мобильным в сфере образования.

Проблема формирования академической мобильности разносторонне представлена в научной литературе. Анализ научной литературы, современных диссертационных исследований показывает возрастающее внимание в педагогической науке к феномену академической мобильности, однако проблема развития академической мобильности в среднем общем образовании не была предметом отдельного самостоятельного исследования.

Методология. Для описания феномена академической мобильности как образовательного результата среднего общего образования был проведен анализ педагогической литературы по проблеме.

Результаты. В отечественной педагогической науке мобильность длительный период рассматривалась в рамках профессионального образования. Социально-профессиональная мобильность понимается как направленность деятельности людей на удовлетворение их возрастающих материальных и духовных потребностей (Э. А. Морылева и Н. Н. Суртаева), как деятельность, имеющая две стороны: смену позиции, обусловленную внешними обстоятельствами, и внутреннее самосовершенствование личности (Л. Н. Лесохина) [1, 2].

В современной российской педагогической науке академическая мобильность рассматривается с различных позиций:

- как характерная черта современного образования;
- как фактор его глобализации, позволяющий реализовать принципы и положения Болонской декларации в сфере высшего образования стран Европы, включая Россию;
- как форма существования интеллектуального потенциала, которая отражает реализацию внутренней потребности этого потенциала в движении в пространстве социальных, экономических, культурных и политических взаимоотношений и взаимосвязей.

Г. А. Лукичев рассматривает академическую мобильность как основную ценность европейского высшего образования, при этом полагает, что механизмы международного академического признания являются элементами обеспечения мобильности [3].

По мнению А. В. Кузьмина, академическая мобильность – это важнейший фактор встраивания российского образования в мировое образовательное пространство [4].

Л. В. Горюнова определяет академическую мобильность как необходимую составляющую интеграционных процессов и международного сотрудничества в сфере высшего образования и определяет термин как пространственную мобильность, обеспечивающую свободный выбор студентом образовательной траектории и реализацию внутренней потребности интеллектуального потенциала в движении [5].

Под академической мобильностью понимается перемещение учащегося или сотрудника, имеющего отношение к образованию, на определённый период в другое образовательное или научное учреждение (в своей стране или за рубежом) как индивидуально, так и в рамках совместной образовательной и (или) исследовательской деятельности вузов и научных центров для обучения, преподавания, проведения исследований или повышения квалификации, после чего учащийся, преподаватель, исследователь или администратор возвращается в своё основное учебное заведение [6].

По мнению Н. С. Бринёва, академическая мобильность – одна из важнейших сторон процесса вхождения российских вузов и науки в международное образовательное пространство [7]. Автор рассматривает академическую мобильность как сложный и многоплановый процесс интеллектуального продвижения, обмена научным и культурным потенциалом, ресурсами, технологиями обучения.

По мнению В. Нечаева и С. Шароновой, «мобильность в российском варианте предполагает академическое передвижение студентов в рамках дистанционного образования» [8, с. 88].

Таким образом, понятие академической мобильности сводится к проблемам передвижения субъектов образовательного процесса и признания имеющегося уровня национального образования.

Позиция И. А. Оденбах занимает промежуточное положение между двумя основными подходами к изучению данного феномена. Автор рассматривает академическую мобильность и как механизм встраивания российского образования в общеевропейское образовательное пространство, и как фактор социализации личности студента [9].

Автор выделяет следующие социализирующие показатели субъектов мобильного высшего образования: интеллектуальная инициатива, практическая инициатива, удовлетворенность, знание иностранного языка.

В научном сообществе формируется и другой подход к данному понятию. Академическая мобильность рассматривается как форма существования интеллектуального потенциала, отражающая реализацию его внутренней потребности в движении в пространстве и формировании новых социальных взаимоотношений и взаимосвязей, возможность для обучающихся, преподавателей и научных работников самостоятельно формировать свою образовательную траекторию: в рамках образовательных стандартов выбирать предметы, дисциплины, курсы, учебные заведения в соответствии со своими склонностями и устремлениями.

Л. В. Зновенко рассматривает академическую мобильность как личностное новообразование, которое является результатом деятельности субъекта образовательного процесса, предполагающей проектирование и реализацию студентом индивидуального образовательного маршрута с учётом специфики выбранной профессии, тенденций развития рынка труда, опыта работы и тенденций развития международных и национальных образовательных систем [10]. Применительно к процессу профессиональной подготовки специалиста автор выделяет следующие условия развития академической мобильности внутри системы непрерывного образования: маневренность профессиональных образовательных программ, непрерывность и обобщённость знаний, оперативность и гибкость будущего специалиста. С точки зрения Зновенко Л. В., академическая мобильность нацелена на приобретение теоретического и практического опыта, необходимого для применения в собственной учебной или профессиональной деятельности, а также для профессионального и личностного развития.

А. Н. Шермет, изучая академическую мобильность будущих учителей информатики, даёт следующее определение понятию: «интегративная характеристика, выраженная в готовности преодолевать международные языковые и межстрановые барьеры для достижения поставленных учебных и научных целей с помощью средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ)» [11]. Также автор определяет ряд требований к академически мобильной личности: уметь приобретать новые знания, владеть компьютерными методами сбора, хранения и обработки информации, знать один или несколько иностранных языков и владеть новейшими технологиями решения профессиональных задач и проблем [12].

Н. К. Дмитриева рассматривает академическую мобильность субъектов образовательного пространства как целостное личностное качество, формируемое в процессе обучения и представляющее собой динамичное состояние составляющих его компонентов, характеризующее способность и готовность адаптироваться, изменяться и преобразовывать себя и окружающую среду [13].

Все вышеназванные точки зрения предполагают формирование академической мобильности в системе профессионального образования. Однако выпускник средней школы, не имеющий социального опыта выбора предметов, курсов, учебных заведений в соответствии со своими склонностями и устремлениями, опыта самостоятельного изучения избранной дисциплины, проведения исследований в рамках интересующего направления, с трудом адаптируется к системе профессионального образования. Вчерашний абитуриент оказывается в ситуации неуспеха и, вместо осознания ценности непрерывного образования, «образования через всю жизнь», у него появляется негативное отношение к образованию вообще.

Таким образом, академическую мобильность можно рассматривать как фактор глобализации образования (Н. С. Бринёв [7], Л. В. Горюнова [5], А. В. Кузьмин [4], Г. А. Лукичев [3], В. Нечаева и С. Шаронова [8], А. Слепухин [14]), как механизм интеграции образования, влияющего на формирование личности, фактор социализации (И. А. Оденбах [9]), как качество субъекта образования (Л. В. Зновенко [10], Н. К. Дмитриева [13], С. Н. Рягин [15], А. Н. Шермет [11, 12]).

Большинство педагогических исследований посвящены формированию и развитию академической мобильности студентов. Академическую мобильность школьников выделяют в своих исследованиях С. Н. Рягин, Е. А. Румбушта и М. А. Червонный [15, 16].

Личность может выступать как в качестве объекта обучения, так и в качестве его субъекта. Именно субъектная позиция участников образовательного процесса позволяет формировать и развивать академическую мобильность личности как результат образования. Таким образом, мы говорим об академической мобильности личности как о качестве субъекта образования.

Образовательный результат является продуктом конкретно-историческим и отвечает требованиям времени. В течение довольно продолжительного этапа своего развития человеческое общество требовало в качестве результата образования сформированный комплекс знаний и умений, полученный однажды и достаточный на протяжении всей жизни. Современное общество требует умения обучаться в течение всей жизни, выбирать и обновлять профессиональный путь со школьной скамьи, что является принципиально новым результатом образования.

Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. в области развития человеческого потенциала включает переход к индивидуализированному непрерывному образованию, доступному всем гражданам.

Современное российское общество и государство в качестве основного фактора социально-экономического развития рассматривает человеческий капитал. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. в области развития человеческого потенциала включает переход к индивидуализированному непрерывному образованию. Ключевой характеристикой такого образования ставится не только передача знаний и технологий, но и формирование творческих компетентностей, готовности к переобучению, умение обучаться в течение всей жизни, выбирать и обновлять профессиональный путь со школьной скамьи. Таким образом, для общества и государства в современных условиях важным является формирование в процессе образования качеств личности, способствующих ее саморазвитию в различных областях деятельности в условиях постоянного самообучения.

Сегодня под термином «образовательные результаты» подразумевается развитие совокупности мотивационных, операционных (инструментальных) и когнитивных ресурсов личности, которые определяют её способность к решению значимых для неё познавательных и жизненных задач.

Мотивационные ресурсы – это ценностные ориентации, образовательные потребности и интересы, которые определяют мотивы деятельности. Операционные (инструментальные) ресурсы включают в себя освоенные универсальные и специальные способы деятельности. Когнитивные ресурсы – это знания, составляющие основу научного представления о мире.

Изменение содержания общего образования, рассмотрение его как части непрерывного образования закреплены федеральными государственными образовательными стандартами общего образования. В ФГОС общего образования представлены новые требования как к образовательным результатам, так и к организации образовательного процесса, обусловлены обязательным внедрением компетентностного (системно-деятельностного) подхода [17]. Реализация данных положений выдвигает новые социальные требования к школе, отраженные в федеральных государственных образовательных стандартах общего образования. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования расширяют требования к результатам образования, устанавливая не только предметные, но и метапредметные и личностные достижения обучающихся. Целью современного образования является «формирование личности учащегося, способной креативно и творчески мыслить, активно и целенаправленно познавать мир, осознавать ценность науки, труда и творчества для человека и общества, мотивированной на образование и самообразование в течение всей своей жизни». Для обеспечения качественного образования в федеральных государственных образовательных стандартах определены существо и основные составляющие современных результатов, которые понимаются как «приращение» в личностных результатах обучающихся. Образовательные результаты, закреплённые в ФГОС общего образования, направлены на развитие потенциала, ресурсов личности, определены как личностные, метапредметные и предметные результаты образования.

Развитию мотивационных, операциональных и когнитивных ресурсов личности соответствуют личностные, метапредметные и предметные результаты образования (табл.).

Соотношение ресурсов личности и требований к результатам освоения ООП ФГОС СОО

Название ресурса	Содержание ресурса	Требования к результатам освоения ООП ФГОС СОО
Мотивационный	<ul style="list-style-type: none"> – осознание ценности образования как условия профессиональной и личностной успешности; – осознание ценности самообразования 	<p>Готовность и способность обучающихся к саморазвитию и личностному самоопределению, сформированность мотивации к обучению и целенаправленной познавательной деятельности. Предметные результаты освоения основной образовательной программы устанавливаются для учебных предметов на базовом и углубленном уровнях.</p> <p>Готовность и способность к образованию, в том числе самообразованию, на протяжении всей жизни, сознательное отношение к непрерывному образованию как условию успешной профессиональной и общественной деятельности</p>
Когнитивный	<ul style="list-style-type: none"> – знание учебных предметов на базовом уровне, обеспечивающее общеобразовательную и общекультурную подготовку или на углубленном уровне ориентированное на подготовку к последующему профессиональному образованию; – знание о системе образования РФ; – знание о рынке труда; – знание способов самодиагностики; – знание структуры, форм, методов, способов оценивания проектной (исследовательской) деятельности 	<p>Предметные результаты освоения основной образовательной программы для учебных предметов на базовом уровне ориентированы на обеспечение преимущественно общеобразовательной и общекультурной подготовки.</p> <p>Предметные результаты освоения основной образовательной программы для учебных предметов на углубленном уровне ориентированы преимущественно на подготовку к последующему профессиональному образованию</p>
Операциональный	<ul style="list-style-type: none"> – способность определять собственные возможности; – способность выбирать индивидуальную образовательную траекторию; – умение самостоятельно определять цели деятельности и составлять планы деятельности; – умение проектировать индивидуальную образовательную программу; – навыки познавательной, учебно-исследовательской деятельности; – умение самостоятельно учиться (навык самообразования); – умение осуществлять самооценку 	<p>Умение самостоятельно определять цели деятельности и составлять планы деятельности; самостоятельно осуществлять, контролировать и корректировать;</p> <p>владение навыками познавательной, учебно-исследовательской деятельности;</p> <p>владение навыками познавательной рефлексии.</p> <p>Готовность и способность к самостоятельной информационно-познавательной деятельности, включая умение ориентироваться в различных источниках информации, критически оценивать и интерпретировать информацию, получаемую из различных источников</p>

Личностные результаты являются фактором развития мотивационных ресурсов обучающихся, метапредметные – операциональных, предметные – когнитивных.

Личностные результаты – это сформированные в образовательном процессе мотивы, интересы, потребности, система ценностных отношений обучающихся, включая отношение к объектам познания, самому образовательному процессу и его результатам.

Личностные результаты образования могут быть структурированы по различным основаниям – по типам ценностей (нравственные, эстетические и т. п.), по объектам оценки (отношение к себе, к другим и т. п.), по характеру мировоззренческих установок и т. д.

Метапредметные образовательные результаты – это освоенные обучающимися универсальные способы деятельности (познавательные, регулятивные, коммуникативные), применяемые как в образовательном процессе, так и в реальных жизненных ситуациях. В структуру метапредметных образовательных результатов входят в том числе умения метапознания: целеполагание, поисковая деятельность, самоконтроль.

Предметные результаты (в основном когнитивные) выражаются в усвоении обучающимися конкретных элементов социального и профессионального опыта.

Таким образом, Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования, не используя в качестве требования к образовательным результатам само понятие «академическая мобильность», содержит характеристику выпускника средней школы как субъекта непрерывного образования, способного в зависимости от возрастных особенностей и потребностей посредством построения и реализации индивидуального образовательного маршрута обучаться на протяжении всей жизни. Таким образом, ученик старших классов должен научиться осуществлять выбор индивидуального образовательного маршрута. Выбор базируется на выработке учеником ценностного отношения к образованию и самообразованию, а также знаниях и владении способами деятельности, позволяющими быть успешным на данном маршруте.

На основании данного анализа можно выделить в качестве компонентов академической мобильности ценность образования и самообразования (ценностный компонент), знания, необходимые для проектирования индивидуальной образовательной траектории, а также для образования (самообразования) по выбранной траектории (когнитивный компонент), способы действий, необходимые для проектирования и реализации индивидуальной образовательной траектории (операциональный компонент).

Ценностный компонент академической мобильности включает ценностное отношение к непрерывному образованию как условию успешной профессиональной и общественной деятельности.

Когнитивный компонент академической мобильности – это знания, необходимые для осуществления деятельности по формированию и реализации индивидуального учебного маршрута: знание рынка труда, системы профессионального образования, образовательной программы (специалитет, бакалавриат и магистратура), форм получения образования (очное, очно-заочное, заочное), знание учебных предметов на базовом уровне, обеспечивающее общеобразовательную и общекультурную подготовку, или на углубленном уровне ориентированное на подготовку к последующему профессиональному образованию.

Операциональный компонент включает умение самостоятельно определять цель деятельности и составлять план деятельности, самостоятельно осуществлять её, контролировать и корректировать самого себя, а также владение навыками познавательной и учебно-исследовательской деятельности и способность к рефлексии.

Таким образом, наличие в ФГОС СОО пунктов, подпадающих под определение академической мобильности, позволяет рассматривать её как образовательный результат, актуальный для современного общества и личности.

Способность к образованию и самообразованию носит комплексный характер, осознание ценности образования и знание отдельных предметов при отсутствии сформированных на необходимом уровне способов деятельности для образования или самообразования может не принести желаемого результата, что позволяет определить академическую мобильность как комплексный образовательный результат.

Академическая мобильность сочетает в себе все перечисленные выше компоненты, являясь комплексным образовательным результатом.

Таким образом, в данном исследовании академическая мобильность понимается как комплексный образовательный результат, способность обучающегося проектировать и осуществлять индивидуальные образовательные маршруты (выбор факультативов, кружков, предметов, уровня изучения предметов, дополнительных курсов, внеурочных занятий, конкурсных мероприятий, формы обучения и т. д.).

Проявления академической мобильности как способности субъекта образования перемещаться в разнообразном образовательном пространстве зависят от возрастных особенностей и потребностей.

Как результат образования академическая мобильность иерархична. Рассмотрим иерархическую «лестницу» академической мобильности субъекта образования.

Минимальный уровень академической мобильности проявляется уже на ступени начального общего образования и выражается в одновременном формировании познавательного интереса и потребности в его удовлетворении у ученика начальной школы, а также в поиске способов удовлетворения этой потребности как в урочное, так и во внеурочное время посредством выбора кружков, факультативов, учреждений дополнительного образования. Степень самостоятельности в определении способов удовлетворения познавательного интереса невысока: ученик обращается за помощью как к педагогу, так и к родителям. Данный уровень является стартовой основой для последующего развития академической мобильности человека.

У ученика основной школы формируется устойчивый познавательный интерес, в том числе в отношении определённых профессий. Способность самостоятельно определять сферу своих интересов, в том числе профессиональных, определять направления своего развития, самостоятельно или с помощью взрослых находить способы удовлетворения своих интересов посредством выбора элективных курсов, факультативов, участия в проектах – все это проявления академической мобильности у ученика основной школы. Одной из основных задач начального и основного образования является также формирование и развитие метапредметных результатов через универсальные учебные действия. В широком смысле данный термин означает умение учиться, а именно способность личности к самосовершенствованию и саморазвитию через активное и сознательное присвоение нового социального опыта. Как раз в этих качествах и состоит важная основа принципа мобильности. Стремление к саморазвитию, самосовершенствованию порождает сам запрос на получение знаний, универсальные учебные действия являются базовыми качествами для формирования основных составляющих академической мобильности личности как субъекта образования.

Академическая мобильность старшеклассника проявляется в способности самостоятельно определять сферу будущей профессиональной деятельности, а также в способности самостоятельно выстраивать и реализовывать индивидуальный образовательный маршрут, позволяющий реализовать себя в интересующей профессиональной сфере. Проявлениями сформированности академической мобильности у выпускника средней общей школы являются знание рынка труда, профессиональное самоопределение на данном жизненном этапе, умение осуществлять выбор уровня изучения предметов (базовый – углубленный), самих предметов (обязательные – дополнительные), формы получения образования (очное, очно-заочное, заочное), конкурсных мероприятий, олимпиад, сроков и места получения образования.

В структуре академической мобильности субъекта образования всех уровней выделяются три компонента, обеспечивающих удовлетворение данной потребности: познавательный интерес как потребность или стремление к достижению успеха (ценностный компонент), а также совокупность знаний (когнитивный компонент) и способов действий (операциональный компонент).

Выводы. Анализ педагогической литературы по проблеме исследования позволил сделать вывод о том, что академическая мобильность старшеклассника понимается как комплексный образовательный результат – способность обучающегося проектировать и реализовывать индивидуальные образовательные маршруты. Структура академической мобильности старшеклассника определена через ценностный, когнитивный и операциональный компоненты, обеспечивающие удовлетворение данной потребности и соответствующие личностным, метапредметным и предметным образовательным результатам.

Библиографический список

1. Морылева Э. А., Суртаева Н. Н. Функциональное значение социально-профессиональной мобильности в подготовке педагога в вузе. URL: <http://tgpi.tob.ru/info/nauka/conf/old/cont %2004/22.htm>
2. Лесохина Л. Н. К обществу образованных людей. Теория и практика образования взрослых. СПб.: ИОВ РАО «Тускарора», 1998. 273 с.
3. Лукичев Г. А. Динамика Болонского процесса // Высшее образование сегодня. М.: РНУ, 2002. № 3. С.32–39
4. Кузьмин А. В. Управление академической мобильностью как фактор развития международной интеграции в образовании: автореф. дисс. ... канд. экон. наук. СПб, 2007. 17 с.

5. Горюнова Л. В. Профессиональная мобильность специалиста как проблема развивающегося образования в России: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Ростовн/Д, 2006. 27 с.
6. Сергеев И. С. Основы педагогической деятельности: учебное пособие. СПб.: Питер, 2004. 316 с.
7. Бринёв Н. С., Чуянов Р. А. Академическая мобильность студентов как фактор развития образования // Пути развития высшего образования в России: материалы науч.-практ. конф. Омск: ОмГПУ, 2001. С. 31–34.
8. Нечаев В., Шаронова С. Болонский процесс: мифы, иллюзии, реалии // Высшее образование в России. М.: Московский политехнический ун-т, 2004. № 7. С. 86–95.
9. Оденбах И. А. Академическая мобильность как фактор социализации личности студента университета: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Оренбург, 2011. 23 с.
10. Зновенко Л. В. Развитие академической мобильности студентов педагогического вуза в условиях непрерывного образования: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. Омск, 2008, 22 с.
11. Шеремет А. Н. Академическая мобильность в педагогическом образовании // Современные проблемы науки и образования. М., 2009. № 2. URL: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1098>
12. Шеремет А. Н. Формирование академической мобильности будущих учителей информатики средствами информационных и коммуникационных технологий: автореф. дисс. канд. пед. наук. Новокузнецк, 2009. 208 с.
13. Дмитриева Н. К. Академическая мобильность как личностное качество субъектов образовательного процесса // Непрерывное образование: XXI век. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. № 4. С. 58–65.
14. Слепухин А. Ю. Высшая школа в условиях интернационализации // Высшее образование в России. М.: Московский политехнический ун-т, 2004. № 6. С. 3–12.
15. Рягин С. Н. Преимущество среднего общего и высшего профессионального образования в условиях их системных изменений: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. М., 2010. 409 с.
16. Румбешта Е. А., Червонный М. А. Система социального сопровождения при организации академической мобильности одаренных детей. Томск: Изд-во ТГПУ, 2012. 116 с.
17. Приказ Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования». URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70188902/paragraph/2034:0>

L. N. Korpachyova,

Senior Lecturer of the Department of Pedagogy, Psychology and Social Work,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
e-mail: ludakorpacheva@mail.ru

ACADEMIC MOBILITY AS A RESULT OF GENERAL SECONDARY EDUCATION

Introduction. The article is dedicated to the phenomenon of academic mobility understanding. It is applied to general education.

The purpose: to describe the phenomenon of academic mobility on the basis of the studied literature sources and to justify its understanding as an educational result.

Methodology. The exploration is made on the basis of pedagogical literature theoretical analysis.

Results. The phenomenon of academic mobility as integrated educational result is described. It is being formed and developed by a general education student. Besides, a student is able to plan and implement individual educational path. (choice of subjects, levels of subject study, additional subjects and courses, extracurricular classes, competitions, forms of tuition). Keywords: military ecology, military ecology teaching methods, pedagogical monitoring, quality of training, training quality criteria.

Conclusions. Structurally, academic mobility of a high school senior is represented by value (there is necessity of educational interest or desire to be successful), cognitive (body of knowledge), quality (methods) components. They provide meeting the need corresponding to personal, cross-curriculum and subject educational results. The results of the exploration can be claimed in general education practice while designing the basic educational program of general secondary education.

Keywords: academic mobility of a high school senior, personal, cross-curriculum and subject educational results.

References

1. Moryleva E., Surtaeva N. N. *Functional meaning of social and professional mobility in teacher's training at the university.* Available at: <http://tgpi.tob.ru/info/nauka/conf/old/cont%2004/22.htm>
2. Lesokhina L. N. *To the society of educated people. Theory and Practice of Adult Education.* SPb.: IOV RAO "Tuskarora", 1998. (In Russian).
3. Lukichev G. A. Bologna process dynamics. *Higher education today.* 2002, no. 3, pp. 32–39. (In Russian).

4. Kuzmin A. V. *Academic mobility management as an aspect of international integration in education*: Abstract of dissertation candidate of economy sciences : Kuzmin A. V.-SPb, 2007. (In Russian).
5. Goryunova L. V. *Professional mobility of a specialist as a problem of developing education in Russia*: Abstract of dissertation Doctor of pedagogics : L. V. Goryunova-Rostov/D, 2006. (In Russian).
6. Sergeev I. S. *Fundamentals of pedagogical activity: educ.manual* : I. S. Sergeev. SPb.: Piter, 2004, pp.195–196. (In Russian).
7. Brinyov R. S., Chuyanov R. A. Academic mobility of students as a factor of the improvement of education. *Papers of scientific conference “Ways of the development of education in Russia”*. Omsk: OmSPU, 2001, pp. 31–34. (In Russian).
8. Nechayev V., Sharonova S. Bologna process: the myths, the illusions and the reality. *Higher education in Russia*. M.: MPU, 2004, no. 7, pp. 86–95. (In Russian).
9. Odenbah I. A. *Academic mobility as an aspect of university student personal socialization*: Abstract of dissertation candidate of pedagogy sciences. Orenburg, 2011. (In Russian).
10. Znovenko L. V. *Development of academic mobility pedagogical university students in conditions of continuing education*: Abstract of dissertation candidate of pedagogy sciences. Omsk, 2008. (In Russian).
11. Sheremet A. N. Academic mobility in pedagogical education. *Papers of IV all-Russia scientific conference “Modern problems of science and education”*. Moscow, 2009, no. 2. Available at: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=1098>
12. Sheremet A. N. *Forming future IT-teaches academic mobility by informational and communicative technologies*: Abstract of diss. candidate of pedagogy sciences. Novokuznetsk, 2009. (In Russian).
13. Dmitrieva N. K. Academic mobility as a personal quality of educational process subjects. *Continuing education of the XXI century*. Petrozavodsk: PetrSU, 2013, no. 4, pp. 58–65. (In Russian).
14. Slepuhin A. Y. Higher school in the conditions of internationalization. *Higher education in Russia*. M.: MPU, 2004, no. 6, pp. 3–12. (In Russian).
15. Ryagin S. N. *The succession of high and higher school education in the conditions of system changes*. Abstract of dissertation Doctor of pedagogics. M., 2010. (In Russian).
16. Rumbeshta Y. A., Chervonny M. A. *The system of social maintenance of organizing the academic mobility of gifted children*. Tomsk: TPSU, 2012, 116 p. (In Russian).
17. *Affirming the State Educational Standard of general secondary education: the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Registered at the Ministry of Justice in May, 17th, 2012, № 413 [Electronic resource]. Available at: <http://ivo.garant.ru/#/document/70188902/paragraph/2034:0>

Поступила в редакцию 22.04.2019

© Л. Н. Корпачева, 2019

Автор статьи: Людмила Николаевна Корпачева, старший преподаватель кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Омская гуманитарная академия, 644105, Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: ludakorpacheva@mail.ru

Рецензенты:

А. А. Петрусевич, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.
И. Г. Шпакина, кандидат педагогических наук, доцент, директор Специализированного лицея с этнокультурным компонентом, Омск

М. Г. Голубчикова,
Иркутский государственный университет
А. И. Коробченко,
Иркутский государственный университет путей сообщения

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ СТУДЕНТОВ В ОБЛАСТИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ НА ОСНОВЕ КОМПЕТЕНТНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Проблема и цель. Исследование по проблеме развития компетенции здоровьесбережения студентов представлено с точки зрения организации деятельности преподавателя вуза как условия развития самостоятельности студентов в деятельности по сохранению своего здоровья. Проблема заключается в отсутствии чётких позиций по отношению к представлению образовательных результатов студентов в области общекультурных компетенций. Одной из важнейших ключевых компетенций является компетенция здоровьесбережения. Однако при всем многообразии работ, посвящённых этой теме, до сих пор остается открытым вопрос о конечных результатах по формированию данной компетенции у выпускников университетов, что должно быть предметом пристального внимания преподавателя уже на этапе проектирования деятельности и образовательных результатов обучающихся. **Цель авторов** заключается в представлении основных концептуальных положений и технологических шагов, описывающих деятельность преподавателя по проектированию образовательных результатов студентов в области общекультурных компетенций на примере компетенции здоровьесбережения.

Методология. Исследование проводится на основе методов теоретического анализа. Авторы опираются на компетентно-деятельностный подход как наиболее эффективной методологической основе, способствующей решению заявленной проблемы.

Результаты заключаются в представлении технологии деятельности преподавателя по проектированию образовательных результатов студентов в области компетенции здоровьесбережения в рамках дисциплины «Физическая культура и спорт».

Выводы. Формулируются выводы о том, что процесс проектирования образовательных результатов студентов в деятельности преподавателя должен осуществляться в соответствии с компетентно-деятельностным подходом и включать детальное описание конечных результатов студентов на этапе завершения освоения дисциплины «Физическая культура и спорт» через формируемые виды деятельности, включающие умения, знания и личностные качества. Основой для представления результатов в системно-структурном виде должны стать выделяемые в рамках компетенции здоровьесбережения виды деятельности, которыми овладевают выпускники университета.

Ключевые слова: общекультурные компетенции, здоровьесбережение, образовательные результаты, самостоятельное здоровьесбережение, компетентно-деятельностный подход, интериоризация, экстериоризация.

Проблема и цель. Сохранение здоровья как первостепенная задача государства сформулирована во всех стратегических и нормативных документах нашей страны. Актуальность решения этой задачи является аксиомой в любом государстве, считающем себя развитой, цивилизованной державой. В последние десятилетия понятие «здоровьесбережение» стало звучать как необходимая ключевая или общекультурная компетенция современного человека. Соответственно, в системе российского образования это стало неотъемлемой частью компетентностной модели выпускника учебного заведения любого уровня, что закреплено в Федеральных государственных образовательных стандартах (ФГОС) дошкольного, школьного, среднего профессионального и высшего образования. И казалось бы, к этапу обучения в вузе человек должен овладеть основными умениями и навыками, образующими данную компетенцию. Другими словами, должен уметь не только самостоятельно сохранять своё здоровье, но и приумножать его. Однако, как отмечают преподаватели высших учебных заведений, современные студенты не только не умеют заботиться о своем здоровье, но и не хотят этого делать. Даже когда им предлагаются готовые сценарии самосовершенствования, большинство студентов мотивированы только на получение зачёта [1, 2].

На сегодняшний день нет недостатка в определении понятия «здоровьесбережение», равно как и «здоровье», «здоровый образ жизни», «здоровьесберегающие технологии». Вот, например, наибо-

лее краткое и популярное определение: здоровьесбережение – процесс сохранения и укрепления здоровья. Более развернутое определение здоровьесбережения в образовательном процессе даётся в диссертационном исследовании Глебовой Е. И.: «Под здоровьесбережением в образовательном пространстве следует понимать процесс сохранения и укрепления здоровья, направленный на преобразование интеллектуальной и эмоциональной сфер личности студента, повышение ценностного отношения к собственному здоровью и здоровью окружающих на основе осознания студентом личной ответственности» [3].

В нашей работе мы рассматриваем способность к здоровьесбережению как составную часть компетентностной модели выпускника вуза. При анализе формулировок компетенций, связанных с сохранением здоровья студентов и относящихся к дисциплине «Физическая культура и спорт» как наиболее близкой к данной проблеме, бросается в глаза их размытость, отсутствие чётких указаний на конкретный результат. А это затрудняет работу преподавателей, даёт возможность интерпретировать компетенцию в разных вариантах. В большинстве ФГОСов данная компетенция сформулирована следующим образом: «Владение средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовность к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности», – что соотносится с приведенными выше определениями здоровьесбережения [4]. При проектировании образовательных результатов своих студентов преподавателям необходимо детально разобраться с каждым компонентом рассматриваемого понятия и создать условия для того, чтобы обучающийся осознанно овладел данным материалом. Причём в конечном итоге выпускник вуза должен быть готов самостоятельно осуществлять данную деятельность.

Таким образом, цель авторов заключается в представлении основных концептуальных положений и технологических шагов, описывающих деятельность преподавателя физической культуры и спорта по проектированию образовательных результатов студентов в области общекультурных компетенций на примере компетенции здоровьесбережения.

Методология. Поскольку современные требования к образовательным результатам обучающихся формулируются, согласно ФГОС, в терминах компетенций, нам представляется логичным искать решение проблемы в контексте компетентностного подхода, который развивается в направлении практикоориентированности.

Обращаясь к описанию компетенций, например в работах И. А. Зимней, мы видим, что под компетенцией здоровьесбережения она понимает «знание и соблюдение норм здорового образа жизни, знание опасности курения, алкоголизма, наркомании, СПИДа; знание и соблюдение правил личной гигиены, обихода; физическую культуру человека, свободу и ответственность выбора образа жизни» [5, с. 23]. В ключевых компетенциях для Европы в блоке «думать» выделена компетенция «оценивать социальные привычки, связанные со здоровьем, потреблением, а также с окружающей средой»; в блоке «адаптироваться» можно найти такие формулировки: «доказывать гибкость перед лицом быстрых изменений; показывать стойкость перед трудностями» [5, с. 19].

На наш взгляд, в разных определениях здоровьесбережения не хватает главной характеристики, связанной с деятельностью субъектов образовательного процесса. Понимая компетенцию как деятельность, мы находим ответы на многие вопросы. В связи с чем для нас важны положения компетентностно-деятельностного подхода, разработанные О. М. Коломиец в её многочисленных работах [6, 7, 8].

Развивая идеи Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, П. Я. Гальперина, З. А. Решетовой, О. М. Коломиец определяет структуру и содержание учебной деятельности студентов в соответствии с психологической природой деятельности человека. Хотя деятельность по здоровьесбережению, на первый взгляд, больше относится к практической, мы также склонны согласиться с утверждением З. А. Решетовой о необходимости выделения особой универсальной формы деятельности, которую она называет теоретической [9]. В теоретической деятельности обучающийся познаёт не только сам изучаемый объект, но и способы, средства, формы и другие условия, то есть методологические средства, что является основой успешного самостоятельного применения компетенции в дальнейшей жизни.

Применительно к деятельности студента в области здоровьесбережения мы считаем необходимым обращение к двум этапам процесса усвоения: интериоризации как построению психического образа изученного объекта в сознании обучающегося и экстериоризации, при которой сформированный образ выступает в функции ориентировки по отношению к практической деятельности. Так, обучающийся овладевает образовательными результатами. Следовательно, задача преподавателя – организовать соответствующие виды деятельности студентов.

В своих работах О. М. Коломиец отмечает, что для реализации процесса интериоризации преподавателем должны быть организованы:

– *учебно-исследовательская деятельность* обучающегося по формированию системы субъектных знаний о структуре, содержании и характеристиках образовательных результатов (в «схемах ориентировки» системного типа);

– *учебно-практическая деятельность* по овладению содержанием «схем ориентировки» и развитию деятельности решения практических задач, направленных на сохранение и укрепление собственного здоровья.

Для реализации процесса экстериоризации организуется *самостоятельная практическая деятельность* по автоматизации решения задач, моделирующих социальные ситуации, и формированию практического навыка [8].

Как правило, в образовательном процессе вуза преподаватели недооценивают первые два вида учебно-профессиональной деятельности и переоценивают третий вид, то есть самостоятельную практическую деятельность, погружая в неё студентов без сформированного в сознании чёткого образа тех образовательных результатов, которыми они должны овладеть, и образа самого процесса овладения этими результатами [10]. Проводя соответствие между деятельностью студентов и преподавателя, мы понимаем, что данным трём видам деятельности студентов соответствуют три вида деятельности преподавателя по их организации. Но этого недостаточно. Для осуществления качественного процесса управления деятельностью студентов преподаватель предварительно должен спроектировать этот процесс в материализованной форме. То есть проектирование образовательных результатов обучающихся, в том числе по сохранению собственного здоровья, становится первым видом деятельности преподавателя. Для этого, как отмечает О. М. Коломиец, ему необходимо разработать новые дидактические средства – «схемы ориентировки» в виде опорных карт и опорных таблиц.

Методология компетентностно-деятельностного подхода позволяет детально прописывать все виды деятельности в соответствии с её структурой и содержанием. Это значит, что в любой деятельности необходимо выделять семь этапов: ориентировочный, планирующий, исполнительский, далее этапы самоконтроля, самооценки, самокоррекции и рефлексии. При этом содержание каждого этапа включает постановку цели, определение предмета деятельности, подбор технологий, методик, методов и способов её выполнения, необходимых для этого средств и форм, планирование действий и операций, прогнозирование продукта и результата. Эти положения необходимо учитывать при разработке технологии деятельности преподавателя по проектированию образовательных результатов обучающихся, в том числе и в области здоровьесбережения.

Результаты. Опираясь на концептуальные положения компетентностно-деятельностного подхода, мы считаем возможным разработать технологию деятельности преподавателя по проектированию образовательных результатов обучающихся в области самостоятельного здоровьесбережения. При этом *самостоятельное здоровьесбережение* мы понимаем как *деятельность, включающую следующие компоненты: самостоятельная диагностика своего физического состояния, самостоятельный подбор системы физических упражнений, самостоятельное построение тренировочного занятия, самостоятельная организация режима труда и отдыха*. Когда мы рассматриваем данное понятие таким образом, более чётким становится понимание образовательных результатов в рамках компетенции ФГОС ВО: «Владение средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовность к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» [4]. Тогда, на наш взгляд, можно детально раскрыть, в чем именно заключается правильное использование методов физического воспитания и укрепления здоровья.

В современных исследованиях по проблемам здоровьесбережения студентов большое количество работ посвящено проблемам организации соответствующей образовательной среды вуза [11, 12]. Это, безусловно, оправданно, поскольку решать данные вопросы необходимо в системе взаимодействия всех факторов. Нас же на данном этапе обсуждения проблемы интересует организация деятельности конкретного преподавателя – преподавателя дисциплины «Физическая культура и спорт», который является ключевой фигурой в этой среде. Именно через преподавательскую деятельность необходимо реализовывать положения компетентностно-деятельностного подхода. А для того чтобы они «заработали» в полной мере, необходима чёткая детальная технология уже на этапе проектирования образовательных результатов студентов.

Отталкиваясь от исследований О. М. Коломиец, позволивших ей сформулировать универсальные этапы деятельности преподавателя и компоненты содержания деятельности на каждом этапе, опишем данную технологию на примере работы преподавателя дисциплины «Физическая культура и спорт» через последовательные процедуры.

1. Выделить перечень всех видов компетенций обучающегося на основе ФГОС, относящихся к здоровьесбережению. Из соответствующего профессионального стандарта выделить перечень трудовых функций специалиста и трудовых действий в каждой из них, которые по своему содержанию соответствуют компетенциям. Мы используем для примера общекультурную компетенцию, встречающуюся в большинстве ФГОС: «Владение средствами самостоятельного, методически правильного использования методов физического воспитания и укрепления здоровья, готовность к достижению должного уровня физической подготовленности для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности» [4]

2. Спроектировать «проявления компетенций на языке трудовых действий» как количественный состав образовательных результатов [4]. В нашем случае мы выделяем образовательные результаты обучающихся через их действия по здоровьесбережению: диагностика своего физического состояния, подбор системы физических упражнений, построение тренировочного занятия, организация режима труда и отдыха.

3. Спроектировать структуру каждого образовательного результата:

а) определить *компоненты* и *элементы* в структуре каждого *компонента*:

– в деятельностном компоненте – структурные этапы деятельности и элементы её содержания на каждом из них;

– в предметном компоненте – элементы «уметь», «знать», «владеть»;

– в субъектном компоненте – жизненные ориентиры, нравственные, этические, моральные ценности, личностно-профессиональные качества;

б) в структуре каждого компонента между элементами установить внутренние *системные связи*, отражающие их характер (соподчинения, рядоположенности и др.).

4. Спроектировать содержание каждого образовательного результата, т. е. структуру и содержание каждого умения как деятельности в отдельной схеме ориентировки системного типа, *опорной карте (ОК)*, и установить связи между «знать» и «владеть» в структуре каждого умения при выполнении действий и операций:

а) на мотивационном этапе выявить потребность субъекта в совершении деятельности по сохранению и укреплению собственного здоровья;

б) на ориентировочном этапе оценить условия предстоящей деятельности и определить *цель* субъекта и *предмет* деятельности;

в) на планирующем этапе разработать алгоритм выполнения предстоящей деятельности, т. е. в соответствии с предметом подобрать *технология, метод, способ* выполнения деятельности, *средства, формы, дополнительные условия* выполнения деятельности, *действия и операции*, а также то, что для данной деятельности следует *знать* и чем *владеть*;

г) на исполнительском этапе претворить намеченный план в жизнь;

д) на этапе самоконтроля провести анализ выполненной деятельности разными способами с целью обнаружения возможных ошибок;

е) на этапе самооценки выявить допущенные ошибки, определить их характер и причины;

ж) на этапе самокоррекции провести исправление допущенных ошибок: подобрать другое действие, операцию, знание вместо использованного;

з) на этапе рефлексии оценить соответствие между:

– *продуктом* деятельности и *целью* её субъекта;

– *результатом* деятельности и *мотивом* её субъекта.

5. Спроектировать содержание каждого образовательного результата, обобщив и систематизировав элементы знаний, выделив связи между ними в схемах ориентировки системного типа – *опорных таблицах (от обобщённой ОТ к частным ОТ-1, ОТ-2, ОТ-3 и т. д.)*.

6. Определить перечень личностно-профессиональных характеристик специалиста для их развития у студентов и спроектировать содержание каждого из них в *схеме ориентировки*.

7. Разработать в схеме ориентировки процедуру измерения и оценки у обучающегося уровня образовательных результатов, шкалу оценивания и оценочные средства.

8. Организовать системные связи между схемами ориентировки, опорными картами и опорными таблицами в *дидактическом пособии для преподавателя*.

Таким образом, выстраивая образовательные результаты студентов, преподаватель создает основу для перевода деятельности по здоровьесбережению в плоскость самостоятельной практики. Но для этого ему необходимо в режиме совместной работы организовать этап интериоризации, включающий два последовательных подэтапа:

- учебно-исследовательская деятельность студентов, в рамках которой они разрабатывают схемы ориентировки в виде опорных карт и опорных таблиц;
- учебно-практическая деятельность, которая направлена на овладение содержанием схемы ориентировки на уровне сознания и формирует психический образ предстоящей деятельности по здоровьесбережению.

После того как преподаватель будет уверен в усвоении студентами всех необходимых схем ориентировки, можно говорить о возможности организации самостоятельной практической деятельности по их использованию, то есть реализации этапа экстериоризации. Далее применение контрольно-оценочных средств, разработанных также на этапе проектирования, позволит преподавателю или любому эксперту оценить уровень сформированности компетенции здоровьесбережения и возможности самостоятельного применения всех компонентов деятельности по сохранению и укреплению своего здоровья.

Выводы. Процесс проектирования образовательных результатов студентов в деятельности преподавателя должен осуществляться в соответствии с компетентностно-деятельностным подходом и включать детальное описание конечных образовательных результатов студентов на этапе завершения освоения дисциплины «Физическая культура и спорт» через формируемые умения, знания и личностные качества. Основой для представления результатов в системно-структурном виде должны стать выделяемые в рамках компетенции здоровьесбережения виды деятельности, которыми овладевают выпускники университета.

Использование технологии проектирования образовательных результатов студентов обеспечивает преподавателю научно-методическую поддержку в разработке новых дидактических средств – схем ориентировки в виде опорных карт и опорных таблиц. Данные дидактические средства, осваиваемые студентами сначала в совместной деятельности с преподавателем, а затем в самостоятельной практической деятельности, на первых этапах также управляемой преподавателем, способствуют формированию и развитию компетенции самостоятельного здоровьесбережения.

Библиографический список

1. Красноперова Н. А. Мотивационный компонент в структуре формирования здорового образа жизни студентов // Вестник СВФУ им. М. К. Аммосова. Якутск: Изд-во СВФУ, 2014. Т. 11, № 4. С. 109–117.
2. Кутепов М. М., Ваганова О. И., Трутанова А. В. Возможности здоровьесберегающих технологий в формировании здорового образа жизни // Балтийский гуманитарный журнал. Калининград: НП «Институт направленного образования, 2017. Т.6. № 3 (20). С. 210–213.
3. Глебова Е. И. Здоровьесбережение как средство повышения эффективности обучения студентов вуза: автореферат дис. ... канд. пед. наук: 13. 00. 01. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2005. 30 с.
4. Приказ Минобрнауки России от 12.03.2015 N 219 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 09.03.02 Информационные системы и технологии (уровень бакалавриата)». URL: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/090302.pdf>
5. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 42 с.
6. Коломиец О. М. Организация учебно-профессиональной деятельности студента в преподавании на основе компетентностно-деятельностного подхода // Педагогический журнал. Ногинск: ООО «Аналитика Родис», 2016. № 5. С. 47–58.
7. Коломиец О. М. Концепция преподавательской деятельности педагога высшей школы в контексте компетентностно-деятельностного подхода. М.: Издательский дом «Развитие образования», 2018. 157 с.
8. Коломиец О. М. Деятельностная основа профессиональных компетенций преподавателя высшей школы // Вестник Московского университета. Серия 20. М.: Изд-во МГУ, 2015. № 2. С. 73–89.
9. Решетова З. А. Психологическая теория деятельности и деятельностный подход к обучению // Формирование системного мышления в обучении : учеб. пособие для вузов : под ред. З. А. Решетовой. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2002. С. 10–57.

10. Голубчикова М. Г. Проблема развития учебной самостоятельности студентов в образовательном процессе вуза // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Омск: Изд-во ОмГА, 2018. № 3 (33). С.159–164.

11. Маджуга А. Г., Сеницина И. А. Проектирование здоровьесберегающей и здоровьесозидающей образовательной среды в вузе: контекстный подход // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». М.: Изд-во РУДН, 2013. № 4. С. 17–22.

12. Эбзеев Ш. К., Хатуаев Т. А. Концептуальные основы реализации здоровьесберегающего потенциала физкультурно-оздоровительной среды вуза // Вестник АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ, 2018. № 3 (223). С. 183–188.

M. G. Golubchikova,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,

Irkutsk State University,

1 Karl Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7865-3031>

e-mail: mg2@bk.ru

A. I. Korobchenko,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

Irkutsk State Transport University

15 Chernyshevsky st., 664074, Irkutsk, Russian Federation

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9650-8081>

DESIGN OF STUDENTS EDUCATIONAL RESULTS IN THE FIELD OF INDEPENDENT HEALTH SAVING ON THE BASIS OF COMPETENCE-BASED AND ACTIVITY-BASED APPROACHES

Introduction. A research on the development of students health-saving competence is presented from the point of view of University teacher's activity organization as a condition for the development of students' independence in the activity of preserving their health. The problem is the lack of clear positions in relation to the presentation of educational results of students in the field of General cultural competencies. One of the most important key competencies is a health saving competence. However, with all the variety of works devoted to this topic, the question of the final results on the formation of this competence among University graduates is still open, which should be the subject of close attention for a teacher at the stage of designing students activities and educational results. The purpose of the authors is to present the basic conceptual provisions and technological steps describing the teacher's activities designing students' educational results in the field of General cultural competence on the example of health saving competence.

Methodology. The study is based on the methods of theoretical analysis. The authors dwell on the competence-activity approach as the most effective methodological basis contributing to the solution of the stated problem.

The results are to present the technology of the teacher's activity on the design of students' educational results in the field of health saving competence within the "Physical Culture and Sport" discipline.

Conclusions. It is concluded that the process of designing students' educational results in the teacher's activities should be carried out in accordance with the competence and activity based approach and include a detailed description of the final results of students at the stage of completion of "Physical Culture and Sport" discipline through the formed skills, knowledge and personal qualities. The basis for the presentation of results in a systematic and structural form should be allocated within the competence of health activities, which are mastered by University graduates.

Keyword: General cultural competence, health care, educational results, independent health care, competence-activity approach, interiorization, exteriorization.

References

1. Krasnoperova N. A. The Motivation Component in the Structure of Forming Students' Healthy Lifestyle. *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University*. 2014, vol. 11, no. 4, pp. 109–117. (In Russian).
2. Kutepov M. M., Vaganova O. I., Trutanova A. V. The possibility of health-saving technologies in the formation of a healthy lifestyle. *Baltic Humanitarian Journal*. 2017. T.6. № 3 (20). Pp. 210-213. (In Russian).
3. Glebova E. I. *Health saving as a means of improving the efficiency of teaching students of the university*: Abstract of dissertation cand. pedagogical sciences: 13. 00. 01. Ekaterinburg, 2005.: publ RSVPU, 2005, 30 p.

4. *Affirming the State Educational Standard of High School Education of the Training Direction 09.03.02 Information Systems and Technologies (Bachelor Degree)*: the Decree of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of March, 12th, 2015, № 219. Available at: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/fgosvob/090302.pdf>

5. Simnaja I. A. *Key competence as effectively-targeted basis of competence approach in education*. Author's version. Moscow: Research center of problems of quality of training of experts Publ, 2004, 42 p. (In Russian).

6. Kolomiets O. M. The organization of educational professional activity of the student in teaching on the basis of competence-based and activity approach. *The Pedagogical magazine*, vol. 5, 2016, pp. 47–58. (In Russian).

7. Kolomiets O. M. *The concept of teaching activity of the teacher of higher school in the context of competence-activity approach*. Moscow: Izdatelskij dom «Razvitie obrazovaniya» Publ, 2018, 157 p. (In Russian).

8. Kolomiets O. M. Activity basis of professional competences of the teacher of the higher school. *Messenger of the Moscow university*. Series 20, vol. 2, 2015, pp. 73–89. (In Russian).

9. Reshetova Z. A. *Psychological theory of activity and activity approach to learning* : Ed. by Z. A. Reshetovoj. Moscow: Yuniti-dana Publ, 2002, pp. 10–57. (In Russian).

10. Golubchikova M. G. The problem of students educational autonomy development at university. *The Science of Person: Humanitarian Researches*. 2018, no. 3 (33), pp. 159–164. (In Russian).

11. Madzhuga A. G., Sinicina I. A. Designing health saving and health creative educational environment at university: contextual approach. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics* 2013, no. 4, pp. 17–22. (In Russian).

12. Ebzeev Sh. K., Khatuaev T. A. Conceptual bases of implementation of health saving potential of the sports health-improving environment of higher education institution. *The Bulletin of the Adyghe State University*. Series Pedagogy and Psychology. Maikop, 2018, no. 3 (223), pp. 183–188. (In Russian).

Поступила в редакцию 15.02.2019

© М. Г. Голубчикова, А. И. Коробченко, 2019

Авторы статьи:

Марина Геннадьевна Голубчикова, кандидат педагогических наук, Иркутский государственный университет, 664003, Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, e-mail: mg2@bk.ru

Андрей Иванович Коробченко, кандидат исторических наук, доцент кафедры ФКиС, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, Иркутск, ул. Чернышевского, 15.

Рецензенты:

О. М. Коломиец, доктор педагогических наук, доцент кафедры педагогики и медицинской психологии, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова.

Ю. Б. Дроботенко, доктор педагогических наук, профессор, Омский государственный педагогический университет.

Л. Я. Николаева, Т. В. Сабанцева,
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ОСВОЕНИЕ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ МАСТЕРОВ РУССКОГО НАРОДНОГО ТАНЦА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛИЗАЦИЙ

Проблема и цель. Статья посвящена актуальной проблеме преподавания образцов творческого наследия выдающихся мастеров русского народно-сценического танца в процессе обучения студентов хореографических специализаций. Рассматриваются современные образовательные методики в хореографическом образовании. Изучаются различные методы с использованием электронной образовательной среды. Предпринята попытка проанализировать особенности практического освоения студентами-хореографами образцов танцевального наследия выдающихся деятелей русского народного танца для дальнейшего использования их в творческой работе как образцов решения темы, идеи, образа и всей композиции танца. Основной акцент сделан на приобретении навыков самостоятельной работы студентов по освоению творческого наследия великих отечественных танцоров и хореографов.

Методология. Исследование проводится на основе анализа научно-методической литературы и обобщения современных образовательных методик в хореографическом образовании.

Результаты. Освоение творческого наследия выдающихся деятелей русского хореографического искусства осуществляется по двум основным направлениям:

– изучение образцов русского народно-сценического танца, основой которых послужили народные традиции и фольклор;

– изучение образцов классического танца, поставленных на основе русского народного танца.

Выделены два основных способа самостоятельного изучения студентами образцов хореографического наследия: разбор танца по записи и по видеоматериалам. Подробно описан механизм организации самостоятельной работы студентов-хореографов по освоению танцевального наследия.

Выводы. Опираясь на вышесказанное, можно отметить, что изучение творческого наследия великих мастеров хореографического искусства способствует формированию у студентов исполнительского мастерства, знаний техники и манеры исполнения лексического материала, стилистических особенностей русского народного танца, законов и правил композиции русского танца, самостоятельной работы с образами хореографического произведения.

Ключевые слова: хореографическое искусство, творческое наследие, образцы танцевального творчества, танцевальный репертуар, русский народный танец.

Введение. Современная ситуация в высшем образовании требует не только широкого внедрения новых информационно-коммуникативных технологий, но и серьёзной ревизии традиционных форм и методов обучения [1, 2, 3]. Образовательная среда высшей школы должна модернизироваться с учётом новейших технологий, отвечать современным требованиям развития направлений подготовки и учитывать изменения контингента обучающихся. При выполнении таких условий образовательная среда вуза будет соответствовать требованиям, предъявляемым современным рынком труда. Студент – это будущий конкурентоспособный специалист в определённой области, отвечающий последним требованиям рынка труда.

Образовательная среда вуза – это не только аудиторные занятия, но и большой объём самостоятельной работы студентов. Её значимость упоминается в различных исследованиях. Так, И. О. Котлярова указывает на то, что, согласно отдельному разделу закона «Об образовании в РФ», технологии e-learning (электронное обучение) предполагают, что самостоятельную работу студентов возможно организовывать с электронными материалами и с использованием различных гаджетов: персонального компьютера (ПК), мобильного телефона, планшета, смартфона и др. [4]. Преимущества e-learning состоят в использовании электронных средств, что даёт возможность проектировать индивидуальные траектории обучения студентов.

Современная методика преподавания хореографических дисциплин в системе высшего профессионального образования предполагает обращение к творческому опыту выдающихся мастеров русского народно-сценического танца, чьи практические разработки и творческие поиски сыграли важную роль в становлении и развитии национальной танцевальной культуры России. Как верно отмечает

В. М. Майорова, «...владение опытом выдающихся мастеров русского сценического танца позволит специалистам – выпускникам учебных заведений находить новые решения при создании современных хореографических произведений» [5, с. 100–105]. Кроме того, обращение к опыту мастеров прошлого позволяет не только обстоятельно познакомиться с эволюционными линиями сценических компонентов танцевального произведения, но и выделить их видовой состав, закономерности внутреннего и внешнего строения, а в итоге определить технологию современного творчества [6].

Вышеизложенное подтверждает мысль об актуальности исследования самостоятельной работы студентов-хореографов по практическому освоению образцов танцевального наследия выдающихся деятелей русского народного танца.

Цель исследования – проанализировать особенности практического освоения студентами-хореографами образцов танцевального наследия выдающихся деятелей русского народного танца для дальнейшего использования их в творческой работе как образцов решения темы, идеи, образа и всей композиции танца. Основной акцент сделан на приобретении навыков самостоятельной работы студентов по освоению творческого наследия.

Методология. Исследование проводится на основе анализа научно-методической литературы и обобщения современных образовательных методик в хореографическом образовании.

Результаты. Освоение творческого наследия выдающихся деятелей русского хореографического искусства осуществляется по двум основным направлениям:

– изучение образцов русского народно-сценического танца, основой которых послужили народные традиции и фольклор;

– изучение образцов классического танца, поставленных на основе русского народного танца.

Образцы танцевального творчества выдающихся мастеров русского народного танца, ставшие частью культурного наследия России, имеют ярко выраженное личностное начало. Так, например, достоянием российского искусства всегда были и будут русские хороводы, пляски и кадрили в постановке Т. А. Устиновой, Н. С. Надеждиной, И. А. Моисеева, О. Н. Князевой, И. З. Меркулова, М. С. Годенко, Т. Н. Гвоздевой, Я. А. Коломейского, В. М. Захарова и других балетмейстеров. Несмотря на глубокую связь с народным искусством, творческие работы выдающихся мастеров русского танца отличались собственным неповторимым стилем и методами работы с фольклорным и этнографическим материалом. Так, Т. А. Устинова на основе фольклорного материала создала в русской хореографии целое направление авторского сценического русского танца. Г. П. Гусев пишет: «Много времени и сил отдавала она изучению русского традиционного фольклора, по крупицам собирала его по различным регионам России, записывала, обрабатывала и вновь возвращала зрителям в форме художественных произведений» [7, с. 8–9]. Для творчества И. А. Моисеева характерен «метод художественного синтеза народной пляски и сценических форм танца» [8, с. 358].

Подлинной самобытностью отличаются хореографические номера в репертуаре ансамбля танца «Березка», поставленные Н. С. Надеждиной на основе русских народных танцев. Н. С. Надеждина отмечала: «Мы хотим как можно ярче отразить чистоту и величие русского народного искусства, это источник вдохновения для нашего ансамбля» [9, с. 29].

Настоящие хореографические шедевры народного танца различных регионов России созданы балетмейстерами танцевальных групп государственных русских народных хоров. Среди них О. Н. Князева (Уральский государственный академический русский народный хор), Я. А. Коломейский (Государственный Омский русский народный хор), И. З. Меркулов (Государственный академический Северный русский народный хор), Б. Н. Бурмакин (Государственный академический Сибирский русский народный хор), В. Д. Модзолеевский (Государственный Волжский русский народный хор им. П. М. Милославова) и другие балетмейстеры. Изучение творческого наследия названных балетмейстеров позволяет студентам глубоко проникнуть в региональный компонент русской танцевальной культуры, познакомиться с характерными особенностями народного танца различных областей и регионов России. Е. А. Кузнецов отмечает, что в процессе освоения шедевров народной хореографии студентам выпадает уникальная возможность познакомиться с традиционной танцевальной манерой и научиться различать региональные особенности русского народного танца [9].

Освоение образцов классической хореографии, поставленных на основе русских танцевальных традиций, предполагает знакомство с творческим наследием выдающихся русских балетмейстеров, таких как М. И. Петипа, А. А. Горский, Л. И. Иванов, М. М. Фокин и другие. Создавая высокохудожественные произведения, балетмейстеры обогащали классический танец стилистическими признаками русской народной хореографии. В то же время движения русского народного танца, «подкрепленные

техникой классического танца, обретают большую вариативность, пластичность, силу, благородство, образность и характерность художественного выражения» [8, с. 22]. Многие русские танцы, поставленные выдающимися балетмейстерами, например русский танец из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро», трепак из балета П. И. Чайковского «Щелкунчик», вошли в золотой фонд русского балета; в разное время они являлись украшением репертуара многих современных российских балерин (Е. Максимовой, У. Лопаткиной и др.). Сегодня они бережно сохраняются и изучаются в учебных заведениях хореографической направленности. Как отмечает Е. В. Смелковская, «роль русского танца в системе образования студентов трудно переоценить, и знакомство студентов с ярчайшими примерами классического танца, поставленными на основе русского танца и танцев других народностей, необходимо...» [10, с. 61]. По мнению автора, «изучение образцов классического и народно-сценического танцев дало бы студентам возможность не только ознакомиться с лучшими хореографическими произведениями русских балетмейстеров, но и использовать их в своей работе как примеры употребления лексики народного танца, раскрытия образов и характеров» [10, с. 62].

Практические занятия по дисциплине включают в себя:

- изучение отдельных фрагментов из хореографических номеров;
- изучение целых хореографических номеров.

Специфика данной дисциплины обусловлена тем, что при изучении образцов творческого наследия русской народной хореографии необходимо строго сохранять замысел балетмейстера, музыкальную и хореографическую структуру изучаемого произведения. В процессе изучения танцевального образца не допускаются произвольные сокращения и изменение хореографической структуры номера, упрощение или усложнение хореографической лексики, приспособление её к техническим возможностям исполнителей. В связи с этим перед преподавателем стоит сложная педагогическая задача подобрать хореографическое произведение (или фрагмент) в соответствии с исполнительскими возможностями студентов, позволяющими точно передать танец, раскрыть его содержание и стилистические особенности.

Сложившаяся в современном хореографическом образовании методика изучения образцов творческого наследия ориентирована на традиционный метод преподавания (от преподавателя к студенту), основанный на демонстрации исполнительской манеры и техники движений. В этом случае преподаватель должен знать все особенности изучаемого произведения и донести их до студентов. Для этого необходимо требовать от студентов методической грамотности исполнения движений и комбинаций, стилистической и музыкально-ритмической точности. Кроме того, крайне важно, чтобы в процессе обучения студент не только формировался как исполнитель, но и мог самостоятельно творчески осваивать образцы хореографического наследия.

Самостоятельная работа студентов представляет собой совокупность аудиторных и внеаудиторных занятий и работ, которые обеспечивают освоение образовательной программы высшей школы в соответствии с требованиями ФГОС. Первичные навыки и умения самостоятельной работы закладываются на первом этапе обучения человека – в школе. Но, как правило, навыки недостаточно сформированы для освоения материала в форме самостоятельной работы в вузе. Практика показывает, что студенты различаются по уровню готовности к реализации требований к самостоятельной работе. Выделяются две основные группы студентов. Первая характеризуется тем, что её представители ориентированы на выполнение заданий самостоятельной работы и обладают универсальными учебными компетенциями, позволяющими успешно справиться с требованиями к её выполнению (умением понимать и запоминать приобретаемую информацию, логически мыслить, воспроизводить материал письменно и устно, проводить измерения, вычисления, проектировать и т. д.). Студенты второй группы не имеют устойчивой ориентации на постоянное выполнение самостоятельной работы при освоении учебного материала и отличаются низким уровнем развития универсальных учебных компетенций и навыков самоорганизации [11].

Поэтому главным звеном в правильно организованной системе самостоятельной работы студентов является преподаватель вуза.

Хореографическая педагогика сложна и своеобразна в преподавании и изучении. Поэтому преподаватель вуза определяет методы организации самостоятельной работы студента-хореографа.

Обратимся к педагогическим методам освоения творческого наследия выдающихся деятелей хореографии.

Следует отметить, что сохраняются шедевры творческого наследия выдающихся деятелей хореографии благодаря существующим в профессиональной художественной культуре способам фиксирования

сации танца (система записи танца на бумаге, видеозапись) [12]. В связи с этим выделим два основных способа самостоятельного изучения студентами образцов хореографического наследия:

- разбор танца по записи;
- разбор танца по видеоматериалам.

Некоторые хореографические номера, представляющие собой образцы танцевального наследия русского народного и классического танца, записаны и изданы в специальной учебно-методической литературе. В учебном процессе широко используются сборники с записью танцев Т. А. Устиновой («Беречь красоту русского танца», «Избранные русские народные танцы»), Н. С. Надеждиной (Русские танцы: описание танцев из репертуара ансамбля «Березка») и др. Знакомство с записью танца позволяет студентам изучить его содержание, описание движений, пространственное построение, стилистические особенности исполнения, специфику музыкального сопровождения. В связи с этим при изучении образцов танцевального наследия студенты должны освоить общепринятые системы записи танца, которые позволяют зафиксировать основные движения и рисунки хореографического произведения.

В настоящее время существует несколько систем записи танца. Наиболее популярными и изучаемыми являются системы записи Р. Лабана, Р. Бенеш и С. Лисициан. Т. А. Устинова предложила схему разбора танца по записи, которая заключается в следующем: знакомство с содержанием танца, изучение музыкального материала, разучивание элементов танца [13, с. 96]. В предисловии к книге Т. А. Устиновой «Избранные русские танцы» известный балетовед, педагог в области хореографического искусства В. И. Уральская пишет: «Любой танец можно поставить по записи, даже если вы не видели его... Постановщик может несколько изменить движения в зависимости от подготовленности танцовщиков; правильно усвоенный и творчески обогащённый фантазией постановщика материал записи танца часто делает его более интересным» [13, с. 27].

На практике при организации самостоятельной работы студентов по освоению образцов танцевального наследия русского народного танца целесообразно применять методику Т. А. Устиновой по схеме разбора танца по записи [13, с. 56]. Алгоритм, предложенный автором, позволяет поэтапно освоить изучаемый материал и использовать полученные знания на практических занятиях.

Таким образом, первоначальное освоение исторической справки и содержания танца позволит студенту обосновать актуальность изучаемого материала, изучение музыкального материала позволит расширить круг знаний в области русского народного танца, а разучивание элементов танца делает возможным применение знаний на практических занятиях.

С развитием медиатехнологий особый интерес вызывает второй способ работы с хореографическим образцом. Сегодня многие образцы хореографического наследия зафиксированы на различных видеоносителях. Этот способ изучения хореографического образца позволяет студентам как в целом, так и в мельчайших деталях рассмотреть технику и манеру движений, творческие особенности и региональное своеобразие танца. Кроме того, он даёт возможность проявить исследовательские способности и раскрыть свой творческий потенциал. Видеоматериал позволяет просматривать танцевальную композицию неограниченное число раз, целиком или фрагментарно.

Самостоятельной работе студента с видеоматериалом предшествуют групповые занятия под управлением преподавателя, потому что начальный практический опыт нужно получить на аудиторных занятиях. Именно преподаватель акцентирует внимание студентов на особенностях освоения танцевальной культуры русского народа.

Если схемы разбора танца по записи ранее представлены в научной и учебно-методической литературе в полном объёме, то схемы анализа образцов танцевального наследия русского народного танца по видеоматериалам практически не упоминается.

Так, И. Э. Бриске предлагает схему анализа танцевальной видеокomпозиции, в которой предполагается несколько этапов работы:

- название танца, его национальная принадлежность, хореограф / постановщик, исполнитель / исполнители;
- характеристика музыкального сопровождения: жанр (лирический, игровой, героический), темп, музыкальный размер, продолжительность;
- характеристика костюмов (всех исполнителей), атрибутов (веночки, платки, веточки, тамбурины, веера и пр.);
- характеристика композиционных рисунков и переходов (выделяются наиболее устойчивые, неоднократно повторяющиеся);

- характеристика танцевальных движений: разнообразные или однообразные, техника ног, рук, корпуса, характерные движения для разных исполнителей, например для девушек и для юношей, – и их сочетание [1, с. 41].

Предложенная схема анализа способствует полному изучению танцевальной композиции, представленной на видеоносителе. Такой способ организации самостоятельной работы студентов-хореографов соответствует современным требованиям образовательной среды вуза и является наиболее востребованным в системе хореографического образования.

Следует отметить, что отсутствие зафиксированных авторских текстов не позволяет говорить о действительной подлинности того или иного образца, его идентичности первоисточнику.

Таким образом, изучение образцов хореографического наследия по записи или видеоматериалу позволяет студентам познакомиться с примерами хореографических постановок выдающихся мастеров русского танца, проанализировать балетмейстерские приемы и грамотно использовать их в собственной постановочной работе.

Выводы. Опираясь на вышесказанное, можно отметить, что изучение творческого наследия великих мастеров хореографического искусства способствует формированию у студентов исполнительского мастерства; знаний техники и манеры исполнения лексического материала, стилистических особенностей русского народного танца, законов и правил композиции русского танца, самостоятельной работы с образами хореографического произведения.

Библиографический список

1. Бриске И. Э. Самостоятельная работа студентов по дисциплине «Народно-сценический танец и методика его преподавания»: учеб. пособие. Челябинск: Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2006. 61 с.
2. Загвязинский В. И. Вузовская лекция в структуре современного учебного процесса // Образование и наука. Екатеринбург: РГППУ, 2014. № 1 (2). С. 34–46.
3. Загвязинский В. И. Педагогические основы интеграции традиционных и новых методов в развивающем обучении. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2008. 118 с.
4. Котлярова И. О. Готовность преподавателей университета к использованию современных образовательных технологий. // Образование и наука. Екатеринбург: РГППУ, 2015. № 1 (1). С. 103–114.
5. Майорова В. М. Значение русского танца в процессе обучения студентов хореографических специализаций // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. М.: МГИК, 2017. № 2 (25). С. 100–105.
6. Степанченко И. В. Сохранение и использование творческого наследия выдающихся мастеров русского народного танца в учебном процессе в вузе // Русский народный танец: современное состояние, тенденции и перспективы развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Орел: Горизонт, 2012. С. 213 – 217.
7. Гусев Г. П. Мастер русского народного танца // Русский танец: пути сохранения и развития Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Т. А. Устиновой : сост. В. Ю. Никитин, В. В. Королев. М.: МГУКИ, 2008. С. 8–10.
8. Тарасов Н. И. Классический танец. Школа мужского исполнительства. 2-е изд., испр. и доп. М., «Искусство», 1981. С. 479.
9. Кузнецов Е. А. Влияние творческого наследия мастеров народного танца на формирование эстетического вкуса у студентов хореографических специализаций // Театр, музыка, кино, живопись. М.: ГИТИС, 2016. № 2. С. 37–47.
10. Смелковская Е. В. Русский танец и русская балетная школа. Образцы классической и народно-сценической хореографии // Русский танец: пути сохранения и развития Материалы Всероссийской конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Т. А. Устиновой : сост. В. Ю. Никитин, В. В. Королев. М.: МГУКИ, 2008. С. 59–62
11. Меренков А. В. Самостоятельная работа студентов: виды, формы, критерии оценки : А. В. Меренков, С. В. Куньшиков, Т. И. Гречухина. Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2016. 80 с.
12. Курюмова Н. В., Поляков А. С. Народно-сценический танец как метод освоения фольклора и художественно-идеологическая конструкция // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2017. № 4. С. 357–361.
13. Устинова Т. А. Избранные русские народные танцы. М.: Искусство, 1996. 591 с.

T. V. Sabantseva,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University,
55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-5464-3253>
e-mail: sabtv@mail.ru
L. Ya. Nikolaeva,
Associate Professor,
Dostoevsky Omsk State University,
55 Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4480-6586>
e-mail: nikolaevalidiya@yandex.ru

MASTERING THE CREATIVE HERITAGE OF OUTSTANDING MASTERS OF RUSSIAN NATIONAL DANCE IN THE PROCESS OF TEACHING STUDENTS OF CHOREOGRAPHIC SPECIALIZATIONS

Introduction. The article is devoted to the actual problem of teaching samples of the creative heritage of eminent masters of Russian folk stage dance in the process of teaching students of choreographic specializations. The modern educational techniques in choreographic education are considered. Various methods are being studied using an e-learning environment. An attempt was made to analyze the features of practical mastering of samples of the dance heritage of prominent figures of Russian folk dance for further use in creative work as examples of theme, idea, image and the entire dance composition determination. The main focus is on the acquiring independent work skills by students when mastering creative heritage.

Materials and Methods. The study is based on the methods of scientific and methodological literature analysis and generalization of modern educational techniques in choreographic education.

Results. The analysis of the creative heritage of outstanding figures of Russian choreographic art is carried out in two main areas: the study of Russian folk stage dance samples based on folk traditions and folklore; study of classical dance samples set on the basis of Russian folk dance. There are two main ways for students to study choreographic heritage samples: to analyze dances by records; to analyze dances using video. The mechanism for choreographers' independent work organization to master the dance heritage is described in detail.

Conclusions. Based on the foregoing, it can be noted that the study of the creative heritage of the great masters of choreographic art contributes to the formation of performance skills among students; knowledge of technique and manner of execution of lexical material, the stylistic features of Russian folk dance; the laws and rules of the composition of the Russian dance; independent work with images of choreographic works.

Keywords: choreographic art, creative heritage, samples of dance creativity, dance repertoire, Russian folk dance.

References

1. Briske I. E. *Independent work of students in the discipline «Folk-stage dance and methods of its teaching»: textbook.* Chelyabinsk state Academy of culture and arts. Chelyabinsk, 2006, 61 p. (In Russian).
2. Zagvyazinsky V. I. The higher school lecture in the context of modern educational processes. *The Education and science journal.* 2011, vol. 1 (2), pp. 34-46. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-2-34-46
3. Zagvyazinskij V. I. Pedagogical bases of integration of traditional and new methods in developing education. Tyumen', 2008. (In Russian)
4. Kotlyarova I. O. University teachers' readiness to use modern educational technologies. *The Education and science journal.* 2015, vol. 1(1), pp. 103-114. DOI: 10.17853/1994-5639-2015-1-103-114.
5. Majorova V. M. The importance of Russian dance in the training of students of choreographic specializations. *Culture and education: scientific and information journal of universities of culture and arts.* Moscow, MSUCA, 2017, no. 2 (25), pp.100–105. (In Russian).
6. Stepanchenko I. V. The protection and usage of the outstanding masters' creative heritage of Russian folk dance in the educational process at the university. *Russian folk dance: current state, trends and prospects of development: materials of the all-Russian scientific and practical conference.* Eagle, Horizon, 2012, pp. 213–217. (In Russian).
7. Gusev G. P. *The Master of Russian folk dance.* Moscow, MSUCA, 2008, pp. 8–10. (In Russian).
8. Tarasov N. I. *Classical dance. School of male performance.* Moscow, 1981, 479 p. (In Russian).

9. Kuznecov E. A. The influence of the creative heritage of folk dance masters on the formation of aesthetic taste by the students of choreographic specializations. *Theater, music, cinema, painting*. Moscow GITIS, 2016, no.2, pp. 37–47. (In Russian).

10. Smelkovskaya E. V. Russian dance and Russian ballet school. Samples of classical and folk stage choreography. *Russian dance: ways of protection and development. Materials of the all-Russian conference dedicated to the 100th anniversary of T. A. Ustinova's birth*. Moscow, MSUCA, 2008, pp. 59 – 62. (In Russian).

11. Merenkov A. V. *Independent work of students: types, forms, evaluation criteria: textbook*. Ekaterinburg. 2016, 80 p. (In Russian).

12. Kuryumova N.V., Polyakov A.S. Folk-stage dance as a method of mastering folklore and artistic and ideological structure. *Yaroslavl pedagogical Bulletin*. Yaroslavl, 2017, no. 4, pp. 357–361. (In Russian).

13. Ustinova T.A. *Selected Russian folk dance*. Moscow, Art, 1996, 591 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 20.02.2019

© Л. Я. Николаева, Т. В. Сабанцева, 2019

Авторы статьи:

Лидия Яковлевна Николаева, доцент кафедры режиссуры и хореографии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: nikolaevalidiya@yandex.ru

Татьяна Виталиевна Сабанцева, доцент кафедры режиссуры и хореографии, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 644077, Омск, пр. Мира, 55а, e-mail: sabtv@mail.ru

Рецензенты:

Н. Н. Суворова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского и иностранных языков, Омский государственный университет путей сообщения.

Т. И. Эпп, кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания, Омский государственный педагогический университет.

РАЗДЕЛ 3 ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

PART 3 ECONOMIC SCIENCES

УДК 336.71
JEL: G21

DOI 10.17238/issn1998-5320.2019.36.139

В. И. Благоев,
Университет менеджмента Варна, София, Болгария
Е. П. Шустова

Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА УСЛУГ ИНТЕРНЕТ-БАНКИНГА НА ПРИМЕРЕ БАНКОВ КАЗАХСТАНА

Проблема и цель. Исследование посвящено проблеме повышения качества электронных банковских услуг – интернет-банкинга и мобильного банкинга.

Методология. Исследование проведено с использованием методов экономической теории, анализа и синтеза, а также с использованием социологического опроса пользователей услуг интернет-банкинга.

Результаты. Выявлены проблемы в развитии услуг интернет-банкинга в практике казахстанских банков, сформулированы рекомендации по повышению качества данного вида банковских услуг.

Выводы. Будущее банковской отрасли лежит именно в сфере электронных банковских услуг. Количество операций, которые клиент может совершить с помощью мобильного банкинга ежегодно будет увеличиваться. Тот банк, который сможет предложить на рынке наиболее оптимальную и удобную для клиентов версию интернет- и мобильного банкинга, будет лидером в банковском бизнесе. Каждому банку необходимо пересмотреть дизайн и структуру сайтов банков с точки зрения простоты и комфортности использования. Предусмотреть для клиентов обучающие инструкции, информационную поддержку новых сервисов, внедрить в практику деятельности банков роботизированные программы, онлайн-консультирование, чат-боты. Все эти меры позволят повысить качество данного вида банковских услуг.

Ключевые слова: качество банковских услуг, критерии качества банковских услуг, оценка качества банковских услуг, качество услуг интернет-банкинга.

Проблема и цель. Расширение банковских продуктов и банковско-логистическая диверсификация описана в трудах российских ученых [1], особый интерес представляют особенности исламских банковских продуктов в условиях цифровой экономики [2] и оценки емкости рынка этического банкинга в светских странах с проживанием населения, исповедующего ислам [3]. В настоящее время существенно расширяется сфера электронных банковских услуг, ежегодно увеличивается объем операций, совершаемых в системе интернет-банкинга и мобильного банкинга [4, 5]. Стремительное развитие сектора IT-технологий оказывает существенное влияние на банковский сектор. Появляют-

ся новые сервисы, совершенствуются технологии обслуживания клиентов. Особенно актуальна эта тенденция для казахстанских банков, которые стремятся за счёт развития интернет- и мобильного банкинга повысить свою конкурентоспособность и привлечь дополнительных клиентов [6].

Интернет-банкинг и мобильный банкинг (далее – ИБ и МБ) – наиболее оптимальные формы банковского обслуживания клиентов, где традиционные каналы обслуживания являются нерентабельными. Однако особенно важным является обеспечение необходимого уровня надёжности и качества оказываемых услуг [4].

Для решения данной проблемы необходимо ответить на следующие вопросы:

– В чём проявляется специфика восприятия качества банковских услуг клиентом в общем и электронных банковских услуг в частности?

– Какими параметрами можно определить качество услуг интернет-банкинга?

– Каким образом можно провести оценку качества услуг ИБ и МБ?

– Какие факторы необходимо учитывать при продвижении банками услуг ИБ и МБ?

Таким образом, основная цель исследования – проведение анализа удовлетворённости пользователей ИБ и МБ различных казахстанских банков качеством оказываемых услуг.

С этой целью необходимо выяснить:

– какие социальные группы являются наиболее активными пользователями услуг ИБ и МБ на текущий момент времени;

– какова активность данных пользователей;

– насколько пользователи доверяют системе ИБ и МБ;

– с какими основными трудностями сталкиваются пользователи услуг ИБ и МБ казахстанских банков;

– какова сфера использования услуг ИБ и МБ;

– является ли в целом система ИБ и МБ конкретного банка удобной для пользователя.

На основании проведённого исследования сформулировать рекомендации по повышению качества данных банковских услуг.

Методология. Данное исследование осуществлено с применением трёх методов: исследование публикаций по данной теме; исследование электронных сайтов коммерческих банков в части электронного банковского обслуживания; а также социологического опроса населения города Семей. Социологическое исследование проведено по методу convenience sampling с использованием стандартного пакета Tilda.ws. Использован графический анализ данных.

Терминологический анализ дефиниции «качество интернет-банкинга»

Для определения понятия качества услуг интернет-банкинга необходимо первоначально исследовать дефиницию «качество банковских услуг».

Представители разных научных школ и направлений неодинаково трактуют понятие «качество банковских услуг».

В первую очередь необходимо отметить, что восприятие качества банковской услуги существенно отличается от восприятия качества какого-либо товара в силу определённой специфики:

– банковская услуга неосвязаема, и в силу этого отсутствуют «материальные» показатели качества;

– разные клиенты неодинаково могут воспринимать качество одной и той же услуги в банке в силу разного уровня финансовой грамотности, уровня информированности, а также социально-психологических факторов, влияющих на процесс взаимодействия с сотрудниками банка. Кроме того, у всех клиентов различный опыт предшествующего обслуживания в данном банке. Поэтому личные ожидания различных клиентов не совпадают с фактическим восприятием качества услуг [7, 8];

– основными аспектами качества для клиентов банка являются надёжность и безопасность и лишь потом – оперативность, ответственность, коммуникации [9];

– понятие качества услуги определяется не только конечным результатом, полученным клиентом банка, а также самим процессом обслуживания;

– «качество банковской услуги» не сохраняется, оно может изменяться с течением времени в силу влияния различных факторов, а также самих участников процесса банковского обслуживания [6].

Необходимо отметить, что существуют различные группы участников процесса обслуживания клиентов банка, для которых цели в области качества банковской услуги будут определяться неодинаково (табл. 1).

Для оценки качества услуг в зарубежной практике были разработаны две основные модели – двухфакторная модель и пятиступенчатая модель качества услуги. Двухфакторная модель, разрабо-

танная Gronroos С. (1991), основана на двух важных аспектах – важно не только **что** клиент получает от данного вида услуги, но и **как** он получает данную услугу. Таким образом, исследователь различает технические и функциональные аспекты качества. Модифицируя данную модель, мы можем предложить её применительно к оценке качества банковских услуг (рис. 1).

Пятиступенчатая модель оценки качества услуг была разработана учёными Техасского университета А. Parasuraman, V. Zeithaml & L. Berry в 1985 году. 1 ступень – разрыв между ожиданиями потребителей качества конкретной услуги и реакцией менеджеров компании на данные ожидания. 2 ступень – разрыв между пониманием менеджеров компании ожиданий потребителя и процессом внедрения системы качества. 3 ступень – разрыв между внедрённой системой качества компании и невыполнением принятых стандартов качества сотрудниками компании. 4 ступень – разрыв между существующей системой качества компании и необоснованно завышенной рекламой в СМИ данной системы качества. 5 ступень – разрыв между ожиданиями потребителей данной услуги компании и процессом предоставления данной услуги.

Исследователями отмечается, что в основе оценки клиентами качества услуги лежит 5 основных критериев: материальность, надёжность, отзывчивость, убеждённость, сочувствие. И для оценки качества банковской услуги предлагается использовать методику SERVQUAL (сокращённо от Service Quality), разработанную А. Parasuraman, V. Zeithaml & L. Berry (1988) [10].

Суть данной модели заключается в том, что первоначально потребителей просят высказать свои ожидания относительно 5 критериев качества услуги по шкале «полностью не согласен – полностью согласен», а затем высказать своё личное восприятие этих же 5 критериев качества данной услуги на примере конкретной компании. Каждый из 5 критериев выражается 4-5 специфическими показателями, характеризующими данный критерий более полно. Общее значение коэффициента качества определяется как среднее значение всех 5 основных коэффициентов качества. Значение каждого коэффициента качества определяется как среднее значение специфических показателей по данной группе, определяемых как разница между ожиданиями потребителей услуг и фактическим восприятием качества услуги.

Таблица 1

Участники процесса банковского обслуживания клиентов и цели в области качества*

№	Участники банковского обслуживания	Цели в области качества
1	Государство (в лице Центрального банка страны)	– реализация банковских услуг в строгом соответствии с действующим банковским законодательством; – финансовая устойчивость банка; – минимальный уровень рисков; – своевременность выполнения договорных, финансовых обязательств перед клиентами
2	Собственники банка, акционеры	– обслуживание клиентов банка в соответствии с действующими / утверждёнными стандартами качества банковских услуг; – повышение эффективности банковской деятельности (максимизация прибыли при снижении расходов времени и ресурсов на обслуживание); – увеличение доли лояльных клиентов
3	Сотрудники банка	– увеличение скорости обслуживания клиентов; – минимизирование риска деятельности сотрудников банка; – надёжность и безопасность обслуживания в данном банке; – реализация стандартизированных банковских услуг
4	Клиенты банка	– надёжность и безопасность обслуживания в данном банке; – высокая скорость обслуживания – оперативность; – стоимость услуги; – доверительные отношения между клиентом и сотрудниками банка; – понимание сотрудниками банка потребностей клиента; – благоприятный психологический климат, комфортность в процессе обслуживания

*Составлено авторами

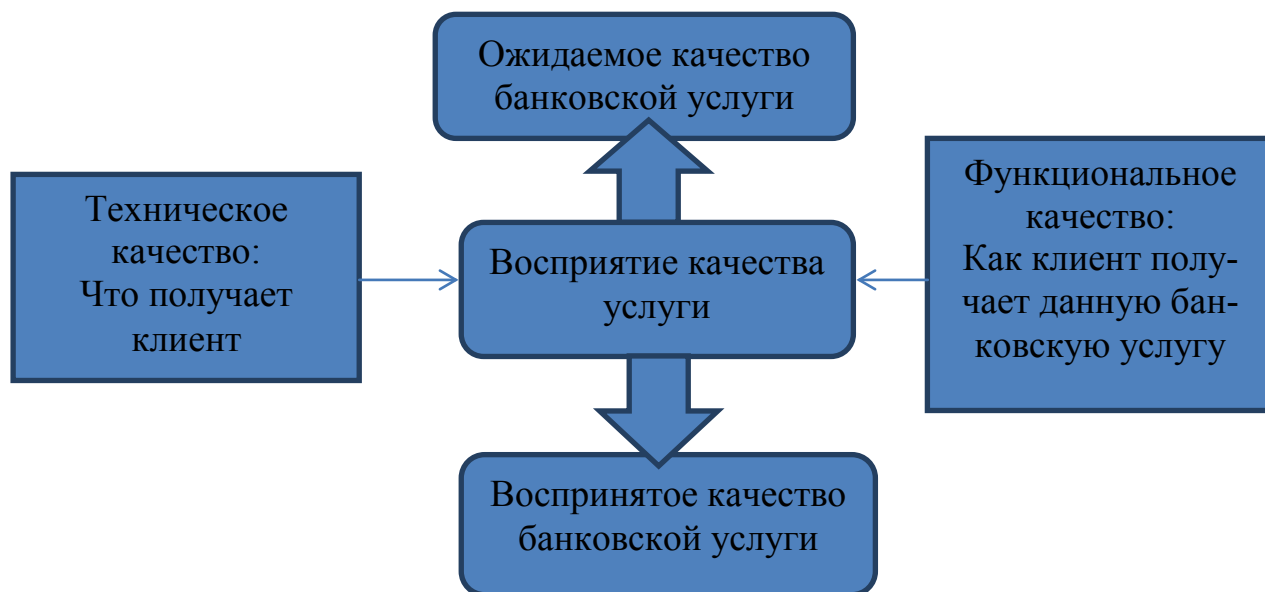

Рис. 1. Двухфакторная модель качества банковских услуг, адаптировано на основании модели Gronroos С. (1991) [11].

Данная методика уже успешно применяется в зарубежной банковской практике, однако в Казахстане коммерческие банки используют более простые методы оценки. Как правило, оценку качества банковских услуг сами банки осуществляют на основании опроса, анкетирования клиентов банка, с целью выявления нарушений со стороны банковских сотрудников принятых стандартов качества услуг, что создаёт условия для определения нерациональных / неэффективных бизнес-процессов, выявления факторов повышения качества обслуживания. Таким образом, действующая практика казахстанских банков в данном направлении – взаимодействие с существующими клиентами банка, с целью увеличения доли лояльных клиентов и привлечения новых – действительно будет способствовать улучшению качества банковских услуг и повышению прибыльности. Всё это является ещё более важным в условиях дигитализации банковских услуг.

Существует также большое количество балльно-рейтинговых методик с определением перечня ключевых показателей и их весового значения в интегральном показателе. С одной стороны, основное их преимущество – простота использования, с другой – субъективность оценки при определении весового значения каждого показателя либо шкалы баллов [6].

Выбор конкретной методики оценки качества банковских услуг зависит от того, кто осуществляет данное исследование – сам банк либо независимые внешние участники.

В различных исследованиях зарубежных авторов основной акцент делается на оценке шести основных параметров электронных банковских услуг: надёжность, оперативность реагирования, компетентность, простота использования, безопасность и ассортимент продуктов / услуг [2].

Zeithaml et al. [13] рассматривает следующие аспекты качества электронных услуг: доверие, надёжность, оперативность, эффективность, безопасность, доступ, гибкость, простота использования, эстетика сайта, персонализация и цена.

Lee and Lin [14] пришли к выводу, что доверие является наиболее важным аспектом качества электронных услуг, за которым следуют надёжность, оперативность, защита информации, дизайн и персонализация сайта.

Необходимо отметить, что некоторые из указанных параметров применимы как к традиционным банковским продуктам (депозиты, кредиты), так и к онлайн-услугам. Для каждого клиента, открывающего депозит в любом банке важны надёжность и стабильность его деятельности, доступность к полной информации о продукте, быстрое обслуживание в офисе банка и приемлемая цена, уровень процентной ставки, ставки вознаграждения.

Специфическими параметрами качества электронных банковских услуг являются дизайн и удобство банковского сайта, понятный для любого пользователя, включая людей с низкой финансовой и технической грамотностью, наличие мобильной версии интернет-банкинга (табл. 2).

Общие параметры оценки качества банковского обслуживания и специфические параметры качества услуг ИБ*

Общие параметры качества банковских операций и услуг	Специфические параметры качества услуг интернет-банкинга
Доверие клиентов к банку	Доступность услуги
Надёжность банка	Дизайн сайта
Безопасность	Лёгкость и простота использования
Защита информации	Наличие подробных инструкций для пользователей и онлайн-консультантов, чат-боты
Скорость совершения операций, оперативность обработки данных	
Цена на банковские продукты, услуги	

*Составлено авторами

В настоящее время большинство казахстанских банков предлагает достаточно надёжные сервисы в области электронных услуг, постоянно стремится расширять сферу использования, совершенствовать IT-технологии, внедрять элементы роботизации. Именно дальнейшее развитие сферы интернет-банкинга в специфических условиях Казахстана позволит существенно повысить качество банковского обслуживания.

Результаты. В целях выявления удовлетворённости пользователей услуг ИБ нами было проведено исследование на основе социологического опроса населения г. Семей, клиентов разных коммерческих банков города. Общее количество опрошенных респондентов составило 1435 человек. Опрос проводился в период с января по апрель 2019 г. путём очного анкетирования, а также в электронном виде (ссылка: <http://project1056850.tilda.ws/>).

Основная группа респондентов – это активные пользователи услуг ИБ и МБ. Из общего количества опрошенных наиболее активными пользователями являются молодёжь (до 25 лет) и люди среднего возраста (от 25 до 45 лет) – 41,3 % и 42 % соответственно (рис. 2).

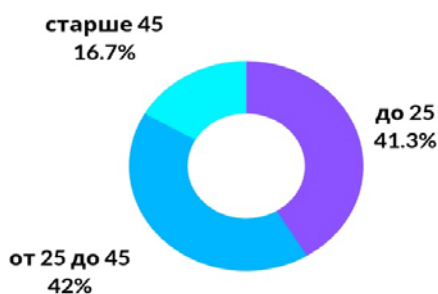

Рис. 2. Демография респондентов

Выявление основной группы активных пользователей услуг ИБ и МБ очень важно для целей исследования, так как позволит в дальнейшем правильно сформулировать рекомендации по совершенствованию действующей практики.

Из общего числа опрошенных пользователей ИБ оказались клиентами следующих коммерческих банков г. Семей (табл. 3).

Необходимо отметить, что в городе Семей, Восточно-Казахстанской области, осуществляют деятельность практически все крупные банки второго уровня (первая десятка банков), из общего количества зарегистрированных в Казахстане – 28 банков (по состоянию на начало 2019 года). При этом наибольшее количество опрошенных – пользователи услуг ИБ и МБ: Kaspi Bank, объединённого банка Казком и Народный банк, а также Forte Bank, Сбербанк, Цесна Банк, Банк Центр Кредит, Альфа Банк. На долю остальных банков пришлось небольшое количество опрошенных – Евразийский Банк, АТФ Банк, ВТБ Банк, Home Bank.

Доля клиентов коммерческих банков г. Семей пользователей услуг ИБ и МБ из числа опрошенных

№	Наименование банков	Доля пользователей, %
1	Kaspi Bank	15,3
2	Казком + Народный Банк	14,2
3	Банк Центр Кредит	13,4
4	Forte Bank	12,9
5	Цесна Банк	12,2
6	Сбербанк	11,7
7	Альфа Банк	11,2
8	Остальные банки г. Семей (Евразийский Банк, АТФ Банк, ВТБ Банк, Home Bank)	9,1

Основная доля пользователей ИБ является достаточно активной и регулярно пользуется данным видом банковских услуг – 33,8 % опрошенных используют ежедневно данный сервис и 45,8 % клиентов пользуются ИБ как минимум 1 раз в неделю, что в целом составляет почти 80 % (рис. 3).

Общеизвестный факт – количество пользователей мобильного банкинга как версии интернет-банкинга с доступом к системе через смартфон постоянно увеличивается. И здесь принципиально важным является разработка удобной программы и версии для смартфонов. Как правило, большинство активных пользователей ИБ одновременно являются также пользователями и мобильного банкинга. 93 % опрошенных являются пользователями мобильной версии ИБ (рис. 4).

Рис. 3. Активность пользователей услуг ИБ

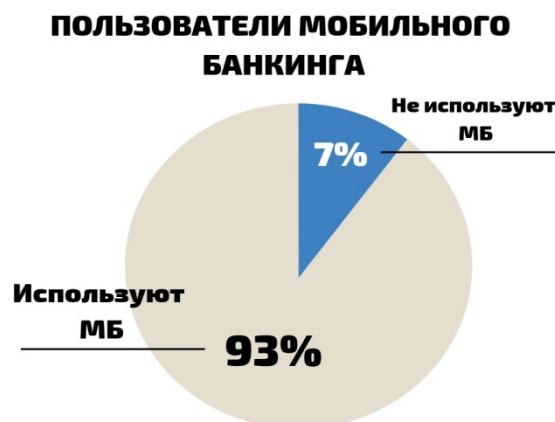

Рис. 4. Доля активных пользователей ИБ, использующих МБ

7 % опрошенных не используют мобильный банк в силу разных причин:

- низкая техническая грамотность: не знают, как правильно установить программу на смартфоне, как правильно её запустить и пользоваться;
- не уверены в безопасности предоставления услуг через МБ;
- низкая финансовая грамотность пользователей;
- считают данный вид сервиса неудобным для себя;
- считают данный вид услуг дополнительной возможностью для банка заработать больше денег.

Перечень операций, совершаемых пользователями в системе ИБ и МБ, является достаточно стандартным во всех банках, различны лишь внутриванковские комиссии. Так, большинство пользователей осуществляют оплату услуг операторов сотовой связи (74 %), интернета (44 %) оплачивают коммунальные услуги (24 %), оплата товаров в сети интернет-магазинов (20 %), оплата телевидения (17 %) и городских телефонов (11 %), оплата штрафов (11 %), налогов (8 %) и билетов на транспорт (8 %), оплата учёбы (6 %) и других услуг коммерческих организаций (5 %).

Ежегодно банки расширяют перечень предлагаемых услуг в системе ИБ. Так, сравнительно новым стало получение потребительского кредита клиентом, имеющим счета в данном банке. Клиенту достаточно заполнить онлайн-заявку и отправить её на рассмотрение. Открытие депозита в системе ИБ некоторых банков – также новый вид услуг, так как ранее требовался личный визит клиента в офис банка.

Увеличение сферы интернет-банкинга и мобильного банка и рост числа пользователей данных услуг позволяют существенно повысить эффективность деятельности банка, увеличить прибыль, снизить потери времени и ресурсов на обслуживание клиентов в офисах банков.

Для целей нашего исследования нам представляется очень важным выявление степени доверия активных пользователей системы ИБ – считает ли клиент банка безопасным совершение операций в системе интернет-банкинга? Так как именно убеждённость клиентов в безопасности и надёжности системы ИБ является основным критерием оценки качества данного вида услуг.

В результате опроса выявлено, что только 43,5 % опрошенных пользователей полностью уверены в безопасности системы ИБ. 47,5 % активных пользователей не совсем уверены в полной безопасности ИБ и лишь 9 % опрошенных полностью не доверяют ИБ (рис. 5).

Как показывает исследование, к числу «сомневающимся» в безопасности услуг ИБ относятся в основном пользователи в возрасте от 25 до 45 лет, а также старше 45. К числу «не доверяющих» клиентов в основном относятся люди в возрасте старше 45.

ВЫЗЫВАЕТ ЛИ ДОВЕРИЕ СИСТЕМА ИНТЕРНЕТ БАНКИНГА?

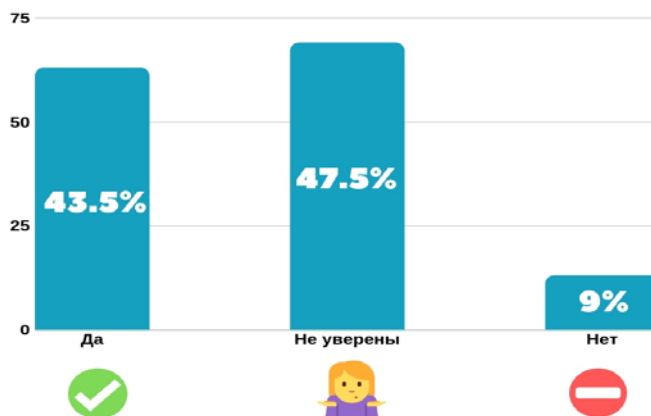

Рис. 5. Доверие пользователей системе ИБ

Таким образом, банкам необходимо уделять больше внимания разъяснению своим клиентам мер защиты системы ИБ от несанкционированного проникновения внешних пользователей, защиты информации, обеспечения бесперебойной работы системы интернет-банкинга. Именно неуверенность клиентов банка в безопасности ИБ является основным сдерживающим фактором дальнейшего развития данного вида услуг в казахстанских банках.

Конечно, мы не можем говорить о 100%-ной полной безопасности системы ИБ, так как в любом случае существуют технические риски взлома систем и хакерских атак, потери информации и средств клиентов [15]. В международной практике существует немало тому примеров. Однако развитие современных информационных технологий и внедрение роботизированных процессов, программ будет способствовать повышению надежности и качества ИБ.

Важно также выявление сложностей и трудностей в процессе использования ИБ и МБ у активных пользователей. Так, в результате опроса установлено, что лишь 20,5 % опрошенных не испытывают никаких трудностей, пользуясь услугами ИБ. 15,9 % опрошенных сталкиваются с техническими сложностями и считают, что неудобный интерфейс для пользователя, смена программы, дизайна сайта ухудшает качество обслуживания. 24,2 % опрошенных считают, что для осуществления операций в системе ИБ программа запрашивает большое количество дополнительной информации (рис. 6).

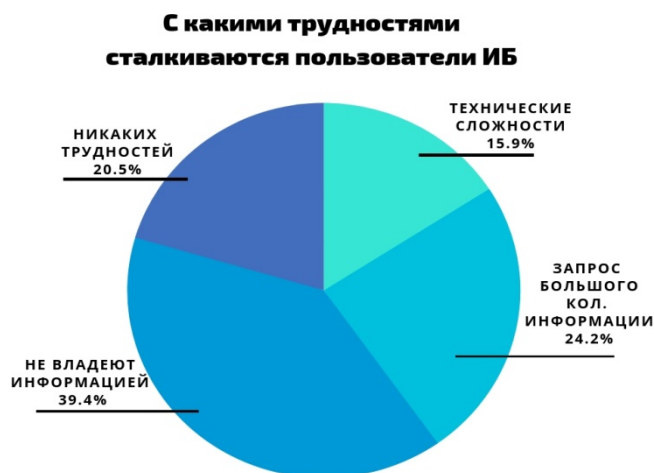

Рис. 6. Трудности, с которыми сталкиваются пользователи услуг ИБ

При этом 39,4 % пользователей считают, что не владеют в достаточной мере всей информацией, необходимой для совершения большего количества операций в системе ИБ и МБ. Недостаток данной информации для пользователей и в целом низкая финансовая грамотность населения «тормозит» расширение сферы ИБ. Данный вывод также подтверждается следующими данными. В целом 47,3 % опрошенных считают систему ИБ и МБ в своём банке удобной для использования и 52,7 % считают её неудобной для себя (рис. 7).

Рис. 7. Оценка пользователей услуг ИБ и МБ с точки зрения удобства

В рамках данного проекта дополнительно было проведено исследование сайтов всех вышеуказанных банков, чтобы выяснить, с точки зрения пользователей ИБ, насколько удобен и понятен дизайн сай-

та, есть ли в данном банке круглосуточное онлайн-консультирование, необходимые инструкции по подключению к ИБ и МБ и обучающие видеоролики для пользователей (табл. 4).

Таким образом, из всех рассматриваемых 10 банков, только *Банк ЦентрКредит и Forte Bank* (10 баллов) имеют все необходимые подробные инструкции и обучающее видео по подключению к системе ИБ, также Call-center и онлайн-чаты, с помощью которых клиенты в любое время могут задать интересующие вопросы. Также необходимо отметить, что структура и дизайны сайтов этих банков, по мнению пользователей, очень простые, логичные и понятные.

Далее по шкале оценок следуют *Банк ВТБ и Альфа Банк* (9 баллов), которые располагают на своём сайте инструкции для пользователей по подключению к ИБ, есть Call-center. Сайт понятный и логичный, с отдельными входами в ИБ для физических и юридических лиц.

Все остальные банки (ниже по шкале оценок), как правило, не имеют подробных инструкций либо обучающего видео для своих клиентов, есть только Call-center. При этом дизайн сайтов не всегда удачный – простому пользователю сложно ориентироваться в географии сайта.

Результаты исследования. Таким образом, результаты данного исследования позволили нам сформулировать следующие проблемы в развитии услуг ИБ казахстанских банков:

1. Неудобный интерфейс системы ИБ или МБ отдельных банков.
2. Технические сбои в работе системы ИБ.
3. Низкая финансовая грамотность населения.
4. Нежелание некоторых клиентов использовать технические и технологические инновации – технофобия.

Таблица 4

Оценка сайта банка с позиции пользователей ИБ*

	Наименование банка	Наличие чат-бота/ онлайн-консультант	Наличие на сайте инструкций по подключению ИБ, видео	Дизайн сайта, удобство и простота использования для пользователей ИБ	Оценка по 10-балльной системе
1	Kaspi Bank	-	Инструкции по всем услугам	Сайт ориентирован на работу с физ. лицами	8
2	Казком + Народный Банк	-	Инструкции и видео отсутствуют Call-center +	Вход в систему ИБ отдельно для физ. и юр. лиц	6
3	Forte Bank	Онлайн-чат	Инструкции и видео Call-center	Удобный и понятный сайт для любого клиента	10
4	Сбербанк Казахстан	-	Минимально инструкции, Call-center	Общий вход на сайте для пользователей ИБ	8
5	Цесна Банк	Чат-бот	Инструкции и видео отсутствуют Call-center +	Вход в ИБ отдельно для физ. и юр. лиц	7
6	Банк ЦентрКредит	Чат-бот	Инструкции и видео Call-center	Удобный и понятный сайт	10
7	Евразийский Банк	-	Минимально инструкции Call-center	Вход в ИБ для физ. и юр. лиц общий	8
8	Альфа Банк	Онлайн-чат WhatsApp	Минимально инструкции Call-center	Простой сайт. Вход в ИБ отдельно для физ. и юр. лиц	9
9	АТФ Банк	Онлайн-чат WhatsApp	Call center	Вход в ИБ для физ. и юр. лиц общий	7
10	Банк ВТБ	-	Минимально инструкции Call center	Понятный сайт. Вход в ИБ отдельно для физ. и юр. лиц	9

*Составлено авторами на основе исследования сайтов анализируемых банков и отзывов пользователей / клиентов банков

Рекомендации. Авторами предложены следующие рекомендации по развитию и повышению качества услуг ИБ и МБ:

1. Каждому банку, предлагающему на рынке сервис ИБ и МБ, необходимо своевременно проводить тестирование системы, совершенствовать программу и пересмотреть дизайн сайтов банков в целом и ИБ в частности с точки зрения простоты использования клиентом.

2. Предусмотреть для клиентов с низкой финансовой грамотностью обучающие видеоролики и подробные инструкции по правильному подключению к системе ИБ и МБ. Внедрять использование роботизированных программ онлайн – чат-боты для консультирования клиентов по перечню стандартных вопросов.

3. Использовать интегрированные маркетинговые коммуникации и рекламу банков для более активного продвижения услуг ИБ и объяснения преимуществ новейших сервисов.

Мобильное приложение ИБ в настоящее время является каналом заказа новых банковских продуктов (карт, открытия вкладов, заявок на кредиты), а не только инструмент управления имеющимися у клиента счетами. Необходимо изменить стратегии развития отечественных банков и «перенастроить» их на электронные каналы продаж. В отечественной практике банками активно стал использоваться новый сервис – объединение Apple Pay и Google Pay, что позволяет клиенту достаточно просто совершать основные платежи с использованием смартфона. Но здесь важно предложить клиенту в максимальной степени комфортное и удобное с технологической точки зрения приложение. Многие казахстанские банки ещё технологически не готовы к таким изменениям. Однако будущее банковской отрасли лежит именно в сфере электронных банковских услуг. Количество операций, которые клиент может совершить с помощью мобильного банкинга, ежегодно будет увеличиваться. Тот банк, который сможет предложить на рынке наиболее оптимальную и удобную для клиентов версию интернет- и мобильного банкинга, будет лидером в банковском бизнесе.

Библиографический список

1. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Финансовый супермаркет – Pro и Contra // Вестник Инновационного Евразийского университета . № 1 (37), 2010. С. 21–27.
2. Каирденов С. С., Патласов О. Ю. Исламские банковские продукты: восприятие клиентов в светских государствах.// Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал. Омск: Изд-во НОУ ВПО «ОмГА», 2013. № 4. С. 25–33.
3. Каирденов С. С., Патласов О. Ю. Емкость рынка исламского банкинга. // Вестник СибАДИ. 2017, № 2 (54). С. 166–175.
4. Shustova E., Blagoev V. Risk management in the Internet Banking: the Case of Kazakhstan. *Economic Studies*. 2018. № 5. P. 135–147.
5. Шустова Е. П. Анализ развития электронных банковских услуг в Казахстане 2014–2017 гг. Сибирская финансовая школа. 2018. № 3 (128). С. 69–78.
6. Шустова Е. П. Качество банковских услуг как фактор конкурентоспособности./ Конкурентный потенциал развития экономики России в условиях нового технологического уклада: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой памяти заслуженного экономиста России профессора Р. М. Гусейнова : отв. за вып. В. А. Семенихина; Новосиб. гос. архитектур.-строит. ун-т (Сибстрин). Новосибирск: НГАСУ (Сибстрин), 2015. 403 с. С. 96–102.
7. Lewis R. C. and Booms B. H. “The Marketing Aspects of Service Quality,” *Emerging Perspectives on Services Marketing*. 1983, vol. 65 (4), pp. 99–107.
8. Gronroos C. *Strategic Management and Marketing in the Service Sector*. Marketing Science Institute, Cambridge, Massachusetts, USA. 1983.
9. Johnston R. “The Determinants of Service Quality: Satisfiers and Dissatisfiers,” *International Journal of Service Industry Management*. 1995, vol. 6(5), pp. 53–71.
10. Parasuraman A., Zeithaml V. & Berry L. Servqual: a multipleitem scale for measuring consumer perceptions of service quality, *Journal of Retailing*. 1988, vol. 64. (Spring), pp. 12–40.
11. Gronroos C. A service quality model and its marketing implications. *European Journal of Marketing*. 1991, vol. 18, no. 4, pp. 36–44.
12. Yang Z., Jun M. and Peterson R. T. Measuring Customer Perceived Online Service Quality: Scale Development and Managerial Implications. *International Journal of Operations and Production Management*. 2004, vol. 24 (11), pp. 1149–1174.
13. Zeithaml V. A., Parasuraman A. and Malhotra A. A Conceptual Framework for understanding e-Service Quality: Implications for Future Research and Managerial Practice. *Marketing Science Institute Monograph*. 2000, p. 115.

14. Lee G. G. and Lin H. F. Customer Perceptions of e-Service Quality In Online Shopping. *International Journal of Retail and Distribution Management*. 2005, vol. 33 (2), pp. 161–176.

15. Шустова Е. П. Оценка качества банковских услуг на современном этапе. / Развитие управленческого консалтинга в регионах: сборник научных статей по материалам II международной научно-практической конференции, 28 мая 2015 г. : под ред. Е. Е. Швакова, С. П. Балашевой, Р. А. Самсонова и др. Барнаул: Азбука, 2015. С. 181–186.

16. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry L. A conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*. 1985, vol. 49 (Fall), pp. 41–50.

V. I. Blagoev

Professor, PhD, Vice-rector,

Varna University of Management (VUM),

149B Tsarigradsko shose, 1784, Sofia, Bulgaria

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-3422-7951>

Scopus Author ID: 26433077600

e-mail: blagoev@vum.bg

E. P. Shustova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, PhD,

Head of the International Cooperation Department,

Kazakh Humanitarian Law Innovative University

11 Lenina st., 071400, Semey, Republic of Kazakhstan,

ORCID iD: <https://orcid.org/0000-0003-1685-912X>

Scopus Author ID: 57204011490

e-mail: shustova_yelena@mail.ru

QUALITY ASSESSMENT OF INTERNET BANKING SERVICES IN KAZAKHSTAN

Introduction. The study is devoted to the problem of improving the quality of electronic banking services i.e. Internet banking and mobile banking.

Methodology. The study was conducted using the methods of economic theory, analysis and synthesis, also using a sociological survey of 1435 users of Internet banking and mobile banking services in Kazakhstan.

Results. The problems in the development of Internet banking and mobile banking services in the practice of the leading banks in Kazakhstan, formulated recommendations for improving the quality of electronic banking services have been identified.

Conclusions. It is necessary to change the development strategies of domestic banks and “reconfigure” them into electronic sales channels. The future of the banking industry lies precisely in the field of electronic banking services. The number of operations that a client can perform using mobile banking will increase in the future. The bank that will be able to offer optimal and convenient version of Internet and mobile banking to the customers will be the market leader in the banking business. Each bank offering the Internet banking and mobile banking on the market needs to revise the design and structure of bank websites in terms of simplicity and comfort of use for the client. The clients have to be supported with training instructions, information for the new services. It will be very important to introduce robotized programs, online consulting, chat bots into the practice of the banks. All these measures will improve the quality of this type of banking services

Keywords: quality of banking services, criteria of quality banking services, assessment of quality of banking services, quality of Internet banking and mobile banking services.

References

1. Patlasov O. Y., Sergeyenko O. V. Finansial supermarket – Pro & Contra. *The Herald of Innovation Eurasian University*. Pavlodar, 2010, no. 1 (37), pp. 21–27.

2. Kairdenov S. S., Patlasov O. Y. Islamic banking production: the perception of its clients from secular countries. *The Science of Person: Humanitarian Researches*. Omsk: OmHA Press, 2013. no. 4, pp. 25–33.

3. Kairdenov S. S., Patlasov O. Y. The capacity of Islamic banking . *The Herald of the Siberian State Automobile and Highway University*. Omsk: SibADI Press, 2017, no. 2 (54), pp. 166–175.

4. Shustova E., Blagoev V. Risk management in the Internet Banking: the Case of Kazakhstan. *Economic Studies*. 2018, no. 5, pp. 135–147.

5. Shustova E. P. *Analysis of development of electronic banking services in Kazakhstan 2014-2017 Siberian Financial School*. 2018, no. 3 (128), pp. 69–78.
6. Shustova E. P. Quality of banking services as a factor of competitiveness . *Competitive potential for the development of the Russian economy in the new technological mode: materials of the international scientific-practical conference dedicated to the memory of the Honored Economist of Russia, Professor R.M. Guseynov* : responsible for the issue of V.A. Semenikhin; Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering (Sibstrin) Novosibirsk: NSACE (Sibstrin), 2015, pp. 96–102.
7. Lewis R. C. and Booms B. H. The Marketing Aspects of Service Quality. *Emerging Perspectives on Services Marketing*. 1983, vol. 65 (4). pp. 99–107.
8. Gronroos C. *Strategic Management and Marketing in the Service Sector*. Marketing Science Institute, Cambridge, Massachusetts, USA. 1983.
9. Johnston R. The Determinants of Service Quality: Satisfiers and Dissatisfiers. *International Journal of Service Industry Management*. 1995, vol. 6(5), pp. 53–71.
10. Parasuraman A., Zeithaml V. & Berry L. Servqual: a multipleitem scale for measuring consumer perceptions of service quality. *Journal of Retailing*. 1988, vol. 64. (Spring), pp. 12–40.
11. Gronroos C. A service quality model and its marketing implications. *European Journal of Marketing*. 1991, vol. 18, no. 4, pp. 36–44.
12. Yang Z., Jun, M. and Peterson R. T. Measuring Customer Perceived Online Service Quality: Scale Development and Managerial Implications. *International Journal of Operations and Production Management*. 2004, vol. 24 (11), pp. 1149–1174.
13. Zeithaml V. A., Parasuraman A. and Malhotra A. A. *Conceptual Framework for understanding e-Service Quality: Implications for Future Research and Managerial Practice*. Marketing Science Institute Monograph. 2000, p. 115.
14. Lee G. G., and Lin H. F. Customer Perceptions of e-Service Quality In Online Shopping. *International Journal of Retail and Distribution Management*. 2005, vol. 33 (2), pp. 161–176.
15. Shustova E. P. Assessment of the quality of banking services at the present stage. *Development of management consulting in the regions: a collection of scientific articles on the materials of the II International Scientific Conference, May 28, 2015* : edited by E. E. Shvakova, S. P. Balasheva, R. A. Samsonova, etc. Barnaul: Azbuka, 2015, pp. 181–186.
16. Parasuraman A., Zeithaml V., Berry L. A conceptual model of service quality and its implications for future research. *Journal of Marketing*. 1985, vol. 49 (Fall), pp. 41–50.

Поступила в редакцию 26.05.2019

© В. И. Благоев, Е. П. Шустова, 2019

Авторы статьи:

Веселин Иванов Благоев, доктор экономических наук, профессор, проректор, Университет менеджмента Варна, Республика Болгария, София, 1784, Царградско шоссе, 149В, e-mail: blagoev@vum.bg

Елена Павловна Шустова, кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела международного сотрудничества, Казахский гуманитарно-юридический инновационный университет, Республика Казахстан, 071400, ВКО, г. Семей, ул. Ленина, 11, e-mail: shustova_yelena@mail.ru

Рецензенты:

Л. Ю. Руди, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории, Новосибирский государственный университет экономики и управления.

Е. Е. Шваков, доктор экономических наук, профессор, и. о. первого проректора по учебной работе, Алтайский государственный университет, Барнаул.

Л. В. Зинич, Н. А. Кузнецова,
Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина

РЫНОК ТРУДА: ФОРМИРОВАНИЕ БАЛАНСА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Проблема и цель. Исследование по проблеме формирования и регулирования трудового потенциала сельских территорий. Цель статьи – разработка баланса трудовых ресурсов как основа для прогнозирования социально-экономического развития сельской местности региона.

Методология. Исследование проводилось на основе конъюнктурных исследований, обобщении и систематизации научных и статистических данных.

Результаты. В статье сформулирована авторская позиция по адаптации кадров к современным условиям мирохозяйственных связей, совершенствованию системы профессиональной подготовки и переподготовки кадров в направлении её большего соответствия требованиям рынка труда. Предложена методика, позволяющая выявить диспропорции между директивными установками долгосрочных целевых программ и их кадровым обеспечением.

Выводы. Реализация предложенных в исследовании разработок позволит выявить в составе населения сельских поселений дополнительные резервы для вовлечения в производственный сектор. Положительный эффект обеспечит оптимизация сети учебных заведений профессионального образования, развитие государственно-частного партнёрства в сфере подготовки рабочих кадров.

Ключевые слова: баланс трудовых ресурсов, сельское население, кадровое обеспечение, диспропорции, кадровый потенциал.

Проблема и цель. Одной из приоритетных задач, обозначенных в Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., является формирование и регулирование трудового потенциала сельских территорий [1].

В государственных программах формируются требования к профессионально-квалификационной структуре и качеству кадрового обеспечения, которые обязана осуществлять система образования. Источником совокупного спроса и предложения рабочей силы выступает рынок трудовых ресурсов. Целью развития рынка труда является достижение количественного и структурного согласования спроса и предложения на рабочую силу. Количественное обеспечение кадрами, их профессионально-квалификационный уровень, структурное соответствие являются характеристиками совокупного предложения.

В целях привлечения в сферу аграрного производства квалифицированных специалистов и закрепления их на селе необходимо решение имеющихся проблем программно-целевым методом, который базируется на реализации ключевых документов и целевых программ по развитию сельских территорий [2]. В этих документах предложены директивные установки и целевые индикаторы, достижение которых будет способствовать решению социально-экономических задач на селе в соответствии с приоритетами государственной аграрной политики.

Проведённые научные исследования трудовых ресурсов сельских районов Омской области позволили оценить текущую ситуацию на локальных рынках труда, выявить территории с напряжённой ситуацией и представить обобщающую характеристику трудовых ресурсов муниципальных районов.

Методология. Анализ состояния и использования трудовых ресурсов сельских территорий Омской области проводился на основе конъюнктурных исследований. Применялись собственные расчёты оценочной численности населения в трудоспособном возрасте.

Результаты. По результатам исследований предложена система количественных и качественных показателей, ориентация на которые должна быть в первую очередь при составлении баланса трудовых ресурсов при реализации программ социально-экономического развития на долгосрочную перспективу (таблица 1).

Система количественных и качественных показателей,
отражающая конъюнктуру на рынке труда при разработке баланса трудовых ресурсов

Показатели по целевым индикаторам программ развития села	Дополнительные сведения о сельскохозяйственном предприятии и среднесрочное планирование деятельности хозяйства (по анкете)
<ol style="list-style-type: none"> 1. Количество созданных рабочих мест на селе 2. Закрепление в сельском хозяйстве молодых специалистов 3. Среднегодовая численность занятых в экономике 4. Количество принятых на работу в сельскохозяйственные организации и фермерские хозяйства молодых специалистов, окончивших учреждения высшего и среднего профессионального образования 5. Количество прошедших повышение квалификации, из числа специалистов и рабочих массовых профессий АПК 6. Количество прошедших повышение квалификации и профессиональную переподготовку, из числа руководителей сельхозорганизаций и фермерских хозяйств 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Организационно-правовая форма 2. Планирование изменения масштабов деятельности хозяйства 3. Планирование внедрения новых способов производства сельскохозяйственной продукции 4. Причины невозможности или отказа от внедрения передовых способов производства сельскохозяйственной продукции 5. Потребность хозяйства в дополнительных производственных кадрах при внедрении передовых методов производства продукции и (или) увеличении производственных масштабов деятельности 6. Оценка уровня организации технологий, применяемых в хозяйстве 7. Оценка соответствия уровня применяемых технологий эффективности производства 8. Оценка работы специалистов в целом
Количественные показатели	Качественные показатели
<ol style="list-style-type: none"> 1. Численность постоянного населения в муниципальных районах 2. Численность родившихся и умерших в муниципальных районах 3. Количество мужчин и женщин трудоспособного возраста 4. Численность трудовых ресурсов сельских территорий 5. Количество занятых в экономике по видам экономической деятельности 6. Учащиеся в трудоспособном возрасте, обучающиеся с отрывом от работы 7. Население в трудоспособном возрасте: занятые в домашнем и личном подсобном хозяйстве, безработные и др. население, не занятое в экономике 8. Общая численность безработных 9. Сальдо «маятниковой» трудовой миграции 10. Среднегодовая численность производственных кадров в хозяйстве 11. Количество производственных кадров, владеющих дополнительными и (или) смежными профессиями; 12. Количество производственных рабочих, прошедших переподготовку и (или) повышение квалификации за последние три года 13. Обеспеченность хозяйства производственными кадрами 14. Сведения о специалистах хозяйства (возраст, пол, образование, стаж работы) 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Возрастной состав производственных кадров 2. Профессиональная подготовка производственных кадров 3. Квалификационный уровень производственных рабочих в хозяйстве 4. Уровень образования производственных рабочих при поступлении в хозяйство 5. Основные причины выбытия производственных кадров из хозяйства 6. Каналы профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов и производственных рабочих 7. Количество специалистов, прошедших переподготовку и повышение квалификации 8. Количество производственных рабочих, прошедших переподготовку и повышение квалификации; 9. Инициаторы профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов и производственных рабочих 10. Финансирование курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов и производственных рабочих 11. Причины непрохождения специалистами и производственными рабочими курсов профессиональной переподготовки и повышения квалификации

В основных документах по развитию села целевые индикаторы в части развития кадрового потенциала либо отсутствуют, либо разрознены и не согласованы между собой. Отсюда возникает несоответствие планируемых результатов с фактическим состоянием дел в сельском хозяйстве, что

приводит к появлению диспропорций между директивными установками долгосрочных целевых программ и их кадровым обеспечением (отраслевые, территориальные, социально-демографические и структурные диспропорции).

Для выявления глубины структурных диспропорций необходимо их исследование с помощью относительных показателей, что позволит обеспечить сопоставимость различных муниципальных образований Омской области независимо от различий в численности их населений и масштаба экономики. Что, в свою очередь, будет способствовать устранению территориальных и отраслевых диспропорций.

Таблица 2

Относительные показатели оценки кадрового потенциала [3]

<i>Коэффициент занятости населения</i> отражает степень задействования трудовых ресурсов в экономике региона	$K_{\text{зан.}} = \frac{S_{\text{зан.}}}{S_{\text{тр.}}} * 100$	$S_{\text{зан.}}$ – численность занятого населения, чел. $S_{\text{тр.}}$ – численность трудовых ресурсов, чел.
Оценка уровня значимости, потенциальной загруженности каждого экономически активного члена общества проводится с помощью <i>коэффициента экономической загрузки</i>	$K_{\text{наг.}} = \frac{S_{\text{сг.}}}{S_{\text{зан.}}} * 100$	$S_{\text{сг.}}$ – среднегодовая численность всего населения, чел. $S_{\text{зан.}}$ – среднегодовая численность экономически активного населения, чел.
<i>Коэффициент вакантности</i> показывает, какое количество занимающихся трудовой деятельностью приходится на одну вакансию	$K_{\text{н.}} = \frac{S_{\text{зан.}}}{N_{\text{вак.}}} * 100$	$N_{\text{вак.}}$ – число вакантных должностей
<i>Коэффициент напряжённости на рынке труда</i> (моментный, среднегодовой)	$K_{\text{н.}} = \frac{S_{\text{незан.}}}{N_{\text{вак.}}} * 100$	$S_{\text{незан.}}$ – зарегистрированная численность не занятого трудовой деятельностью или безработного населения, чел.

Сопоставление данных показателей во времени помогает раскрыть динамику влияния различных факторов на занятость населения и напряжённость на рынке труда.

В дополнение к существующему механизму формирования баланса трудовых ресурсов в сельской местности региона предлагается осуществлять на постоянной основе мониторинг потребности сельскохозяйственных организаций Омской области в работниках по профессионально-квалификационному признаку.

Мониторинг потребности в работниках организаций Омской области, проведённый в 2018 г., позволил выявить основную проблему: дисбаланс спроса и предложения рабочей силы на рынке труда, в том числе по уровням профессионального образования работников. Наибольшая потребность сельскохозяйственных организаций ожидается в специалистах с начальным профессиональным образованием – 59 % (необходимы животноводы, операторы, машинисты установок, трактористы-машинисты, овощеводы), далее следуют неквалифицированные работники – 24 % (требуются рабочие по уборке урожая, пастухи, заготовщики), потребность в руководителях – 9 %, в специалистах с высшим профессиональным образованием – 8 % (нужны агрономы, почвоведы, агрохимики).

Для устранения дисбаланса спроса и предложения рабочей силы на рынке труда Омской области и подготовки для сельского хозяйства региона кадров определённого количества и соответствующего современным требованиям качества необходим комплексный программный подход с использованием принципа стратегического планирования. Реализация возможна путём решения следующих задач: подготовка специалистов с учётом потребности аграрного производства; создание условий для закрепления специалистов в сельской местности; улучшение качества их подготовки и повышения квалификации с учётом современных требований рынка труда; обучение кадров, способствующее внедрению передовых технологий и формированию производственной культуры [4–6].

Комплексная программа по обеспечению сельской местности региона трудовыми ресурсами с учётом его социально-экономического развития на долгосрочную перспективу предполагает несколько этапов:

Первый этап – определение цели и задач программы. Цель программы – подготовка высококвалифицированных руководителей и специалистов, умеющих конкурировать на рынке аграрного труда региона. В соответствии с поставленной целью, задачами программы являются определение формы организации и контроля кадрового обеспечения АПК региона с учётом его социально-экономического развития; подготовка специалистов в соответствии с требованиями рынка аграрного труда и научно-технического прогресса; установление объёмов и каналов финансирования.

Второй этап предполагает сбор информации, достаточный для разработки основных направлений и мероприятий программы. Анализ сложившейся ситуации в регионе проводится на основании сведений о кадровом составе, образовании и возрасте персонала, факторах, влияющих на распределение и текучесть кадров, стремление повышать квалификацию. На данном этапе важен социологический анализ намерений учащихся в выборе специальности и дальнейшего трудоустройства, а также причин, сдерживающих трудоустройство выпускников в селе. Важным моментом является прогнозирование демографической ситуации, позволяющее планировать мероприятия исходя из реальных возможностей.

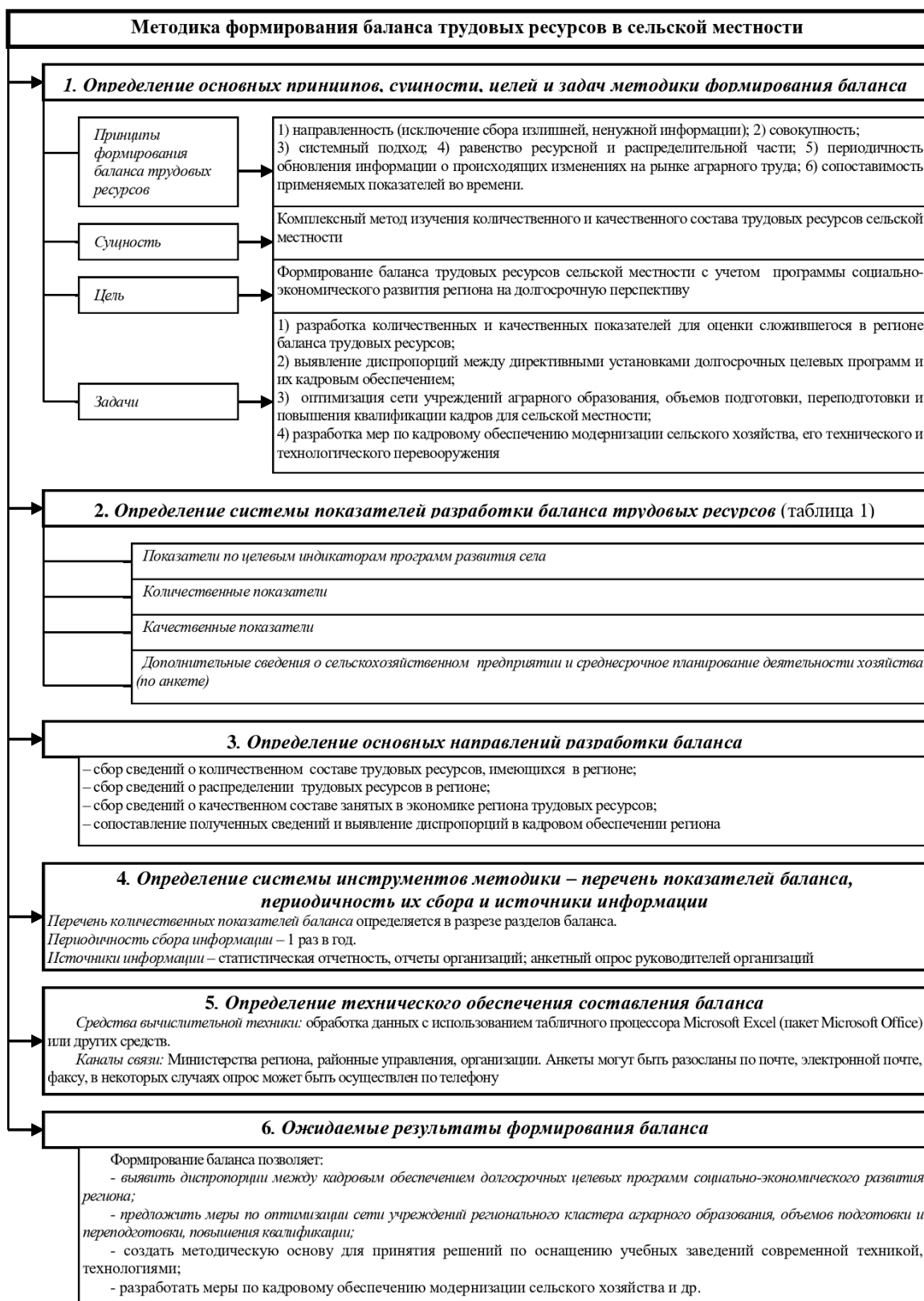
На третьем этапе необходимо разработать систему мероприятий для решения поставленных задач, определить сроки исполнения и ответственных за каждое мероприятие, определить орган, осуществляющий контрольные функции.

Конъюнктурные обследования позволяют оценить уровень организации технологий в животноводстве и растениеводстве, потребность хозяйств в дополнительных кадрах при внедрении передовых методов производства и соответствие уровня технологий эффективности производства.

На основании полученных результатов была разработана методика формирования баланса трудовых ресурсов в сельской местности (рис.).

Данная методика позволяет проводить оценку соответствия потенциала работников уровню технологической оснащённости предприятия, формировать новые функции, стимулировать труд высокого качества и принимать эффективные управленческие решения. Формирование баланса трудовых ресурсов позволит оценить уровень сбалансированности и структурные пропорции кадрового обеспечения на рынке труда и, как следствие, повысить результативность регулирования процессов формирования и использования трудовых ресурсов.

Выводы. Таким образом, реализация предложенных в исследовании разработок позволит выявить в составе населения сельских поселений дополнительные резервы для вовлечения в производственный сектор до 4–5 % работников; оптимизация сети учебных заведений профессионального образования, развитие государственно-частного партнёрства в сфере подготовки рабочих кадров повысит удельный вес рабочих и специалистов среднего звена, способных обслуживать высокотехнологичное оборудование в отраслях производства в 2–2,5 раза. Довести удельный вес высококласных рабочих и техников до 60 %.

Методика формирования баланса трудовых ресурсов в сельской местности

Библиографический список

1. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (дата обращения: 25.02.2019).
2. Kosenchuk O. V., Aleshchenko V. V., Stukach V. F., Zinich A. V., Leushkina V. V. Study of the problems of sustainable development of rural territories. *International Journal of Economic Research*. 2016, no. 6, pp. 2391–2407.
3. Баланс трудовых ресурсов в прогнозировании развития сельской местности: региональный аспект : монография / В. Ф. Стукач [и др.] : под общ. ред. В. Ф. Стукача. Омск: Изд-во ФГБОУ ВПО ОмГАУ им. П. А. Столыпина, 2014. 252 с.
4. Данкер К. А. Российский и западный подходы к формированию конкурентоспособности персонала // Вестник ВГУ. 2014. № 1. С. 65.
5. Khairullina N. G., Gaisina L. M., Krasulina N. A., Berezhnova Z. Z., Greb A. V. International and inregional premises of formation of the labor market in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2015, vol. 6, no. 1, pp. 247–255.
6. Patlasov O. Y. Transformations of labor markets theories in response to new trends in human resources management // Актуальные проблемы экономики. 2016. № 3 (177). С. 8–15.

L. V. Zinich,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Stolypin Omsk State Agrarian University,
1 Institutskaya square, Omsk, 644008, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1648-5076>
e-mail: lv.zinich@omgau.org

N. A. Kuznetsova,

Senior Teacher,
Stolypin Omsk State Agrarian University,
1 Institutskaya square, Omsk, 644008, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0170-2499>
e-mail: na.kuznetsova@omgau.org

THE LABOUR MARKET: FORMATION OF LABOUR RESOURCES BALANCE

Introduction. It is a research on a problem of formation and regulation of rural territories labor capacity. The purpose of the article is the development of labor resources balance as a basis for social and economic development forecasting in rural areas of the region.

Materials and Methods. The research was conducted on the basis of market researches, generalization and systematization of scientific and statistical data.

Results. The author's position on staff adaptation to modern conditions of world economic communications, improvement of personnel vocational training and retraining system in the direction of its greater compliance to requirements of labor market is formulated in the article. The technique allowing revealing disproportions between directive lines of long-term target programs and their staffing is offered. In addition to the existing mechanism of formation of balance of human resources in rural areas of the region it is offered to carry out monitoring of Omsk region agricultural organizations requirements for workers on a constant basis.

Conclusions. The implementation of the project proposed in the study will make it possible to identify additional reserves in the composition of the population of rural settlements for their involvement in the production sector. The positive effect will be provided by optimization of network of educational institutions of professional education, development of public-private partnership in the sphere of training of personnel.

Keywords: balance of labor resources, rural population, staffing, qualification of personnel, human potential, human capital.

References

1. *Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030.* Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/ (accessed: 25.02.2019). (In Russian).
2. Kosenchuk O. V., Aleshchenko V. V., Stukach V. F., Zinich A. V., Leushkina V. V. Study of the problems of sustainable development of rural territories. *International Journal of Economic Research*. 2016. no. 6. pp. 2391–2407.

3. *The balance of labor resources in forecasting the development of rural areas: regional aspect* : monograph V. F. Stukach [et al.] Omsk : FGBOU VPO Omgau them. P. A. Stolypin Publ, 2014. 252 p. (In Russian).
4. Danker K. A. Russian and Western approaches to formation of competitiveness of personnel. *Vestnik VGU*. 2014, no. 1, pp. 65
5. Khairullina N. G., Gaisina L. M., Krasulina N. A., Berezhnova Z. Z., Greb A. V. International and inregional premises of formation of the labor market in Russia. *Journal of Advanced Research in Law and Economics*. 2015. T. 6. no. 1. pp. 247-255.
6. Patlasov O. Y. Transformations of labor markets theories in response to new trends in human resources management. *Actual problems of the economy*. 2016, no. 3 (177), pp. 8–15.

Поступила в редакцию 26.02.2019

© Л. В. Зинич, Н. А. Кузнецова, 2019

Авторы статьи:

Любовь Владимировна Зинич, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, 644008, Омск, Институтская пл., 1, e-mail: lv.zinich@omgau.org

Наталья Александровна Кузнецова, старший преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга, Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина, 644008, Омск, Институтская пл., 1, e-mail: na.kuznetsova@omgau.org

Рецензенты:

Р. И. Храмов, кандидат экономических наук, ведущий специалист отдела инновационной деятельности, Омский аграрный научный центр.

Б. Г. Хаиров, доктор экономических наук, профессор, зам. директора по научной работе, Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

А. А. Кораблева,
Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
Омский государственный технический университет
В. В. Карпов,
Омский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА С ПОМОЩЬЮ ИНДИКАТОРОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблема и цель. Финансовая система – один из важнейших факторов регионального социально-экономического развития и обеспечения экономической безопасности территорий. Цель статьи заключается в оценке состояния финансовой системы региона на примере Омской области.

Методология. В исследовании используется методология оценки экономической безопасности региона на основе методов группировки, трендового анализа, сравнения фактических значений индикаторов с их пороговыми значениями.

Результаты. В статье выделены элементы финансовой системы региона. Предложены индикаторы оценки состояния финансовой системы региона, их пороговые значения и методика проведения оценки. Осуществлена апробация предложенной методики. Выявлены негативные тенденции и элементы финансовой системы Омской области, находящиеся в кризисной зоне.

Выводы. Делается вывод о возможности применения методологии оценки экономической безопасности региона по отношению к поставленной задаче. Выявлено, что среди слабых сторон финансовой системы Омской области находятся объём инвестиций в экономику, уровень доходов населения и объёмы кредитования хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: финансовая система, регион, индикатор, экономическая безопасность, Омская область.

**Работа выполнена по государственному заданию Омского научного центра СО РАН
в соответствии с Программой ФНИ ГАН на 2013–2020 гг. (номер госрегистрации
проекта в системе ЕГИСУ НИОКТР АААА-А17-117041210229-2)**

Проблема и цель. Проблема исследования данной статьи находится на пересечении сущности финансовой системы и экономической безопасности региона. Так, согласно Стратегии национальной безопасности [1] и Стратегии экономической безопасности России [2] развитие финансовой системы, повышение её защищённости, накопление финансовых резервов, сохранение финансовой стабильности, сбалансированности бюджетной системы и т. д. являются важнейшими факторами обеспечения национальной и экономической безопасности. При этом региональный аспект имеет высокую значимость в обеспечении различных видов безопасности страны, поскольку на региональном уровне принимаются решения и разрабатываются мероприятия, формирующие синергетический эффект при реализации указанных Стратегий.

Целью данной статьи является проведение оценки финансовой системы Омской области с помощью индикаторов экономической безопасности в финансовой сфере. В соответствии с поставленной целью, перед авторами данной работы стоят следующие актуальные исследовательские вопросы:

Каковы элементы финансовой системы региона?

Какие показатели (индикаторы) позволяют оценить состояние финансовой системы региона?

Каково состояние финансовой системы Омской области?

Обозначенная цель и исследовательские вопросы направлены на подтверждение **гипотез** о том, что, во-первых, состояние региональной финансовой системы можно оценить с помощью индикаторов экономической безопасности региона, и, во-вторых, имеется необходимость укрепления финансовой системы Омской области.

Обзор литературы. Обобщая представления о финансовой системе региона, следует отметить, что трактовки её сущности в научных исследованиях различаются. Она понимается как подсистема социально-экономического регионального развития [3] или подсистема национальной финансовой системы [4]. Но учитывая, насколько факторы регионального развития взаимообусловле-

ны в реальности, указанные различия не противоречат, а дополняют друг друга и акцентируют внимание на всевозможных аспектах этой сложной категории. К основным элементам финансовой системы региона относится региональная система финансовых учреждений, региональный бюджет, территориальные внебюджетные фонды, ресурсы банковской сферы мезоуровня, финансы региональных предприятий и финансы домашних хозяйств. «Финансовая система также соотносится с процессами кругооборота (воспроизводства) финансовых ресурсов и продуктов на рынках, а следовательно, и с механизмами формирования денежных доходов (капитала), заключения финансовых сделок, обмена активами и финансовыми рисками» [3].

Проблемам формирования, выявлению закономерностей во взаимодействии участников финансовой системы посвящены работы зарубежных авторов. Так, E. Neave согласует неоклассическую финансовую теорию и управленческие финансы путём синтеза их основных результатов в рамках институциональной экономики [5]. Т. Beck, Н. Degryse [6] и другие авторы [7] определяют влияние масштабности и концепции построения финансовой системы на реальный сектор. М. Von Ehrlich и Т. Seide в своей работе изучают последствия развития финансовых рынков в региональном разрезе, а именно, сокращение неравенства доходов населения и предприятий определённых территорий [8]. В. Klagge, R. Martin, P. Sunley исследуют пространственную структуру финансовой системы и процессы финансирования бизнеса в европейских странах [9]. И несомненный интерес представляют публикации, посвящённые выработке перечня показателей, способных сигнализировать о надвигающемся кризисе [10] или отражающих устойчивость финансовой системы, таких как объём капитальных вложений в финансовую и страховую деятельность, добавленная стоимость финансовой и страховой деятельности, а также стоимость производства и покупки товаров и услуг финансовыми организациями [11].

Подобным же образом российские учёные проводят исследования сущности и дают оценку финансовой системы в различных ракурсах: оценивается финансовый потенциал региона [12], устойчивость финансовой системы [13; 14] и риски её развития [15], анализируются принципы формирования [16] и тенденции развития региональных финансовых систем [17]. Ряд авторов финансовую устойчивость территорий рассматривают в связке с финансовым потенциалом доминирующих хозяйствующих субъектов [18], к примеру, финансовые модели на основе сводных бухгалтерских отчетов 32 районов Омской области О. Ю. Патласовым и О. В. Сергиенко построены на основе регламентируемого анализа сельхозорганизаций, и кроме того, модели финансовой диагностики в разрезе 4 природно-климатических зон области (Степной, Южной лесостепи, Северной лесостепи, Северной зоны) [19].

Одним из наиболее известных методов оценки финансово-экономических параметров региона является индикативный анализ. Укрупнённый алгоритм исследований в достаточной степени традиционный. На основании выделенных авторами подсистем финансовой системы формируется перечень оценочных индикаторов, разрабатывается или адаптируется имеющаяся методика оценки и демонстрируются результаты её апробации.

Однако количество публикаций, посвящённых этой проблеме, невелико. В основном это связано с выбором локальных элементов, аспектов исследования в плане терминологии или вида финансово-экономической деятельности региона, что позволяет детально проработать предмет исследования, но не формирует интегральную характеристику финансовой системы региона. Кроме того, категория финансовой системы и весь спектр её характеристик хорошо соотносятся с проблематикой экономической и финансовой безопасности региона, в связи с чем наблюдается повышение интереса отечественных учёных к исследованиям в этом направлении [20; 21].

Методы и методология. Методами исследования выступили группировка, сравнение индикаторов с их пороговыми значениями, трендовый анализ.

Для определения состояния финансовой системы региона в данной статье предлагается использовать методологию оценки экономической безопасности. Имеющиеся наработки позволяют провести аналогию между элементами финансовой системы и видами экономической безопасности в финансовой сфере [22], к которым относятся бюджетно-налоговая, кредитно-банковская, денежно-инфляционная и другие виды безопасности, достаточно широко охватывающие финансовую систему региона. На основании этих элементов и разработанных авторами индикаторов экономической безопасности в финансовой сфере предложены индикаторы оценки состояния финансовой системы региона.

По каждому элементу финансовой системы определены статистические показатели, исходя из их наличия в открытых источниках Росстата и единой периодичности выхода. Важнейшим показателем

телем бюджетной системы как элемента финансовой системы является уровень дефицита регионального бюджета, он характеризует возможность региона покрывать свои расходы. Для оценки кредитно-банковской сферы рационально использовать показатели, характеризующие роль кредитных организаций в банковской системе региона. Привлечение инвестиций не только отражает направленность финансовых потоков в экономику региона, но и свидетельствует о перспективах её роста. Также значительное влияние практически на все элементы финансовой системы оказывает финансовое положение экономических субъектов, с которыми тесно связаны финансы домохозяйств: только при доходах не ниже прожиточного минимума население может осуществлять свои финансовые обязательства и влиять на развитие экономики.

Для данных индикаторов были использованы пороговые значения, представленные известными авторами: В. К. Сенчаговым, Ю. М. Максимовым, С. Н. Митяковым и т. д. [23], а также среднероссийские значения (далее – СРФ). Превышение показателями пороговых значений – для негативных и нахождение этих значений ниже порогового – для позитивных показателей свидетельствует о появлении признаков развития кризисной ситуации в финансовой системе региона. Таким образом, использование предложенного перечня индикаторов и их пороговых значений позволит определить тенденции развития и зоны высокого риска состоянию региональной финансовой системы.

Результаты исследования. В таблице приведены фактические значения индикаторов состояния финансовой системы на примере Омской области за период 2014–2017 гг. [24].

Индикаторы оценки состояния финансовой системы Омской области

Элемент финансовой системы региона	Индикатор, единица измерения	Параметры	Год			
			2014	2015	2016	2017
Бюджетный	Уровень дефицита бюджета региона, % ВРП	Факт	1,05	0,86	0,90	0,31
		Порог (не более)	3			
Кредитно-банковский	Объём кредитов, % к ВРП	Факт	49,07	49,21	44,81	38,94
		Порог (не менее)	40			
	Число кредитных организаций и их филиалов	Факт	24	20	19	14
		Порог (не менее СРФ)	10	9	7	7
Денежно-инфляционный	Годовой темп прироста реальных доходов населения, %	Факт	4,8	-5,7	-8	-3,1
		Порог (не менее)	5			
	Индекс потребительских цен, %	Факт	111,4	110,9	104,5	101,4
Порог (не более СРФ)		111,4	112,9	105,4	102,5	
Инвестиционный	Доля инвестиций в ВРП, %	Факт	17,3	15,6	15,1	15,9
		Порог (не менее)	25			
Корпоративный	Удельный вес убыточных организаций, %	Факт	26,6	26,5	27,2	24
		Порог (не более СРФ)	33	32,6	29,5	31,9
Финансы домохозяйств	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, % от общей численности	Факт	12	13,9	14,4	13,9
		Порог (не более СРФ)	11,2	13,3	13,3	13,2
	Среднедушевые денежные доходы, руб.	Факт	24060	25839	25241	25223
		Порог (не менее СРФ)	27766	30467	30747	31422

Основной целью «бюджетного» элемента финансовой системы является обеспечение региона финансовыми средствами, достаточными для выполнения возложенных на региональные власти функций и задач. Как видно из табл. 1, дефицит бюджета Омской области находится на приемлемом уровне и имеет тенденцию к снижению.

В то же время позиции кредитно-банковского элемента финансовой системы Омской области, роль которой заключается в обеспечении расчётов между экономическими субъектами, кредитовании реального сектора экономики, стимулировании роста сбережений, слабеют. На рис. 1 видно, что за последние три года в Омской области сокращается число кредитных организаций и их филиалов,

что соответствует планомерной политике Центрального банка по ликвидации ненадёжных банковских структур. В то же время наличие конкуренции среди банковских услуг благоприятно сказывается на их разнообразии и снижении стоимости. По данному индикатору Омская область находится в безопасной зоне. Также снижаются объёмы кредитования в процентном соотношении к ВРП региона (здесь учтена совокупная задолженность по кредитам в рублях и иностранной валюте, предоставленным кредитными организациями физическим и юридическим лицам).

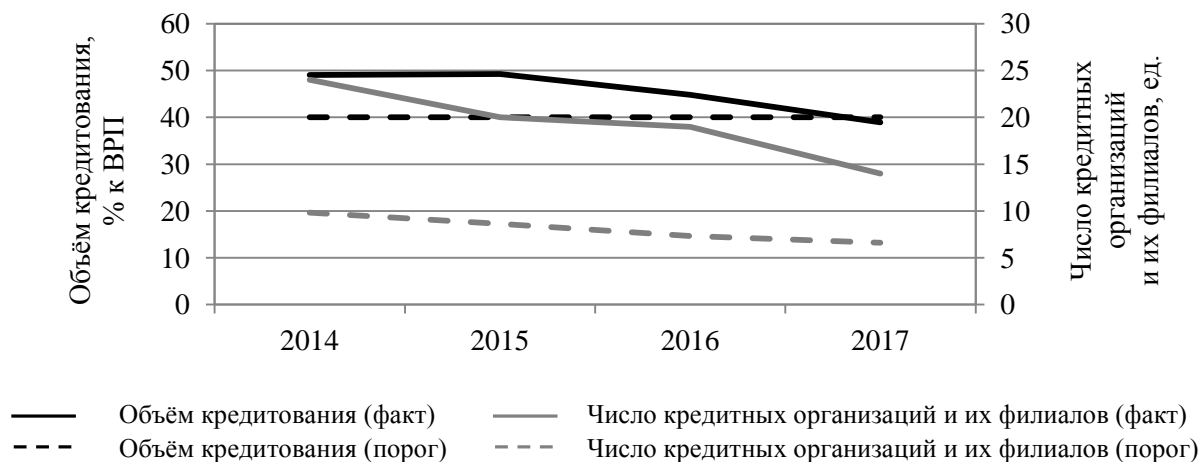

Рис. 1. Индикаторы кредитно-банковского элемента финансовой системы Омской области

Более детальный анализ показывает, что в 2017 году объёмы кредитования сократились в основном за счёт снижения кредитования юридических лиц, что свидетельствует о негативных тенденциях в экономике и ухудшении делового и инвестиционного климата (рис. 2) [22]. Действительно, согласно табл. 1, инвестиции в экономику региона находятся значительно ниже порогового уровня, но в то же время корпоративный сектор в Омской области за весь анализируемый период находится в относительно безопасной зоне.

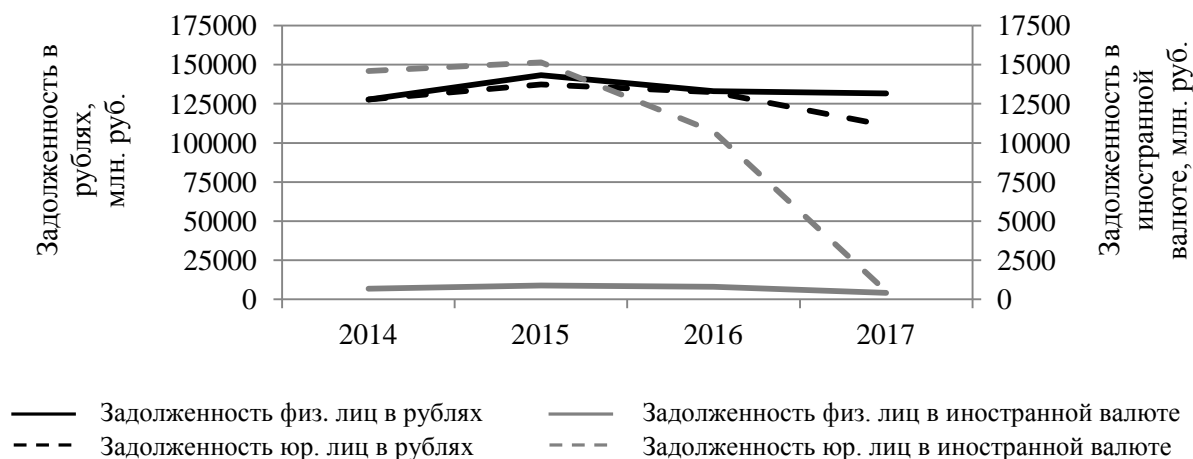

Рис. 2. Динамика рынка кредитования в Омской области

Объёмы кредитования физических лиц за последние два года восстанавливаются, в том числе за счёт граждан, привыкших рефинансировать свои кредиты, чрезмерно поднимая риски на фоне роста доли задолженности по отношению к своим доходам, но оставляя неизменным или даже улучшая уровень потребления. Как видно на рис. 3, реальные доходы населения сокращаются, хоть и не такими высокими темпами, как в 2015 г., и продолжают оставаться ниже порогового значения, в данном случае – в зоне угроз. Опережение банковского кредитования над доходами говорит о том, что кредитование для населения – зачастую вынужденная мера, позволяющая поддерживать текущий уровень жизни.

Индекс потребительских цен в Омской области повторяет среднероссийские тенденции и находится ниже порогового значения. Это можно трактовать двояко: низкие цены по сравнению с другими регионами делают его привлекательным для проживания, но также свидетельствуют о низкой платёжеспособности населения.

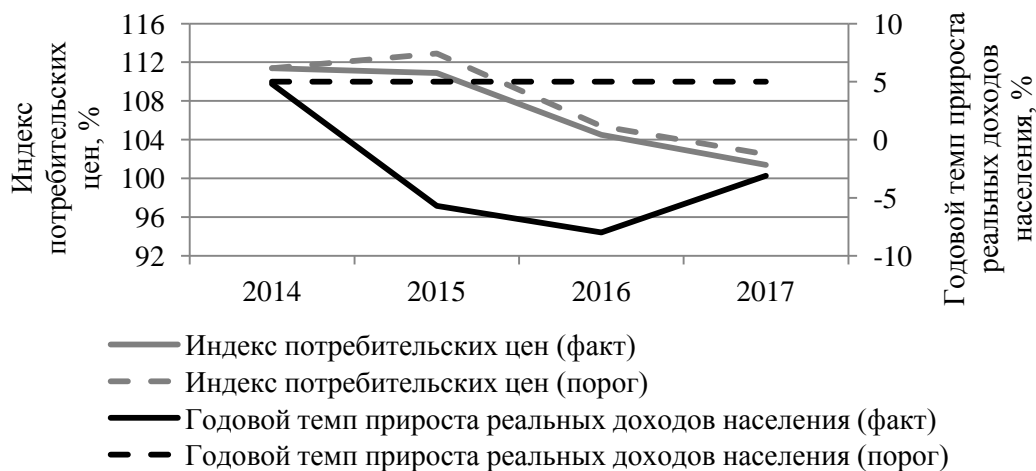

Рис. 3. Денежно-инфляционные индикаторы финансовой системы Омской области

По данным табл. 1, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в регионе превышает среднероссийские (пороговые) значения, а среднедушевые денежные доходы наоборот – ни разу не были выше аналогичных средних значений по стране.

Выводы. Необходимость планомерного и устойчивого социально-экономического развития регионов в различных направлениях, включая рост качества жизни населения, доходности предприятий, повышения эффективности использования бюджетных средств и пр., определяют потребность в развитии региональных финансовых систем как одного из базисных условий решения подобных задач, не теряющих своей актуальности в современных реалиях. Проведённое исследование показало, что методология экономической безопасности применительно к оценке состояния финансовой системы региона не только позволяет увидеть тенденции её развития или стагнации. Сравнение фактических статистических значений индикаторов с их пороговыми величинами даёт более точную информацию об уровне этого развития и сигнализирует о наступлении кризисного состояния, то есть выступает аргументированным основанием для разработки и претворения в жизнь мероприятий по улучшению ситуации как со стороны органов региональной власти в лице Министерства финансов, Министерства экономики, так и со стороны банковского и корпоративного сектора.

Представленный перечень индикаторов не является исчерпывающим, кроме того, вполне уместной представляется дискуссия по поводу пороговых значений и группировки индикаторов, что может стать предметом дальнейших исследований. Тем не менее предложенная методика позволяет сделать вывод о том, что из девяти индикаторов, характеризующих состояние финансовой системы региона, более половины из них по Омской области находятся в зоне реализации угроз. «Узкие места» и негативные тенденции прослеживаются в отношении объёмов кредитования хозяйствующих субъектов и инвестиций в экономику, темпов прироста реальных доходов населения, численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и размеров среднедушевых денежных доходов. В связи с чем в Омской области со стороны органов региональной власти необходимо претворение в жизнь мероприятий, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона и финансовой грамотности населения, открытие новых рабочих мест для роста уровня доходов граждан. Со стороны банковской системы требуется разработка новых условий кредитования, привлекательных для хозяйствующих субъектов реального сектора экономики.

Библиографический список

1. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения 20.02.2019).

2. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения 20.02.2019).
3. Голованова Л. А., Крылова А. И., Новосёлова А. В. Сущность финансовой системы региона // Учёные заметки ТОГУ. 2016. Т. 7. № 4–1. С. 610–617. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28155252>
4. Духовенко В. С. Финансовая система региона: принципы формирования и развития // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–11. С. 2388–2392. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23000470>
5. Neave E. The economic organisation of a financial system. Routledge, 2017. DOI: 10.4324/9780203702758
6. Beck T., Degryse H., Kneer C. Is more finance better? Disentangling intermediation and size effects of financial systems // Journal of Financial Stability. 2014. Vol. 10, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jfs.2013.03.005
7. Gambacorta L., Yang J., Tsatsaronis K. Financial structure and growth // BIS Quarterly Review March 2014. Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=2457106> (accessed 21.02.2019).
8. Von Ehrlich M., Seidel T. Regional implications of financial market development: Industry location and income inequality // European economic review. 2015. Vol. 73, pp. 85–102. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2014.10.008
9. Klagge B., Martin R., Sunley P. The spatial structure of the financial system and the funding of regional business: a comparison of Britain and Germany // Handbook on the Geographies of Money and Finance. Cheltenham: Edward Elgar. 2017, pp. 125–155. DOI: 10.4337/9781784719005
10. Constancio V. The European crisis and the role of the financial system // Journal of Macroeconomics. 2014. Vol. 39, pp. 250–259. DOI: 10.1016/j.jmacro.2013.08.009
11. Stasytytė V. Conceptualization of financial system sustainability // Journal of Security & Sustainability Issues. 2015. Vol. 4. № 4, pp. 391–402. DOI: 10.9770/jssi.2015.4.3(7)
12. Зенченко С. В., Бережной В. И. Система интегральной оценки финансового потенциала региона и методика её формирования // Региональные проблемы преобразования экономики. 2008. № 2 (15). С. 27–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10424281>
13. Ахметов Р. Р. Проблемы методики оценки устойчивости финансовой системы региона // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 25. С. 62–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15003565>
14. Зотова А. И., Кириченко М. В. Устойчивость финансовой системы региона: сущность, факторы, индикаторы // Теория и практика общественного развития. 2017. № 5. С. 76–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29117837>
15. Дятлов Д. А. Многофакторная оценка рисков развития финансовой системы региона (на примере Южного федерального округа) // Terra Economicus. 2009. Т. 7. № 2–2. С. 223–226. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329511>
16. Духовенко В. С. Финансовая система региона: принципы формирования и развития // Фундаментальные исследования. 2014. № 12–11. С. 2388–2392. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23000470>
17. Криничанский К. В., Фаткин А. В. Анализ тенденций посткризисного развития финансовых систем российских регионов // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 10 (433). С. 75–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27149729>
18. Патласов О. Ю., Сергиенко О. В. Применение моделей и критериев Альтмана в анализе финансового состояния сельхозпредприятий // Финансовый менеджмент. М.: Финпресс, 2006. № 6. С. 35–45.
19. Патласов О. Ю. Диагностика финансового состояния сельхозорганизаций // АПК: экономика, управление. М.: ВНИИЭСХ, 2006. № 11. С. 22–25.
20. Шевелева О. Б., Слесаренко Е. В. Взаимосвязь категорий «финансовая система региона» и «региональная финансовая безопасность» // Региональная экономика: теория и практика. 2013. № 20. С. 35–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19041640>
21. Филимонова Е. А. Финансовая система и особенности оценки финансовой безопасности региона // Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2016. № 10–1. С. 185–188. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27203130>
22. Логинов К. К., Кораблева А. А., Карпов В. В. Экономическая безопасность регионов Сибирского федерального округа // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2018. № 1 (31). С. 141–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32782541>
23. Митяков С. Н., Митяков Е. С., Романова Н. А. Экономическая безопасность регионов Приволжского федерального округа // Экономика региона. 2013. № 3 (35). С. 81–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20285469>
24. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1162 с.

A. A. Korableva,

Candidate of Economic Sciences, Head of the Sector for Regional Development Research Methods,
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
15 Karl Marx Ave., Omsk, 644024, Russian Federation
Associate Professor, Omsk State Technical University,
11 Mira Ave., Omsk, 644050, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4453-9748>
Scopus Author ID: 57199327604
e-mail: aakorableva@bk.ru

V. V. Karpov

Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the
Omsk Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
15 Karl Marx ave., Omsk, 644024, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1472-4873>
Scopus Author ID: 57199325170
e-mail: vvkarpov@oscsbras.ru

ASSESSMENT OF THE REGIONAL FINANCIAL SYSTEM ON THE BASIS OF ECONOMIC SECURITY INDICATORS

Acknowledgments: The work was carried out according to the state task of the
Omsk Scientific Center SB RAS (project registration number AAAA-A17-117041210229-2)

Introduction. According to the National Security Strategy and the Strategy of Economic Security of Russia for the period until 2030, the financial system is one of the most important factors of regional socio-economic development and ensuring the economic security of territories. To determine the directions and methods of financial system development, it is necessary to systematically assess its condition. The purpose of the article is to assess the state of the region financial system on the Omsk region example. The first hypothesis of the article is that the state of the regional financial system can be assessed using indicators of the economic security of the region. According to the second hypothesis, it is necessary to strengthen the financial system of the Omsk region.

Methodology. The study uses a methodology for assessing the economic security of a region based on the methods of grouping, trend analysis, comparing the actual values of indicators with their threshold values.

Results. Elements of the regional financial system are highlighted in the article. They include the budget, credit and banking, monetary and inflation, investment, corporate and household finances. On the basis of this grouping, indicators for assessing the state of the regional financial system, their threshold values and methods for conducting an assessment have been proposed. Testing of the proposed methodology based on data for the Omsk region for the period 2014–2017 has been carried out. Negative trends and elements of the financial system of the Omsk region being in a crisis zone have been identified.

Conclusions. The methodology for assessing the economic security of a region can be applied to the task. This not only allows you to see the trends of its development or stagnation. A comparison of the actual statistical values of the indicators with their threshold values provides more accurate information about the level of this development and signals the onset of a crisis state. Such information is necessary for the development and implementation of measures to improve the situation, both from the regional authorities represented by the Ministry of Finance, the Ministry of Economy, and from the banking and corporate sectors. The study revealed that among the weaknesses of the financial system of the Omsk region are the volume of investment in the economy, the level of income of the population and the volume of lending to business entities. Therefore, the regional authorities in the Omsk region should increase the investment attractiveness of the region and the financial literacy of the population, open new jobs for the growth of incomes of citizens. The banking system requires the development of new credit conditions that are attractive to business entities of the real sector of the economy.

Keywords: financial system, region, indicator, economic security, Omsk region.

References

1. Presidential Decree from 31.12.2015 N 683 *On the National Security Strategy of the Russian Federation*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 20.02.2019). (In Russian).
2. Presidential Decree from 13.05.2017 N 208 *On the Strategy of Economic Security of the Russian Federation for the Period up to 2030*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629 (accessed 20.02.2019). (In Russian).
3. Golovanova L. A., Krylova A. I., Novoselova A. V. The essence of the financial system of the region. *Scientists notes PSU*. 2016, Vol. 7, no. 4–1, pp. 610–617. (In Russian).
4. Duchovenko V. S. The financial system of the region: the principles of formation and development. *Fundamental research*. 2014, no. 12–11, pp. 2388–2392. (In Russian).
5. Neave E. *The economic organisation of a financial system*. Routledge Publ., 2017. DOI: 10.4324/9780203702758
6. Beck T., Degryse H., Kneer C. Is more finance better? Disentangling intermediation and size effects of financial systems. *Journal of Financial Stability*, 2014. Vol. 10, pp. 50–64. DOI: 10.1016/j.jfs.2013.03.005
7. Gambacorta L., Yang J., Tsatsaronis K. Financial structure and growth. *BIS Quarterly Review*, March 2014.

Available at SSRN.: <https://ssrn.com/abstract=2457106> (accessed 21.02.2019)

8. Von Ehrlich M., Seidel T. Regional implications of financial market development: Industry location and income inequality. *European economic review*, 2015. Vol. 73, pp. 85–102. DOI: 10.1016/j.eurocorev.2014.10.008

9. Klage B., Martin R., Sunley P. The spatial structure of the financial system and the funding of regional business: a comparison of Britain and Germany. *Handbook on the Geographies of Money and Finance*. Cheltenham: Edward Elgar, 2017, pp. 125–155. DOI: 10.4337/9781784719005

10. Constancio V. The European crisis and the role of the financial system. *Journal of Macroeconomics*, 2014. Vol. 39, pp. 250–259. DOI: 10.1016/j.jmacro.2013.08.009

11. Stasytytė V. Conceptualization of financial system sustainability. *Journal of Security & Sustainability Issues*, 2015. Vol. 4, no. 4, pp. 391–402. DOI: 10.9770/jssi.2015.4.3(7)

12. Zenchenko S. V., Berezhnoy V. I. The system of integrated assessment of the financial potential of the region and the method of its formation. *Regional problems of economic transformation*. 2008, no. 2 (15), pp. 27–37. (In Russian).

13. Akhmetov R. R. Problems of methodology for assessing the sustainability of the regional financial system. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2010, no. 25, pp. 62–67. (In Russian).

14. Zotova A. I., Kirichenko M. V. The stability of the financial system of the region: the nature, factors, indicators. *Theory and practice of social development*. 2017, no. 5, pp. 76–82. (In Russian).

15. Dyatlov D. A. Multivariate risk assessment of the financial system of the region (on the example of the Southern Federal District). *Terra Economicus*. 2009, Vol. 7, no. 2–2, pp. 223–226. (In Russian).

16. Duchovenko V. S. The financial system of the region: the principles of formation and development. *Fundamental research*. 2014, no. 12–11, pp. 2388–2392. (In Russian).

17. Krinichansky K. V., Fatkin A. V. Analysis of trends in the post-crisis development of financial systems in Russian regions. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2016, no. 10 (433), pp. 75–91. (In Russian).

18. Patlasov O. Y., Sergiyenko O. V. The application of Altman models and criteria in the analysis of the financial state of agricultural company. *Financial Management*. Moscow: Finpress, 2006, no. 6, pp. 35–45. (In Russian).

19. Patlasov O. Y. Agricultural company financial state diagnostics. *The AIC Economy and Management*. Moscow: Russian Science and Research Institute of Agriculture, 2006, no. 11, pp. 22–25.

20. Sheveleva O. B., Slesarenko E. V. Interrelation of categories “financial system of the region” and “regional financial security”. *Regional economy: theory and practice*. 2013, no. 20, pp. 35–45. (In Russian).

21. Filimonova E. A. Financial system and features of the assessment of the financial security of the region. *New Science: The current state and ways of development*. 2016, no. 10–1, pp. 185–188. (In Russian).

22. Loginov K. K., Korableva A. A., Karpov V. V. Economic security of the regions of the Siberian Federal District. *Science of Man: Humanitarian Studies*. 2018, no. 1 (31), pp. 141–150. (In Russian).

23. Mityakov S. N., Mityakov E. S., Romanova N. A. Economic security of the Volga Federal District regions. *Economy of the region*. 2013, no. 3 (35), pp. 81–91. (In Russian).

24. *Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2018*: Stat. Sat / Rosstat Publ. Moscow, 2018. 1162 p. (In Russian).

Поступила в редакцию 14.05.2019

© А. А. Кorableва, В. В. Карпов, 2019

Авторы статьи:

Анна Александровна Кorableва, кандидат экономических наук, зав. сектором методов исследования проблем развития регионов, Омский научный центр СО РАН, 644024, Омск, пр. Карла Маркса, 15; доцент, Омский государственный технический университет, 644050, Омск, пр. Мира, 11, e-mail: aakorableva@bk.ru

Валерий Васильевич Карпов, доктор экономических наук, профессор, председатель Омского научного центра СО РАН, 644024, Омск, пр. Карла Маркса, 15, e-mail: vvkarпов@oscsbras.ru

Рецензенты:

В. В. Бирюков, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия.

А. Е. Миллер, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и финансовой политики, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского.

*Т. В. Моисеева,*Институт проблем управления сложными системами
Российской академии наук, Самара**ОТ УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТАМИ – К ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ**

Проблема и цель. Настоящее исследование направлено на изучение эволюции роли человека как объекта управления на разных этапах исторического развития науки об управлении. Интерес к предмету связан с тем, что в ходе разработки и продвижения новой теории интерсубъективного управления, направленной на управление социальными процессами, разработчики столкнулись с тем, что люди не привыкли самостоятельно искать выход из сложившихся ситуаций, стараясь переложить ответственность на кого-либо. Цель статьи – проследить, как формировалось такое отношение к решению проблем, чтобы в дальнейшем найти способы преодоления социогуманитарных барьеров, возникающих при продвижении теории интерсубъективного управления.

Методология. В исследовании применяются следующие методы: исторический анализ, анализ научной литературы, общие методы научного познания.

Результаты заключаются в том, что проведено сравнение различных школ управления, исторически сменяющих друг друга за последние более чем сто лет, показано, как развивалась теория управления и как менялось отношение специалистов-менеджеров к использованию «человеческого фактора».

Выводы. Делаются выводы, что понимание генезиса субъект-объектных отношений в современной теории управления поможет дальнейшему развитию теории интерсубъективного управления, направленной на поиск выхода из проблемных ситуаций, в которых оказываются гетерогенные акторы.

Ключевые слова: теория управления, интерсубъективное управление, потенциал людей, роль человека в теории управления, гетерогенные акторы.

Проблема и цель. Современные подходы к управлению, сформировавшиеся десятки лет, по большинству своих позиций сегодня возражений не встречают и широко применяются большинством менеджеров. Субъектом управления обычно является руководитель, вырабатывающий управляющее воздействие, а объектом – всё то, на что оказывается это воздействие, в том числе и люди. Руководители руководят, подчинённые подчиняются ради достижения цели, так или иначе связанной с повышением эффективности (предприятия, территориального образования или другого объекта). Так же решаются и социальные проблемы, связанные с улучшением жизни людей. Управленческие решения и здесь принимаются чиновниками и управленцами. Теории, помогающей людям разрешать их собственные проблемные ситуации, в которых каждый человек становится и субъектом, и объектом управления, в традиционной науке управления нет.

Разрабатываемая сегодня теория интерсубъективного управления [1] отличается от традиционных подходов тем, что её основная цель – вооружить простых людей средствами поиска выхода из проблемных ситуаций, в которых они оказываются в повседневности (в отличие от классического менеджмента, направленного в основном на управление ситуациями, сложившимися в ходе организации производственных процессов). Применение новой теории ориентировано на непосредственное участие непрофессионалов-управленцев в процессах управления. Проблемной ситуацией считается такая, из которой человек (актор) не видит выхода, но её разрешение ему жизненно необходимо. Для того чтобы привлечь дополнительные ресурсы (в том числе и интеллектуальные), актор вынужден (но по собственной воле и желанию) искать других акторов, обсуждать с ними проблему и совместно искать выход. Именно поэтому в названии теории появился термин «интерсубъективное».

Дополнение традиционного менеджмента интерсубъективным управлением социальными процессами позволит помочь простым людям разрешать проблемные ситуации, что в конечном итоге повлияет на повышение качества жизни людей [1]. Основные положения теории интерсубъективного управления были изложены в [2], её дальнейшее развитие – в [3–4]. Однако продвижение нового подхода к управлению столкнулось с рядом социогуманитарных барьеров, связанных в основном с тем, что люди не привыкли самостоятельно решать свои проблемы, стараясь переложить ответст-

венность на государство, правительство, директора или кого-то ещё [5]. Для того чтобы лучше понять, как формировалось такое отношение к управлению и как преодолеть эти барьеры, проследим, как развивалась теория управления и как менялось отношение ученых и специалистов-менеджеров к использованию «человеческого фактора», начиная со школы научного управления и до наших дней.

Результаты. Представители *школы научного управления*, возглавленной Ф. Тейлором, ещё в начале XX в. интересовались в первую очередь эффективностью деятельности организации [6–7]. Ф. Тейлор, лидер революции в области менеджмента, разработал ряд методов научной организации труда, основанных на изучении движений рабочего с помощью хронометража, стандартизации приёмов и орудий труда, что определило отношение к человеку как элементу системы и положило начало разработке научных подходов и формализации взаимоотношений на производстве. В это русло хорошо укладываются разработанные Ф. Тейлором методологические основы нормирования труда и дальнейшее практическое внедрение научных подходов к подбору рабочих и стимулированию их труда.

Становление школы научного управления как науки об управлении также связывается с именами Ф. и Л. Джилбертов [8], которые так активно пытались превратить живых рабочих в эффективно работающие автоматы и внедрить разработанные ими хронометражные методики и научные принципы организации рабочего места, что рабочие всерьёз подумывали о том, чтобы лишиться их жизни.

А. Файоль [9] пошёл дальше в деле приближения науки об управлении к формализации и систематизации. Он разделил весь процесс управления на пять основных функций, которые до сих пор используются в управлении организацией, на базе которых в 20-е гг. XX в. было сформулировано понятие организационной структуры фирмы, элементы которой представляют систему взаимосвязей, или серию непрерывных взаимосвязанных действий.

Представитель классической школы научного управления М. Вебер предложил концепцию рациональной бюрократии (1921) как самой эффективной формы человеческой организации [10], которой управляют не личности, а законы (точное значение слова бюрократия – правление государственных служащих). М. Вебер действовал в духе своей школы, представители которой считали, что существует единственный способ достижения эффективности производства и нужно только обнаружить этот совершенный метод управления.

Одним из основоположников научной организации труда в России считают П. М. Керженцева, который обращал особое внимание на изучение личного фактора производства, однако рассматривал человека с точки зрения максимальной эффективности его работы [11]. Критерии эффективности при этом определяются менеджерами, исходя из интересов систем и своих собственных.

Как видно, вектор научных изысканий и подходов оказался направлен в сторону формализации производственных отношений, отведения человеку роли элемента системы, гомогенизации и обезличивания индивидуумов, не принимающих непосредственного участия в управлении, что повлияло на дальнейшее развитие менеджмента.

К 30-м гг. прошлого века начала формироваться *школа человеческих отношений* (поведенческая школа управления), взявшая на вооружение достижения психологии и социологии, целью изучения которой стал рабочий, а не его задание. Развивая подходы специалистов начала XX в., Э. Мэйо, Р. Оуэн, М. П. Фоллет и др. справедливо полагали, что следует обратить внимание на отдельных работников предприятия, однако по-прежнему считали их живыми однородными элементами системы, не наделёнными правом принимать решения. В это время изучались вопросы стимулирования труда и «заботы» о людях (ведь «ремонт» людей (живых машин) может не потребоваться, если использовать их неким оптимальным образом). Однако группы рабочих в целом описывались как социальные системы, путём воздействия на которые контролирующие системы смогут улучшить результаты труда. Революционность нового направления заключается в том, что акцент был сделан на людей, а не на производство, правда, по-прежнему в контексте повышения эффективности деятельности организации за счёт оптимизации человеческих ресурсов.

Одновременно советский ученый Н. А. Витке отмечал, что «организационная революция наших дней не ограничивается организационно-технической областью, но овладевает и областью социально-организационной. Она простирает свое влияние не только в отношении предмета к предмету и человека к предмету, но и в отношении людей друг к другу в производственном процессе предприятия... Она овладевает людскими взаимоотношениями в процессе производства, перестраивает индивидуалистически-авторитарную систему управления на принципиально от неё отличную сис-

тему коллективно-трудового сотрудничества и занимается одновременно специальной и плановой работой над культивированием духа улья, активной заинтересованности каждой рабочей группы и всего рабочего коллектива в успешном выполнении своего задания» [12]. В этом вопросе, кстати, Н. А. Витке солидарен с анархистом П. А. Кропоткиным, который считал коллективное чувство взаимопомощи гораздо более сильным, чем мелкий эгоизм. Холодной машине фабричного принуждения не под силу то, чего сможет достичь дружный и сплочённый коллектив людей, человек работает не только ради денег, но и для блага окружающих людей, предприятия, общества, страны, а взаимная помощь и солидарность, по убеждению П. А. Кропоткина, являются двигателями прогресса. Характерной чертой всех работ П. А. Кропоткина является придание единичной человеческой личности особого значения, поскольку, только учитывая интересы каждого отдельного человека и давая ему свободу самовыражения, общество может прийти к процветанию [13].

Согласимся с тем, что за счёт привлечения общих ресурсов (интеллектуальных, материальных и пр.) коллегиальное решение задач может оказаться более эффективным, чем индивидуальное. Однако важным фактором, влияющим на процесс решения, является и сама задача, которую решают люди (а точнее – кто эту задачу сформулировал). Представители данной школы менеджмента традиционно функцию постановки задач возлагали на руководство предприятий, а люди из повседневности в формулировании проблем не участвовали.

Большой вклад в развитие школы человеческих отношений был сделан в 40-60-е гг. XX в., когда учёными-бихевиористами, вслед за теорией Дж. Бр. Уотсона, было разработано несколько теорий мотивации. Мотивация объясняет целенаправленность действий людей, которые бихевиористами и представителями вышеупомянутых направлений менеджмента рассматриваются как система (поведенческая), которая может быть понята и описана в терминах стимула и реакции. Индивид считается «стратегическим фактором кооперации» [14], а организация держится только за счёт усилий индивидов, возникающих в результате особых, положительных для индивидов стимулов. Бихевиористы считали, что жизнеспособность организации зависит от искусства принятия решений менеджерами, стимулирующими персонал к деятельности, а сознание работника, отождествляемого с автоматом, в расчёт не принимается.

Изучением поведения как объективно наблюдаемой системы реакций организма на внешние и внутренние стимулы в России занимались И. М. Сеченов, И. П. Павлов и В. М. Бехтерев (в дальнейшем, однако, бихевиоризм рассматривался в Советском Союзе как буржуазное извращение психологии).

Отметим, что все описанные выше школы управления, в которых используются принципы классической научной рациональности, воспринимают человека наряду с техническими устройствами исключительно как элемент мира систем, причём элементы считаются гомогенными, а ценностные характеристики людей не учитываются.

В 60-е гг. прошлого века начался так называемый информационный период в управлении (*количественная школа менеджмента*), который стал следствием применения математических методов и компьютеров в управлении. Эра формализации теории управления продолжилась на новом, более высоком уровне. Менеджмент стал рассматриваться как логический процесс, который может быть описан математически. Началась активная разработка концепций управления, опирающихся на использование математического аппарата (и в первую очередь методов имитационного моделирования), интегрирующего математический анализ и субъективные решения менеджеров.

Именно в 60-70-е гг. XX в. получает распространение системный подход, связанный с применением общей теории систем для решения задач управления, в соответствии с которой руководители должны рассматривать организацию как совокупность элементов (к которым относятся и люди, работающие в организации) и связей между ними. Представители этой школы (Г. Саймон, А. Чандлер, П. Друкер, Д. Марч, а в России – И. В. Блауберг, В. Г. Афанасьев, В. А. Трапезников, В. Н. Бурков, Э. Г. Юдин и др.) рассматривали организацию как открытую систему, характеризующуюся энтропией и синергизмом, получающую из внешней среды различные ресурсы, перерабатывающую их и возвращающую во внешний мир готовые продукты, встроенную в более сложную систему – внешнюю среду, с которой она находится в постоянном взаимодействии. Математические модели, которые использовались для описания поведения систем, оказались ориентированы на формальные параметры, исключая из рассмотрения жизненный мир людей, как работающих в организации, так и потребляющих производимые ею продукты. В результате, главной целью управления становится оптимизация ресурсов (материальных, временных, человеческих), а не некоторое благо, представляющее ценность для человека.

В 70-е гг. некоторые советские специалисты поднимают тему «человеческого фактора» в системе управления. Отмечается, что «большую важность приобретает учёт личностных особенностей людей, входящих в человеко-машинные комплексы: способность воспринимать информацию, оценивать ситуации и т. д.», а «психологические аспекты управления становятся центральными при разработке и внедрении АСУ» [15]. Т. е. наличие такого элемента в структуре автоматизированной системы управления, как человек, приводит к тому, что оптимальная с математической точки зрения организация не всегда оказывается хороша из-за работающих в ней людей (так называемого человеческого фактора).

Поэтому в 70-е гг. в институте Российской академии наук, занимающемся проблемами управления (ИПУ РАН), важным направлением стало исследование путей совершенствования административных и социально-экономических систем, а также изучение роли человека, присутствующего в контуре управления. Как отмечал В. А. Трапезников, трудность решения задач управления заключается в том, что недостаточно учитывается роль человека в системе управления [16], а «увлекаясь разработками технических средств, мы часто забывали об огромных, ещё не реализованных возможностях людей, участвующих в управлении, и этим снижали пользу от технических средств, в том числе от электронных вычислительных машин» [17].

Наука управления, таким образом, обращается к личности человека, его индивидуальным возможностям и способностям, собственной инициативе (но по-прежнему в контексте мира систем). Человек позиционируется как активное звено работающей системы со своими личными целями и желаниями, которые не всегда совпадают с целями системы, в которой это звено работает. Основные выводы, сделанные учёными ИПУ РАН, были прогрессивны для того времени, однако соответствовали эпохе административно-командной системы, когда «человек может знать, как управлять, однако в разной степени “стараться” применить свои знания и действовать так, как это нужно обществу» [16]. Поэтому среди вопросов, поднимаемых в [17] (как организовать структуру управления с правильным распределением функций между человеком и автоматом, как организовать взаимоотношения человека и автомата, как заставить человека «стараться»), наиболее важным и наименее исследованным В. А. Трапезников считает последний. И хотя он утверждал, что роль человека недостаточно учитывается, однако направлением решения проблемы считал разработку «принципов учёта и формализацию человеческого фактора, а также методов наиболее эффективного использования способностей человека успешно работать в сложных многокритериальных ситуациях».

Именно эта идея проходит красной нитью в трудах В. Н. Буркова. В развитие идей В. А. Трапезникова он вводит понятие «*активного элемента*» как объекта управления, обладающего свойством активности и наличия своих интересов, хотя и способного сознательно сообщать недостоверную информацию и не выполнять назначенные планы [18]. Активные элементы организаций (люди) рассматриваются как мешающие факторы, искажающие информацию, что необходимо вовремя предусмотреть, для того чтобы оптимизировать работу системы, объект, целевая функция и критерии эффективности которой определяются руководителями, исходя из интересов самих систем. В 1969 г. он предложил принцип открытого управления, или принцип «честной игры», согласно которому в оптимальном механизме управления планы, назначаемые подсистемам, должны быть согласованы с их критерием эффективности. При таком механизме подсистемы заинтересованы честно сообщать свои критерии эффективности [19]. Человек по-прежнему остается управляемым объектом, в то же время управление социальными процессами в обществе строится на тех же принципах, что и управление предприятиями. Человек воспринимается как «неразумное дитя», которое не может знать, что для него лучше.

Переход к рыночной экономике, провозглашённый в России, заставил переориентировать основные положения теории активных систем на рыночную экономику. Новая *теория управления организационными системами* (ТУОС) [20] особое внимание уделяла людям, работающим в организации, однако по-прежнему это происходило в контексте «руководитель – подчинённый», когда люди, работающие в организации, рассматриваются как элементы системы, для воздействия на которые необходим механизм управления, а «искусство управления заключается в том, чтобы добиться от подчинённых требуемых (руководителем) действий» [21]. Человек в контуре управления действует в соответствии с собственными интересами и предпочтениями, как экономический агент, который «может обманывать и не делать того, что от него хотят» [21]. Основной задачей ТУОС является разработка эффективных механизмов организационного управления, как учитывающих в явном виде, так и игнорирующих целенаправленность управляемых субъектов, т. е. людей, выступающих в роли обезличенных элементов системы.

Результаты. Как видим, многие положения, принятые в современном менеджменте, базируются на сложившейся за долгие годы традиции в управлении, когда «роль человека в материальном производстве определялась его неизменной физической силой и была ограничена законами механики <...>, а общественная мораль поощряла неизменность образа жизни человека, его семьи, профессии, мировоззрения и т. д.» [21]. Такой «подневольный» труд людей становится сегодня не только не эффективен, но и не соответствует идеям гуманизма, выдвигаемым на передний план самим человеческим сообществом.

Среди исторически унаследованных проблем современного управления отметим следующие.

1. *Формализация процессов управления*, за которой не видно живого человека, обладающего нераскрытым потенциалом. Человек, являясь элементом модели, обезличен, поскольку удобнее иметь дело с некой его проекцией в системе, выделяя формальные параметры, общие для всех элементов, а не особенные – характерные только для данного человека.

2. *Проблемы*, которые необходимо решать, *формулируются некими «высшими силами»*, например менеджерами, а не самими участниками процессов управления, которые оказываются в этих проблемных ситуациях. Принятая сегодня практика управления в жизни общества фактически всё сводит к деятельности органов государственного и корпоративного управления, которые берут на себя в том числе и постановку задач, которые требуется решить для урегулирования проблемных ситуаций. Они, конечно, привлекают экспертов, но исключительное право принятия решения по самой главной позиции – что делать – остаётся именно их прерогативой, как, впрочем, и оценка результатов практического внедрения принятых решений. Налицо противоречие: люди (неоднородные акторы), осознающие себя в проблемной ситуации и совместно продуцирующие её смысл, оказываются отторгнутыми от принятия решений, касающихся постановки задач по урегулированию ситуации и оценки результатов их решения.

3. Происходит *порабощение мира повседневности миром систем*, когда, стремясь выполнить требования бюрократических структур, мы забываем о том, какой смысл был изначально вложен в выполняемые мероприятия. В таких условиях, когда руководящие органы, находящиеся не в жизненном мире, а в мире систем, наблюдая ситуацию со стороны, берут на себя «бразды правления», отодвигая в сторону людей-акторов, способных на местах адекватно оценить проблему и предложить подходы к её решению, говорить об эффективности управления не приходится. И дело здесь не только в сложившейся практике управления, а в том, что в основе традиционного подхода к организации процессов управления лежат классические научные представления об управлении *системами*, которые не учитывают особенности людей, включённых в ситуацию в повседневности, не принимают во внимание их субъективные взгляды на мир, ценностные приоритеты, интеллектуальные способности и многое другое, что характеризует их как личностей.

4. Традиционные подходы к менеджменту *воспитывают патернализм и социальную апатию в обществе*, заставляют людей считать, что они не смогут внести свой вклад в принятие решения, поскольку не имеют такого права или это всё равно ни к чему не приведёт. Однако времена, когда «работник выступал лишь как механическая сила, преобразующая вещество из одной формы в другую», проходят, сегодня «экономическим субъектом выступает творческая личность» [22].

Дополнение традиционного менеджмента интересубъективным подходом к управлению призвано изменить роль «простого» человека, волей-неволей участвующего в процессах управления, но не чувствующего себя «хозяином» положения, наделив его полномочиями решать, *что* нужно делать для разрешения проблемной ситуации, а не *как* это делать.

Вхождение общества в эру постнеклассической научной рациональности требует пересмотра многих научных взглядов на управление, в частности, возвращения в него человека, что дополнит существующую теорию. Проблема заключается в том, что в привычные инструменты формализации процессов управления и математические модели плохо вписываются параметры гетерогенных акторов, представляющие собой нечёткие множества. Интересубъективный подход учитывает неоднородность акторов и их ценностные ориентации. Это существенно усложняет формализацию процесса поиска решения, однако способствует развитию творческого потенциала личности.

В научной литературе новые парадигмы управления рассматриваются также и в прикладном практическом многообразии технологий управления [23].

Выводы. Анализ эволюции теории управления показывает, что её основные положения складывались десятилетиями, поэтому свершение революции в сознании людей, если учитывать, что «класс» менеджеров и бюрократов без боя не сдастся, – очень сложная задача. Однако сегодня име-

ются все предпосылки для того, чтобы это произошло. Методика поиска выхода из проблемных ситуаций, разрабатываемая в рамках теории интересубъективного управления, которая дополнит традиционный менеджмент, призвана решить проблемы современной теории управления.

Библиографический список

1. Vittikh Vladimir A. Introduction to the Theory of Intersubjective Management // Group Decision and Negotiation. 2015. № 24 (1). P. 67–95. DOI: 10.1007/s10726-014-9380-z
2. Виттих В. А. Принцип дополнительности в науке о процессах управления в обществе // Вестник СамГТУ. Серия «Технические науки». 2016. № 4 (52). С. 15–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28376656>
3. Vittikh Vladimir A. Evergetics: Science of Intersubjective Management Processes in Everyday Life // Int. J. Management Concepts and Philosophy. 2016. № 9 (2), pp. 63–72.
4. Moiseeva T., Smirnov S. 2019. Principles of Managing the Process of Innovative Ideas Genesis. In: Dolinina O., Brovko A., Pechenkin V., Lvov A., Zhmud V., Kreinovich V. (eds) Recent Research in Control Engineering and Decision Making. ICIT 2019. Studies in Systems, Decision and Control, 199. P. 15–25. DOI: 10.1007/978-3-030-12072-6_2
5. Моисеева Т. В. Проблемы интересубъективного управления инновационным развитием социотехнических объектов // Вестник СамГТУ. Серия «Технические науки». 2017. № 3(55). С. 16–31. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32645579_49947335.pdf
6. Taylor F. W. Shop Management. With an introd. by Henry R. Towne. New York and London: Harper and Brothers Publishers. 1912. 207 p. URL: https://archive.org/stream/shopmanagementwi00tayluoft/shopmanagementwi00tayluoft_djvu.txt (дата обращения: 01.02.2018).
7. Taylor F. W. The Principles of Scientific Management. New York: Harper Bros, 1911. 29 p. URL: [https://manybooks.net/book/123506/read#epubcfi\(/6/4\[html7\]!/4/2/1:0](https://manybooks.net/book/123506/read#epubcfi(/6/4[html7]!/4/2/1:0) (дата обращения: 01.02.2018).
8. Gilbreth F. B. Applied Motion Study: A Collection of Papers on the Efficient Method to Industrial Preparedness. Filiquarian Legacy Publishing, 2012. URL: <https://archive.org/details/appliedmotionstu00gilbrich/page/10>. (дата обращения: 01.02.2018).
9. Файоль А. Административное и промышленное управление. Пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисл. А. К. Гастева. Москва: Центральный институт труда, 1923. 122 с. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01007987755#?page=2> (дата обращения: 01.02.2018).
10. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
11. Керженцев П. М. Организуй самого себя. М.: Экономика, 1968. 461 с.
12. Витке Н. А. Организация управления и индустриальное развитие. М., 1925.
13. Кропоткин П. А. Анархия: Сборник : сост. и предисловие Р. К. Баландина. М.: Айрис-пресс, 2002. 576 с. URL: https://royallib.com/read/kropotkin_pyotr/anarhiya.html#0 (дата обращения: 28.02.2019).
14. Barnard Ch. I. The Functions of the Executive (Thirtieth Anniversary ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press., 1938. 334 p. URL: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/5029_Mahoney_Chapter_1.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
15. Гаазе-Рапопорт М. Г. Психология управления человеко-машинных систем // Всесоюзная школа молодых учёных и специалистов «Теория систем и её приложения». Научно-техническое общества радиотехники, электроники и связи им. А. С. Попова, ЦК ВЛКСМ и АН СССР. 18–26 февраля 1976 г. г. Минск.
16. Трапезников В. А. О некоторых перспективах в развитии управляющих систем // Автоматика и телемеханика. 1981. Выпуск 2. С. 7–14.
17. Трапезников В. А. Управление – важное звено технического прогресса // Автоматика и телемеханика. 1976. Выпуск 2. С. 5–14.
18. Бурков В. Н., Кондратьев В. В., Цыганов В. В., Черкашин А. М. Теория активных систем и совершенствование хозяйственного механизма. М.: Наука, 1984. 272 с.
19. Burkov V. N., Lerner A. Ya. Fairplay in control of active systems // Differential games and related topics / Ed. by H. W. Kuhn and G. P. Szego. Amsterdam, London: North-Holland Publishing Company, 1971. С. 164–168.
20. Новиков Д. А. Теория управления организационными системами. М.: МПСИ, 2005. 584 с.
21. Механизмы управления : учебное пособие / под ред. Д. А.Новикова. М.: Ленанд, 2011. 216 с.
22. Корнейчук Б. В. Ценностные основы креативной экономики // Креативная экономика. 2012. № 8. С. 10–17. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17829075_14387338.pdf
23. Патласов О. Ю., Михайлов М. Н. Новые тренды в технологии управления автомобильными сетями: сетевой, процессный, предпринимательский подходы, технологические платформы, форсайт // Фундаментальные исследования. М.: Академия естествознания, 2014. № 3. С. 159–164.

T. V. Moiseeva,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher,
Institute for the Control of Complex Systems of Russian Academy of Sciences,
61, Sadovaya st., Samara, 443020, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0115-4346>
Researcher ID: D-6103-2016
e-mail: mtv-2002@yandex.ru

FROM SUBJECT MANAGEMENT TO INTERSUBJECTIVE MANAGEMENT

Introduction. The present study is aimed at analysing the evolution of a man's role as a management object at different stages of management science historical development. Special interest to the subject is related to the fact that in the course of developing and promoting a new theory of intersubjective management aimed at managing social processes, the developers were faced with the fact that people were not used to independently finding a way out of the current situations, trying to shift responsibility to someone else. It is necessary to understand how this attitude to solving problems was formed in order to find ways of overcoming social and humanitarian barriers that arise in the course of promoting the theory of intersubjective management. That is why different management schools historically succeeded each other over the past hundred years are compared. Understanding of the genesis of subject-object relations of modern management theory will help in further development of the theory of intersubjective management aimed at finding the way out of the problem situations in which heterogeneous actors turned out to be.

Materials and Methods. The study uses the following methods: historical analysis, analysis of scientific literature, general methods of scientific knowledge.

Results. In the course of comparison of various management schools historically replaced each other over the past hundred years, it is shown how the theory of management has developed and how the attitude of professional managers to the "human factor" application has changed.

Conclusions. It is concluded that understanding the genesis of the subject i.e. object relations in modern management theory will help in further development of the theory of intersubjective management, aimed at finding a way out of problem situations in which heterogeneous actors find themselves.

Keywords: management theory, human potential, human role in management theory, intersubjective management, heterogeneous actors.

References

1. Vittikh Vladimir A. Introduction to the Theory of Intersubjective Management. *Group Decision and Negotiation*. 2015, no.24 (1), pp.67–95. DOI: 10.1007/s10726-014-9380-z.
2. Vittih V. A. The principle of complementarity in the science of management processes in society. *Bulletin of SamGTU. Technical Sciences Series*. 2016, no. 4(52), pp.15-21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28376656>. (In Russian).
3. Vittikh Vladimir A. Evergetics: Science of Intersubjective Management Processes in Everyday Life. *Int. J. Management Concepts and Philosophy*. 2016, no. 9(2), pp. 63–72.
4. Moiseeva T., Smirnov S. 2019. Principles of Managing the Process of Innovative Ideas Genesis. In: Dolinina O., Brovko A., Pechenkin V., Lvov A., Zhmud V., Kreinovich V. (eds). *Recent Research in Control Engineering and Decision Making*. ICIT 2019. Studies in Systems, Decision and Control, 199, pp.15–25. DOI: 10.1007/978-3-030-12072-6_2.
5. Moiseeva T. V. Problems of intersubjective management of innovative development of socio-technical objects. *Bulletin of SamGTU. Technical Sciences Series*, 2017, no. 3(55), pp. 16–31. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_32645579_49947335.pdf. (In Russian).
6. Taylor F. W. *Shop Management. With an introd.* by Henry R. Towne. New York and London, Harper and Brothers Publishers, 1912, 207p. Available at: https://archive.org/stream/shopmanagementwi00tayluoft/shopmanagementwi00tayluoft_djvu.txt (accessed 01.02.2018).
7. Taylor F. W. *The Principles of Scientific Management*. New York, Harper Bros, 1911, 29p. Available at: [https://manybooks.net/book/123506/read#epubcfi\(/6/4\[html7\]!/4/2/1:0](https://manybooks.net/book/123506/read#epubcfi(/6/4[html7]!/4/2/1:0). (accessed 01.02.2018).
8. Gilbreth F. B. *Applied Motion Study: A Collection of Papers on the Efficient Method to Industrial Preparedness*. Filiquarian Legacy Publishing, 2012. Available at: <https://archive.org/details/appliedmotionstu00gilbrich/page/10>. (accessed 01.02.2018).
9. Fajol' A. *Administrative and industrial management. Translated by B. V. Babin-Koren' with introduction A. K. Gastev*. Moscow: Central Labor Institute, 1923, 122p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01007987755#?page=2>. (accessed 01.02.2018). (In Russian).
10. Veber M. *Selected Works*. Ed. by Yu. N. Davydova; introduction P. P. Gajdenko. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p.

11. Kerzhencev P. M. *Organize yourself*. Moscow, Economy Publ., 1968, 461p.
12. Vitke N. A. *Management organization and industrial development*. Moscow, 1925.
13. Kropotkin P. A. *Anarchy: Collected works*. Ed. by R. K. Balandin. Moscow, Ajris-press Publ., 2002, 576 p. Available at: https://royallib.com/read/kropotkin_pyotr/anarhiya.html#0. (accessed 28.02.2019). (In Russian).
14. Barnard Ch. I. *The Functions of the Executive* (Thirtieth Anniversary ed.). Cambridge, MA, Harvard University Press., 1938, 334p. Available at: https://us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/5029_Mahoney_Chapter_1.pdf. (accessed 01.02.2018).
15. Gaaze-Rapoport M. G. Psychology of management of man-machine systems. *All-Union School of Young Scientists and Specialists "Systems Theory and its Applications"*. Scientific and Technical Society of Radio Engineering, Electronics and Communications named after. A. Popov, the Komsomol Central Committee and the USSR Academy of Sciences. February 18-26, 1976 Minsk). (In Russian).
16. Trapeznikov V. A. On some perspectives in the development of control systems. *Automation and Remote Control*, 1981, no.2, pp.7–14. (In Russian).
17. Trapeznikov V. A. Management is an important element in technical progress. *Automation and Remote Control*, 1976, no. 2, pp.5–14. (In Russian).
18. Burkov V. N., Kondrat'ev V. V., Cyganov V. V., Cherkashin A. M. *The theory of active systems and the improvement of the economic mechanism*. Moscow, Science Publ., 1984, 272 p. (In Russian).
19. Burkov V. N., Lerner A. Ya. *Fairplay in control of active systems. Differential games and related topics*. Ed. By H. W. Kuhn and G. P. Szego. Amsterdam, London, North-Holland Publishing Company, 1971, pp. 164–168.
20. Novikov D. A. *Organization Management Theory*. Moscow, MPSI Publ., 2005, 584 p. (In Russian).
21. *Management Mechanisms : a textbook*. Ed. D. A. Novikov. Moscow, Lenand Publ., 2011, 216p. (In Russian).
22. Kornejchuk B. V. The Value Foundations of Creative Economy. *Creative Economy*, 2012, no. 8, pp. 10–17. (In Russian).
23. Patlasov O. Y., Mikhailov M. N. New trends in the car network management technology: networked, process, entrepreneurial approaches, technological platforms, foresight. *Fundamental Researches*. Moscow: Natural Science Academy, 2014, no. 3, pp. 159–164. (In Russian).

Поступила в редакцию 9.03.2019

© Т. В. Моисеева, 2019

Автор статьи: **Татьяна Владимировна Моисеева**, кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт проблем управления сложными системами Российской академии наук, 443020, Самара, Садовая ул., 61, e-mail: mtv-2002@yandex.ru

Рецензенты:

Г. П. Гагаринская, доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономики и управления организацией, Самарский государственный технический университет.

М. В. Цапенко, кандидат экономических наук, доцент, зав. кафедрой менеджмента, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева.

С. Х. Мухаметдинова,
Омская гуманитарная академия
О. Ю. Патласов,
Сибирский казачий институт технологий и управления
(филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского,
Омская гуманитарная академия
Р. О. Лучко,
Омская гуманитарная академия

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В ОМСКОЙ ОБЛАСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОГНИТИВНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Проблема и цель. Проблема исследования состоит в выявлении совокупности факторов и взаимосвязей между ними, определяющих уровень напряженности социально-экономической ситуации в Омской области в зависимости от входящих миграционных потоков. Цель исследования состоит в разработке прогнозов развития социально-экономической ситуации в регионе на основе использования методологии когнитивного моделирования.

Методология. Использовались методы исследования: анкетирование, экспертная оценка и когнитивное моделирование.

Результаты. В ходе исследования была создана когнитивная модель уровня напряженности социально-экономической ситуации в Омском регионе как функции от входящих миграционных потоков. На разработанной модели проведены имитационные эксперименты, позволившие спрогнозировать изменения уровня напряженности социально-экономической ситуации в зависимости от степени воздействия на различные управляющие факторы.

Выводы. Сформулированы предложения по управлению социально-экономической ситуацией в Омском регионе с учетом влияния входящих миграционных потоков.

Ключевые слова: миграционные процессы, уровень напряженности социально-экономической ситуации, входящие миграционные потоки, когнитивное моделирование.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант № 17-16-55011 “а(р)”)

Проблема и цель. Миграционные процессы являются следствием совокупности взаимосвязанных проблем современного мира, таких как: значительные различия в уровне социально-экономического развития стран и, как следствие, в благосостоянии их населения; существенные различия в уровне политических и религиозных свобод в отдельных регионах и странах в целом; военные конфликты; природные и экологические катастрофы и т. п.

По данным ООН, количество мигрантов с 2000 по 2017 г. в мире увеличилось вдвое и достигло 258 миллионов человек. При этом миграция, в свою очередь, оказывает значительное влияние на социально-экономическую ситуацию как стран-доноров, так и стран-реципиентов [1].

Исследованию такой актуальной проблемы современности, как миграция и её влияние на различные аспекты жизни как стран-реципиентов, так и стран-доноров посвящён ряд научных работ. В статье [2] представлены результаты анализа влияния денежных переводов мигрантов на экономику их родных стран и изменения интеллектуального потенциала стран – поставщиков трудовых ресурсов.

Интенсивный отток наиболее квалифицированных и перспективных кадров из стран с неразвитой или развивающейся экономикой приводит к снижению научного и интеллектуального потенциала в странах-донорах и, как следствие, к ухудшению в них социально-экономической ситуации. Так называемой утечке мозгов, актуальнейшей проблеме современного международного рынка труда, посвящено исследование [3]. Особенности влияния миграции родителей на социально-экономическую и образовательную сферы жизни их детей на примере этнических турок, обосновавшихся в европейских странах и оставшихся на родине, посвящена статья [4].

Результаты анализа и прогнозирования векторной образовательной миграции как одной из составляющих миграционных потоков в Омском регионе с использованием методологии и инструментария когнитивного моделирования представлены в статье [5]. Однако работы, посвящённые

комплексному исследованию влияния миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в приграничном регионе РФ, с учётом его специфики на основе использования инструментария когнитивного моделирования, отсутствуют.

Целью проведённого исследования является анализ, моделирование и прогнозирование влияния миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в приграничном регионе России (на примере Омской области) на основе методологии когнитивного моделирования.

Гипотеза исследования состоит в том, что применение методологии когнитивного моделирования для анализа влияния входящих миграционных потоков на уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе позволит разработать прогнозы её дальнейшего развития и сформулировать рекомендации по управлению миграционным балансом.

Методология. Воздействие входящих миграционных потоков на экономические и социальные процессы в регионе многоаспектно и неоднозначно, в связи с этим в качестве интегрального показателя введём понятие уровня напряжённости социально-экономической ситуации. Высокий уровень социально-экономической напряжённости характеризует ситуацию, в которой миграция оказывает значительное негативное влияние на экономические и социальные процессы. Поскольку факторы, оказывающие воздействие на уровень напряжённости социально-экономической ситуации, взаимосвязаны между собой и имеют различную природу, то формализация и решение задачи по определению степени их влияния на результирующий фактор требует адекватных методов.

В связи с этим в качестве методологии решения поставленной задачи была выбрана методология когнитивного моделирования, предложенная Р. Аксельродом [6]. Она предоставляет возможность решать задачи, которые характеризуются как чёткими, так и нечёткими взаимосвязанными факторами, и учитывать при этом влияние внешней среды на исследуемую систему, а также прогнозировать её развитие.

Методология когнитивного анализа и моделирования базируется на когнитивной структуризации знаний об объекте исследования и его связях с внешней средой с целью выявления базисных факторов и причинно-следственных связей между ними. Для разработки когнитивных моделей использовались методы анкетирования и экспертных оценок. В качестве респондентов привлекались 116 студентов Омской гуманитарной академии очной и заочной форм обучения бакалавриата и магистратуры, являющихся гражданами РФ. Для осуществления экспертной оценки были приглашены пять профессоров Омского государственного технического университета и Омской гуманитарной академии.

Результаты. В ходе исследования уровня напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе как функции входящих миграционных потоков проводились социологическое исследование и экспертная оценка. В результате работы были выявлены следующие управляющие факторы (табл. 1).

Таблица 1

Управляющие факторы, влияющие на напряжённость социально-экономической ситуации в Омском регионе как целевой фактор

№ п/п	Виды факторов	Методы измерения	Единицы измерения
Целевой фактор			
А	Уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе	Семантический дифференциал	Баллы
Управляющие факторы			
Б	Мигранты выполняют низкооплачиваемые неквалифицированные виды работ	Экспертные оценки	Баллы
В	Мигранты способствуют развитию некоторых сфер экономики (торговля, сельское хозяйство, ЖКХ, строительство и др.)	Экспертные оценки	Баллы
Г	Мигранты способствуют увеличению доли трудоспособного населения в регионе по отношению к количеству иждивенцев	Экспертные оценки	Баллы
Д	Мигранты способствуют оттоку финансовых ресурсов из региона	Экспертные оценки	Баллы
Е	Мигранты в основной массе имеют низкий уровень образования и плохо знают русский язык	Экспертные оценки	Баллы
Ж	Мигранты повышают уровень преступности	Экспертные оценки	Баллы
З	Мигранты в целом снижают интеллектуально-экономический потенциал региона	Экспертные оценки	Баллы

На следующем этапе были выявлены связи между управляющими факторами и целевым фактором, а также оценена степень их влияния друг на друга. Результаты оценки представлены в виде числовых коэффициентов. Чем больше по модулю соответствующий коэффициент, тем сильнее выражено влияние одного фактора на другой. Положительное значение коэффициента свидетельствует о том, что данная связь способствует увеличению уровня воздействия на тот или иной фактор со стороны другого фактора.

В результате структуризации и систематизации данных, полученных в процессе исследования, была разработана когнитивная модель уровня напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе (рис. 1).

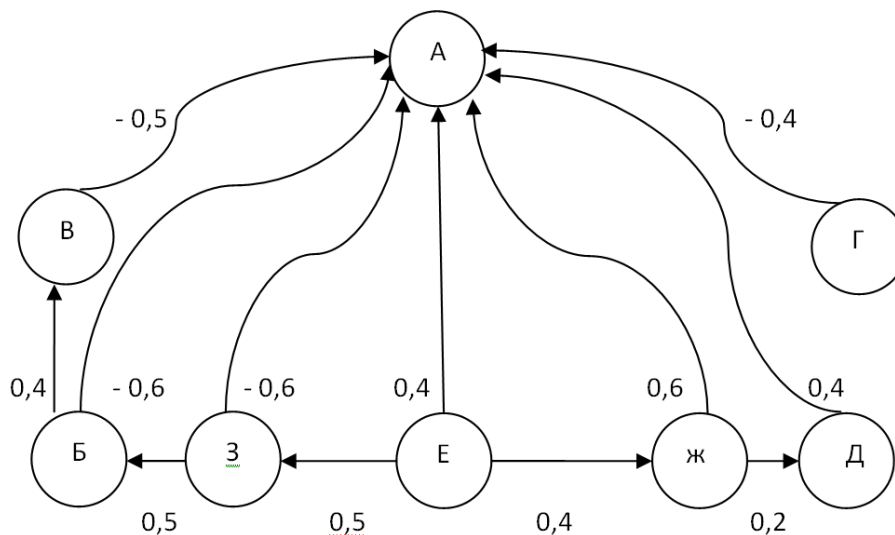

Рис. 1. Когнитивная модель уровня напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе в зависимости от входящих миграционных потоков

На основе разработанной модели была создана матрица влияния управляющих факторов на уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе (табл. 2).

Таблица 2

Матрица влияния факторов на уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе в зависимости от входящих миграционных потоков

Матрица влияния факторов	(А)	(Б)	(В)	(Г)	(Д)	(Е)	(Ж)	(З)
(А)	0	-0,6	-0,5	-0,4	0,3	0,4	0,6	-0,6
(Б)	0	0	0	0	0	0	0	0,5
(В)	0	0,4	0	0	0	0	0	0
(Г)	0	0	0	0	0,5	0	0	0
(Д)	0	0	0	0	0	0	0,2	0
(Е)	0	0	0	0	0	0	0	0
(Ж)	0	0,4	0	0	0	0	0	0
(З)	0	0,5	0	0	0	0	0	0

Используя возможности программной реализации, позволяющей автоматизировать процессы когнитивного моделирования, на основе матрицы влияния проводились имитационные эксперименты, в которых осуществлялось изменение в процентах величины импульсов, оказывающих влияние на отдельные управляющие факторы, с целью определения степени их воздействия на уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе как на целевой фактор.

Приведем лишь некоторые результаты имитационного моделирования. Увеличение на 20 % импульсов, влияющих на факторы Е и Ж, приводит к росту воздействия на целевой фактор А почти на 15 % (рис. 2).

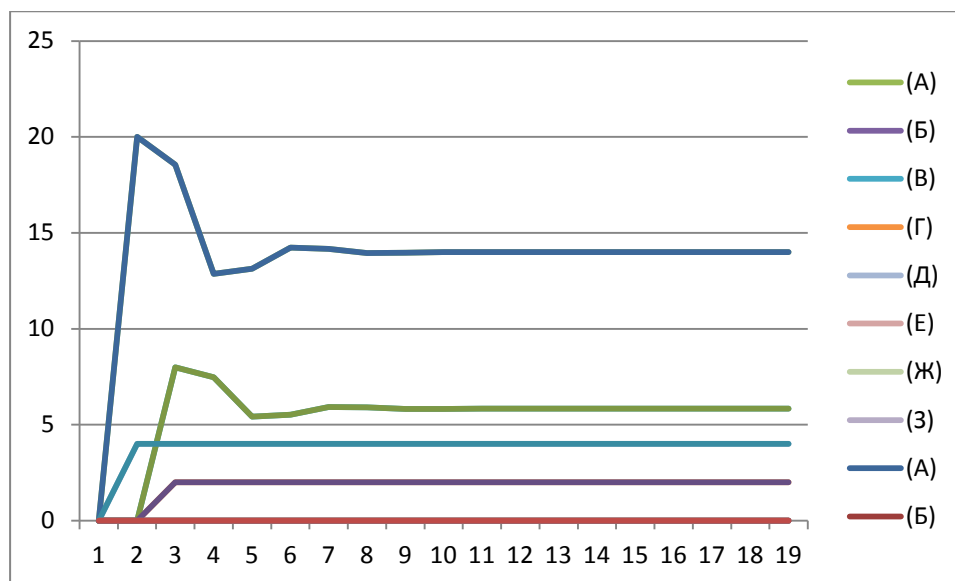

Рис. 2. Влияние увеличения импульсов, воздействующих на факторы Е и Ж, на другие управляющие факторы и уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе (фактор А)

Таким образом, неэффективное управление входящими миграционными потоками, при котором возрастёт приток мигрантов, имеющих низкий уровень образования и владения русским языком, и при отсутствии системы их социализации и трудоустройства приведёт к значительному росту напряжённости социально-экономической ситуации в регионе.

В свою очередь к снижению степени воздействия на целевой фактор А почти на 10 % приводит увеличение на 20 % импульса воздействия на управляющий фактор В (рис. 3).

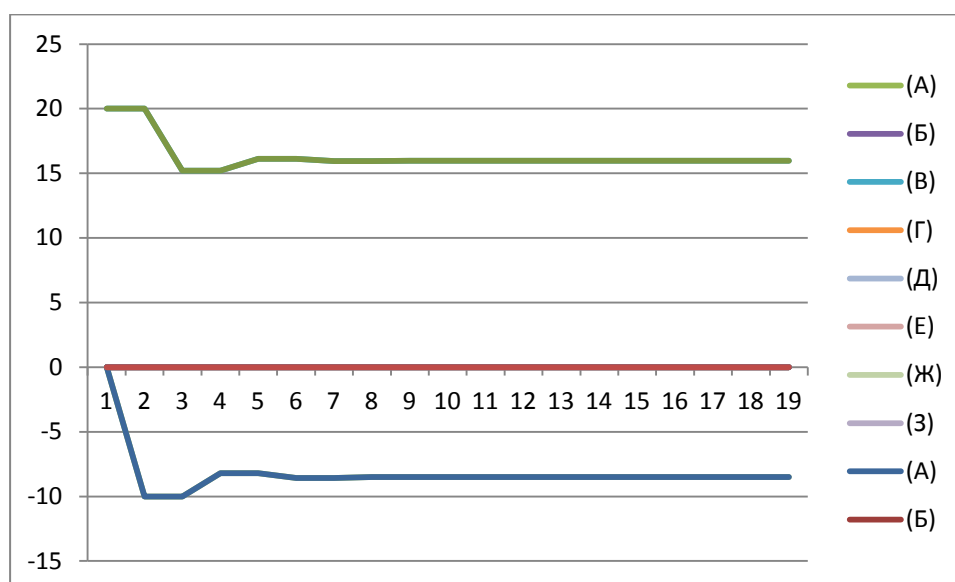

Рис. 3. Влияние увеличения импульса, воздействующего на фактор В, на другие управляющие факторы и уровень напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе (фактор А)

Взвешенная миграционная политика, направленная на привлечение мигрантов, имеющих востребованные в Омской области профессии, обладающих соответствующим образованием и необхо-

димой квалификацией в соответствии с потребностями экономики региона, позволит значительно снизить уровень напряжённости социально-экономической ситуации.

Необходимо отметить, что Омский регион характеризуется достаточно стабильной социальной ситуацией и отсутствием открытых межэтнических конфликтов. Однако влияние постепенного изменения этнического состава населения и снижения интеллектуального потенциала региона за счёт притока мигрантов с низким уровнем образования и оттока наиболее образованной и целеустремлённой молодёжи на социально-экономическую ситуацию в среднесрочной перспективе сложно переоценить. В связи с этим особую актуальность приобретают системные исследования указанной проблемы с целью разработки эффективных решений по управлению миграционными процессами.

Выводы. По результатам представленного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Применение методологии и инструментария когнитивного моделирования для анализа и прогнозирования уровня напряжённости социально-экономической ситуации в Омском регионе как функции входящих миграционных потоков адекватно решаемой задаче.

2. Ограничение притока мигрантов, чей уровень образования и владения русским языком низок, с учётом потребности экономики в неквалифицированных кадрах и при наличии системы социализации и трудоустройства мигрантов приведёт к стабилизации социально-экономической ситуации в регионе.

3. Формирование системы мер, направленных на упрощение процедуры получения разрешения на работу и принятия гражданства лицами, владеющими востребованными на рынке труда Омской области специальностями, а также имеющими высшее и среднее специальное образование, будет способствовать снижению уровня напряжённости социально-экономической ситуации.

Библиографический список

1. Гордеев В. (2017): Количество мигрантов в мире возросло с начала века почти на 50 %. URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/12/2017/5a38670d9a7947cbce6346bb>
2. King R., Mata-Codesal D., Vullnetari J. (2013): Migration, Development, Gender and the 'Black Box' of Remittances: Comparative Findings from Albania and Ecuador // *Comparative Migration Studies*. Amsterdam: Amsterdam University Press, January 2013. Vol. 1. Issue 1, pp. 69–96.
3. Janina Söhn Back to School in a New Country? The Educational Participation of Adult Immigrants in a Life-Course Perspective // *Journal of International Migration and Integration*. Winnipeg: University of Manitoba Press, February 2016. Vol. 17. Issue 1, pp. 193–214.
4. Guveli A. Educational Attainment. In: *Intergenerational Consequences of Migration*. Palgrave Macmillan, London. URL: https://doi.org/10.1057/9781137501424_5 https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137501424_5
5. Лучко О. Н., Патласов О. Ю., Мухаметдинова С. Х. Инструментарий когнитивного моделирования в анализе векторной образовательной миграции // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. Новосибирск, 2017. № 6. Том 7. С. 225–241.
6. Axelrod R., *The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 405.

S. H. Muhametdinova,

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., 644105, Omsk, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-3063-3269>
Scopus Author ID: 56503853800
e-mail: muhamet-m@yandex.ru

O. Yu. Patlasov,

Doctor of Economics, Professor, Chief Specialist
of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education K.G. Razumovski
Moscow State University of Technologies and Management,
Vice-rector of the Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2015-1474>
Scopus Author ID: 56437696900
e-mail: opatlasov@mail.ru

R. O. Luchko
Postgraduate,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., 644105, Omsk, Russian Federation
e-mail: luchano55@mail.ru

ANALYSIS OF THE EFFECT OF MIGRATION PROCESSES ON THE SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN THE OMSK REGION USING COGNITIVE METHODOLOGY

Acknowledgments: The paper has been prepared with the granted financial support by the Russian Foundation for Basic Research No. 18-414-550001 “a (p)”

Introduction. Migration in general and incoming migration flows in particular have a significant impact on the socio-economic situation in Omsk region. The problem of the study is to identify a set of factors and relationships between them determining the tension level in the socio-economic situation of Omsk region depending on the incoming migration flows.

Methodology. The purpose of the study is to work out some forecasts of the socio-economic situation development in the region based on the use of cognitive modeling methodology. The following research methods have been used: questioning, expert assessment and cognitive modeling.

Results. During the study a cognitive model of tension level in the socio-economic situation in Omsk region as incoming migration flows function based on the survey and expert assessments results has been developed. Some simulation experiments have been carried out using the developed model, and it made possible to predict changes in the tension level in the socio-economic situation depending on the degree of various control factors impact.

Conclusions. Some proposals to manage the socio-economic situation taking into account the incoming migration flows influence have been formulated.

Keywords: The tension level in the socio-economic situation, incoming migration flows, a cognitive model.

References

1. Gordeev V. (2017): *The number of migrants in the world has increased by almost 50% since the turn of the century*. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/19/12/2017/5a38670d9a7947cbce6346bb>
2. King, R., Mata-Codesal, D. & Vullnetari, J. (2013): Migration, Development, Gender and the ‘Black Box’ of Remittances: Comparative Findings from Albania and Ecuador. *Comparative Migration Studies*. January 2013, vol. 1, Issue 1, pp 69–96. <https://doi.org/10.5117/CMS2013.1.KING>
3. Janina Söhn. Back to School in a New Country? The Educational Participation of Adult Immigrants in a Life-Course Perspective. *Journal of International Migration and Integration*. February 2016, vol. 17, Issue 1, pp. 193–214. DOI: 10.1007/s11577-012-0157-6
4. Guveli A. *Educational Attainment*. In: *Intergenerational Consequences of Migration*. Palgrave Macmillan, London. 2016.: DOI https://doi.org/10.1057/9781137501424_5 https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137501424_5
5. Luchko O.N., Patlasov O.Yu., Muhametdinova S.H. Cognitive modeling tools in the analysis of vector educational migration. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, 2017, vol. 7, no. 6, pp. 225–241. URL: <http://vestnik.nspu.ru/journal/2017-6>
6. Axelrod, R. *The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton University Press, 1976. 405 p

Поступила в редакцию 5.06.2019

© С. Х. Мухаметдинова, О. Ю. Патласов, Р. О. Лучко, 2019

Авторы статьи:

Светлана Хамитяновна Мухаметдинова, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики, математики и естественно-научных дисциплин, Омская гуманитарная академия, Омск, 644105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: muhamet-m@yandex.ru

Олег Юрьевич Патласов, доктор экономических наук, профессор, Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 644010, Омск, ул. Пушкина, 63; проректор по международной деятельности, Омская гуманитарная академия, 644105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: opatlasov@mail.ru

Роман Олегович Лучко, аспирант, Омская гуманитарная академия, 644105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: luchano55@mail.ru

Рецензенты:

Б. Г. Хаиров, доктор экономических наук, профессор, зам. директора по научной работе, Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

В. А. Филимонов, доктор технических наук, профессор, Омский филиал Института математики им. С. Л. Соболева СО РАН.

Ю. Д. Овчинников,
Кубанский государственный университет физической культуры,
спорта и туризма, Краснодар

ПРОЕКТ ВЕЛОШЕРИНГА КАК ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Проблема. В современную городскую среду пытаются вписать социальные проекты, формирующие комфорт жителей. Велошеринг LuckyBike – система общественного проката, в рамках которой можно взять велосипед в одной точке города и вернуть в любой другой. Это полностью частный проект: инвесторы специально выбрали Краснодар для старта из-за климата и плохой дорожной обстановки. Найти свободный велосипед и управлять арендой можно будет через мобильное приложение LuckyBike. Плотная застройка города и узкие дороги будут мешать реализации проекта, так как не смогут обеспечить систему безопасности между велосипедистами, пешеходами и автомобилистами.

Цель исследования – провести анализ возможности развития проекта велошеринга в условиях городской среды.

Методология. В научной литературе данный общественный проект велошеринга, имеющий социальные факторы развития, недостаточно представлен как практико-ориентированный в системе безопасности и эргономичности городской инфраструктуры. Информационный, сравнительный, ситуационный анализ, проведённый в процессе научного исследования, показал неготовность города Краснодара к реализации проекта по отработанной организаторами схеме.

Результаты. В статье представлен анализ возможности развития проекта в условиях городской среды с учётом регионального компонента и опыта российских городов и мировых лидеров системы велошеринга. Велошеринг как транспортная услуга для определённой части населения имеет свои минусы для жизнедеятельности маленького густонаселённого города плотной постройки. В Краснодаре может быть гостевой маршрут из одного округа в другой (всего их четыре) к родственникам или друзьям с обеспечением безопасности для транспорта и пешеходов. Велосипедист должен иметь шлем и находиться в трезвом состоянии. Есть смертельные случаи в крае, которые подтверждают данные негативные факторы. В Краснодарском крае ввиду сложившихся климатических условий и развития рельефа местности можно было бы путешествовать на велосипеде группой друзей или семьёй. Таким образом, велошеринг мог бы стать одним из направлений спортивного туризма. Вопрос о системе безопасности не только на дороге, но и всего маршрута в целом становится приоритетным. Велосипедные маршруты передвижения должны быть официально зарегистрированы и сертифицированы. Важен правовой аспект: кто обеспечивает систему безопасности маршрута, а именно полиция, МЧС, компании велошеринга. Более того, встанет ещё одна проблема – технического обслуживания на маршруте потребителя услуги.

Выводы. Целесообразен ли данный проект вообще? Необходимо всё просчитать: затраты прямые и косвенные, возможные риски для всех групп населения.

Ключевые слова: старт, велопрокат, услуги, территория, велошеринг.

Проблема и цель. Система общественного проката, в рамках которой можно взять велосипед в одной точке города и вернуть в любой другой, стала модной идеологией развития современной городской среды. Современные проектные технологии внедряются в городскую среду с помощью агрессивного маркетинга. Это полностью частный проект: инвесторы специально выбрали город Краснодар для старта из-за климата и плохой дорожной обстановки. Концепция проекта: найти свободный велосипед и управлять его арендой через мобильное приложение LuckyBike [1].

В городе Краснодаре представили проект по организации городской сети велопроката [2]. Городские власти встретились с представителями ООО «Лаки-Шеринг» – организацией, которая планирует развивать велошеринг в кубанской столице.

Доступный велопрокат – креативная идея, если учитывать, что среди определённой категории жителей велосипед пользуется большой популярностью. В то же время инфраструктура для регулярного передвижения по городу на велосипеде развита недостаточно. Администрация города готова рассматривать возможность реализации проекта велошеринга и постарается, чтобы он «поехал». Необходимо учесть многие вопросы, в первую очередь связанные с безопасностью дорожного движения. На первом этапе надо определиться, возможно ли реализовать проект, предстоит детально

проанализировать возможность размещения необходимого количества стоянок для велошеринга с определением конкретного участка. Цель исследования – провести анализ возможности развития проекта в условиях городской среды.

Методология. Проект велошеринга может реализовываться, в частности, в рамках концепции спортивного территориального маркетинга [3] или брендинга региона [4]. По мнению компании-инвестора, город Краснодар привлекателен для развития велошеринга, потому что велосезон в данной территориально-климатической зоне намного дольше, чем во многих других городах России. Он занимает примерно 8–9 месяцев. В городе высокая динамика роста населения, большое количество студентов, которые могут являться целевой аудиторией и основной потребительской категорией данной услуги. Проведём сравнительный анализ:

Численность студентов в г. Краснодаре: 2017–2018 гг. – 117,4 тыс. чел.

В Краснодаре предполагается оборудовать около 650 мест для аренды велосипедов. Сама услуга будет работать с помощью специального мобильного приложения, разработанного компанией. Пользователь на ней видит доступные для использования велосипеды и где они находятся на карте, может выбрать ближайший свободный. Перед поездкой необходимо оплатить услугу по наиболее подходящему тарифу – за сутки, месяц или год. Оставить велосипед после поездки можно на любой обозначенной на карте парковке. Предполагается, что суточная аренда велосипеда будет стоить около 120 рублей, а годовой абонемент обойдется в 3 рубля в день. Ранее компания запустила проект велошеринга в Альметьевске, в Татарстане, сервис действует в этом городе с осени 2017 г. На сегодняшний день в России велошеринг активно развивается в Москве, Санкт-Петербурге и Казани (О. В. Сагинова, М. С. Мельников) [5]. За рубежом эта услуга наиболее популярна в Китае и странах Западной Европы. Такой системы нет больше нигде в стране. В Москве и Санкт-Петербурге используется старая система проката со станциями (О. В. Савельева, М. А. Сулейманов) [6]. В Краснодаре таких стоек нет, велосипеды будут стоять просто в круге на асфальте. Такая система намного дешевле и позволяет купить больше велосипедов и установить ниже цену на аренду, считают организаторы. Но реально никто не посчитал потребность данной услуги для жителей города Краснодара. Зачем покупать больше велосипедов, если они не будут востребованы потребителем?

Проследим развитие системы велошеринга в разных странах с указанием социально-экономического эффекта для страны.

Китай. Большое количество брошенных велосипедов стало следствием бума на сервисы велошеринга. В некоторых городах коммунальные службы возвращают транспорт компаниям, в других – складывают его в специальных местах в надежде на то, что компании сами заберут велосипеды.

Пустые земли стали местами свалок для властей, которые конфисковали велосипеды, брошенные на дорогах или нарушающие правила парковки. По данным GlobalTimes (еженедельной китайской газеты), на этом кладбище не менее 10 000 велосипедов.

Велошеринг – это практически прокат, однако в отличие от традиционной схемы, шеринг не имеет пунктов сдачи и выдачи велосипедов – их передают от одного человека другому.

Около 23 000 велосипедов были собраны и вывезены на 16 временных парковок органами управления городского хозяйства на востоке Китая в городе Ханчжоу. Велосипеды изъяли у хозяев из-за беспорядочной парковки. Компании, занимающиеся прокатом велосипедов, не хотят на них претендовать, опасаясь внушительных штрафов.

У властей нет выбора, кроме как складировать брошенные велосипеды в пустых парковочных местах вокруг города, что создаёт в свою очередь головкружительные по площади свалки велосипедов. Несмотря на то, что использование жителями велосипедов уменьшает пробки на дорогах и обеспечивает удобство для местных жителей, многие неисправные, сломанные велосипеды бросаются прямо на улице своими владельцами или компаниями, занимающимися прокатом велосипедов. Особенно это касается байкшерингов, работающих по системе dockless. В 2017 г. в них было инвестировано 2,6 миллиарда долларов (притом что в 2016 г. эта цифра составила 290 миллионов долларов). Более 1 миллиарда из этих денег приходится на Ofo и 800 миллионов – на Mobike. Ofo и Mobike – это китайские компании. Ofo запустился в 2014 г. и предоставляет услуги более чем в 250 городах в 20 странах. Mobike был основан в 2016 г. Сейчас эта компания работает более чем в 200 городах в 12 странах [7].

США. Сеть JumpBikes по состоянию на 2017 г. насчитывала 15 тыс. велосипедов в 40 городах шести стран мира, преимущественно в США. Источники TechCrunch оценили сделку в сумму от 100 до 200 миллионов долларов. Ранее, в январе этого года, компании запустили проект UberBike, по-

зволяющий арендовать велосипед JumpBikes через приложение Uber для заказа такси. Аналогичный проект будет реализован в Бразилии [1].

Япония. В Токио, компании Softbank и Openstreet запустили сервис проката велосипедов HelloCycling на основе интернета вещей (IoT). В основу HelloCycling положен принцип, использующийся системами каршеринга [8]. Пользователи заводят персональный аккаунт и в дальнейшем через мобильное приложение резервируют находящиеся поблизости велосипеды. Добравшись до байка, арендатор начинает поездку, разблокировав специальный замок. Оставить велосипед он может на любой станции сервиса HelloCycling, выполнив оплату с помощью смартфона. Оператор отслеживает положение транспортных средств с помощью GPS. Арендовать байки в рамках HelloCycling пользователи также могут используя транспортные карты [8].

Казахстан. В городе Алматы запустили полностью автоматизированную систему велопроката AlmatyBike [9, 10]. Инициативная группа «Вело-Алматы» создала велошколу и разработала памятку велосипедиста с целью обеспечения безопасности на дороге, распространив её по России и Украине [11].

Россия. В Санкт-Петербурге предполагается, что новый вид велопроката будет работать по принципу каршеринга. Велопарк для проката, которым смогут воспользоваться все желающие, хотят довести до 5000 байков. Стойки же с велосипедами планируется установить в самых востребованных местах, среди которых – территории у вестибюлей станций метрополитена.

Анализ системы проката показал следующую ситуацию. В Москве располагается 430 точек проката: можно взять велосипед в одном пункте проката и вернуть в другом. Все поездки до 30 / 45 минут включены в стоимость доступа. За поездки дольше 30 / 45 минут берётся дополнительная плата в зависимости от времени проката (С. В. Шелмаков, П. С. Шелмаков) [12].

Если пользователь не сдаёт велосипед после двух суток, то компания «Велобайк» вынуждена применить штраф 30 000 рублей. Доступ к прокату на 24 часа стоит 150 рублей, на месяц – 600 рублей, на сезон до 31 октября – 850 рублей. В стоимость включены любые поездки до 30 минут, если время превышено, происходит дополнительная оплата. В прошлом году появился новый доступ «Сезон 45 минут», в который включены поездки до 45 минут стоимостью 950 рублей.

По мнению специалистов велошеринга, в Москве система велопроката пользуется популярностью: в 2016 г. было совершено более 400 000 поездок.

Однако если сравнить с численностью населения в Москве, то данной транспортной услугой воспользовались 3 % населения. Экономически целесообразна ли данная услуга для Москвы? Москва – мегаполис с использованием скоростных технологий, в том числе и в сфере транспортных услуг. Увеличить процент людей, желающих передвигаться с помощью велосипеда, вряд ли удастся.

Приведём сравнительные цифры численности населения в 2018 г. с указанием территориальной протяженности (км):

- г. Москва – 12 506 468 чел. Площадь Москвы составляет 2 511 км². Протяжённость Москвы с севера на юг в пределах МКАД – 38 км, за пределами МКАД – 51,7 км, с запада на восток – 39,7 км.
- г. Краснодар – 1,4 млн чел. Территория в границах муниципального образования составляет 841,4 км², или 1,1 % от территории Краснодарского края.
- Краснодарский край – более 5 млн чел. Общая протяжённость границ края – 1 540 км, из них 800 км по суше и 740 км по морю [7]

Информационная справка: для сравнения приведём данные по территории некоторых городов мира в квадратных километрах:

- Сидней – 12 144,6;
- Токио – 11 636,25;
- Киншаса – 10 550;
- Нью-Йорк – 1 214,4.

В Москве в аренду можно взять не только велосипед, но и электровелосипед. Для управления устройством какие-либо специальные документы (права) не нужны, но необходим определённый опыт: конструкция весит 40 кг. Прокат электровелосипедов в Москве действует по той же схеме, что и для аренды обычных велосипедов.

Максимальная скорость этого средства передвижения по ровной дороге – 25 км/ч, что необходимо учитывать при торможении: тормозной путь велосипеда с электродвигателем больше, чем у обычного. В зависимости от качества дорожного покрытия заряда аккумулятора хватает на 10–20 км. Быстрота езды зависит от зарядки аккумулятора и кручения педалей.

Результаты исследования и их обсуждение. В городе Краснодаре два-три года назад организовали велодорожки в парках и скверах [13]. Более того, есть экстрим-парк для занятия экстремальными видами спорта [14, 15]. Но по своей дорожной инфраструктуре и безопасности движения всех пересадить на велосипеды будет излишним. Пожилые люди не смогут пересечь на велосипеды, им нужны пешие прогулки. А автомобилисты устали от выбоин на дорогах и пробок, но не откажутся от комфортного автомобиля. Встреча с велосипедистом сейчас несёт в себе различные негативные ситуации. Платные автопарковки осложнили дорожную ситуацию, так как организованы платные прибордюрные парковки, места для стоянки машин расчерчены на асфальте по ходу движения.

Краснодар занимает первое место в России по количеству автомобилей на душу населения. В городе зарегистрировано более 440 тыс. транспортных средств, и ежегодно автопарк увеличивается ещё на 15-20 тыс. автомобилей. Одной из мер, призванных спасти Краснодар от транспортного коллапса, стала система городских муниципальных парковок, внедрённая около трёх лет назад. По договору с ООО «Городские Парковки» в бюджет Краснодара идет всего 10 % от доходов. Затраты города на организацию парковок составили 0 % от общей суммы. В создание системы платных парковок город не вложил ни копейки. В 2021 г. парковки перейдут в муниципальную собственность. Вопросами содержания, эксплуатации оборудования и получением выручки будет заниматься город.

Выделим общемировую проблему. Даже если пользователи не оставляют велосипеды в неподобающих местах, количество транспорта всё равно загружает город.

По этой причине в Китае в ряде городов запретили вводить новые шеринговые велосипеды. В Амстердаме местные жители жаловались, что им негде парковать свои личные байки. В Мюнхене летом 2017 года люди также выступали против роста количества велосипедов в городе (протестные акции с переворачиванием байков).

В Калининграде и Санкт-Петербурге работал велошеринг «Кафебайк»: велосипеды стоят возле кафе, а ключ от них находится у сотрудников этого кафе. Для начала аренды надо предъявить им код, полученный через приложение, сайт или через СМС. На данный момент проект закрыт.

Выводы. В Краснодаре может быть гостевой маршрут из одного округа в другой (всего их четыре) к родственникам или друзьям с обеспечением безопасности для транспорта и пешеходов. Велосипедист должен иметь шлем и находиться в трезвом состоянии. Есть смертельные случаи в этой местности, которые подтверждают негативные факторы.

В Краснодарском крае, благодаря сложившимся климатическим условиям и развитию рельефа местности, можно было бы путешествовать на велосипеде группой или семьёй. Таким образом, велошеринг мог бы стать одним из направлений спортивного туризма. Но опять встаёт вопрос о системе безопасности не только на дороге, но и всего маршрута в целом. Данные маршруты должны быть официально зарегистрированы и сертифицированы. В правовом аспекте должно быть указано, кто обеспечивает систему безопасности маршрута, а именно полиция, МЧС, компании велошеринга. Более того, возникнет ещё одна проблема – технического обслуживания на маршруте потребителя. Так, например, если проходит велогонка, то маршрут подготовлен и на трассе дежурят специальные службы, готовые оказать техническую помощь при возникшей неполадке.

Заключение. Велошеринг должен был развить культуру совместного потребления и сохранить окружающую среду, а на деле стал причиной огромных стихийных свалок в разных городах мира. Некоторые из экспертов считают велошеринг пустой тратой ресурсов. Более того, если услуга позиционируется на рынке как система общественного проката, то все затраты на создание и внедрение несёт инвестор, а не перекладывает на потребителя. Услуга для потребителя должна предоставляться бесплатно.

Библиографический список

1. Bike-sharing: глобальная экспансия систем совместного использования велосипедов (2014 г.). URL: <http://velomesto.ru/magazine/v-mire/bike-sharing-globalnaya-ekspansiya-sistem-sovmestnogo-ispolzovaniyavelosipedov/> (дата обращения: 5.012.2018).
2. Портал исполнительных органов государственной власти Краснодарского края [Электронный ресурс]. URL: <https://krasnodar.ru/content/3/show/29838/> (дата обращения: 11.11.2018).
3. Лукина Т. С., Патласов О. Ю. Разработка маркетинговых стратегий сельских территорий. // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2014. № 4 (18). С. 225–234.
4. Патласов О. Ю., Клименко С. Н. Эффективность PR-технологий региональных органов власти и оценка бренда территории как её нематериального актива // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2018. № 3 (33). С. 203–214

5. Сагинова О. В., Мельников М. С. Модели совместного использования велосипеда в крупном городе // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 4. С. 1289–1300.
6. Савельева О. В., Сулейманов М. А. Развитие велоинфраструктуры в России // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2018. № 1 (6). С. 43–45.
7. Китайский байкшеринг на примере Mobike и ofo. URL: <https://se7en.ws/kitayskiy-baykshering...primere-mobike...ofo/> (дата обращения: 5.012.2018).
8. Привет, велоспорт. URL: <https://www.hellocycling.jp/> (дата обращения: 5.12.2018).
9. Галеева С. В., Жексекина А. А. Становление и развитие велошеринга: зарубежный и казахстанский опыт // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2856–2860. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86602.htm>. (дата обращения: 5.012.2018).
10. Шакина Ж. М., Мамраева Д. Г., Ташенова Л. В. Перспективы развития велошеринга в системе городского туризма в Казахстане: Монография. Караганда: Изд-во КарГУ, 2015. 162 с.
11. Проект «Велопарковки Алматы» (2018 г.). URL: http://veloalmaty.kz/?page_id=2 (дата обращения: 5.12.2018).
12. Шелмаков С. В., Шелмаков П. С. Опыт реализации в Москве системы городского велопроката (велошеринга) // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 3-3. С. 331–336.
13. Абрамян А. А., Овчинников Ю. Д. Развитие спортивного досуга населения в парках, построенных по новым технологиям // Территория инноваций. 2017. № 12 (16). С. 119–124.
14. Овчинников Ю. Д., Талызов С. Н. Спортивный туризм как вид спорта и форма деятельности // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2017. Т. 2. № 2. С. 117–120.
15. Овчинников Ю. Д., Стойлов А. Ю. Фестиваль экстремальных видов спорта // Вестник спортивной истории. 2018. № 2 (12). С. 58–63.

Yu. D. Ovchinnikov,
 Candidate of Technical Sciences,
 Associate Professor of Biochemistry Biomechanics and Natural Sciences,
 Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism
 161 Budennogo st., Krasnodar, 350015, Russian Federation
 Author ID: 398997 РИНЦ
 e-mail: yurij.ovchinnikov@inbox.ru

BIKE-SHARE SCHEME PROJECT AS A PART OF MODERN URBAN ENVIRONMENT

Introduction. Social projects forming the residents' comfort are tried to fit into the modern urban environment. Lucky Bike is a system of public rental where you can borrow a bike from one "dock" and return it at another dock belonging to the same system. This is a completely private project: investors specifically have chosen Krasnodar for start-up because of the climate and bad road conditions. It will be possible to find a free bike and manage the rental through the LuckyBike mobile application. Dense building and narrow roads will hamper the implementation of the project as it will not be possible to provide a security system between cyclists, pedestrians and motorists.

The purpose of the study is to analyze the possibility of the bike-share project development in an urban environment.

Methodology. In the scientific literature, this public bike-share project having social development factors is not sufficiently presented as practice-oriented in the security system and ergonomic urban infrastructure. Information, comparative, situational analysis conducted by the process of scientific research have shown the unreadiness of the city of Krasnodar to implement the project according to the scheme worked out by the organizers.

Results. The article presents an analysis of the project development possibility in an urban environment, taking into account the regional component and the experience of Russian cities and world bike-share leaders. Bike-share as a transport service for a certain part of the population has its disadvantages for the life of a small densely populated and built-up city. In the city of Krasnodar there can be a guest route from one district to another (there are four in total) to visit relatives or friends providing safety for transport and pedestrians. The cyclist must have a helmet and be sober. There are cases with lethal outcome in the province confirm these negative factors.

In the Krasnodar region, due to the prevailing climatic conditions and the development of the terrain, it would be possible to travel by bicycle with a group of friends or family. Thus, bike-share could be one of the areas for sports tourism. The issue of security not only on the road, but also the whole route becomes a

priority. Cycling routes must be officially registered and certified. The legal aspect is important: who provides the route security system, namely the police, the Ministry of emergency situations, Cycling companies. Moreover, there will be another problem i.e. technical service on the route for the consumers. So if there is a cycling race, the route is prepared and on the road special services are on duty, ready to provide technical assistance in case of a problem.

Conclusions. Whether the project is appropriate at all? It is necessary to calculate everything: direct and indirect costs, possible risks for all groups of the population.

Keywords: start, bike rental, services, territory, cycling.

References

1. Bike-sharing: global expansion of Bicycle sharing systems (2014). - URL: <http://velomesto.ru/magazine/vmire/bike-sharing-globalnaya-ekspansiya-sistem-sovmestnogo-ispolzovaniya-velosipedov/> (accessed 5.012.2018).
2. The portal of the Executive bodies state power of Krasnodar region [Electronic resource] <https://krasnodar.ru/content/3/show/29838/> (date of application 11.11.2018).
3. Lukina T. S., Patlasov O. Y. Development of marketing strategies for rural areas // The Science of Person: Humanitarian Researches. Omsk: OmHA, 2014. № 4 (18). Pp. 225–234.
4. Patlasov O. Y., Klimenko S. N. Regional authorities PR-technologies effectiveness and evaluation of the territory brand as its intangible asset // The Science of Person: Humanitarian Researches. Omsk: OmHA, 2018. № 3 (33). Pp. 203–214.
5. Saginova O. V., Melnikov M. S. models of bike sharing in a large city//Russian entrepreneurship. 2018. Vol. 19. No. 4. P. 1289-1300.
6. Savelyev O. V., Suleymanov M. A. Development of Cycling infrastructure in Russia // OlymPlus.Humanitarian version.2018. No. 1 (6).P.43-45.
7. Chinese Biking on the example of Mobike and ofo–URL: [https://se7en.ws " kitayskiy-baykshering ... primere-mobike...ofo/](https://se7en.ws/kitayskiy-baykshering...primere-mobike...ofo/)(accessed 5.012.2018).
8. Hello Cycling. - URL: <http://www.hellocycling.jp/> (accessed 5.12.2018)..
9. Galeeva, S. V., Gekekena A. A. Formation and development of the BSS: foreign and Kazakhstan experience // Scientific-methodical electronic journal "Concept". - 2016. - Vol. 11. - P. 2856-2860. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/86602.htm>. (date accessed: 5.012.2018).
10. Theshayekina J. M., Mamaeva D. G., Tashenova L. V. prospects of development of the BSS in the system urban tourism in Kazakhstan: Monograph. - Karaganda: publishing house of Karsu, 2015. - 162s.
11. Project "bike Racks Almaty" (2018). –URL: http://veloalmaty.kz/?page_id=2 (date accessed: 5.12.2018).
12. Shelmakov S. V., Shelmakov P. S. Implementation Experience in Moscow city bike rental system (velouring)//international student scientific Bulletin. 2015. No. 3-3. P. 331-336.
13. Abrahamyan A. A., Ovchinnikov Yu. d. Development of sports recreation in amusement parks, built on new technologies/innovation. 2017. № 12 (16). C. estimated in 119-124.
14. Ovchinnikov Yu. D., Talyzov S. N., Sports tourism as a sport and a form of activity//physical culture. Sport.Tourism.Motor recreation. 2017. Vol.2. No. 2. P. 117 to 120.
15. Ovchinnikov Yu. D, Stojlov A. Yu. The festival of extreme sports // Bulletin of the history of sport. 2018. № 2 (12). P. 58-63.

Поступила в редакцию 7.12.2018

© Ю. Д. Овчинников, 2018

Автор статьи: Юрий Дмитриевич Овчинников, кандидат технических наук, доцент кафедры биохимии, биомеханики и естественно-научных дисциплин, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 350015, Краснодар, ул. им. Буденного, 161, e-mail: yurij.ovchinnikov@inbox.ru

Рецензенты:

О. А. Подкопаев, кандидат экономических наук, доцент ВАК, доцент кафедры менеджмента и экономики культуры, Самарский государственный институт культуры.

К. Н. Ермолаев, доктор экономических наук, доцент, декан заочного факультета, зав. кафедрой институциональной экономики и экономической истории, Самарский государственный экономический университет.

Е. А. Орлянский,
Омская гуманитарная академия

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Проблема и цель. Статья посвящена проблеме взаимосвязи религии и социальной части рыночной экономики. Целью статьи является выявление религиозных основ социальной политики и участия церковных структур в экономической деятельности.

Методология. Основным методом является метод сравнительного анализа.

Результаты. Социальные элементы рыночной экономики являются способом нахождения компромисса между эффективностью и справедливостью. Однако на экономической основе такой компромисс найти очень сложно, поскольку цели социальной политики часто противоречат чисто экономическому пониманию эффективности. Для достижения такого компромисса требуются более авторитетные основания из духовной сферы. Таким основанием может стать религия, конкретно религиозная хозяйственная этика.

Вывод. Социальная рыночная экономика способна успешно выполнить данную функцию достижения компромисса между эффективностью и справедливостью, если будет опираться на религиозную основу. Религия как элемент духовной сферы является естественной основой социальной составляющей рыночной экономики.

Ключевые слова: рыночная экономика, социальная политика, эффективность, справедливость, религия, церковь, католицизм, протестантизм, теология.

Проблема и цель. Одним из фундаментальных противоречий в рыночной экономике является противоречие между рациональным использованием ресурсов и справедливым распределением результатов производства и доходов. Справедливость распределения здесь понимается в духовном христианском смысле как максимально уравнивающее распределение, где граница уравниваемости находится там, где обеспечивается сохранение рыночного характера хозяйственной системы. Как указывает один из исследователей данной проблемы, «экономическая теория и хозяйственная практика показывают, что достижение рыночной эффективности, выражающейся в оптимальном по Парето распределении ресурсов, доходов и благ, вовсе не обеспечивает автоматического достижения их справедливого распределения. Противоречие между эффективностью и справедливостью является базовым противоречием рыночного хозяйства» [1, с. 19].

Методология. В обществе, где экономический компонент социума является доминирующим, решение этого противоречия путём установления взаимосдерживающего компромисса не представляется возможным. Об этом говорит тренд на обострение экономических и социальных проблем в рыночной экономике начиная с XVII в. В статье проводится сравнительный анализ двух систем: социума с преобладающим экономическим компонентом с обществом, где доминирует религиозная хозяйственная этика.

Результаты. Очевидно, что данное противостояние основано на противоречии между материальным и духовным миром, выражающемся в том, что оба мира не содержат фундаментальные постулаты противоположной стороны (рациональность и справедливость) среди своих оснований. Практическое функционирование общества и экономики требовало обеспечения доминирования одной стороны. На практике это выразилось в многовековом развитии экономики на основе религиозной хозяйственной этики, где духовная сторона (справедливость) доминировала над материальной стороной (рациональность). Причём эта хозяйственная этика была чуть ли не единственным эпизодом, где сходились почти все религиозные и этические системы от язычества и античной философии до христианства (вне зависимости от конфессии) и ислама. Отдельные аспекты социально-рыночной экономики, нравственной экономики, получили развитие в работах посвященных, например, этическим финансам [2] и религиозному банкингу [3].

Однако со временем ситуация изменилась. С XVII в. идёт процесс смены религиозной хозяйственной этики на чисто экономическую. Среди исследователей появилась точка зрения, что это вышеупомянутое противоречие естественно и нормально и его надо принять как данность. Более того, радикальная версия этого подхода выдвигает ещё и претензию на собственную трактовку по-

нения «справедливость». Начиная с утилитаризма И. Бентама, в обиход входит этическая теория, согласно которой мерой справедливости становится выгода. Но с рубежа XIX-XX вв. начинается понимание ограниченности такого подхода. В первую очередь это происходит в связи с отходом от господства методологического индивидуализма и приходом осознания значимости интересов коллективных субъектов, чему способствовал рост влияния Исторической школы. Отражением этого понимания становится, например, подход Г. Сиджвика, который указывал, что «общество правильно устроено и, следовательно, справедливо, когда его основные институты построены так, чтобы достигнуть наибольшего баланса удовлетворённости для всех индивидуумов этого общества» [4, с. 137]. Оставляя в стороне теоретическое осмысление этого понимания справедливости, акцентируем внимание на том, что большую сложность составила проблема практического создания хозяйственной модели, которая бы реализовала принцип «максимум счастья для максимума людей» в реальности. Тем более что создание такой хозяйственной модели было не только и не столько теоретической проблемой, сколько реальной потребностью общества в виде ответа на вызов современной истории. Как известно, с начала XIX в. циклические кризисы приняли мировой характер и приобрели синхронность. Это повлекло за собой накал социальных отношений в обществе, что выразилось в обострении социальных конфликтов (беспорядки 1848 г. и т. п.). В принципе сам феномен чисто экономических циклических кризисов также связан с проблемой противоречия рациональности и справедливости. Появление таких кризисов и было связано с вышеупомянутой сменой хозяйственной этики с христианской на чисто экономическую [5]. В результате формирование новой хозяйственной модели могло идти только на основе своеобразной «симфонии» экономической рациональности и справедливости в её духовном христианском понимании. Такое формирование действительно произошло и выразилось в создании социально ориентированной рыночной экономики, которая с разной долей интенсивности и ныне функционирует в наиболее развитых государствах Европы и Северной Америки.

Этот процесс шёл очень долго. Сначала произошло формирование теоретического фундамента такой хозяйственной системы в теологии основных конфессий христианства. В качестве яркого примера можно представить католическую социально-экономическую идеологию. На примере самых знаменитых папских энциклик, посвящённых социально-экономическим проблемам, мы видим, что католическая церковь выразила готовность заниматься социальными проблемами ради того, чтобы смягчить противоречия новой рыночной экономики. В своё время внимание этому уделил один из ярких представителей третьей волны Исторической школы Вернер Зомбарт (продолживший традицию Макса Вебера по исследованию роли религии в экономике). Интересны его исторические исследования трактовок этой проблемы. Так, он писал о трактовке социальной политики католическим немецким экономистом (будущим рейхсканцлером) Георгом фон Гертлингом. Г. фон Гертлинг дал описание главному положению католической теории социальной политики: социальная политика должна быть обоснована религиозной догматикой и традицией. Он указывал: «Социальная политика, лишённая руководства в виде неизменных принципов нравственности и права, необходимо приведёт к заблуждению» и далее: «Признание коренящегося в природе и потому раз и навсегда данного права, совершенно изолированного от всех влияний общественного развития, составляет основу твёрдой и сознательной социальной политики. Содержание этого естественного права вытекает из божественного плана всего мира» [6, с. 186]. Аналогичная традиция имела место и в других европейских странах, но наибольшее влияние она приобрела в Италии. Лидер этой традиции Джузеппе Тониоло писал: «Необходимо постоянно иметь в виду, как высокий и светлый идеал, как высшую и конечную цель наших стремлений, восстановление прекрасного и незыблемого здания христианско-католического социального порядка с его вечными творческими принципами, возвышенными идеалами, несокрушимыми основами и чудесным историческим развитием» [6, с. 186]. Характерной чертой того времени было распространение этих идей и в среде «чистых» экономистов. В. Зомбарт упоминает, например, Карла Тодта, который считал, что «изображение социального содержания христианства и социальных задач христианского общества возможно на основании исследования Нового Завета» [6, с. 187].

С того времени социальная политика действительно заняла значительное место в сфере интересов католической церкви. Этим частично компенсировался недостаток активной социальной политики со стороны государства. Таким образом, сложилась именно католическая специфика отношения церкви к социальной политике. Она заключалась в том, что источником этой политики была именно церковь как юридический субъект. Особенно это проявилось в деятельности католических

профсоюзов, начало которой восходило к временам энциклики *Regum Novarum*. Кроме того, в рамках общественного движения «Католическое действие» функционируют другие многочисленные организации социального характера. В первую очередь это характерно для таких стран, как Италия и Франция. Так, численность католического общества «Итальянское милосердие» за последнее десятилетие XX в. выросла с 7 тыс. до 3 млн человек. Во Франции «Католическая община за веру и развитие» является крупнейшей негосударственной организацией страны с бюджетом до 100 млн долл. [7, с. 278]. Особенно примечательно, что такое влияние католической церкви в социальной сфере достигнуто в условиях реальной развивающейся секуляризации общественной жизни в европейских странах. Стоит вспомнить, что эти страны характеризуются высоким уровнем развития государственной социальной политики. Безусловно, это позволило как улучшить социально-экономическое положение в соответствующих странах, так и укрепить духовный и социальный авторитет католической церкви в обществе.

Что касается протестантизма, то путь к осознанию христианской значимости социальной политики был более опосредованным. Началось всё с формирования идеолого-теоретического фундамента такого осознания. В первой половине XIX века в среде кальвинистов появилось течение евангельских христиан, которые отстаивали необходимость активного участия верующих в социально-экономических процессах того времени. Это участие понималось исключительно как воздействие на окружающий мир с целью приведения его к соответствию христианскому нравственному идеалу. Раздвоенность личности в процессе духовной практики и участия в мирских (в том числе и экономических) делах не допускалась. Один из основателей этого течения американский богослов Чарльз Финни писал по этому поводу следующее: «Послушание нравственному закону не может быть частичным, в том смысле, что нравственное действующее лицо не может в одно и то же время частично повиноваться и частично не повиноваться. Частичное послушание нравственному закону может пониматься только в том смысле, когда оно является перемежающимся. То есть, когда человек может иногда повиноваться, а иногда не повиноваться. В одно время он может поступать эгоистично или желать удовлетворения только своих желаний, не обращая внимания на Бога или на благосостояние ближнего, в другое время может стремиться только к высшим ценностям в Боге, любить своего ближнего и стремиться к собственному благу только в той пропорции, в которой это возможно по отношению к высшим ценностям. Это взаимоисключающие решения, или высшие намерения. Одно из этих решений свято, другое же греховно. Одно решение – это послушание, полное послушание закону Божьему, другое же – это непослушание, полное непослушание этому же закону. Оба типа решений, как мы видели, могут следовать друг за другом бесчисленное множество раз, но сосуществовать друг с другом они просто не могут» [8, с. 244]. Как обычно, у протестантских мыслителей слова не расходились с делами: Ч. Финни участвовал в проведении социальных реформ в американской экономике и выступал, в частности, за отмену рабства.

Не оставались в стороне от этих проблем и представители лютеранской деноминации. Так, немецкий теолог и практикующий пастор Хельмут Тилике требовал расширить сферу критериального применения христианской этики на те области, которые ранее считались ей недоступными. Среди таких сфер, наряду с политикой и гражданским обществом, он прямо называл и экономику [8, с. 255]. Даже когда в 30-е гг. XX в. в протестантизме (в т. ч. и лютеранстве) стало господствовать неоортодоксальное направление, скептически относившееся к попыткам модернизировать христианство для приспособления к реалиям современного мира, попытки дать христианские идеалы социальной политике не прекратились. Например, Рейнхольд Нибур, являясь практикующим лютеранским пастором в Детройте, лично пытался вмешаться в социальные отношения на заводах Генри Форда. Он доказывал, что христианским нравственным критериям больше отвечает не ответственное личное отношение Генри Форда к положению своих работников, а стабильная узаконенная государством система социальной защиты наёмных работников от потенциальных произвольных эгоистических решений предпринимателя. Одно время он склонялся даже к марксистской теории. Но практика социальных процессов в СССР заставила его написать следующее: «Величайшая трагедия нашего века состоит в том, что альтернатива капитализму оказалась ещё хуже, чем сама болезнь, которую она была призвана излечить» [8, с. 272]. Тем не менее отношение к либеральной классической экономической теории у него было бескомпромиссным. Р. Нибур с евангельской точки зрения критиковал положение Адама Смита о прогрессивной роли личного эгоизма в обществе. Но он считал, что ещё более опасным является «коллективный эгоизм». Он указывал, что «коллективная самооценка какого-либо класса, расы или нации более упряма и долговременна, чем эгоизм

отдельных людей» [8, с. 273]. Вслед за В. Зомбартом он видел решение проблемы в поддержании в обществе устойчивого равновесия через плюрализм различных социальных слоёв и соответствующих им хозяйственных систем. По мнению Р. Нибура, «нелёгкое равновесие сил может считаться высшей целью, к которой только и может стремиться общество» [8, с. 273].

Большое влияние на последующее формирование протестантского отношения к социальной политике имело теологическое учение швейцарского кальвинистского теолога Карла Барта. Он был один из главных авторов так называемой Барменской декларации 1934 г., где высказана позиция относительно участия церкви в общественной жизни. Во второй статье Декларации отвергается идея о том, что существуют такие сферы жизни, которые не находятся под управлением Иисуса Христа, например политика. Карл Барт был самым ярким представителем неоортодоксальной теологии в протестантизме. Соответственно, критикуя попытки приспособления религии к нуждам меняющегося мира, он в своих работах избегал прямых высказываний по поводу социально-экономических реалий. Исключение составляет учение К. Барта о государстве. К. Барт впервые в протестантской теологии сформулировал четкие критерии оценки государства с христианской точки зрения. Он радикально меняет христианский взгляд на государство. В ранее господствующей теологической концепции государства оно рассматривалось как элемент сотворённого Богом мира в результате первоначального греха. Поэтому государство оценивалось в целом отрицательно и христианам предписывалось лишь мириться с его существованием. Для Карла Барта, наоборот, существование государства связано с милостью и спасением, дарованным Богом. Существование государства оправданно. Более того, швейцарский социолог Артур Рих подчёркивает, что, по мнению К. Барта, «между Христом и государством существует отношение аналогии, даже в том случае, когда государство утрачивает свою истину и смысл, свою основную функцию – охрану прав» [9, с. 167]. Далее А. Рих подчёркивает: «Представленное таким образом христологическое обоснование государства не стремится стать, как это может показаться на первый взгляд, оправданием государственной власти как таковой. Напротив, постоянно и настойчиво К. Барт подчёркивает, что государство, ущемляющее права граждан, утрачивает свою функцию, лишая тем самым, подобно Пилату, своё существование всякого смысла. И если государство не стоит на страже справедливости, мыслимой по аналогии Божественной, тогда христианам должно, во что бы то ни стало, принудить государство к выполнению его основной функции» [9, с. 169]. По мнению К. Барта, если государство построено на главенстве права, то оно сопоставимо со свершившимся во Христе оправданием. Оно в этом случае становится действенной силой для гуманного переустройства общества, во всех его составных частях: экономика, политика, социальные отношения. Индивидуализм, набирающий силу по мере секуляризации общества, здесь в значительной мере нивелируется.

Таким образом, теология Карла Барта завершает формирование идеологического фундамента для активной государственной социальной политики в странах, где господствует тот или иной вариант протестантизма. В «Соглашении» Лозаннского конгресса по всемирной евангелизации в 1974 г. позиция протестантских церквей по поводу отношения к социальным проблемам была выражена следующим образом: «Мы утверждаем, что Бог и Творец, и Судья всех людей. Таким образом, мы разделяем Его стремление к справедливости и примирению во всем человеческом обществе и к освобождению людей от всякого рода угнетения. Также здесь мы исповедуем своё покаяние за пренебрежение, за то, что мы иногда считали евангелизацию и заботу об общественных проблемах взаимоисключающими вещами. Несмотря на то, что примирение с людьми не является ни примирением с Богом, ни евангелизацией социального действия, ни спасением политического освобождения, мы всё-таки утверждаем, что евангелизация и общественно-политическая деятельность является частью нашего христианского долга. Ибо обе эти вещи являются необходимым выражением нашей доктрины о Боге и человеке, нашей любви к ближнему и нашего послушания Иисусу Христу. Весть о спасении также подразумевает под собой весть о суде над всякой формой враждебности, угнетения и дискриминации, и мы не должны бояться осудить зло и несправедливость, в чём бы они не проявлялись» [8, с. 331].

Реализация этого комплекса идей в социально-экономическую практику протестантских стран воплотилась в создание хозяйственных систем с ярко выраженным социальным уклоном. В первую очередь это касается Западной Германии и Швеции.

Априори попытка через социальную политику добиться преодоления разрыва между индивидуальным эгоизмом и общественными интересами могла апеллировать только к христианской этике, в частности, к концепции «Двух царств» Августина Блаженного и «Естественного порядка» Фомы

Аквинского. Это вытекало из самой сути социальных реформ в этих странах, даже если бы сами авторы такой политики на это не указывали. Но они указывали. Так, объяснение Альфредом Мюллер-Армаком («духовным отцом» западногерманских реформ) сущности социальной рыночной экономики говорит о духовной основе данных мероприятий. Он рассматривал социальную рыночную экономику «как порядок, который впитывает ценности, но не устанавливает их сам» [10, с. 48]. Он продолжает: «вместо проведения политики, сохраняющей прошлое, или экономического контроля, тормозящего свободную инициативу в обществе, или неконтролируемого рыночного механизма – дать социальное решение, объединяющее все цели в работающей, реалистической гармонии» [10, с. 50]. При этом ценность этого определения А. Мюллер-Армак объяснял и реальностью практической реализации этой политики. Получается, что, вводя более полувека назад понятие «социальная рыночная экономика», истинный отец «экономического чуда» профессор А. Мюллер-Армак предложил объединить принцип свободного рынка, социальной сбалансированности (выравнивания) и нравственной ответственности каждого за общее дело. Особенно превалировать элемент этики стал на втором этапе реформ в 60-х гг. На этом этапе, по словам Артура Риха, А. Мюллер-Армак стал обращать внимание, например, на асимметричность образования материальной собственности, которую сложно преодолеть даже новой социальной системе. Сам он отмечал «факт возрастания собственности и имущества предпринимателей и недостаточного участия широких слоев населения в накоплении капитала» [8, с. 574]. Производность западногерманских реформ от протестантских (скорее, христианских в целом) этических максим подтверждает и нынешний президент фонда Людвига Эрхарда Оскар Шлехт. Он отмечает, что идея социальной рыночной экономики была сформулирована исходя из христианских социальных принципов как наиболее оптимальная альтернатива коммунистической диктатуре в экономике и либеральной рыночной системе [10, с. 113]. В конечном итоге можно вспомнить и то, что реформы проводились коалицией общегерманского Христианско-демократического союза и баварского Христианско-социального союза.

В основу же шведских социальных реформ легла идея уравнительного распределения трудовых доходов. Фактически эта идея апеллирует к принципу традиционной экономики, согласно которому труд не может являться простой разновидностью ресурсного товара, а заработная плата – примитивным вариантом рыночной ресурсной цены. Труд, согласно такому подходу, является одним из проявлений божественной сущности человека и формой идентификации его роли в функционировании социума. Доход же от трудовой деятельности (заработная плата) является признанием социума значимости роли того или иного человека. Это прямо противоречит положениям классической экономической теории, рассматривающей труд как простую разновидность производственного ресурса, а заработную плату как простое отражение конъюнктуры на рынке труда. Кроме того, в шведской модели предполагалось формирование системы реальной корпоративной солидарности внутри производственного процесса через обеспечение допуска работников к собственности на активы фирмы. Это достигалось через перечисление части сверхприбыли в специальные фонды работников в виде акций, причём владение этими акциями допускалось только коллективное. Эта система, созданная шведским «аналогом» А. Мюллера-Армака, Рудольфом Мейднером, стала практическим воплощением идеала хозяйственной общинности (освящённой лютеранской трудовой этикой) в современной рыночной экономике.

Протестантская трудовая этика – вариант идеологии аскетизма; апеллирование к индивиду, трудовые успехи выступают условием спасения души [11]. Протестантская традиция также допускает и непосредственное участие церковных структур в социальной деятельности, наподобие того, как это происходит в католицизме. Такая деятельность протестантских церквей характерна, например, для США. Масштабы такой деятельности весьма значительны. Ежегодно через каналы американских протестантских церквей на благотворительность в среднем расходуется свыше 40 млрд долл., без учёта бесплатной работы самих членов этих церквей [7, с. 278].

Не менее активны в этом смысле лютеранские церкви скандинавских стран. Они активно встроились в социальные системы своих стран, но на добровольной независимой основе. В целом это был как бы духовный ответ как на распространение либеральной рыночной экономики, так и на рост популярности социалистических идей в марксистском (т. е. самом секулярном) варианте. Так, в Швеции такая деятельность началась еще в конце XIX в. и связана с именем архиепископа Натана Сёдерблума. С этого момента составной частью идеологии Церкви Швеции является тезис Н. Сёдерблума о том, что религия и социальное развитие есть два независимых явления, но оказывающих непосредственное взаимное влияние друг на друга. Немедленно появилась и ответная реакция со

стороны политических партий. Так, например, основатель шведской социал-демократии Ялмар Брантинг отмежевался от антирелигиозных лозунгов раннего рабочего движения и заявил, что между христианством и социализмом нет больше противоречий. Внутри главной социальной партии Швеции немедленно образуется Союз христианских социал-демократов (СХДС), который отличается очень активной деятельностью [12, с. 60–61]. В конце концов, в 1963 г. вступил в силу закон о приходских правлениях, по которому государство официально передавало церкви некоторые социальные функции. Например, работу с детьми и молодёжью, уход за престарелыми и больными и т. п. [12, с. 34]. Некоторые социальные функции Церковь Швеции выполняет параллельно с государством, такие как организация детских садов. Наконец, третьим блоком идёт добровольная социальная деятельность. Наиболее яркими примерами такой работы является работа с безработными и пенсионерами, организация досуга граждан и т. д. В частности для безработных организуются центры обучения приходской деятельностью, центры психологической реабилитации, проводятся научно-практические конференции по проблемам занятости. Интересным являлся опыт Церкви Швеции по сбору средств для спасения субъектов мелкого бизнеса, находящихся на грани банкротства. В годы энергетического кризиса 70-х гг. церковные приходы собирали средства и в пользу бастующих рабочих [12, с. 37]. При этом Церковь Швеции сама активно участвует в экономической жизни страны, являясь и землевладельцем, и акционером различных компаний. Не меньшую социальную активность проявляют и иные церковные общины Швеции (например, «Свободные церкви»).

В Дании дело дошло и до создания христианской политической партии – Христианской народной партии (ХНП). В программе этой партии присутствует ярко выраженный социальный элемент. Сама же Евангельско-лютеранская церковь Дании (официально она называется Датской народной церковью), так же как и Церковь Швеции, активно занимается социальной политикой. В эту политику вписываются как традиционная благотворительность (забота о пенсионерах, детях, немощных, деятельность Общества сестёр милосердия, специальная благотворительная организация Датской народной церкви – Армия Креста церкви, содержание своих учебных заведений и т. п.), так и активная деятельность по налаживанию партнёрства между наёмными работниками и предпринимателями. Ещё в 1899 г. был создан Христианский совместный союз работодателей и рабочих. Эта организация стала своеобразным христианским профсоюзом со всеми соответствующими функциями [12, с. 103–106]. Она стала как трибуной для пропаганды христианской хозяйственной этики, так и практическим орудием для её реализации. Более того, в общественном мнении страны закрепилось представление о том, что именно церковь должна стать субъектом, определяющим социальную политику государства [12, с. 107].

Во многом по схожей схеме развивается и социально-экономическая деятельность норвежской лютеранской церкви (официально называется Норвежская церковь). Здесь мы также видим создание своей политической партии (также называющейся Христианской народной партией и ставшей во второй половине XX в. третьей по силе политической партией страны) и своего профсоюза (Христианский союз рабочих). Не меньших масштабов достигает и традиционная благотворительная деятельность. Ярким отличительным примером деятельности Норвежской церкви является создание внецерковных добровольных христианских организаций. Эти организации широко распространили свою деятельность на экономическую сферу. Этим организациям принадлежат множество фирм, особенно в сфере услуг (гостиничный и ресторанный бизнес, частные медицинские услуги, издательский бизнес и иные масс-медиа) и образования (профессиональные училища). На этих предприятиях в действительности реализуются принципы христианской хозяйственной этики [12, с. 152–153]. Деятели Норвежской церкви часто выступают с предложениями по решению проблем безработицы. Причём иногда предлагают решения, находящиеся в чисто экономическом русле. Так, группа священников из города Мунарона в 1984 г. предложила план расширения производства сталеплавильного завода с целью недопущения сокращения числа рабочих мест [12, с. 161].

Выводы. Таким образом, религиозная подоплёка является вариантом нахождения компромисса между эффективностью и справедливостью в рыночной хозяйственной системе. Очевидно, что этот компромисс невозможен на чисто экономической основе, поскольку максимизация прибыли производителями и полезности потребителями прямо противоречат установлению какого-то приемлемого уровня справедливости в распределении доходов, поскольку последний опирается на духовные основы. Религия может выступить в качестве варианта «наведённого моста» между эффективностью и справедливостью, поскольку сама является элементом духовной сферы. Возможно это через религиозное обоснование социальной политики и активного участия церковных структур в со-

циально-экономических процессах. Это подтверждается теоретическими изысканиями экономистов и теологов и практическими хозяйственными процессами в самых успешных социально ориентированных экономиках мира. Очевидно, что в атеистическом и секулярном обществе достижение этого компромисса значительно проблематичнее, чем в обществе с высокой религиозностью и активной социальной и даже экономической ролью церкви.

Библиографический список

1. Протасов А. Ю. Инфляция как следствие нарушения принципов справедливости в социальном рыночном хозяйстве // Экономика, христианство и социальные институты. Материалы Международной научно-практической конференции. Издательство Минской духовной академии. Минск, 2017. С. 13–28.
2. Патласов О. Ю., Каирденов С.С. Этические финансы в нравственной экономике // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2015. № 4 (22). С. 213–225.
3. Каирденов С. С., Патласов О. Ю. Емкость рынка исламского банкинга // Вестник СибАДИ. 2017. №2 (54). С. 166–175.
4. Сиджвик Г. Принципы политической экономии: пер. с англ. / Г. Сиджвик // Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков. М.: Мысль, 2005. Т. 2. С. 118–202.
5. Орлянский Е. А. Хозяйственная этика рыночной экономики 21 века. Какой ей быть?/Е. А. Орлянский // Наука о человеке. 2016. № 1 (23). С. 191–199 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25684721>
6. Зомбарт В. Идеалы социальной политики // Зомбарт В. Избранные работы: пер. с нем. М.: «Территория будущего», 2005. С. 169–212.
7. Добровольская Т. А., Мастеропуло А. П., Поддубный М. В. О перспективах возрождения христианской благотворительности / Т. А. Добровольская // На пути к свободе совести. М.: Прогресс, 1989. С. 493.
8. Лейн Т. Христианские мыслители: пер. с англ. СПб.: Мирт, 1997. 352 с.
9. Рих А. Хозяйственная этика: пер. с нем. М.: Посев, 1996. 816 с.
10. Шлехт О. Этическое содержание социального рыночного хозяйства: пер. с нем. СПб.: Экономическая школа, 1999. 390 с.
11. Патласов О. Ю. Маркетинговое управление рынком труда. Омск: Изд-во ОмГАУ, 2003. 944 с.
12. Чернышёва О. В., Комаров Ю. Д. Церковь в скандинавских странах. М.: Наука, 1988. 176 с.

E. A. Orlyansky,

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., 644105, Omsk, Russian Federation
e-mail: orlyanskyea@mail.ru

RELIGIOUS FOUNDATIONS OF SOCIAL MARKET ECONOMY

Introduction. The article is devoted to the problem of the relationship of religion and the social part of the market economy. The purpose of the article is to identify the religious foundations of social policy and the participation of church structures in economic activity.

Methodology. The main method is the method of comparative analysis.

Results. The social elements of a market economy are a way to find a compromise between efficiency and equity. However, on a purely economic basis, such a compromise is very difficult to find, since the goals of social policy often contradict a purely economic understanding of efficiency. To achieve such a compromise requires more authoritative grounds from the spiritual realm. Such a basis can be religion, specifically, religious economic ethics. This is based on the ideas of economists of the German Historical School, first of all, Werner Sombart. In addition, the economic views of prominent Catholic and Protestant theologians are analyzed. It is in Protestantism that religious economic ethics is brought to the highest level. The conclusions of the article are also confirmed by examples of the direct participation of church structures in social policy and experiences of social-economic reforms in West Germany and Sweden.

Conclusions. A social market economy can successfully perform this function, reaching a compromise between efficiency and justice, if it is based on a religious basis. Religion, as an element of the spiritual sphere, is the natural basis of the social component of a market economy.

Keywords: market economy, social policy, efficiency, justice, religion, church, Catholicism, Protestantism, theology.

References

1. Protasov A.Yu. Inflation as a result of violation of the principles of justice in a social market economy. *Economy, Christianity and social institutions. Materials of the International Scientific and Practical Conference*. Minsk. Minsk Theological Academy Publ., 2017, pp. 13-28. (in Russian).
2. Kairdenov S. S., Patlasov O. Y. Ethical finance in moral economy // *The Science of Person: Humanitarian Researches*. Omsk: OmHA, 2015. № 4 (22). Pp. 213–225.
3. Kairdenov S. S., Patlasov O. Y. The capacity of Islamic banking // *The Herald of the Siberian State Automobile and Highway University*. Omsk: SibADI Press, 2017. № 2 (54). Pp. 166–175
4. Sidgwick H. Principles of Political Economy. *World economic thought: through the prism of the ages*. Vol.2. Moscow. Mysl Publ., 2005, pp. 118-202. (in Russian).
5. Orlyansky E.A. Economic ethics of the market economy of the 21st century. What should she be? *The science of person: humanitarian researches*. 2016, no. 1(23), pp. 191-199. (in Russian).
6. Sombart W. Ideals of social policy. *Sombart W. Selected works*. Moscow. Territorija buduschego Publ. 2005, pp. 169-212. (in Russian).
7. Dobrovolskaya T.A., Mastopulo A.P., Poddubny M.V. On the prospects for the revival of Christian charity. *On the way to freedom of conscience*. Moscow. Progress Publ., 1989, pp. 273-284. (in Russian).
8. Lane T. Christian thinkers. Saint Petersburg. Mirt Publ., 1997, 352 p. (in Russian).
9. Rich. A. Economic ethics. Moscow. Posev Publ., 1996, 816 p. (in Russian).
10. Shlecht O. The ethical content of the social market economy. Saint Petersburg. Economicheskaja shcola Publ., 1999, 390 p. (in Russian).
11. Patlasov O. Y. Marketing management of labor market. Omsk: Omsk State Agrarian University, 2003. P. 944.
12. Chernysheva O.V., Komarov Yu.D. Church in the Scandinavian countries. Moscow. Nauka Publ., 1988, 176 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 10.02.2019

© Е. А. Орлянский, 2019

Автор статьи: **Евгений Анатольевич Орлянский**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, 644105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: orlyanskyea@mail.ru

Рецензенты:

Л. Н. Гончаренко, кандидат экономических наук, доцент, Омский государственный аграрный университет им.

П. А. Столыпина

В. И. Белых, кандидат технических наук, доцент, Омский государственный технический университет

Т. А. Пашкова,
Омский государственный педагогический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВНЕШНЕГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Проблема и цель. Повышение результативности финансового контроля на всех уровнях бюджетной системы Российской Федерации является одной из основных задач развития внешнего муниципального финансового контроля. Важнейшим в работе контрольно-счётных органов территориальных образований является полнота охвата и возможность полной реализации законодательно установленных полномочий контрольно-счётных органов. Для анализа эффективности деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля необходимо внедрение методик оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов. Целью статьи является анализ представленных в науке подходов к оценке эффективности деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля.

Методология. Основными методами стали обобщение, анализ и синтез, методы сравнительного анализа.

Результаты. Представлен анализ методологических подходов к оценке эффективности деятельности органов внешнего финансового контроля. Рассмотрены представленные в научной литературе модели оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов с использованием следующих критериев: результативность, действенность и экономичность; рейтинговая, интегральная, индикативная модели. Изучены авторские подходы к оценке деятельности контрольно-счётных органов, представленные в научной литературе.

Ключевые слова: внешний муниципальный финансовый контроль, контрольно-счётные органы муниципальных образований, стандарты внешнего государственного (муниципального) финансового аудита (контроля), критерии оценки эффективности деятельности, показатели критериев оценки деятельности органов внешнего финансового контроля.

Проблема и цель. В научной литературе достаточно исследований, посвященных методикам оценки финансовой устойчивости территорий [1], однако контроль за сокращением масштабов нецелевого исполнения бюджета, оценка результативности контрольно-ревизионных структур не получила должного освещения. В соответствии с федеральным законодательством [2] Счётная палата РФ и контрольно-счётный орган субъекта Российской Федерации осуществляют полномочия по оценке (анализу) деятельности контрольно-счётных органов муниципальных образований и дают рекомендации по повышению эффективности их деятельности. Реализация указанных полномочий требует внедрения методологических основ оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов и разработанных на их основе соответствующих методических материалов, стандартов. В настоящее время в науке представлены различные методические подходы к оценке деятельности контрольно-счётных органов.

Методология. Одними из первых представили свою систему показателей оценки эффективности деятельности органов государственного финансового контроля С. П. Опёнышев и В. А. Жуков. По их мнению, «критерием эффективности финансового контроля будет соотношение достигнутого контролирующим органом результата к поставленной цели» [3]. Структура эффективности деятельности государственного финансового контроля, предложенная авторами, состоит из двух частей – макроэффективности и промежуточной эффективности деятельности.

Макроэффективность представляет собой сумму эффектов, полученных от проведения финансового контроля, включающих социальный эффект, организационный эффект и экономический эффект. *Промежуточная эффективность* деятельности органов государственного финансового контроля определяется соотношением экономических результатов исполнения предписаний и предписаний к затратам на содержание органов государственного финансового контроля.

Авторами предложено определять количественную оценку макроэкономической эффективности деятельности органов государственного финансового контроля как отношение суммы денежно-выражения социального, организационного и экономического эффектов к затратам на содержа-

ние указанных органов. Количественную оценку промежуточной эффективности деятельности конкретного органа государственного финансового контроля предложено рассчитывать как отношение средств, возвращённых на бюджетные счета, к затратам на содержание органов государственного финансового контроля.

В качестве критериев эффективности финансового контроля авторами предложены результативность, действенность и экономичность. Для оценки деятельности контрольных органов авторы предложили ещё два критерия: интенсивность и динамичность. Указанные критерии используют различные показатели, характеризующие как *количественные результаты деятельности* (объём средств, использованных с нарушениями законодательства, количество контрольных мероприятий, количество исполненных представлений и предписаний и др.), так и *относительные величины* (отношение объёма средств, использованных с нарушением действующего законодательства, к общему объёму проверенных средств или отношение количества исполненных представлений к общему количеству направленных представлений).

С. П. Опёнышева и В. А. Жукова рассматривают критерии эффективности как результаты действий, осуществлённых органами финансового контроля, а критерий динамичности деятельности используют только для результатов контрольных мероприятий. Однако в действительности возможно оценивать результаты экспертно-аналитических мероприятий по показателям критерия динамичности, предложенным к оценке контрольной деятельности. Так, по результатам экспертно-аналитических мероприятий контрольными органами также выявляются нарушения действующего законодательства. Следовательно, возможно оценить в динамике эффективность экспертно-аналитических мероприятий, используя показатели объёма средств, использованных с нарушением действующего законодательства, количество замечаний и предложений, которые учтены при утверждении нормативных правовых актов.

Показатели критерия динамичности должны демонстрировать развитие, изменение в деятельности контрольного органа, а показатели критерия интенсивности должны характеризовать напряжённость работы, в частности: количество проведённых мероприятий, объём выявленных нарушений, количество объектов, охваченных контролем. Согласимся с мнением В. И. Шарина о том, что «показатели критерия динамичности в основном отражают отношение показателей критериев результативности и действенности и являются их коэффициентами» [4, с. 49]. На современном этапе развития системы внешнего финансового контроля система оценки показателей деятельности, предложенная С. П. Опёнышевым и В. А. Жуковым, по нашему мнению, недостаточно полно отражает специфику деятельности органов внешнего финансового контроля.

Исследовать проблемы повышения эффективности финансового контроля в Российской Федерации И. А. Аветисян [5] предложил, используя также критерии оценки эффективности контрольной деятельности на основе показателей: результативность, действенность и экономичность.

Результативность контрольной работы органов государственного и муниципального финансового контроля И. А. Аветисян видит возможным, если использовать качественные и количественные показатели. Так, качественные показатели должны раскрывать внутреннее содержание контрольной работы, а количественные показатели, одновременно выявляя возникающие в подконтрольных субъектах нарушения, в результате их устранения должны свидетельствовать об уровне результативности работы контролирующего органа.

Показатели *действенности* должны основываться на чёткой формулировке каждого вида правонарушений и степени ответственности за его невыполнение в результате неправомερных действий или бездействия должностных лиц.

Говоря об *экономичности* контрольной работы органов финансового контроля, И. А. Аветисян справедливо подчёркивает, что в настоящее время точно не определены понятия эффективности, экономичности и рациональности использования бюджетных средств. Установленный статьёй 34 Бюджетного кодекса РФ принцип эффективности использования бюджетных средств можно определить как соотношение между полученным результатом и затраченными средствами, по сути, отождествляя понятие эффективности и экономности использования бюджетных средств.

На основе разработанных научно-методическим советом Ассоциации контрольно-счётных органов РФ методических рекомендаций по оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов РФ в различных территориальных образованиях (Владимирской, Волгоградской, Ульяновской, Тюменской и др. областях) созданы и применяются методики оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов.

Так, в Ульяновской области применяется методика рейтинговой оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов, описанная в своих работах И. И. Егоровым [6, 21], основанная на четырёх главных параметрах: экономичности, действенности, результативности и интенсивности. Их характеризуют семь расчётных коэффициентов: коэффициент экономической эффективности; коэффициенты выявляемости (количественный и суммарный); коэффициент возвратности; коэффициенты персональной нагрузки (количественный и суммарный); коэффициент степени охвата контролем (суммарный).

Контрольно-счётные органы Ульяновской области ранжируются по итогам расчётов в соответствии с указанными коэффициентами и оцениваются по итогам каждого квартала.

В методике Ульяновской области 4 коэффициента из 7 оценивают эффективность деятельности контрольно-счётного органа с учётом общей численности сотрудников, что особенно актуально для оценки результатов деятельности муниципальных контрольно-счётных органов. Также интересен для оценки деятельности коэффициент степени охвата контролем, который характеризует соотношение объёма проверенных средств к объёму средств местного бюджета и в относительном выражении сопоставимо оценивает итоговое значение в различных территориальных образованиях.

Методику оценки эффективности муниципального финансового контроля, основанную на рейтинге контрольно-счётных органов с учётом системы критериев эффективности финансового контроля и характеризующих их показателей, предложила Т. Ф. Табунщикова [7]. Как и другие авторы, Т. Ф. Табунщикова использует критерии результативности, действенности и экономичности, которые характеризуют восемь расчётных коэффициентов: результативность контроля; коэффициент отклонения, допущенного при исполнении бюджета от заданных (утверждённых) параметров; коэффициент ущерба (финансовых потерь); коэффициент действенности представлений и предписаний; коэффициент возвратности в бюджет; коэффициент экономичности финансового контроля; коэффициент обоснованности затрат органа финансового контроля и коэффициент персональной нагрузки (интенсивности).

Т. Ф. Табунщикова предлагает использовать модель прогноза результатов муниципального финансового контроля на основе метода регрессионного анализа, так как, по её мнению, «необходимо переходить от методологии фиксации фактов бюджетного процесса к методологии прогнозирования бюджета как динамической системы» [7].

Среди предложенных Т. Ф. Табунщиковой коэффициентов в оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов возникает неопределённость при использовании показателя «объём годового бюджета», так как контрольными мероприятиями в основном подлежат охвату прошедшие отчётные периоды, а оценка деятельности осуществляется за отчётный финансовый год. Спорным, на наш взгляд, является применение коэффициента обоснованности затрат органа финансового контроля, так как изменение объёма средств, использованных с нарушением действующего законодательства, выявленного органом финансового контроля, по многим причинам зависит от контролируемой отрасли экономики, специфики функциональной деятельности предприятий и учреждений и в итоге от утверждаемого плана работы контрольно-счётного органа на основании предложений представительных органов муниципальных образований.

Председатель Контрольно-счётной палаты Волгограда В. И. Гордин считает, что эффективность деятельности контрольно-счётного органа муниципалитета – регионального центра – должна быть интегральным показателем и учитывать такие критерии эффективности работы, как экономичность, действенность и результативность [8, с. 71]. С точки зрения В. И. Гордина, результативность деятельности контрольно-счётного органа регионального центра характеризует качество соответствующей деятельности, которую предложено оценивать по следующим показателям: соответствие нормативным документам, регламентирующим деятельность органов внешнего финансового контроля, своевременности выполнения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий контрольно-счётным органом, критериям полноты, достоверности и объективности. По его мнению, «важными показателями являются такие, которые в большей степени характеризуют специальные функции контрольно-счётных органов: объём выявленных дополнительных доходов бюджета и количество мероприятий, направленных на исследование экономического потенциала регионального центра, а также разработку мер повышения доходов бюджета и эффективности муниципального управления» [9, 19]. Значения указанных показателей используют для коррекции финансовой политики муниципалитета и региона.

Л. А. Чалдаева и И. Н. Федоренко предлагают индикативный подход к оценке эффективности контрольно-счётных органов [10], который, по их мнению, может быть использован в динамике в целом по контрольно-счётному органу, по подразделению или по каждому сотруднику в отдельно-

сти. В системе индикаторов оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов предложены индикаторы: эффективность, результативность, интенсивность, объём, затраты.

Индикатор *эффективности* показывает соотношение объёма средств, возмещённых в бюджет, к объёму средств, направленных на содержание контрольно-счётного органа или к численности сотрудников контрольно-счётного органа. Индикатор *результативности* отражает параметры выявляемости и возвратности бюджетных средств, израсходованных с нарушениями. Индикатор *интенсивности* отражает количественные результаты мероприятий с учётом персональной нагрузки. Индикатор *объёма* характеризует степень охвата контролем бюджетных средств и количества бюджетополучателей. Индикатор *затрат* отражает соотношение объёма выявленных нарушений к объёму средств, направленных на содержание контрольно-счётного органа.

В рассмотренных выше работах учёных предложены различные подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов, которые в целом основаны на критериях и показателях, предложенных С. П. Опёнышевым и В. А. Жуковым в начале 2000-х гг.

Также в научной литературе предложены авторские подходы к оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов. Можно выделить авторские работы О. В. Шинкарёвой, С. Ю. Дмитриева, Н. В. Самарина.

Так, О. В. Шинкарёва предлагает при оценке эффективности контрольной деятельности контрольно-счётного органа смещать акцент с выявления нарушений на их предотвращение. Данный подход автор предлагает применять, внедрив в контрольную среду «философию непрерывного аудита» [11, с. 29], который позволяет получать аудиторские доказательства в течение короткого промежутка времени после возникновения событий, лежащих в их основе. При внедрении непрерывного аудита изменяются критерии оценки эффективности деятельности контрольно-счётного органа, для которых О. В. Шинкарёва предлагает использовать такие показатели, как:

- глубина охвата непрерывным аудитом сферы муниципальных финансов, оценивая удельный вес подконтрольных учреждений (организаций) в их общей численности и объём охваченных контролем бюджетных средств на одного сотрудника контрольного органа;
- показатели результативности и действенности контроля, оценивая объём и количество выявленных нарушений, среднее время выявления нарушений;
- показатель экономичности, рассчитываемый как соотношение объёма охваченных контролем бюджетных средств к затратам на содержание контрольного органа муниципального образования.

Первые два показателя возможно сравнивать со средними показателями по Российской Федерации. Третий показатель сравним с показателями тех муниципальных образований, которые сопоставимы по размерам территории, бюджета и средней заработной плате в регионе.

По нашему мнению, подход к оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов, предложенный О. В. Шинкарёвой, не совсем актуален на муниципальном уровне, поскольку при незначительной численности состава контрольно-счётного органа, отсутствии специализированных информационных технологий сложно говорить о непрерывном аудите и полном охвате контролем получателей бюджетных средств.

Исследуя проблему оценки эффективности внешнего финансового контроля в муниципальных образованиях, С. Ю. Дмитриев считает, что эффективность финансового контроля должна быть «интегральной величиной, учитывающей такие индикаторы, как полнота охвата проверочными мероприятиями законодательства, регулирующего бюджетные правоотношения, реализованность основных полномочий органами внешнего финансового контроля и оценка качества деятельности контрольно-счётного органа» [12, с. 14]. Предложенная система подразумевает, что при оценке первого критерия по каждому показателю необходимо установить факт проведения мероприятия, при оценке второго – факт осуществления установленных полномочий контрольно-счётных органов. Третий критерий позволяет судить об эффективности внешнего контроля в целом.

С. Ю. Дмитриев предлагает использовать комплексную оценку эффективности внешнего финансового контроля на уровне муниципального образования на основе интегрального метода. Во-первых, оценивается степень достижения каждого отдельного индикатора по следующим критериям: при значении коэффициента эффективности, равного 1, показатель считается высокоэффективным; при значении от 0,8 до 1 показатель оценивается как эффективный; при значении от 0,6 до 0,8 показатель оценивается скорее неэффективным; при значении ниже 0,6 показатель оценивается неэффективным. Во-вторых, оценивается степень достижения индикатора эффективности внешнего финансового контроля в целом по аналогичной системе критериев.

В системе оценки эффективности внешнего финансового контроля С. Ю. Дмитриев впервые предложил оценивать реализацию основных полномочий органами внешнего финансового контроля на всех стадиях бюджетного процесса, а также оценивать показатели, характеризующие качество контрольной деятельности.

Н. В. Самарин предлагает осуществлять оценку деятельности контрольно-счётных органов с использованием базовой модели функционирования муниципального контрольно-счётного органа, являющейся по своей сути образцом его функционирования [13]. При этом фактические результаты деятельности контрольно-счётного органа будут сопоставляться с показателями, заложенными в его базовой модели, формирование которой автор предложил осуществлять по двум направлениям: планирование, организация и реализация мероприятий внешнего муниципального финансового контроля.

По мнению автора, планирование деятельности муниципальных контрольно-счётных органов должно быть основано на ежегодном исполнении полного перечня установленных полномочий и на превентивности мероприятий внешнего финансового контроля. Организация и реализация мероприятий должна осуществляться на мероприятиях предварительного, текущего и последующего контроля, установленных в концепции совершенствования внешнего муниципального финансового контроля.

Анализ планирования деятельности муниципальных контрольно-счётных органов в базовой модели Н. В. Самарин предлагает осуществлять на основе оценки планируемых величин индикативных показателей (индикаторов) качества внешнего муниципального финансового контроля (аудита):

– индикатора контроля использования муниципальных средств в решении вопросов местного значения в разрезе отраслевой бюджетной классификации для оценки периодичности планирования контроля;

- индикатора полноты исполнения установленных контрольных полномочий;
- индикаторов превентивности и приоритетности контроля в составе индикатора количественной оптимальности планируемых мероприятий;
- индикатора мероприятий, проведённых до экспертизы проекта бюджета;
- индикатора приоритетности контроля;
- индикаторов мероприятий предварительного, оперативного и последующего контроля;
- индикатора контроля результатов проведённых мероприятий.

Фактическую реализацию мероприятий внешнего муниципального финансового контроля в рассматриваемой базовой модели Н. В. Самарин предлагает оценивать по аналогичной к оценке планирования деятельности контрольно-счётных органов системе на основе семи групп индикаторов, оценивающих фактические результаты деятельности к нормативно установленному их количеству.

Таким образом, в представленной выше концепции анализ деятельности контрольно-счётных органов осуществляется с использованием индикативных показателей на основании сравнения его фактической деятельности с базовой моделью функционирования, что существенно отличает его от модели оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов на основании показателей (критериев) эффективности, включающих результативность, действенность и экономичность.

Оценка результатов деятельности муниципальных контрольно-счётных органов Московской области осуществляется на основании утверждённой методики, предусматривающей интегральную оценку 11 показателей деятельности муниципальных контрольно-счётных органов [14]. Результаты деятельности контрольно-счётных органов определяются оценкой интегрального показателя в баллах.

Среди используемых показателей применяются рассматриваемые выше: *коэффициент охвата* контролем, учитывающий объём проверенных в ходе контрольных мероприятий средств бюджета муниципального образования; *коэффициент результативности*, учитывающий объём нарушений, выявленных в ходе контрольных мероприятий; *коэффициент возмещения*, учитывающий объём устранённых нарушений, в объёме нарушений, выявленных в ходе контрольных мероприятий; *коэффициент результативности*, учитывающий общее количество предписаний, представлений и информационных писем, направленных по результатам контрольных и экспертно-аналитических мероприятий.

Качество работы контрольно-счётных органов предложено оценивать с помощью *коэффициента реализации*, рассчитываемого как отношение общего количества полностью выполненных предложений контрольно-счётного органа по предписаниям, представлениям и информационным письмам, направленным по результатам контрольных и экспертно-аналитических мероприятий.

В методике применяется коэффициент, непосредственно характеризующий специфику деятельности контрольно-счётных органов – *коэффициент применения бюджетных мер принуждения*,

учитывающий количество направленных в текущем году уведомлений о применении бюджетных мер принуждения в финансовый орган муниципального образования.

Для оценки *взаимодействия с правоохранительными органами* предложено три коэффициента, учитывающих количество контрольных мероприятий, проведённых совместно с правоохранительными органами, количество переданных в текущем году в правоохранительные органы материалов контрольных мероприятий и количество возбуждённых в текущем году уголовных дел по материалам контрольно-счётного органа.

Также в целях оценки мер, принятых к нарушителям финансовой дисциплины, используется два коэффициента: *коэффициент привлечения к ответственности*, учитывающий общее количество лиц, привлечённых по результатам мероприятий к дисциплинарной и материальной ответственности, и *коэффициент привлечения к административной ответственности*, учитывающий количество протоколов о привлечении к административной ответственности, составленных по результатам мероприятий контрольно-счётного органа.

Таким образом, для расчёта суммарного интегрального показателя оформляется сводная таблица расчётных значений показателей каждого контрольно-счётного органа, по которой определяется итоговый результат.

Председатель Контрольно-счётной палаты Москвы В. А. Двуреченских придерживается мнения о том, что сегодня не приходится говорить о рейтинговой системе оценки деятельности муниципальных контрольно-счётных органов, поскольку в законодательстве отсутствует определение понятия «эффективность» для контрольно-счётных органов [15, с. 43]. Возможно согласиться с точкой зрения В. А. Двуреченских, который отмечает общий методологический недостаток всех критериев оценки деятельности контрольно-счётных органов – количественные показатели, заложенные в основу критериев оценки, которые учитывают только нарушения. «Миссия контрольно-счётного органа – предотвращать нарушения и недостатки в управленческой деятельности органов власти, предлагать управленческие решения по эффективному использованию публичных ресурсов публично-правового образования (бюджетов, имущества, нематериальных активов)» [15, с. 44]. По мнению В. А. Двуреченских, необходимо сосредоточиться на обеспечении качества работы контрольно-счётных органов, которое можно достигнуть через разработку и внедрение стандартов качества в процессе аудита, внедрение в практику оценки качества проверок после их завершения. По его мнению, все имеющиеся на сегодняшний день подходы к определению эффективности деятельности контрольно-счётных органов неприменимы на практике, так как не учитывают законодательно установленных полномочий, зависят от деятельности других участников бюджетного процесса и уполномоченных органов.

Тем самым необходимо ввести в систему оценки деятельности контрольно-счётных органов понятие (катеорию) «качество». Согласно стандарту внешнего государственного аудита (контроля) СГА 107 [16] качество проводимых мероприятий определяется совокупностью их характеристик, которые должны соответствовать общим требованиям, правилам и процедурам, определённым в стандартах и иных внутренних нормативных и методических документах счётной палаты, а также обеспечить достоверность, объективность и эффективность результатов мероприятий, удостоверяющих запросы пользователей информации о результатах мероприятия в лице органов государственной власти и общества. Таким образом, критериями оценки качества являются своевременность, полнота, достоверность и объективность, сложность и новизна.

Оценка качества выполнения мероприятий и работы контрольно-счётного органа в целом осуществляется различными субъектами: руководителем или коллегией контрольно-счётного органа, законодательными (представительными) органами власти, высшими должностными лицами территориальных образований, независимыми экспертами на основе профессионального опыта, знаний, субъективных оценок, то есть интеграции личных оценок в коллегиальные.

Необходимо отметить рост требований населения к эффективности и результативности проверок органов финансового контроля. Органы внешнего финансового контроля являются инициаторами изменений, ведущих к совершенствованию государственного управления, как в развитых странах – членах ЕС [17], так и в Российской Федерации. В этой связи контрольно-счётным органам необходимо постоянно совершенствоваться для максимального укрепления их авторитета и усиления доверия граждан, анализировать слабые и сильные стороны, рассматривая также и результаты передового международного опыта [18]. Систему оценки эффективности высших органов финансового контроля (SAI PMF), которая позволяет анализировать показатели работы и определять сферы, требующие улучшения, уже применяют многие высшие органы финансового контроля в странах Европы с высоким уровнем доходов и развитой экономи-

кой [19]. Результаты оценки эффективности высших органов финансового контроля с помощью SAI PMF позволяют им продемонстрировать свои преимущества и пользу для граждан и парламента страны. Сложные внутренние и внешние условия, сопровождающие работу всех высших органов финансового контроля, требуют дальновидного стратегического планирования в целях укрепления своего влияния и вклада в повышение качества бюджетного процесса и государственного управления в целом.

Анализируя результаты деятельности муниципальных контрольно-счётных органов – членов Союза муниципальных контрольно-счётных органов Российской Федерации, необходимо отметить рост практически всех количественных показателей деятельности за период 2009–2018 гг. Так, по итогам 2018 г. отмечается рост количества проведённых мероприятий муниципальными контрольно-счётными органами в 1,7 раза по отношению к уровню 2017 г. и в 6,7 раза к уровню 2009 г. [20]. Одновременно увеличилась и сумма выявленных нарушений: по итогам 2018 г. она составила 258,6 млрд рублей и увеличилась более чем в полтора раза к уровню 2017 г. и более чем в 50 раз к уровню 2009 г. Удельный вес устранённых нарушений к выявленным в целом по муниципальным контрольно-счётным органам составляет 72,6 % (за 2018 г.) и по отношению к уровню 2009 г. (37,2 %) увеличился в 2 раза. Наблюдается динамика реализации материалов контрольных и экспертно-аналитических мероприятий, направленных в правоохранительные органы. По итогам 2018 года в органы прокуратуры и иные правоохранительные органы направлено 3243 материала проверок контрольно-счётных органов, что более чем в 3,5 раза превышает указанный показатель в 2009 г.

В настоящий момент в нашей стране не разработана единая методология оценки эффективности деятельности, которая применима всеми контрольно-счётными органами. В основном для оценки результатов деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля используют количественные показатели деятельности в рамках отдельного региона. Сложившаяся ситуация объяснима рядом причин, которые оказывают влияние на показатели деятельности контрольно-счётных органов:

- формирование плана работы контрольно-счётного органа фактически осуществляется по предложениям представительных и правоохранительных органов муниципального образования;
- сфера (область контроля), в которой проводятся мероприятия внешнего финансового контроля, напрямую влияет на объём выявленных нарушений;
- отсутствие нарушений в результате проведённой контрольно-счётным органом профилактической работы по предотвращению нарушений;
- отсутствие властных полномочий при реализации результатов контрольных и экспертно-аналитических мероприятий;
- недостаточная обратная связь при направлении материалов контрольных мероприятий в правоохранительные органы;
- наличие разрыва между объёмом полномочий контрольно-счётных органов и имеющимися ресурсами, влияющего на качество проведения мероприятий.

Выводы. Таким образом, система показателей оценки эффективности деятельности контрольно-счётных органов, основываясь на принципах их деятельности, должна учитывать специфику деятельности контрольно-счётных органов всех территориальных образований, их масштабы и экономический потенциал территории, отражать реализацию всех законодательно установленных полномочий контрольно-счётных органов. Поэтому разработка различных показателей оценки деятельности контрольно-счётных органов, определение их взаимосвязи и взаимозависимости является актуальной задачей для методологической работы.

В целях совершенствования методологического обеспечения деятельности органов внешнего муниципального финансового контроля на современном этапе развития необходимо выполнение следующих задач:

- разработать и применить стандарты оценки качества использования бюджетных средств, муниципальной собственности при решении вопросов местного значения;
- внедрить в деятельность контрольно-счётных органов мероприятия, ориентированные на оценку качества управления и использования муниципальных средств;
- информировать органы власти о результатах мероприятий внешнего муниципального финансового контроля, показателях качества муниципального управления в целях повышения качества жизни населения;
- разработать и внедрить в практику методику оценки деятельности контрольно-счётных органов, учитывающих не только количественные результаты деятельности, но и оценку качества внешнего муниципального финансового контроля.

Библиографический список

1. Патласов О. Ю., Клименко С. Н. Оценка финансовой устойчивости территориальных образований: отечественный и зарубежный опыт // Наука о человеке: гуманитарные исследования, 2018. № 2 (32). С.182–188.
2. Федеральный закон об общих принципах организации и деятельности контрольно-счётных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований от 07.02.2011 № 6-ФЗ // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/ (дата обращения: 25.03.2019).
3. Опёнышев С. П., Жуков В. А. Теоретические и методологические основы оценки эффективности государственного финансового контроля // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2001. № 1.
4. Шарин В. И. К вопросу об оценке эффективности деятельности контрольно-счётных органов // Вестник АКСОР. 2012. № 2 (22). С. 43–54.
5. Аветисян И. А. Проблемы повышения эффективности государственного и муниципального финансового контроля в Российской Федерации // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 20–134.
6. Егоров И. И. Оценка эффективности работы контрольно-счётных органов муниципальных образований: опыт Ульяновской области // Государственный аудит. Право. Экономика. 2010. № 4. С. 31–34.
7. Табунщикова Т. Ф. Становление и развитие муниципального финансового контроля: автореферат диссертации кандидата экономических наук [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitiie-munitsipalnogo-finansovogo-kontrolya> (дата обращения: 25.03.2019).
8. Гордин В. И. Оценка эффективности деятельности муниципальных контрольно-счётных органов // Вестник АКСОР. 2014. № 2 (30). С. 67–73.
9. Гордин В. И. Внешний муниципальный финансовый контроль в системе публичных финансов: автореферат диссертации кандидата экономических наук: 08.00.10 [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/0100553743> (дата обращения: 25.03.2019).
10. Чалдаева Л. А., Федоренко И. Н. Государственный финансовый контроль на региональном уровне: индикативный подход // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 6. С. 4–13.
11. Шинкарёва О. В. Оценка эффективности контрольной деятельности в муниципальных образованиях // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2015. № 2 (4). С. 26–32.
12. Дмитриев С. Ю. Оценка эффективности внешнего финансового контроля в муниципальном образовании // Финансы и кредит. 2015. № 25. С. 11–22.
13. Самарин Н. В. Методологическое обеспечение внешнего муниципального финансового контроля: направления совершенствования // Вестник АКСОР. 2014. № 3 (31). С. 133–139.
14. Ковалёв А. И. Опыт работы Совета контрольно-счётных органов при Контрольно-счётной палате Московской области // Вестник АКСОР. 2017. № 3-4 (43). С. 47–52.
15. Двуреченских В. А. О некоторых вопросах развития объединений, советов, ассоциаций контрольно-счётных органов в субъектах Российской Федерации // Вестник АКСОР. 2017. № 3-4 (43). С. 41–44.
16. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля) СГА 107 «Управление качеством контрольных и экспертно-аналитических мероприятий», утверждён постановлением Коллегии счётной палаты Российской Федерации от 21.12.2016 № 6ПК // Сайт справочно-правовой системы Консультант Плюс [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210590/ (дата обращения: 25.03.2019).
17. Attard M. Joint seminar of the National Audit Office of Malta and the European Court of Auditors on the topic «Post-audit control in the public sector: strengthening accountability» // EUROSAT Magazine. 2017. Vol. 23. pp. 109–110.
18. Lukin A. G. Postulates and Principles of State Financial Control and Their Application in the Russian Federation // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17 (5). pp. 668–672.
19. SAI PMF department. Increasing operational flexibility and enhancing a strategic approach in EUROSAT through the use of SAI PMF performance evaluation system // EUROSAT Magazine. 2017. Vol. 23. pp. 119–121.
20. Отчёты о деятельности Союза муниципальных контрольно-счётных органов за период 2009–2018 годов [Электронный ресурс]. URL: <https://portalkso.ru/> (дата обращения: 31.05.2019).
21. Егоров И. И. Система внешнего финансового контроля Ульяновской области: технология работы // Вестник АКСОР. 2017. № 3-4 (43). С. 33–36.

T. A. Pashkova,
Postgraduate, Department of Economics, Management and Marketing,
Omsk State Pedagogical University,
14 Naberezhnaya Tukhachevskogo, Omsk, 644099, Russian Federation,
e-mail: pashkova311075@mail.ru

METHODOLOGICAL BASES OF EXTERNAL MUNICIPAL FINANCIAL CONTROL EFFICIENCY EVALUATION

Introduction. Improving the effectiveness of financial control at all levels of the budget system in the Russian Federation is one of the main objectives of external municipal financial control development. The most important in the work of control and accounting bodies of territorial entities is the fullness of coverage and the possibility of full implementation of the legislatively established powers of control and accounting bodies. To analyze the effectiveness of the external municipal financial control bodies, it is necessary to introduce methods for evaluating the effectiveness of the activities of control and accounting bodies. The aim of the article is to analyze the approaches presented in science to assess the effectiveness of the activities of external municipal financial control bodies.

Methodology. The main methods were generalization, analysis and synthesis, methods of comparative analysis.

Results. The analysis of methodological approaches to assessing the effectiveness of the activities of external financial control bodies is presented. The models presented in the scientific literature for evaluating the effectiveness of the activities of control and accounting bodies are considered: using the criteria i.e. effectiveness, efficiency and cost-effectiveness; rating, integral, indicative models. Some authors' approaches to assessing the activities of control and accounting bodies, presented in the scientific literature have been investigated.

Keywords: external municipal financial control, control and accounting bodies of municipalities, standards of external state (municipal) financial audit (control), criteria for evaluating the effectiveness of activities, indicators of criteria for evaluating the activities of external financial control bodies.

References

1. Patlasov O. Y., Klimenko S. N. Territorial entities financial stability assessment: national and foreign experience // The Science of Person: Humanitarian Researches. Omsk: OmHA, 2018. № 2 (32). Pp. 182–188
2. Federal Law on General Principles of Organization and Activity of Control and Accountability Bodies of the Subjects of the Russian Federation and Municipal Units No. 6-FZ dated February 7, 2011. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110266/ (accessed 25.03.2019). (In Russian).
3. Openyshev S. P., Zhukov V. A. Theoretical and methodological bases for assessing the effectiveness of state financial control // Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 2001. No. 1. (In Russian).
4. Sharin V. I. On the issue of evaluating the effectiveness of the activities of control and accounting bodies // Bulletin of the AKSOR. 2012, no. 2 (22), pp. 43–54. (In Russian).
5. Avetisyan I. A. Problems of increasing the efficiency of state and municipal financial control in the Russian Federation // Problems of Territory Development. 2015, no. 2 (76), pp. 20–134. (In Russian).
6. Egorov I. I. Evaluation of the effectiveness of the work of the control and accounting bodies of municipalities: the experience of the Ulyanovsk region // State Audit. Right. Economy. 2010, no. 4, pp. 31–34.
7. Tabunshchikova T. F. Abstract of the thesis "Formation and development of municipal financial control". URL: <http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-i-razvitie-munitsipalnogo-finansovogo-kontrolya> (accessed 25.03.2019). (In Russian).
8. Gordin V. I. Evaluation of the effectiveness of the activities of municipal control and accounting bodies // Bulletin of the AKSOR. 2014, no. 2 (30), pp. 67–73.
9. Gordin V. I. External municipal financial control in the public finance system: dissertation of the candidate of economic sciences: 08.00.10. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005553743> (accessed 03.25.2019). (In Russian).
10. Chaldayeva L. A., Fedorenko I. N. State financial control at the regional level: an indicative approach // Regional Economics: Theory and Practice. 2016. No. 6, pp. 4–13. (In Russian).
11. Shinkareva O. V. Evaluation of the effectiveness of control activities in municipalities // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Economy. 2015, no. 2 (4), pp. 26–32. (In Russian).
12. Dmitriev S. Yu. Evaluation of the effectiveness of external financial control in the municipality // Finance and credit. 2015, no. 25, pp. 11–22. (In Russian).
13. Samarin N. V. Methodological support of external municipal financial control: areas of improvement // Vestnik AKSOR. 2014, no. 3 (31), pp. 133–139. (In Russian).
14. Kovalev A. I. Experience of the Council of Control and Audit Institutions at the Chamber of Control and Accounts of the Moscow Region // Bulletin of the AKSOR. 2017, no. 3-4 (43), pp. 47–52. (In Russian).
15. Dvurechenskikh V. A. On some issues of the development of associations, councils, associations of control and accounting bodies in the subjects of the Russian Federation // Bulletin of the AKSOR. 2017, no. 3-4 (43), pp. 41–44. (In Russian).

16. The standard of external state audit (control) of MU 107 “Quality management of control and expert-analytical measures”, approved by the Resolution of the Collegium of the Accounts Chamber of the Russian Federation dated December 21, 2016 No. 6PK. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_210590/ (accessed 25.03.2019). (In Russian).

17. Attard M. Joint seminar of the National Audit Office of Malta and the European Court of Auditors on the topic «Post-audit control in the public sector: strengthening accountability»// EUROSAI Magazine. 2017. Vol. 23, pp. 109–110.

18. Lukin A. G. Postulates and Principles of State Financial Control and Their Application in the Russian Federation // Middle-East Journal of Scientific Research. 2013. Vol. 17 (5), pp. 668–672.

19. SAI PMF department. Increasing operational flexibility and enhancing a strategic approach in EUROSAI through the use of SAI PMF performance evaluation system // EUROSAI Magazine. 2017. Vol. 23, pp. 119–121.

20. Reports on the activities of the Union of Municipal Audit Institutions for the period 2009-2018. URL: <https://portalkso.ru/> (accessed 31.05.2019). (In Russian).

21. Yegorov I. I. The system of external financial control of the Ulyanovsk region: technology of work // Vestnik AKSOR. 2017, no. 3-4 (43), pp. 33–36. (In Russian).

Поступила в редакцию 2.04.2019

© Т. А. Пашкова, 2019

Автор статьи: **Татьяна Анатольевна Пашкова**, аспирант кафедры экономики, менеджмента и маркетинга, Омский государственный педагогический университет, 644099, Омск, Набережная Тухачевского, 14, e-mail: pashkova311075@mail.ru

Рецензенты:

А. И. Ковалев, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента, Омский филиал Финансового университета при Правительстве РФ.

О. В. Михалев, доктор экономических наук, доцент, главный экономист экономического отдела Отделения по Омской области Сибирского главного управления Центрального банка РФ.

Ю. С. Пиньковецкая,
Ульяновский государственный университет

ЖЕНСКОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИКАХ

Проблема и цель. Исследование по проблеме раннего женского предпринимательства в современных национальных экономиках. Цель статьи – оценка предпринимательской активности женщин, их мотивационных предпочтений, а также сравнительный анализ женской и мужской предпринимательской деятельности на ранних стадиях.

Методология. Исследование проводится на основе методов статистического и экономико-математического анализа. Оно основано на анализе эмпирических данных по 48 странам, полученных в процессе глобального мониторинга предпринимательства.

Результаты. В статье исследуются сложившийся уровень ранней предпринимательской деятельности, в том числе показатели добровольного и вынужденного предпринимательства женщин, а также гендерного разрыва. Приведены разработанные автором функции плотности нормального распределения.

Выводы. Авторы пришли к выводу, что показатели, характеризующие участие женщин в предпринимательской деятельности на ранних стадиях имеют значительную дифференциацию по странам. Выявлены страны с высокими и низкими значениями ранней предпринимательской деятельности, добровольного и вынужденного предпринимательства.

Ключевые слова: ранняя предпринимательская активность, мотивация, вынужденные предприниматели, добровольные предприниматели, гендерный разрыв.

Проблема и цель. Отечественные и зарубежные учёные показывают положительное влияние женщин-предпринимателей на экономический рост, рост занятости и снижение социальной напряжённости [1, 2, 3]. Согласно работе [4] более полное использование потенциала женщин-предпринимателей (имеется в виду их участие в бизнесе на уровне, сопоставимом с мужчинами) может увеличить валовой внутренний продукт в большинстве стран более чем на 20 %.

Проблема значительного увеличения производства товаров и услуг, осуществляемого предпринятиями, созданными женщинами, требует понимания особенностей такой деятельности и её отличий от мужского предпринимательства. Для разработки мероприятий по увеличению вклада женщин в валовой продукт и сокращению разницы в количестве предприятий, принадлежащих женщинам и мужчинам (гендерного разрыва), необходимо изучить широкий круг вопросов, связанных с предпринимательской деятельностью женщин.

В последние годы был опубликован ряд исследований о роли женщин и их участии в предпринимательской деятельности [5, 6, 7]. Женщины-предприниматели сталкиваются с более серьёзными проблемами при открытии и ведении собственного бизнеса по сравнению с мужчинами-предпринимателями. Такие проблемы характерны для большинства стран, они ярко выражены как в развивающихся, так и в экономически развитых государствах. Среди проблем, с которыми сталкиваются женщины-предприниматели, есть объективные и субъективные. Объективные проблемы обусловлены трудностями в достижении баланса между предпринимательством и личной жизнью, включая уход за детьми, домашние и семейные обязанности [8, 9]. Субъективные проблемы обусловлены социальными и культурными предрассудками, институциональными, правовыми и налоговыми пробелами в законодательстве многих стран, а также сложившимися стереотипами, связанными с ролью женщин, особенно в патриархальных обществах [10, 11, 12]. В статье [13] обращено внимание на то, что так называемый гендерный разрыв в предпринимательстве, связанный с преобладанием мужчин в качестве владельцев бизнеса, по-прежнему широко распространён во многих странах. В работе [14] рассматриваются некоторые гендерные стереотипы, а также индивидуальные, институциональные и структурные барьеры для предпринимательской деятельности женщин.

Факторы, обуславливающие отсутствие у многих женщин в развивающихся странах других возможностей зарабатывать на жизнь, кроме как участвовать в предпринимательской деятельности, приведены в статье [15]. К таким факторам, определяющим предпринимательство по необходимости, можно отнести безработицу, плохие карьерные перспективы, неприемлемые условия труда,

профессиональную неудовлетворённость, отсутствие детских учреждений. Наряду с такой мотивацией женщин-предпринимателей существует также добровольная мотивация. В статье [16] упоминаются такие факторы добровольной мотивации, как стремление к независимости, автономии, самореализации, удовлетворённости работой, а также стремление к богатству.

Исследования женского предпринимательства свидетельствуют о наличии двойного бремени для женщин-предпринимателей: работа и семья [17]. В то же время одним из преимуществ предпринимательской деятельности по сравнению с наёмным трудом женщин является возможность использования нестандартных графиков работы, которые снижают проблему ухода за детьми и пожилыми членами семьи. Гибкий график и увеличение возможностей для работы по дому обеспечивают хороший баланс между трудовой деятельностью, семейной жизнью и финансовыми потребностями [18].

Вместе с тем комплексной оценке предпринимательской деятельности женщин не уделяется достаточного внимания.

Настоящая статья посвящена изучению проблемы вовлечённости женщин в предпринимательство в современных национальных экономиках. Целью исследования является анализ предпринимательской активности женщин, их мотивационных предпочтений, а также сравнительный анализ женской и мужской предпринимательской деятельности на ранних стадиях. В ходе исследования были решены следующие задачи:

- изучить участие женщин в предпринимательской деятельности на ранних стадиях в разных странах в 2018 г.;
- оценить мотивацию женщин к предпринимательству;
- проанализировать гендерный разрыв, характеризующий предпринимательскую активность женщин и мужчин на ранних стадиях.

В ходе исследования была выдвинута и апробирована следующая гипотеза: показатели, характеризующие участие женщин в предпринимательской деятельности на ранних стадиях имеют значительную дифференциацию по странам.

Методика исследования. Глобальный мониторинг предпринимательства является проектом по организации страновых исследований развития предпринимательства и предпринимательской активности. Мониторинг основывается на результатах обследования взрослого населения (в возрасте от 18 до 64 лет). В его рамках были собраны данные по широкому кругу показателей предпринимательской активности по 48 странам.

Общая ранняя предпринимательская деятельность (РПД) описывает удельный вес количества женщин, находящихся в процессе открытия собственного бизнеса или имеющих новый бизнес в течение последних 3,5 лет на момент обследования, в общей численности женщин этих возрастов в стране.

Оценка мотивации женской ранней предпринимательской деятельности включала два основных типа мотивации. Первый тип мотивации, как было указано выше, – это добровольная мотивация предпринимателей. Он обусловлен имеющимися в конкретной стране возможностями по решению женщинами задач финансового благополучия, повышения социального статуса и решения других проблем самореализации и творческой деятельности за счёт создания собственного бизнеса. Добровольные предприниматели ориентированы на улучшение своего положения в обществе. К ним относятся совершеннолетние трудоспособные женщины, которые пользуются открывающимися возможностями и стремятся извлечь выгоду из предпринимательской деятельности по сравнению с работой в других сферах занятости. Второй тип – предприниматели по необходимости. К ним относятся женщины, которые начинают свой бизнес из-за отсутствия других способов получения средств для существования.

Мотивация предпринимателей влияет на предпринимательские устремления. Предприниматели, движимые необходимостью, часто с появлением возможностей трудоустройства на наёмную работу (с сопоставимым заработком) предпочитают перейти на эту работу. Соответственно, предприятия, созданные такими предпринимателями, имеют низкие показатели выживаемости. Краткосрочный горизонт деятельности приводит к меньшему желанию собственников инвестировать в развитие и рост своего бизнеса. Это самое существенное различие между добровольными и вынужденными предпринимателями. Добровольные предприниматели направляют все свои усилия на развитие и совершенствование бизнеса, увеличивая его положительный эффект. Они чаще осваивают новые рынки, создают инновационные продукты и услуги, планируют увеличить количество рабочих мест.

Анализ гендерного разрыва, характеризующего предпринимательскую активность женщин и мужчин на ранних стадиях в конкретных странах, был основан на расчёте соответствующих коэффициентов для каждой из 48 стран, включённых в отчёт GEM за 2018 г. [19].

Для обеспечения сопоставимости данных по странам расчёты проводились на основе относительных показателей. Были рассмотрены три группы показателей. Первая группа включала показатели женского РПД (процент от общей численности взрослого женского населения) по всем странам. Вторая группа показателей описывает соотношение добровольных и вынужденных женщин-предпринимателей. К третьей группе показателей относятся соотношения между уровнями РПД женщин и РПД мужчин, а также добровольных предпринимателей среди женщин и мужчин.

Для проверки выдвинутой гипотезы о том, что показатели 1, 2 и 3 групп имеют значительную дифференциацию по странам, были разработаны функции плотности нормального распределения показателей по 48 странам. Методика их разработки приведена в работе [20].

Оценка женской ранней предпринимательской деятельности. В табл. 1 представлены значения женской ранней предпринимательской деятельности по 48 странам, обследованным в процессе Глобального мониторинга предпринимательства. Величины РПД в процентах от общей численности женского взрослого населения (в возрасте от 18 до 64 лет) представлены в порядке убывания.

Таблица 1

Женская ранняя предпринимательская деятельность, %

Страна	РПД	Страна	РПД	Страна	РПД
Ангола	40,7	Объединённые Арабские Эмираты	10,1	Испания	6,0
Гватемала	24,5	Китай	9,3	Болгария	5,6
Чили	21,2	Словакия	9,0	Египет	5,4
Мадагаскар	21,1	Тайвань	8,8	Великобритания	5,4
Перу	20,9	Индия	8,7	Франция	5,3
Таиланд	19,3	Люксембург	8,7	Швейцария	4,7
Колумбия	17,8	Саудовская Аравия	8,5	Польша	4,5
Ливан	17,4	Пуэрто-Рико	8,4	Марокко	4,3
Бразилия	17,3	Катар	8,4	Япония	4,0
Судан	17,1	Турция	8,4	Швеция	4,0
Канада	17	Нидерланды	8,3	Греция	3,9
Индонезия	14,1	Аргентина	8,1	Россия	3,9
Панама	13,9	Австрия	7,9	Словения	3,8
США	13,6	Ирландия	7,5	Германия	3,3
Уругвай	12,3	Хорватия	7,1	Кипр	2,9
Корея	12,2	Иран	6,5	Италия	2,8

Данные в табл. 1 показывают, что уровни ранней предпринимательской деятельности в рассматриваемых странах находятся в очень широком диапазоне (от 2,8 % до 40,7 %). При этом средний уровень по всем 48 странам составляет 10,5 %. Самые высокие показатели РПД – более 36,8 % наблюдаются в пяти развивающихся странах. Две из них (Ангола и Мадагаскар) расположены в Африке, а три (Гватемала, Чили и Перу) – в Латинской Америке. В целом для большинства развивающихся стран характерен относительно высокий уровень женской РПД.

В шести из 48 стран уровень женской ранней предпринимательской деятельности низкий (менее 4 %). Все они являются развитыми европейскими странами, в которых наёмные работники имеют хорошие экономические и социальные условия, зачастую лучшие, чем у начинающих предпринимателей. К этим странам относятся Италия, Германия, Словения, Кипр, Россия и Греция.

Кроме того, можно отметить некоторые аспекты, препятствующие развитию предпринимательской деятельности женщин в ряде европейских стран. К таким факторам относятся отсутствие доступных учреждений по уходу за детьми, что существенно ограничивает предпринимательские возможности женщин. В ряде европейских стран социальная и налогово-бюджетная политика оказывает негативное воздействие на развитие женского предпринимательства. Существенную роль играет также высокий уровень заработной платы, который позволяет иметь в семье только одного

работника. В качестве примера можно привести Германию и Италию, для которых характерно довольно традиционное распределение труда, где мужчины вносят основной вклад в доход, а женщины больше занимаются уходом за детьми. Именно поэтому только 2,8 % взрослого женского населения в Италии и соответственно 3,1 % в Германии занимаются предпринимательской деятельностью. Такая ситуация не является характерной для всех экономически развитых стран. Например, в США и Канаде уровень женского РПД (соответственно 13,6 % и 17 %) значительно выше, чем в европейских странах. Отметим, что в этих странах большое внимание уделяется разработке и реализации программ по развитию женского предпринимательства.

Наряду с отмеченными причинами во многих странах низкий уровень РПД, на наш взгляд, обусловлен большой загруженностью женщин в семье, существующими культурными, социальными и религиозными стереотипами.

Модели сравнительного анализа. Оценка удельного веса добровольных и вынужденных женщин-предпринимателей в общей ранней предпринимательской деятельности женщин основывалась на информации, полученной в процессе Глобального мониторинга. Экономико-математическое моделирование эмпирических данных по 48 рассматриваемым странам было основано, как указано выше, на разработке функций плотности нормального распределения.

Функции, характеризующие распределение мотивации женщин-предпринимателей и описывающие удельный вес соответственно добровольных и вынужденных предпринимателей (x_1 , % и x_2 , %) в общем количестве женщин-предпринимателей, приведены далее:

– по добровольным женщинам-предпринимателям:

$$y_1(x_1) = \frac{514,295}{12,31 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_1-69,29)^2}{2 \times 12,31 \times 12,31}} \quad (1)$$

– по вынужденным женщинам-предпринимателям:

$$y_2(x_2) = \frac{518,00}{12,98 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_2-24,99)^2}{2 \times 12,98 \times 12,98}} \quad (2)$$

На следующем этапе исследований был проведён сравнительный анализ ранней предпринимательской деятельности женщин и мужчин по двум показателям: соотношение женской и мужской РПД и соотношение добровольных предпринимателей среди женщин и мужчин. Важно отметить, что анализ проводился на основе относительных показателей. Это позволило обеспечить сравнение указанных показателей (x_3) и (x_4) по разным странам. Ниже приведены разработанные функции плотности нормального распределения:

– соотношение женской и мужской предпринимательской активности на ранних стадиях:

$$y_3(x_3) = \frac{4,80}{0,19 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_3-0,68)^2}{2 \times 0,19 \times 0,19}} \quad (3)$$

– соотношение уровней добровольной женской РПД и добровольной мужской РПД на ранних стадиях:

$$y_4(x_4) = \frac{3,90}{0,11 \times \sqrt{2\pi}} \cdot e^{-\frac{(x_4-0,94)^2}{2 \times 0,11 \times 0,11}} \quad (4)$$

Проверка того, насколько хорошо функции нормального распределения аппроксимируют исследуемые данные, основана на применении трёх тестов, которые используются в теории математической статистики. Автор использовал тесты Колмогорова – Смирнова, Пирсона и Шапиро – Вилка. Эти тесты позволяют сравнить эмпирическое распределение исследуемых параметров с теоретическим, описанным функцией нормального распределения. Проведенный анализ показал, что все разработанные функции (1)–(4) обладают высоким качеством во всех тестах и хорошо описывают эмпирические данные.

Анализ результатов моделирования. Функции плотности нормального распределения позволяют определить средние значения по указанным ранее первой, второй и третьей группам пока-

зателей. Эти средние значения приведены в столбце 2 табл. 2. В этой таблице приведены также интервалы изменения рассматриваемых показателей (столбец 3), характерные для большинства (68 %) стран. Интервалы оцениваются на основе средних значений показателей и соответствующих им значений среднеквадратических отклонений. Для оценки границ интервалов указанное отклонение добавляется к среднему значению индикатора или вычитается из него соответственно. Средние значения и интервалы изменения показателей в таблице соответствуют функциям плотности нормального распределения (1)–(4).

Таблица 2

Средние значения и интервалы изменения показателей

Показатели	Среднее значение	Интервал изменения
1	2	3
Удельный вес добровольной мотивации женщин, %	69,29	56,98–81,60
Удельный вес вынужденной мотивации женщин, %	24,99	12,01–37,97
Соотношение женской РПД и мужской РПД	0,68	0,49–0,87
Соотношение добровольной мотивации женщин и мужчин	0,94	0,83–1,05

По данным табл. 2 (столбец 3) можно сделать вывод о том, что в процессе исследований была подтверждена гипотеза о существенной дифференциации показателей, относящихся к первой, второй и третьей группам показателей.

Данные, представленные в табл. 2, свидетельствуют о преобладании добровольной мотивации современных женщин-предпринимателей в абсолютном большинстве стран. Самые высокие показатели такой мотивации женщин-предпринимателей (от 82 % до 95 %) отмечаются в Люксембурге, Нидерландах, Колумбии, Канаде, Панаме, Швейцарии, Польше, Кипре. Низкий уровень добровольной мотивации женщин – менее 57 % (от 40 % до 56 %) – зарегистрирован только в пяти странах: Гватемале, Бразилии, Анголе, Египте, Индии.

Среднее значение вынужденной мотивации женщин, как показано в табл. 3, составляет 24,99 %. Для абсолютного большинства (84 %) рассматриваемых стран этот показатель не превышает 37,97 %. Только в семи странах эта величина имеет большее значение. К ним относятся Судан, Саудовская Аравия, Гватемала, Бразилия, Египет, Индия. Очень низкий показатель (1,3 %) указывает на то, что минимальное число женщин в Швеции начинают свой бизнес по необходимости. В пяти странах этот показатель составляет менее 10 % (США, Люксембург, Польша, Нидерланды, Кипр).

Сравнительный анализ распространённости женских и мужских предприятий был основан на соотношении женской РПД и мужской РПД. Наибольшее значение этого соотношения (от 1,01 до 1,03) имело место в трёх странах: Чили, Перу и Канаде. В этих странах уровень предпринимательства среди женщин выше, чем среди мужчин. Эти страны расположены в Северной и Латинской Америке. Соотношение женского РПД и мужского РПД в интервале от 0,92 до 0,99 отмечается в таких странах, как Нидерланды, Мадагаскар, Судан, Пуэрто-Рико и Ирландия. Минимальные значения этого соотношения (от 0,38 до 0,44) отмечаются только в пяти странах: Швейцарии, Аргентине, Китае, Индии и Панаме. В 40 из 48 стран значения соотношения женского и мужского РПД колеблются от 0,5 и выше. Таким образом, гендерный разрыв в предпринимательской деятельности в подавляющем большинстве стран не превышает в настоящее время 50 %.

Среднее соотношение добровольной мотивации женщин и мужчин по рассматриваемым странам достигает 0,94. То есть различия в уровнях добровольной мотивации женщин и мужчин не представляются существенными. Наибольшее соотношение добровольных предпринимателей (от 1,02 до 1,13) наблюдается в четырнадцати странах: Швеции, Иране, Канаде, Марокко, Польше, Катаре, Китае, Люксембурге, Нидерландах, Турции, Кипре, Австрии, Ирландии и Ливане. В этих странах уровень добровольной мотивации среди женщин-предпринимателей выше, чем среди мужчин. Низкий уровень этого показателя (менее 80 %) был в 2018 г. в пяти странах: Аргентине, Греции, Су-

дане, Анголе и России. То есть в 43 странах из 48 рассматриваемые соотношения составляют от 0,8 и выше. В целом можно сделать вывод о том, что в настоящее время гендерный разрыв в добровольной мотивации женщин и мужчин относительно невелик.

Выводы. Научная новизна данной работы заключается в изучении показателей, характеризующих раннюю предпринимательскую активность и мотивацию женщин-предпринимателей, а также анализе существующего гендерного разрыва между женщинами и мужчинами-предпринимателями.

Предложенный в статье методический подход к оценке уровней ранней предпринимательской активности женщин, их мотивационным предпочтениям, а также сравнительный анализ женской РПД и мужской РПД могут быть использованы при обосновании программ развития предпринимательской деятельности женщин в России и её регионах с учётом их особенностей.

Методология и инструменты, использованные в процессе исследования, могут быть применены в аналогичных исследованиях, проводимых в нашей стране. Практическая значимость исследования может быть реализована в деятельности органов власти федерального, регионального и муниципального уровней в процессе регулирования предпринимательского сектора.

Полученные новые знания могут быть использованы в научных исследованиях по проблемам женского предпринимательства. Результаты исследования могут применяться в образовательной деятельности высших и средних специальных учебных заведений, при подготовке бакалавров и магистров, а также при подготовке специалистов государственного и муниципального управления.

Социальная значимость исследования связана со снижением предрассудков и стереотипов в отношении женщин-предпринимателей и формированием информации о существенных возможностях самореализации женщин через создание собственных бизнесов.

Дальнейшие исследования по вопросам женского предпринимательства могут быть связаны с обоснованием мер по развитию данного сектора национальной экономики и оказанием адресной поддержки женщинам-предпринимателям со стороны органов власти, финансовых учреждений и общественных организаций. Кроме того, дальнейшие исследования связаны с оценкой уровня предпринимательской деятельности женщин, специализирующихся на различных видах экономической деятельности.

Библиографический список

1. Морозов В. А. С надеждой на женщин. Женское предпринимательство как основа развития малого бизнеса // Российское предпринимательство. 2003. № 3. С. 3–10. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9232827>
2. Fetsch E., Jackson C., Wiens J. Women Entrepreneurs are Key to Accelerating Growth. Kauffman Foundation. 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kauffman.org/what-we-do/resources/entrepreneurshipolicy-digest/women-entrepreneurs-are-key-to-accelerating-growth> (дата обращения: 28.08.2018).
3. Lewis K. V., Henry C., Gatewood E. J., Watson J. Women's Entrepreneurship in the 21st Century: An International Multi-Level Research Analysis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2014. 320 p.
4. Woetzel J., Madgavkar A., Ellingrud K., Labaye E., Devillard S., Kutcher E., Manyika J., Dobbs R., Krishnan M. The Power of Parity: How Advancing Women's Equality Can Add \$12 Trillion to Global Growth. Washington, DC: McKinsey&Co. 2015. 168 p.
5. Aidis R., Weeks J. Mapping gendered is the Ecosystem: The Evolution of Measurement Tools for Comparative High-Impact Female Entrepreneur Development // International Journal of Gender and Entrepreneurship. 2016. Vol. 8. № 4. pp. 330–352.
6. Golla A. M., Malhotra A., Nanda P., Mehra R. Understanding and Measuring Women's Economic Empowerment: Definition, Framework and Indicators. Washington, DC: International Center for Research on Women. 2011. 12 p.
7. Wang Q. (2015). „Child care, work-family policy and female entrepreneurship”. Social Science Research Network. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2669282> (accessed 15.08.2018).
8. Woldie A., Adersua A. Female Entrepreneurs in a Transitional Economy: Businesswomen in Nigeria // International Journal of Social Economics. 2004. Vol. 31. № 1/2. pp. 78–93.
9. Achtenhagen L., Welter F. Female Entrepreneurship in Germany: Context, Development and Its Reflection in German Media. In J. Butler (ed.), New Perspectives on Women Entrepreneurs. Greenwich, CT: Information Age Publishing. 2003. pp. 77–100.
10. Ogbor J. Mythicizing and Reification in Entrepreneurial Discourse: Ideology Critique of Entrepreneurial Studies // Journal of Management Studies. 2000. Vol. 37. № 5. pp. 605–635.
11. Hamilton E. Entrepreneurship across generations: narrative, gender and learning in family business. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2013. 208 p.
12. Gupta V. K., Turban D. B., Wasti S. A., Sikdar A. The role of gender stereotypes in perceptions of entrepreneurs and intentions to become an entrepreneur // Entrepreneurship Theory and Practice. 2009. Vol. 33. № 2. pp. 397–417.

13. Jennings J. E., Brush C. G. Research on women entrepreneurs: challenges to (and from) the broader entrepreneurship literature? *The Academy of Management Annals*. 2013. Vol. 7. № 1. pp. 663–715.
14. Muntean C. S., Ozkazanc-Pan S. C. A gender integrative conceptualization of entrepreneurship // *New England Journal of Entrepreneurship*. 2015. Vol. 1. № 19. pp. 27–40.
15. McClelland E., Swail J., Bell J., Ibbotson P. Following the pathway of female entrepreneurs: A six country investigation // *International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research*. 2005. Vol. 11. № 2. pp. 84–107.
16. Muriel O., Don S. Why women enter into entrepreneurship: an explanatory model // *Women in Management Review*. 2001. Vol. 16. № 5. pp. 232–247.
17. Sciascia S., Mazzola P., Astrachan J., Pieper T. The role of family ownership in international entrepreneurship: Exploring nonlinear effects // *Small Business Economics*. 2012. Vol. 38. № 1. pp. 15–31.
18. Connelly R. Self-employment and providing child care // *Demography*. 1992. № 29. pp. 17–29.
19. Global Entrepreneurship Monitor 2018–2019. (2019). Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 152 p.
20. Пиньковецкая Ю. С. Закономерности и тенденции развития предпринимательства в России. Ульяновск: Ульяновский государственный университет. 2018. 240 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32563177>

Yu. S. Pinkovetskaia

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Ulyanovsk State University,
42 Leo Tolstoy St., Ulyanovsk, 432017, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8224-9031>
Researcher ID: D-3051-2017
e-mail: judy54@yandex.ru

FEMALE ENTREPRENEURSHIP IN NATIONAL ECONOMICS

Introduction. Female entrepreneurship plays an important role in the development of modern national economies. The purpose of the article is to assess the entrepreneurial activity of women, their motivational preferences, as well as a comparative analysis of female and male entrepreneurship in the early stages.

Methodology. The study is based on the methods of statistical, economic and mathematical analysis. It is based on the analysis of empirical data on 48 countries obtained in the process of global entrepreneurship monitoring.

Results. The article examines the current level of early entrepreneurial activity, including indicators of voluntary and forced entrepreneurship of women, as well as the gender gap. The density functions of the normal distribution developed by the author are presented.

Conclusions. The authors came to the conclusion that the indicators of women's participation in entrepreneurial activities in the early stages have significant differentiation across countries. It is shown that the levels of early entrepreneurial activity in these countries are in a very wide range (from 2.8% to 40.7%). The predominance of voluntary motivation of modern female entrepreneurs in the vast majority of countries is proved. It has been found that in most countries (40 out of 48) the gender gap in business activity does not exceed 50% at present. Countries with high and low values of early entrepreneurial activity, voluntary and forced entrepreneurship were identified.

Keywords: early-stage entrepreneurial activity, female entrepreneurship, motivation, necessity-driven entrepreneurs, opportunity-driven entrepreneurs, gender gap.

References

1. Morozov V. A. With hope in women. Women entrepreneurship as base of development small business. *Rossiyskoye predprinimatel'stvo*. 2003, no. 3. pp. 3-10.
2. Fetsch E., Jackson C., Wiens J. Women Entrepreneurs are Key to Accelerating Growth. Kauffman Foundation. 2015. Available at: <http://www.kauffman.org/what-we-do/resources/entrepreneurshipolicy-digest/women-entrepreneurs-are-key-to-accelerating-growth> (accessed 28.08.2018).
3. Lewis K. V., Henry C., Gatewood E. J., Watson J. Women's Entrepreneurship in the 21st Century: An International Multi-Level Research Analysis. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2014, 320 p.
4. Woetzel J., Madgavkar A., Ellingrud K., Labaye E., Devillard S., Kutcher E., Manyika J., Dobbs R., Krishnan M. The Power of Parity: How Advancing Women's Equality Can Add \$12 Trillion to Global Growth. Washington, DC: McKinsey&Co. 2015, 168 p.
5. Aidis R., Weeks J. Mapping gendered is the Ecosystem: The Evolution of Measurement Tools for Comparative High-Impact Female Entrepreneur Development. *International Journal of Gender and Entrepreneurship*. 2016, no. 8(4), pp. 330-352.

6. Golla A. M., Malhotra A., Nanda P., Mehra R. Understanding and Measuring Women's Economic Empowerment: Definition, Framework and Indicators. Washington, DC: International Center for Research on Women. 2011, 12 p.
7. Wang Q. Child care, work-family policy and female entrepreneurship. Social Science Research Network. 2015. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2669282> (accessed 15.08.2018).
8. Woldie A., Adersua A. Female Entrepreneurs in a Transitional Economy: Businesswomen in Nigeria. International Journal of Social Economics. 2004, no. 31(1/2), pp. 78–93.
9. Achtenhagen L., Welter F. Female Entrepreneurship in Germany: Context, Development and Its Reflection in German Media. In J. Butler (ed.), New Perspectives on Women Entrepreneurs. Greenwich, CT: Information Age Publishing. 2003, pp. 77-100.
10. Ogbor J. Mythicizing and Reification in Entrepreneurial Discourse: Ideology Critique of Entrepreneurial Studies. Journal of Management Studies. 2000, no. 37(5), pp. 605-635.
11. Hamilton E. Entrepreneurship across generations: narrative, gender and learning in family business. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. 2013, 208 p.
12. Gupta V. K., Turban D. B., Wasti S. A., Sikdar A. The role of gender stereotypes in perceptions of entrepreneurs and intentions to become an entrepreneur. Entrepreneurship Theory and Practice. 2009, no. 33(2), pp. 397-417.
13. Jennings J. E., Brush C. G. Research on women entrepreneurs: challenges to (and from) the broader entrepreneurship literature? The Academy of Management Annals. 2013, no. 7(1), pp. 663-715.
14. Muntean C. S., Ozkazanc-Pan S. C. A gender integrative conceptualization of entrepreneurship. New England Journal of Entrepreneurship. 2015, no. 1(19), pp. 27-40.
15. McClelland E., Swail J., Bell J., Ibbotson P. Following the pathway of female entrepreneurs: A six country investigation. International Journal of Entrepreneurial Behavior & Research. 2005, no. 11(2), pp. 84-107.
16. Muriel O., Don S. Why women enter into entrepreneurship: an explanatory model. Women in Management Review, 2001, no. 16(5), pp. 232-247.
17. Sciascia S., Mazzola P., Astrachan J., Pieper T. The role of family ownership in international entrepreneurship: Exploring nonlinear effects. Small Business Economics. 2012, no. 38(1), pp. 15-31.
18. Connelly R. Self-employment and providing child care. Demography. 1992, no. 29, pp. 17-29.
19. Global Entrepreneurship Monitor 2018-2019. Global Entrepreneurship Research Association (GERA). 2019. 152 p.
20. Pinkovetskaia I. S. Regularities and tendencies of development entrepreneurship in Russia. Ulyanovsk: Ulyanovsk state university. 2018, 240 p.

Поступила в редакцию 23.03.2019

© Ю. С. Пиньковецкая, 2019

Автор статьи: **Юлия Семеновна Пиньковецкая**, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономического анализа и государственного управления, Ульяновский государственный университет, 432017, Ульяновск, ул. Льва Толстого, 42, e-mail: judy54@yandex.ru

Рецензенты:

О. Ю. Патласов, доктор экономических наук, профессор, Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского; проректор по международной деятельности, Омская гуманитарная академия.

О. В. Демиденко, кандидат экономических наук, доцент, Омская гуманитарная академия.

Д. С. Саменбетова,
Омская гуманитарная академия
О. Ю. Патласов,
Сибирский казачий институт технологий и управления
(филиал) МГУТУ им. К. Г. Разумовского,
Омская гуманитарная академия

ОРГАНИЧЕСКОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В УСЛОВИЯХ УЧАСТИЯ РОССИИ В ВТО: АНАЛИЗ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Проблема и цель. В условиях вступления России во Всемирную торговую организацию актуальными становятся вопросы социально-экономической оценки эффективности органического сельского хозяйства и развития органического производства. Цель статьи – разработать механизмы государственной поддержки производителей сельскохозяйственной органической продукции в соответствии с условиями участия России в ВТО.

Методология. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания социально-экономических явлений и процессов: логический, аналитический методы, классификация, системный и комплексный подходы, методы синтеза и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Россия лишь частично использует свои возможности в сфере развития сельского хозяйства, в том числе и производства органической пищевой продукции, в условиях вступления страны в ВТО, государство обладает колоссальным экспортным потенциалом в виде неиспользуемых залежных плодородных земель.

Выводы. Косвенная поддержка государства в рамках зеленой корзины может быть представлена в виде субсидирования процесса сертификации органической продукции, организации и проведения научных исследований, реализации мероприятий по восстановлению плодородия почв, проведения лабораторных анализов.

Ключевые слова: рынок органической продукции, сельское хозяйство, агробизнес, зеленая экономика, Всемирная торговая организация, государственное регулирование, субсидирование, зеленая корзина.

Проблема и цель. В 2012 г. Россия стала 157 членом Всемирной торговой организации. В связи со сложившейся в мире ситуацией Россия вынуждена вносить коррективы в стратегию развития, поскольку можно утверждать неэффективность нынешней экономической модели. На выбор стратегии социально-экономического развития оказывают влияние следующие факторы: ВТО, образование ЕАЭС, экономические санкции западных стран и перспективы сотрудничества со странами Востока.

В условиях членства России в ВТО актуальной представляется активизация мер государственной поддержки продовольственной системы согласно правилам данной организации, которые включаются в зеленую корзину и не имеют ограничений [4]. Государственным регулированием АПК в условиях членства в ВТО и в рамках нелIMITИРУЕМОЙ зеленой корзины является поддержка внутреннего спроса на продовольствие. Следовательно, формирование спроса на органическую продукцию должно происходить за счет косвенной поддержки государства. Адаптация мер государственного регулирования к требованиям ВТО является одной из актуальных проблем сегодня в разрезе развития АПК. Аграрное производство не является наиболее рентабельным по сравнению с другими секторами народного хозяйства, поэтому предоставление государственных субсидий на ранних этапах развития органического производства является обязательным фактором.

В настоящее время основным документом, регулирующим мировую агропродовольственную торговлю является Соглашение по сельскому хозяйству Уругвайского раунда ВТО (1986–1993 гг.), основные идеи которого предусматривают [18, с. 8]: расширение доступа стран-участниц на внутреннем рынке; снижение протекционизма в странах-участницах; снижение экспортных субсидий и повышение экспортной конкуренции

В зеленую корзину входят меры, не оказывающие влияния на рынок, а именно косвенные меры государственной поддержки. Они включают себя научно-исследовательские работы, обучение производственного персонала и повышение квалификации, информационно-консультационное обслуживание, ветеринарные и фитосанитарные мероприятия, контроль за безопасностью продуктов

питания, программы регионального развития. Таким образом, косвенная поддержка рынка органической продукции должна быть представлена в виде помощи в прохождении сертификации продукции, проведении лабораторных исследований, предоставлении информационной поддержки, страхования, маркетинговых мероприятий. Согласно условиям зеленой корзины объемы данной поддержки неограниченны.

В России данные меры осуществляются в малых количествах, так как лишь часть из них входят в Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. [5]. Ежегодно государства – участники ВТО направляют десятки миллиардов долларов на поддержку сельского хозяйства. В соответствии с протоколом вступления России в ВТО уровень разрешенной государственной поддержки сельхозпроизводителей остается в пределах 9 млрд долл. [11]. В соответствии с условиями зеленой корзины в 2018 г. уровень субсидирования должен быть сокращен до 4,4 млрд долл., что соответствует объему в 2006–2008 гг. Таким образом, для защиты отечественного АПК необходимо шире применять разрешенные субсидии в рамках зеленой корзины.

Принятая Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. направлена на комплексное развитие всех секторов агропромышленного комплекса. В соответствии с требованиями зеленой корзины в ней разработаны новые направления государственной поддержки, охватывающие не только экономические, но и социальные и природоохранные меры.

Анализ объемов и структуры бюджетных ассигнований на реализацию Государственной программы развития АПК показал, что Программа затрагивает ключевые аспекты интенсивного развития сектора сельского хозяйства, но финансирование некоторых направлений на данный момент является недостаточным. К примеру, подпрограмма инновационные проекты имеет только 0,4 % финансирования, а доля аграрных предприятий, внедряющих инновационные технологии, составляет менее 2 % (табл. 1) [2].

Таблица 1

Объем и структура бюджетных ассигнований на реализацию Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг. за счет средств федерального бюджета

Наименование подпрограммы	Объем и структура государственной поддержки	
	Сумма, млрд руб.	Структура, %
Государственная программа, всего	1 509,7	100,0
Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства	466,6	30,9
Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства	499,4	33,1
Развитие мясного скотоводства	65,4	4,3
Поддержка малых форм хозяйствования	83,7	5,5
Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие	23,7	1,6
В том числе на инновационные проекты	5,5	0,4
Обеспечение реализации государственной программы	202,5	13,4
ФЦП по отдельным прочим направлениям	168,4	11,2

Условия ВТО предусматривают сокращение только определенных мер государства в области АПК, которые могут оказать влияние на международную торговлю. В тоже время региональные программы развития сельского хозяйства соответствуют условиям зеленой корзины. Таким образом, вследствие их введения ряд стран смог увеличить выплату сельскому хозяйству. Например, Европейский союз увеличил инвестиционную поддержку до 26 млрд долл., в Израиле на поддержку региональных программ в последние годы направлялось по 300–400 млн долл.; экологические программы Австралии потребовали ежегодного дополнительного вливания на сумму более 800 млн долл. [17, с. 5].

Соответственно усовершенствование системы государственного регулирования АПК по реализации региональных программ является перспективным направлением стратегии развития экономики. Одной из форм государственной поддержки ведения и организации органического сельского хозяйства в условиях ВТО является субсидирование. В условиях членства России в ВТО малые

формы хозяйствования не смогут создать конкуренцию крупным производителям, таким образом, развитие органического производства предоставляет возможность конкурировать с крупными компаниями за счет высокого качества продукции. С учетом сложившейся экономической ситуации в регионах РФ, ведение органического хозяйства будет являться одной из моделей развития.

Цель исследования заключалась в анализе адаптационных мер государственной поддержки органического сельского хозяйства в соответствии с требованиями Всемирной торговой организации для выработки предложений по усовершенствованию государственного регулирования в области рынка органических продуктов.

Методология. В процессе исследования применялись общенаучные методы познания социально-экономических явлений и процессов: логический, аналитический методы, классификация, системный и комплексный подходы, методы синтеза и сравнительного анализа.

Проблемы теоретико-методологического анализа системы государственной поддержки сельского хозяйства в условиях членства России в ВТО нашли отражение в исследованиях таких ученых, как С. В. Киселева, А. В. Петрикова, Н. С. Харитоновна, А. А. Самохина, А. А. Шилкова, Н. А. Киреева, А. Н. Адукова. Следует также выделить авторов, уделивших в своих работах внимание проблемам организации органического рынка в России в рамках ВТО, это: В. А. Кундиус, О. Ю. Воронкова, И. А. Родионова, С. А. Калугина, М. А. Голубкова, И. В. Калинина. Международный опыт стран поддержки сельского хозяйства был описан в статьях Б. Е. Фрункина, А. Ю. Белугина, А. М. Гребенкиной, Н. С. Фроловой, К. А. Хубиева.

Формирование рынка органических продуктов происходит в период экономического кризиса, санкций, членства страны в ВТО. Таким образом, совершенствование механизмов государственного регулирования в рамках ВТО предполагает изменения его структуры и направлений. Ввиду слабой материально-технической базы, отсутствия финансовых средств у производителей, высоких затрат на ведение органического производства, а также нехватки рабочей силы, аграрная политика должна быть скорректирована таким образом, чтобы органическая отрасль России стала одной из конкурентных ниш на мировом рынке органической продукции.

Обзор зарубежной литературы. В обзоре Л. Десперсена, Д. Багесена и Е. Фог «Вклад органического сельского хозяйства в общественные блага в Дании» представлены основные принципы органического сельского хозяйства. Авторы приводят статистику по реализации органической продукции. Развитие органического земледелия в Дании было частично обусловлено рынком и частично стимулировалось общественными планами действий по защите окружающей среды и мерами поддержки государства. Государство оказывает колоссальную поддержку развитию рынка органической продукции. В последние годы потребление и экспорт органических продуктов питания резко возросли. Розничная торговля Дании занимает одну из самых высоких долей органического рынка в мире – 8 % в 2015 г., что соответствует примерно 7 млрд датских крон (0,94 млрд евро) с ростом на 19 % с 2013 по 2015 г. В тот же период продажи органических продуктов питания через предприятия общественного питания выросли на 69 % до 1,7 млрд датских крон (0,23 млрд евро). Импорт органических продуктов питания вырос на 34 % до 2,4 млрд датских крон (0,32 млрд евро), а экспорт – на 29 % до приблизительно 2 млрд датских крон (0,27 млрд евро). Дания является наиболее интенсивно обрабатываемой страной в ЕС. С 2015 г. органическое сельское хозяйство пережило новый рост благодаря активной поддержке государства после нескольких лет стагнации. В 2016 г. всем фермерам, занимающимся органическим сельским хозяйством государство оказало финансовую помощь. В Дании есть государственное регулирование и контроль органического земледелия. Органическое сельское хозяйство также косвенно регулируется рег. ЕС. 1305/ 2013 г. для поддержки развития сельских районов страны. Система маркировки, система сертификации, государственное регулирование – все это слаженный механизм, который играет роль в создании общественных благ [7].

В отчете Е. Рус, А. Мие, М. Вивстэд «Риски и возможности увеличения урожайности органического сельского хозяйства» описан алгоритм взаимодействия между фермерами и государством в вопросах изготовления удобрений для развития земледелия и производства корма для животных [10]. Принципы ведения органического сельского хозяйства Европы реализовываются в ряде областей, таких как производство органической продукции животноводства, рентабельность фермерства и малое использование пестицидов. В настоящее время эксперты заинтересованы в повышении урожайности в органическом сельском хозяйстве, чтобы обеспечить животноводство экологически чистыми кормами для растущей популяции и снизить негативное воздействие на единицу продукции. Как утверждает автор С. Манн в статье «Сельскохозяйственные рынки», доля рынка органических продуктов выше для импортных продуктов питания, чем для продукции сельского хозяйства отечественного производства.

Очевидно, что этикетка со знаком «органик» служит гарантией определенных стандартов производства, поскольку потребители могут знать, что правовые стандарты значительно различаются в зависимости от (экспортирующей) страны. Не все правительства Европейских стран готовы полностью перейти на органическое сельское хозяйство и отказаться от ГМО. Немногие правительства хотели бы снизить производительность, которую дают фермеры, использующие искусственные удобрения и синтетические пестициды. Возникает вопрос запрета обычного традиционного сельского хозяйства [8].

Результаты. В целях обеспечения прозрачности государственного регулирования в соответствии с западными нормативами и условиями ВТО, государством были переориентированы некоторые инструменты аграрной политики. В частности, фрагментарные субсидии (ГМС, минеральные удобрения), направленные на поддержку производителей растениеводческой продукции, приобрели форму единой погектарной субсидии. В условиях ВТО была ослаблена тарифно-таможенная защита. Таким образом, экспорт сельскохозяйственной продукции растет. Санкции актуализировали проблему и ускорили процесс импортозамещения на российском агропродовольственном рынке, что позволило отечественным сельскохозяйственным товаропроизводителям оперативно занять освободившуюся нишу. С учетом механизмов ВТО сняты антидемпинговые компенсационные пошлины, кроме того, страны-партнеры тоже снижают импортные пошлины, данная ситуация благотворно влияет на выход национальных предприятий на мировые рынки [18]. Следовательно, важно определить перспективы развития органического сельского хозяйства с позиции развития внешней торговли органической продукцией.

Международная федерация органического сельскохозяйственного движения (IFOAM) и стандарты европейского законодательства, регулирующего рынок органических продуктов, декларируют четыре основных принципа, на которых базируется вся концепция органического земледелия и животноводства: здоровье, экология, справедливость, забота.

За последние 30 лет в более 172 странах активно развивается органическое сельское хозяйство (рис.). Основными потребителями рынка органической продукции являются США, Канада, страны Евросоюза – Австрия, Германия, Великобритания, Франция, а также Япония. Необходимо отметить, что около 78 % общего потребления органической продукции приходится на высокоразвитые индустриальные страны Европы и США. В 84 странах принят закон «Об органическом сельском хозяйстве». Производство органической сельскохозяйственной продукции в мире осуществляется примерно на площади свыше 137 млн га пашни. По данным Organic Monitor, международный рынок органических продуктов составляет 90 млрд долл. США. С 2016–2020 гг. существует прогноз роста в среднем на 15,5 %. Отсутствие земель для организации органического хозяйства – вот главный фактор, тормозящий развитие рынка органической продукции в развитых странах. США – ведущий рынок с 38,9 млрд евро, за ним следуют Германия (9,5 млрд евро), Франция (6,7 млрд евро) и Китай (5,9 млрд евро) [11]. В 2016 г. большинство основных рынков продолжали демонстрировать двузначные темпы роста, а французский органический рынок вырос на 22 %. Самые высокие расходы на душу населения были в Швейцарии (274 евро), в Дании самая высокая доля органического рынка (9,7 % всего продовольственного рынка). Страны с наибольшей долей органических сельскохозяйственных земель – Лихтенштейн 37,7 %, Французская Полинезия 31,3% и Самоа 22,4% [11].

Рис. Мир органического сельского хозяйства 2019

Считается достижением, если около 10 % земель используются под органическое хозяйство. Если сравнивать с Российской Федерацией, то можно отметить, что около 122 млн га пашни – из земель сельхозназначения, при этом в настоящее время около 50 млн га выведено из аграрного производства, и на этой пашне в течение 20 и более лет не применяются синтетические химические удобрения [12]. Таким образом, Россия имеет огромные площади для развития органического хозяйства.

Хозяйство органической продукции считается более устойчивым, благодаря тому что производители не зависят от поставок антибиотков, гормонов роста, химических средств защиты, удобрений. Как правило, организация органического производства – это замкнутый цикл производства, где чаще всего используется ручной труд. В данном аспекте также имеются свои проблемы, так как производителями органической продукции в основном выступают малый и средний бизнес, поскольку подразумевается выращивание большого разнообразия культур. Таким образом, крупным компаниям сложнее вести производство органической продукции. Кроме того, инновационные приемы и методы, присутствующие в органическом сельском хозяйстве, заметно быстрее и проще внедряются в небольших компаниях, т. к. они легче адаптируются к нововведениям [16, с. 142].

В соответствии со вступлением России в ВТО, у страны появилась еще одна возможность использовать свой экспортный потенциал. Государство обладает колоссальными природными ресурсами для организации производства экологически чистой продукции. Необходимость рационального и эффективного использования земель сельскохозяйственного назначения диктуется сложившимся их состоянием. В стране отдельно не выявлены ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья. Общая площадь земель сельскохозяйственного назначения по состоянию на 1 января 2015 г. составляет 385,5 млн га, или 22,5 % от общей площади территории Российской Федерации. Вместе с тем следует отметить, что, по данным Минсельхоза, после 2010 г. наметилась стабилизация площадей сельскохозяйственных угодий, сельскохозяйственных культур и рост посевов зерновых и некоторых технических культур на предприятиях, в организациях и у граждан, занимающихся сельскохозяйственным производством (табл. 2) [13].

Таблица 2

Состав и площади земель, используемых организациями и гражданами, занимающимися сельскохозяйственным производством в Российской Федерации (тыс. га) [15]

№ п/п	Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
1	Общая площадь	519 409,0	521 297,9	522 162,9	521 502,0
2	Сельскохозяйственные угодья	190 776,6	190 925,1	191 095,3	191 183,3
3	Пашня	115 305,2	115 386,7	115 463,8	115 463,7
4	Залежь	3642,0	3632,0	3616,0	3618,7
5	Многолетние насаждения	1725,5	1726,9	1728,2	1734,3
6	в том числе плодоносящая площадь: – плодово-ягодных насаждений	422,0	410,0	406,2	н/д
7	– виноградных насаждений	45,1	46,1	48,2	н/д
8	Кормовые угодья	70 103,7	70 179,5	70 287,3	70 366,6

Фактически около 39 млн га пашни попросту не используется, так же как и залежные земли, не получавшие длительное время химизации. Залежи, или неиспользуемые пахотные земли, являются одним из главных факторов для производства экологически чистой продукции, их можно рассматривать как основной стратегический резерв России, а вовлечение залежных земель в сельскохозяйственный оборот позволит создать мультипликативный эффект как в сельскохозяйственной, так и в перерабатывающей и сбытовой отраслях. Данные работы смогут частично снизить уровень безработицы в регионах, а для потребителей будет сформирован рынок экологически чистой и безопасной для здоровья продукции.

Рассматривая органический рынок России и перспективы экспорта, необходимо отметить: среди сертифицированных производителей органической продукции наиболее экономически успешны и стабильны органические экспортеры В2В. Приказом № 524 Минсельхоза РФ, подписанным министром Александром Ткачевым, 19 октября 2017 г. утверждены программы продвижения и увеличения объемов экспорта отдельных видов продукции АПК до 2020 г., в том числе продукции микро-, малых и средних предприятий паспорта приоритетного проекта «Экспорт продукции АПК». В числе утвер-

жденных программ – развитие экспорта нишевой продукции с высокой маржинальностью, в которую вошла локальная отраслевая программа (ЛОП) органическое сельское хозяйство [3]. Главными направлениями экспортной политики России являются страны ЕС, Западной Азии и Китая. По данным Союза органического земледелия, потенциал экспорта оценивается в 290 млн долл. США [20]. Конкурентами России в вопросах экспорта органической продукции остаются Казахстан и Украина.

Рынок органических продуктов России составляет 120 млн долл. США, 0,12 % сельхозземель (246 тыс. га) сертифицированы как органические по международным стандартам [20]. На данный момент в России существует 70 сертифицированных органических сельхозпроизводителей. Количество производителей, прошедших сертификацию по международным стандартам, – 53, по российским – 17. Из них в сфере растениеводства – 20 хозяйств, животноводство – 5 хозяйств, дикоросы – 14 хозяйств, производство алкогольной продукции – 1 предприятие, переработка – 2 предприятия [20].

Экспортируют продукцию в страны ЕС 16 сертифицированных производителей. В основном это зерновые и масличные культуры. Участники рынка оценивают потенциальный объем российской органической продукции в страны ЕС в 130 млн долл. США.

Методы и производство органической продукции в соответствии с правилами ВТО регулируются так же, как и традиционное сельское хозяйство за исключением стран ЕС и Северной Америки (США и Канада). Существует два способа вывода из-под квотирования импорта и экспорта органической продукции – это признание эквивалентности системы регулирования органической продукции и органического соответствия зарубежных стран (Аргентина, Индия, США, Европейский союз, Япония) и прямая органическая сертификация аккредитованными / признанными органами страны-импортера (США, Китай, Япония) [20].

По данным Союза органического земледелия, в Россию поступают запросы на экспорт органической продукции от таких стран, как Нидерланды, Канада, Италия, Франция и Германия, Румыния. На сегодня удовлетворить дефицит сертифицированной органической продукции и обеспечить поступающие заказы нет возможности вследствие множества факторов. Таким образом, на данный момент спрос на экспорт органической продукции не удовлетворяет предложение. По данным FiBL, динамика мирового рынка с каждым годом будет только увеличиваться

Таблица 3

Рост продаж и прогноз рынка органической продукции

Страна	2000 (млн евро)	2010 (млн евро)	2016 (млн евро)	5 лет (млн евро)
Австралия	225	986	1540	12 %
Бельгия	125	333	586	11 %
Дания	378	791	1298	17 %
Франция	1000	3384	6736	18 %
Германия	2050	6020	9478	10 %
Италия	1050	1550	2644	13 %
Нидерланды	325	656	1070	9 %
Испания	170	906	1685	12 %
Швейцария	509	1187	2297	14 %
Великобритания	970	2011	2460	5 %

Источник: FiBL Statistics – European and global organic farming statistics – February 14, 2018

Факторы, ограничивающие экспорт российской органической сельскохозяйственной продукции – это отсутствие законодательного регулирования органического производства (только в октябре 2018 г. был принят Федеральный закон «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», но вступит в силу он только 1 января 2020 г.); недостаточная гармонизация российских стандартов и основных международных стандартов ЕС 834/2007 и USDA organic; отсутствие работоспособной национальной системы сертификации органических производителей; отсутствие инфраструктуры для исполнения закона, нет четкого распределения функционала между государственными органами и частными организациями в сфере сертификации, инспекции и в целом регулирования рассматриваемого сектора.

В статье 5 «Подтверждение соответствия производства органической продукции» данного закона дается общее понятие, какие органы будут заниматься сертификацией. Добровольное подтвер-

ждение соответствия производства органической продукции осуществляется аккредитованными в области производства органической продукции органами по сертификации в соответствии с законодательством Российской Федерации об аккредитации в национальной системе аккредитации, которые выдают сертификат соответствия производства органической продукции [6]. В настоящее время не создан механизм реализации закона.

В статье 6 «Единый государственный реестр производителей органической продукции» ФЗ дается определение о том, что будет создан отдельный единый государственный реестр производителей органической продукции. Остаются открытыми следующие вопросы: какое агентство будет вести реестр производителей органических продуктов питания? Какой орган будет заниматься мониторингом и регулированием производства и реализации «органики»: Россельхознадзор, осуществляющий ветеринарный и фитосанитарный надзор, или Роспотребнадзор, осуществляющий регулирование в сфере защиты прав потребителей, или совершенно новый орган, не имеющий отношения к вышеуказанным?

На данный момент Федеральная служба государственной статистики России (Росстат) не ведет сбор данных по органическому сельскому хозяйству, а также в России нет открытой базы данных с перечнем всех производителей «органики». Этот фактор мешает в поиске сертифицированных производителей органической продукции, а также не дает иностранным инвесторам полной информации. На данный момент в системе таможенного контроля нет отдельного таможенного кода для органических продуктов питания, вследствие чего сложно осуществлять учет экспорта / импорта «органики».

Принятие закона автоматически не ускорит процесс перехода с традиционного ведения сельского хозяйства на органическое ввиду многих нерешенных вопросов. Для прохождения сертификации производителю ежегодно необходимо тратить на этот процесс около 300–800 тыс. рублей. Подтверждать сертификат необходимо каждый год. Как отмечалось ранее, в России сектор производителей органического хозяйства представлен в основном мелкими и средними производителями, следовательно, немногие согласны проходить сертификацию каждый год.

Принятие федерального закона создает правовое поле экспорта органической продукции для производителей органического сельского хозяйства, но необходима поддержка государства и иностранных инвесторов. В статье 9 данного закона «Государственная поддержка производителей органической продукции» говорится, что государственная поддержка производителей органической продукции обеспечивается в порядке и формах, предусмотренных Федеральным законом от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» (в ред. от 25 декабря 2018 г.). Таким образом, явно не предусмотрена дополнительная помощь производителям органической продукции.

Вопрос инвестирования в развитие органической продукции в России пока не налажен. Европейские производители заинтересованы в сотрудничестве с российскими производителями. Ввиду того что контроль за импортной продукцией из стран, не входящих в Евросоюз, а также вследствие введения экономических санкций, серьезно усилился, импортеры обязаны систематически предоставлять продукцию на анализы, прежде чем товар попадет на европейский рынок. Европейский инвестор боится выходить на российский рынок. Поэтому российские сельхозпроизводители самостоятельно ведут отбор заказчиков органической продукции или в партнерстве с Союзом органического земледелия. Несомненно в данном вопросе поддержку также должно оказывать государство.

В ряде стран существуют программы поддержки трансфера традиционных сельхозтоваропроизводителей в органические, например в США, включающие в себя частичную компенсацию затрат на сертификацию, финансовую поддержку на единицу обрабатываемой площади / единицу готовой продукции на период конверсии, компенсационную поддержку в виде снижения налоговых платежей на сохранение окружающей среды, поощрительную поддержку на использование методов увеличения биологического разнообразия [20]. Если государство заинтересовано в реализации экспорта органической продукции, оно должно компенсировать часть расходов на логистику, затраты на получение сертификата, на маркетинг и продвижение национальной органической продукции, возможно при этом снизить налоговые платежи. Для того чтобы государство выделяло финансовую поддержку производителям органических продуктов, необходимо было принятие федерального закона об органическом сельском хозяйстве. Так как федеральный закон вступит в силу только в 2020 г. и пока непонятно, в каком объеме и формате будет осуществляться государственная поддержка в рамках статьи 9, хотелось бы отметить несколько аспектов, на которые государство должно обратить внимание.

В органическом производстве производители используют только органические удобрения. Таким образом, на начальных этапах перехода с традиционного ведения сельского хозяйства на органическое государство должно оказывать поддержку фермерам за счёт компенсаций его затрат на

приобретение органического удобрения. Также в вопросе с соблюдением правильного севооборота. Если государство будет предоставлять премии фермерам, соблюдающим правильно подобранный, рекомендуемый в органическом земледелии севооборот, то и у фермеров появится мотивация для развития органического сельского хозяйства. На начальном этапе, особенно в переходном периоде, производительность в органическом хозяйстве может быть ниже, чем в традиционном. Вследствие использования органических удобрений производители в будущем могут получить меньший урожай, чем при ведении традиционного сельского хозяйства. Следовательно, необходимой считается государственная поддержка в переходном периоде в виде компенсаций за недополученный урожай. Также при ведении органического земледелия обязательным требованием является применение органического семенного материала. Государство должно вести субсидирование на возмещение затрат на приобретение органических семян в размере равном либо более, но не менее, чем размер ставок субсидий на приобретение элитных семян.

Государство предусмотрело точечную помощь в обеспечении селекционно-генетического ядра производства в регионах, где имеются благоприятные условия для ведения органического сельского хозяйства, к примеру, реализуется ряд межгосударственных программ в рамках союзных государств Россия – Беларусь по инновационному развитию картофеля и топинамбура [21].

Государство должно субсидировать часть затрат сельхозпроизводителей на производство органической продукции в размере: при выращивании овощных культур – 20 тыс. руб. / га, зерновых и зернобобовых культур – 8 тыс. руб. / га, фруктов и винограда – 10 тыс. руб. / га [14, С.15]. Необходимо субсидирование части затрат сельхозпроизводителей на проведение микробиологического и агрохимического анализа почв, предназначенных для выращивания органической сельскохозяйственной продукции.

Рынок производителей органической продукции представлен в основном мелким или средним бизнесом, поэтому у многих начинающих предпринимателей на органическом рынке ограниченные денежные ресурсы. Фермер, который выходит на рынок с органической продукцией, должен подтверждать ее статус с помощью соответствующего сертификата. Без прохождения процесса сертификации производитель не сможет дать своей продукции статус органической и продавать ее с добавленной стоимостью. Однако работы по оценке соответствия деятельности предприятия требованиям органических стандартов – одни из самых дорогостоящих в области сертификации, что может послужить отказом многих фермеров от ведения органического производства. Если государство будет субсидировать примерно 50 % затрат на сертификацию производства, у фермеров появится шанс успешно развивать свой бизнес. К примеру, в США в переходный период государство оказывает поддержку производителям органической продукции в виде компенсации более 70 % затрат на покупку удобрений, прохождения сертификации, а также на маркетинговые услуги фермеров.

Многие фермеры, которые начали вести органическое сельское хозяйство, недостаточно компетентны в вопросах маркетинга, инвестирования и организации логистики для своей продукции. Получение необходимого образования в области органического производства считается одним из приоритетных факторов развития. Производители должны проходить определенное обучение, участвовать в выставках органической продукции как в России, так и за ее пределами. От государства необходима помощь в организации обучения, выставок и в выезде на эти выставки. Многие европейские инвесторы и заинтересованные в организации экспорта компании узнают о фермерах органической продукции только на выставках.

В 2020 г. федеральный закон об органическом сельском хозяйстве вступит в силу, и, возможно, при реализации данного закона государство могло бы предложить инициативу для производителей в виде государственного заказа на поставку органических продуктов. Государственный заказ на обеспечение бюджетных медицинских и образовательных учреждений органической продукции весьма повысил бы рентабельность данного сектора. К примеру, в Армении, Молдове, Швейцарии органическое сельское хозяйство развивается за счет государственного заказа.

Предложенные размеры поддержки органического производства сопоставимы с уровнем поддержки в ЕС. Таким образом, субсидирование на развитие органической отрасли России потребует от государства привлечения дополнительных бюджетных и инвестиционных средств.

Заключение. Поддержка производства органической сельскохозяйственной продукции со стороны государства должна предусматривать прямое и косвенное содействие в соответствии с требованиями зеленой корзины. Развитие органической отрасли России необходимо рассматривать как комплексное развитие всего АПК в контексте зеленой экономики.

Необходимо придерживаться органических методов хозяйствования, т. е. государство должно уделить внимание аспекту вовлечения в оборот неиспользуемых залежных плодородных земель. Использование технологий, дающих возможность получать органическую продукцию, не должно нарушать естественного функционирования окружающей среды. Государственная политика в агропромышленном секторе не должна выходить за рамки зеленой корзины. Таким образом, косвенная поддержка может быть представлена в виде помощи в прохождении сертификации органической продукции, проведении лабораторных исследований, информационно-консультационных услуг, финансировании научных разработок, страховании, проведении мероприятий по восстановлению и повышению плодородия почв, охране окружающей среды. Согласно требованиям ВТО, объемы данной поддержки неограниченны.

Для расширения масштабов развития органического сельского хозяйства потребуется значимая финансовая поддержка государства, которая использовалась во всех странах, где органическое сельское хозяйство стало заметным явлением. Поэтому каждый регион, принимая решение о расширении органического сельского хозяйства, должен тщательно просчитать возможности и источники реальной поддержки.

Библиографический список

1. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения [Электронный ресурс] Минсельхоз России. М. 2013. 62 с. Режим доступа mcx.ru/documents/file_document/v7_show/25792.133.html.
2. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 "О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.
3. Приказ 524 от 19.10.2017 «об утверждении программ продвижения и увеличения объемов экспорта отдельных видов продукции агропромышленного комплекса, в том числе продукции микро-, малых и средних предприятий АПК».
4. Проект концепции разработки мер поддержки отечественных производителей и переработчиков сельскохозяйственной продукции на основе механизмов внутренней продовольственной помощи в рамках «зеленой корзины» ВТО // http://www.mcx.ru/documents/file_document/show/23336.htm.
5. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013-2020 годы: постановление Правительства РФ от 14.07.2012 № 717.
6. Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. N 280-ФЗ Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/33058.html/>
7. Jespersen, L.M., Baggesen, D.L., Fog, E. Contribution of organic farming to public goods in Denmark // *Organic Agriculture*. 2017. P.243-246
8. Stefan Mann *Agricultural Markets // Socioeconomics of Agriculture*. 2018. P 41-64
9. *Organic agricultural land by country share of total agricultural land.*:URL: <http://www.organicworld.net>
10. Roos, E., Mie, A., Wivstad, M. Risks and opportunities of increasing yields in organic farming. A review // *Agronomy for Sustainable Development*. 2018. P. 14.
11. Абдимолдаева Н. К. Поддержка сельского хозяйства в странах-членах ВТО и интеграция аграрных рынков стран Таможенного союза в мировую экономическую систему // *Евразийская экономическая интеграция*. 2010. № 2(7). С. 61-72
12. Донник И. М., Воронин Б. А. *Аграрный вестник Урала* №1 (143) 2016. С. 77-81.
13. Буклет *Сельское хозяйство России* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mcx.ru/navigation/page/show/205.htm>
14. Мирончук В. А. Государственное регулирование органического земледелия: состояние и тенденции развития в России/ *Научный журнал КубГАУ*, №112(08), 2015 -22 С.
15. Крылатых Э. Н., Строкова О. Г. Аграрные аспекты вступления стран СНГ в ВТО // *Научные труды ВИАПИ*. Вып. 6. М.: ЭРД, 2002.
16. Кундиус В. А. Организационно – экономические предпосылки развития органического сельского хозяйства в условиях вступления России в ВТО/ *Вестник Алтайского государственного аграрного университета* № 6 (116), 2014- С.140-145
17. Парахин Н. В. Прока Н.И. Адаптация механизма государственной поддержки аграрного сектора России // *Вестник ОрелГау*. 2012 № 5 (38) С. 2-10
18. Родионова И. А. Адаптация мер государственной поддержки сельского хозяйства России к требованиям Всемирной торговой организации // *Приоритеты России* 41 (230)-2013- С. 8-15
19. Фролова Н. С. *Сельское хозяйство в условиях участия России в ВТО: Состояние, проблемы, перспективы*// *Агроэкономика*. 2014 №15 – С. 312-315

20. Союз органического земледелия совместно с Министерством сельского хозяйства РФ, ФГБУ «Рос-сельхозцентр», ФГБОУ ДПО «Федеральный центр сельскохозяйственного консультирования и переподготовки кадров АПК», ФГБНУ «ВНИИ биологической защиты растений» «Исследование рынка органического сельского хозяйства и биологизации сельского хозяйства»/Москва-140 с.

21. Цимбалист А. В., Патласов О. Ю. Инновационное развитие производства картофеля и топинамбура // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий, – №2. – 2016. С . 52-56) - Режим доступа: <http://www.eshpp.ru/j2016-2.html>

D. S. Samenbetova,
Postgraduate, Department of Commerce, Marketing and Advertising,
Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
e-mail: dilya-dana@mail.ru

O. Yu. Patlasov,
Doctor of Economics, Professor, Chief Specialist
of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education K.G. Razumovski
Moscow State University of Technologies and Management,
Vice-rector of the Omsk Humanitarian Academy,
2a 4th Cheluskintsev st., Omsk, 644105, Russian Federation
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2015-1474>
Scopus Author ID: 56437696900
e-mail: opatlasov@mail.ru

ORGANIC AGRICULTURE IN THE CONTEXT OF RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE WTO: ANALYSIS, PROBLEMS AND PROSPECTS

Introduction. In the context of Russia's accession to the World Trade Organization, issues of socio-economic evaluation of the effectiveness of organic agriculture and the development of organic production are becoming topical. In the process of research, the need to develop an algorithm for state support of domestic agricultural producers of organic products within the framework of the green basket of WTO is indicated.

Materials and Methods. In the process of research, general scientific methods of cognition of socio-economic phenomena and processes were used: logical, analytical methods, classification, systematic and integrated approaches, methods of synthesis and comparative analysis.

The results of the study consist in the fact that Russia uses only partially its capabilities in the field of agricultural development, including the production of organic food products, in the conditions of the country's accession to the WTO, the state has enormous export potential in the form of unused fallow fertile land.

Conclusion. The authors came to the conclusion that the indirect support of the state in the framework of the green basket can be represented in the form of organizing certification of organic products, carrying out laboratory research, financing scientific research, carrying out measures to restore and improve soil fertility, and environmental protection.

Keywords: market of organic products, agriculture, agribusiness, green economy, World Trade Organization, state regulation, subsidizing, green basket

References

1. Report on the state and use of agricultural land [Electronic resource] / Ministry of Agriculture of Russia. M. 2013. 62 p. Available at: mcx.ru/documents/file_document/v7_show/25792.133.htm. (accessed 31.01.2019). (In Russian).
2. Resolution of the Government of the Russian Federation from July 14, 2012 N 717 "On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets for 2013 - 2020". (In Russian).
3. Order 524 of 10/19/2017 "On approval of programs for promoting and increasing the export of certain types of products of the agro-industrial complex, including products of micro, small and medium-sized enterprises of the agro-industrial complex".
4. The draft concept of developing measures to support domestic producers and processors of agricultural products based on the mechanisms of domestic food aid in the framework of the WTO's green basket // http://www.mcx.ru/documents/file_document/show/23336.htm. (accessed 31.01.2019). (In Russian).
5. On the State Program for the Development of Agriculture and Regulation of Agricultural Products, Raw Materials and Food Markets for 2013-2020: Decree of the Government of the Russian Federation of July 14, 2012 No. 717.

6. Federal Law on Organic Products and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation - [Electronic resource]: Access Mode: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/33058.html/> (accessed 12.02.2019). (In Russian).
7. Jespersen, L.M., Baggesen, D.L., Fog, E. Contribution of organic farming in Denmark // *Organic Agriculture* 2017, pp. 243-246.
8. Stefan Mann Agricultural Markets // *Socioeconomics of Agriculture* - 2018- pp. 41-64.
9. Agricultural land. Country land: <http://www.organicworld.net> (accessed 12.02.2019).
10. Roos, E., Mie, A., Wivstad, M. Risks and opportunities for increasing organic farming. A review // *Agronomy for Sustainable Development*. 2018, pp. 14.
11. N.K. Abdimoldaeva Support for agriculture in the WTO member countries and the integration of the agricultural markets of the countries of the Customs Union into the world economic system // *Eurasian Economic Integration*. 2010. № 2 (7), pp. 61-72 (In Russian).
12. Donnik IM, Voronin B.A. *Agrarian Bulletin of the Urals* №1 (143) 2016. pp. 77-81.
13. Booklet *Agriculture of Russia*. Available at: <http://www.mcx.ru/navigation/page/show/205.htm>. (accessed 12.02.2019). (In Russian).
14. Mironchuk V. A. State regulation of organic farming: state and development trends in Russia / *Scientific journal KubGAU*, №112 (08), 2015 22 P. (In Russian).
15. Krylatykh E.N., Strokova O.G. *Agrarian Aspects of the Accession of the CIS Countries to the WTO* // *Scientific Works of the VIAPU*. Issue 6. M.: ERD, 2002. (In Russian).
16. Kundius V.A. Organizational - economic prerequisites for the development of organic agriculture in the context of Russia's accession to the WTO / *Bulletin of the Altai State Agrarian University* No. 6 (116), 2014- P.140-145. (In Russian).
17. Parahin N.V. Proka N.I. Adaptation of the mechanism of state support for the agrarian sector of Russia // *Vestnik OrelGau*. 2012 № 5 (38) p. 2-10. (In Russian).
18. Rodionova I.A. Adaptation of measures of state support of agriculture of Russia to the requirements of the World Trade Organization // *Priorities of Russia* 41 (230). 2013, pp. 8–15.
19. N.S. Frolova *Agriculture in the conditions of Russia's participation in the WTO: Status, problems, and prospects* // *Agroeconomics*. 2014 №15 - P. 312-315. (In Russian).
20. The Union of Organic Agriculture in cooperation with the Ministry of Agriculture of the Russian Federation, FSBE "Rosselkhoztsentr", FSBE DPO "Federal Center for Agricultural Consulting and Retraining of Personnel of the Agro-Industrial Complex", FSBI "VNIИ of Plant Biological Protection" "Market research on organic agriculture and agricultural biologization" / Moscow -140 s. (In Russian).
21. Zimbalist A.V., Patlasov O.Yu. *Innovative Development of Potato and Jerusalem Artichoke*// *Economy of agricultural and processing enterprises*, №2. 2016. С . 52-56) Режимдоступа: <http://www.eshpp.ru/j2016-2.html>

Поступила в редакцию 26.02.2019

© Д. С. Саменбетова, О. Ю. Патласов, 2019

Авторы статьи:

Дилара Сергалиевна Саменбетова, аспирант кафедры коммерции, маркетинга и рекламы, Омская гуманитарная академия, 644105, 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: dilya-dana@mail.ru

Олег Юрьевич Патласов, доктор экономических наук, профессор, Сибирский казачий институт технологий и управления (филиал) МГУТУ им. К.Г. Разумовского, 644010, Омск, ул. Пушкина, 63; проректор по международной деятельности, Омская гуманитарная академия, 644105, ул. 4-я Челюскинцев, 2а, e-mail: opatlasov@mail.ru

Рецензенты:

А. П. Науанова, доктор биологических наук, профессор кафедры почвоведения и агрохимии Казахского агротехнического университета им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Республика Казахстан.

М. А. Сарсенбаев, профессор, председатель Ассоциации Халал Индустрии Казахстана, автор всех стандартов «Халал» в РК, генеральный директор Малазийско-Казахстанской международной компании Malkazh Ventures Private Limited, директор Kazakhstan International Halal Industry, эксперт-аудитор по сертификации продукции и СМК (система менеджмента качества), Нур-Султан, Республика Казахстан

ПАМЯТИ ИРИНЫ ВЯЧЕСЛАВОВНЫ КАРТАШОВОЙ

28 февраля 2019 года ушла из жизни доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, заслуженный работник высшей школы РФ и почётный профессор ТвГУ, член редакционного совета журнала «Наука о человеке: гуманитарные исследования» Ирина Вячеславовна Карташова.

Ирина Вячеславовна – один из самых ярких представителей российской филологической науки, ученый, признанный в России и за рубежом, И. В. Карташова была видным исследователем эстетики и поэтики романтизма, она возглавляла научную школу «Романтизм и его исторические судьбы», руководила единственным в нашей стране научно-исследовательским центром комплексного изучения проблем романтизма. С завидной последовательностью под редакцией доктора филологических наук, профессора И. В. Карташовой выходили труды, подготовленные центром, – «Мир романтизма» и «Романтизм: грани и судьбы» – это огромная работа, соизмеримая с деятельностью целого научного института.

Окончив школу с медалью, И. В. Карташова поступила на историко-филологический факультет Казанского государственного университета. Получив диплом с отличием, работала школьным учителем, а с 1961 г. – ассистентом кафедры литературы Казанского университета. Ирина Вячеславовна поступила в заочную аспирантуру и в 1964 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Идейно-художественное своеобразие романа А. Ф. Писемского “Тысяча душ”».

В 1959 г. возглавить кафедру литературы Казанского университета был приглашен известный учёный Н. А. Гуляев. Он предложил сотрудникам кафедры объединиться вокруг одной научной темы – теории и истории романтизма в русской и зарубежной литературе. Так возник коллектив казанских «романтиков» и образовалась «гуляевская школа», вскоре получившая широкую известность и признание в российских и зарубежных научных кругах.

Ирина Вячеславовна восприняла новое направление кафедры с особым энтузиазмом. Такие романтические ценности, как нравственный максимализм, гуманизм, проповедь любви, милосердия, бескомпромиссная верность идеалу, всегда были близки её духовному складу.

В 1972 г. Н. А. Гуляев, приняв приглашение руководства только что открывшегося Калининского (в будущем Тверского) университета, переехал в Калинин. За ним последовали наиболее близкие его ученики, среди которых была И. В. Карташова.

В Тверском государственном университете И. В. Карташова работала на кафедрах зарубежной литературы, теории литературы, истории русской литературы. В 1986–1987 гг. она заведовала кафедрой теории литературы, а в 1987–1991 гг. – кафедрой истории русской литературы. К тем курсам, которые она читала в Казанском университете (история русской литературы первой и второй трети XIX в.), в ТвГУ добавилась история зарубежной литературы конца XVIII – первой и второй половины XIX в. и спецкурсы (введение в теорию и историю романтизма, художественный мир романтизма, международные связи эпохи романтизма, Н. В. Гоголь и романтизм). Вокруг Ирины Вячеславовны сразу образовалась

группа студентов, желающих работать в её семинаре, писать курсовые и дипломные работы под её руководством. Все они были пленены человеческим обаянием и глубокими знаниями молодого доцента, неповторимой манерой чтения лекций и ведения семинаров. Лекции по романтизму её приглашали читать и в другие вузы, русские и зарубежные: Марийский, Запорожский, Братиславский университеты.

За 55 лет своей научной и педагогической деятельности Ирина Вячеславовна подготовила не одно поколение филологов, которые успешно трудятся во многих городах России. Ирина Вячеславовна всегда щедро делилась своими научными идеями и педагогическим искусством со всеми, кто избрал путь филолога и педагога. Под руководством И. В. Карташовой подготовлено и защищено 33 кандидатских и 2 докторские диссертации, с 1995 г. она была председателем диссертационного совета в Тверском государственном университете (сначала кандидатского, затем докторского). В 1996 г. И. В. Карташова получила звание Почетного профессора Тверского университета, в 2003-м – почетное звание «Заслуженный работник Высшей школы РФ», награждена медалью за заслуги в развитии Тверского университета.

Память об Ирине Вячеславовне Карташовой, крупнейшем учёном-филологе нашего времени, чьи книги навсегда вошли в научный фонд отечественной и мировой науки, сохранится в умах и сердцах коллег.

Редакционная коллегия